This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 81 400

REESE LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Class No.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографіею Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

REESE LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

886
G613
1900
v.10-12

Типография А. Ф. Маркса, Измайлов: просп., 29.

PG, 323
A1
1900
V.
MAIN

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

110554

ЖИЗНЬ.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ.

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ на него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Нилomъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушаемая тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Грецiя. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ; мраморъ страстный дышитъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ остановился въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія мелькаютъ, перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выги-

бающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: «Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе».

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! мчись на колесницѣ, искусно правя конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія!»

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ

самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь, наконецъ, небо».

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...

1831.

ШЛЕЦЕРЪ, МИЛЛЕРЪ и ГЕРДЕРЪ.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ были великіе зодчіе всеобщей исторіи. Мысль о ней была ихъ любимою мыслью и не оставляла ихъ во все время разнообразнаго ихъ поприща. Шлецеръ, можно сказать, первый почувствовалъ идею объ одномъ великомъ цѣломъ, объ одной единицѣ, къ которой должны быть приведены и въ которую должны слиться всѣ времена и народы. Онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ обнять весь міръ, все живущее. Казалось, какъ будто бы онъ силился имѣть сто аргусовыхъ глазъ, для того, чтобы разомъ видѣть сбывающееся во всѣхъ отдаленныхъ углахъ міра. Его слогъ — молнія, почти вдругъ блещущая то тамъ, то здѣсь, и освѣщающая предметы на одно мгновеніе, но зато въ ослѣпительной ясности. Я не знаю, исполнилъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ то, что рѣзко показывалъ другимъ; но по крайней мѣрѣ никто такъ сильно не пораженъ былъ самъ своимъ предметомъ, какъ онъ. Онъ имѣлъ достоинство въ высшей степени сжимать все въ малообъемный фокусъ и двумя, тремя яркими чертами, часто даже однимъ эпитетомъ, обозначать вдругъ событіе и народъ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодомъ одной счастливой минуты, одного внезапнаго вдохновенія, и такъ исполнены рѣзкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на умъ опредѣлившему себя на долгое, глубокое изслѣдованіе, выключая только, если этотъ

изслѣдователь будетъ самъ Шлецеръ. Онъ не былъ историкъ, и я думаю даже, что онъ не могъ быть историкомъ. Его мысли слишкомъ отрывисты, слишкомъ горячи, чтобы улечься въ гармоническую, стройную текучесть повѣствованія. Онъ анализировалъ міръ и всѣ отжившіе и живущіе народы, а не описывалъ ихъ; онъ разсѣкалъ весь міръ анатомическимъ ножомъ, рѣзалъ и дѣлилъ на массивныя части, располагалъ и отдѣлялъ народы такимъ же образомъ, какъ ботаникъ распредѣляетъ растенія по извѣстнымъ ему признакамъ. И оттого начертаніе его исторіи, казалось бы, должно быть слишкомъ скелетнымъ и сухимъ; но, къ удивленію, все у него сверкаетъ такими рѣзкими чертами, могущественный ударъ его глаза такъ вѣренъ, что, читая этотъ сжатый эскизъ міра, замѣчаешь съ изумленіемъ, что собственное воображеніе горитъ, расширяется и дополняетъ все по такому же самому закону, который опредѣлилъ Шлецеръ однимъ всемогущимъ словомъ; иногда оно стремится еще далѣе, потому что ему указана смѣлая дорога. Будучи однимъ изъ первыхъ, тревожимыхъ мыслью о величіи и истинной цѣли всеобщей исторіи, онъ долженствовалъ быть непремѣнно геніемъ оппозиціоннымъ. Это положеніе сообщило ему сильную энергію, жаръ и даже досаду на близорукость предшественниковъ, прорывающіеся очень часто въ его сочиненіяхъ. Онъ уничтожаетъ ихъ однимъ громовымъ словомъ, и въ этомъ одномъ словѣ соединяется и наслажденіе, и сардоническая усмѣшка надъ пораженнымъ, и вмѣстѣ несокрушимая правда; его, справедливѣе нежели Канта, можно назвать всесокрушающимъ. Всегда почти дѣйствующіе въ оппозиціонномъ духѣ слишкомъ увлекаются своимъ положеніемъ и въ энтузіастическомъ порывѣ держатся только одного правила — противорѣчить всему прежнему. Въ этомъ случаѣ нельзя упрекнуть Шлецера: германскій духъ его сталъ неколебимъ на своемъ мѣстѣ. Онъ— какъ строгій, всезрящій судія; его сужденія рѣзки, коротки и справедливы. Можетъ-быть, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что я говорю о Шлецерѣ, какъ о великомъ зодчемъ всеобщей исторіи, тогда какъ его мысли и труды по этой части улеглись въ небольшой книжкѣ, изданной имъ для студентовъ; но эта маленькая книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ, читая которыя, кажется, читаешь цѣлые томы; ее можно сравнить съ небольшимъ окошкомъ, сквозь кото-

рое, приставивши къ нему ближе глазъ, можно увидѣть весь міръ. Онъ вдругъ осѣняетъ свѣтомъ и показываетъ, какъ нужно понять, и тогда самъ собою, наконецъ, видишь все.

Миллеръ представляетъ собою историка совершенно въ другомъ родѣ. Спокойный, тихій, размышляющій, онъ представляетъ противоположность Шлецеру. Онъ съ какою-то очаровательною, особенною любовью предается своему предмету. Его слогъ не блеститъ тѣмъ рѣзкимъ отличіемъ, какимъ означенъ слогъ Шлецера; нѣтъ тѣхъ порывовъ, того мѣткаго лаконизма, какимъ исполненъ Шлецеръ. Онъ не схватываетъ вдругъ, однимъ взглядомъ всего и не сжимаетъ его мощною рукою; но онъ изслѣдываетъ все, находящееся въ мірѣ, спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспѣшности, съ какою выражается авторъ, опасающійся, чтобы у него не перехватилъ кто-нибудь мысли и не предупредилъ его. Слово «изслѣдованіе» весьма идетъ къ его стилю; его повѣствованіе именно изслѣдовательное. Какъ человѣкъ государственный, онъ болѣе всего занимается изложеніемъ формъ правленія и законовъ существующихъ и минувшихъ государствъ; но онъ не предпочитаетъ эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно въ тѣни всѣ другія, къ чему способенъ бываетъ историкъ односторонній и чего не могъ избѣжать и Геренъ; напротивъ того, онъ обращаетъ вниманіе и на все сопредѣльное. Все, что не ясно въ исторіи, что менѣе разоблачено, все это болѣе другого подвергается его изслѣдованію. Замѣтно даже, что онъ охотнѣе занимается временами первобытными и вообще тѣми эпохами, когда народъ еще не былъ подверженъ образованности и порокамъ, сохранялъ свои простые нравы и независимость. Это время изображаетъ онъ съ ясною подробностію, съ тихимъ жаромъ, какъ будто позабываясь и воображая видѣть себя среди своихъ добрыхъ швейцарцевъ. Главный результатъ, царствующій въ его исторіи, есть тотъ, что народъ тогда только достигаетъ своего счастія, когда сохраняетъ свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Вездѣ въ немъ видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь къ свободѣ проникаютъ все его твореніе. Мысль о единствѣ и нераздѣльной цѣлости не служитъ такою цѣлью, къ

которой бы явно устремлялось его повѣствованіе; онъ даже никогда не говоритъ о немъ, но единство чувствуется въ цѣломъ твореніи, несмотря на то, что онъ, кажется, забываетъ вовсе дѣла всего міра, занявшись однимъ народомъ. Исторія его не состоитъ изъ непрерывной движущейся цѣпи происшествій; драматическаго искусства въ немъ нѣтъ; вездѣ виденъ размышляющій мудрецъ. Онъ не высказываетъ слишкомъ ярко своихъ мыслей: онѣ у него таятся такъ скромно, иногда въ такомъ незамѣтномъ уголкѣ, что неищущій не найдетъ ихъ никогда; но за то онѣ такъ высоки и глубоки, что открывшему ихъ открывается, по выраженію Вагнера въ «Фаустѣ», на землѣ небо. Этотъ скромный, незамѣтный слогъ его и отсутствіе ослѣпляющей яркости производитъ въ душѣ невольное сожалѣніе: чрезъ него Миллеръ очень мало извѣстенъ, или, лучше сказать, не такъ извѣстенъ, какъ долженъ бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о исторіи и способные къ тонкому развитію могутъ только вполнѣ понимать его; другимъ же онъ кажется легкимъ и неглубокомысленнымъ.

Гердеръ представляетъ совершенно отличный образъ воззрѣнія. Онъ видитъ уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощаетъ осязательныя формы. Вездѣ онъ видитъ одного человѣка, какъ представителя всего человѣчества. Онъ выпытываетъ глубоко, вдохновенно, какъ браминъ природы, — названіе, которое придаютъ ему нѣмцы. У него крупнѣе группируются событія, его мысли всѣ высоки, глубоки и всемірны. Онѣ у него являются мало соединенными съ видимою природою и какъ будто извлеченными изъ одного только чистаго ея горнила. Оттого онѣ у него не имѣютъ исторической осязательности и видимости. Если событіе колоссально и заключается въ идеѣ,—оно у него развертывается все, со всѣми своими сокровенными явленіями; но если слишкомъ коснулось жизни и практическаго, оно у него не получаетъ опредѣленнаго колорита. Если онъ нисходитъ до самыхъ лицъ и до дѣятелей исторіи, они у него не такъ ярки, какъ общія группы, они принимаютъ слишкомъ общую физіогномію; они у него или добрые, или злые; всѣ безчисленные оттѣнки характеровъ, все смѣшеніе и разнообразіе качествъ, познаніе которыхъ достается въ удѣлъ взирающему съ недовѣрчивостію на другихъ, всѣ эти оттѣнки у него исчезли. Онъ мудрецъ

въ познаніи идеальнаго человѣка и человѣчества, но младенецъ въ познаніи человѣка, по весьма естественному ходу вещей, какъ всегда мудрецъ бываетъ великъ въ своихъ мысляхъ и невѣжа въ мелочныхъ занятіяхъ жизни. Какъ поэтъ, онъ выше Шлецера и Миллера. Но, какъ поэтъ, онъ все создаетъ и перевариваетъ въ себѣ, въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, полный одного высшаго откровенія, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырывается часто изъ низкой и презрѣнной жизни, или оно вызывается натискомъ тѣхъ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ явленій, которыя безпрестанно пестрятъ жизнь человѣческую, и которыхъ познаніе рѣдко дается отвлеченному отъ жизни мудрецу. Стиль его, болѣе нежели у кого другого, исполненъ живописи и широкаго размѣра, потому что онъ поэтъ и этимъ рѣзко отличается отъ Миллера, философа-законодателя, всегда спокойнаго и размышляющаго, и Шлецера, философа-критика, всегда почти рѣзкаго и недовольнаго.

Мнѣ кажется, что если бы глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединить съ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскательною, расторопною мудростію Миллера, тогда бы вышелъ такой историкъ, который бы могъ написать всеобщую исторію. Но при всемъ томъ, ему бы еще много кое-чего недоставало; ему бы недоставало высокаго драматическаго искусства, котораго не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумѣю, однакожъ, подъ словомъ «драматическаго искусства», не то искусство, которое состоитъ въ умѣніи вести разговоръ, но въ драматическомъ интересѣ всего творенія, который сообщилъ бы ему неодолимую увлекательность, тотъ интересъ, который иногда дышитъ въ историческихъ отрывкахъ Шиллера, особенно въ *Тридцатилѣтней войнѣ*, и которымъ отличается почти всякое немногосложное происшествіе. Но я бы къ этому присоединилъ еще въ нѣкоторой степени занимательность разсказа Вальтеръ-Скотта и его умѣніе замѣчать самые тонкіе оттѣнки; къ этому присоединилъ бы шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ, и тогда бы, мнѣ кажется, составился такой историкъ, какого требуетъ всеобщая исторія. Но до того

времени Миллеръ, Шлецеръ и Гердеръ долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много освѣтили всеобщую исторію, и если въ нынѣшнее время мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, то этимъ обязаны имъ однимъ.

1832.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

ПОВѢСТЬ.

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица-красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго проспекта. Не только кто имѣетъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакиваютъ бѣлые волоса и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго проспекта. А дамы! О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому же онъ не пріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое-нибудь нужное, необходимое дѣло, но, взошедши на него, вѣрно, позабудешь о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человѣкъ, встрѣченный на Невскомъ проспектѣ, менѣе эгоистъ, нежели въ Морской, Гороховой, Литейной, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность, и корысть, и надобность выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь житель Петербургской или Выборгской части, нѣсколько лѣтъ не бывавшій у своего пріятеля на Пескахъ или у Московской заставы, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтится съ нимъ непремѣнно. Ника-

кой адресъ-календарь и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогущій Невскій проспектъ! Единственное развлеченіе бѣднаго на гулянья Петербурга! Какъ чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ногъ оставляетъ на немъ слѣды свои! И неуклюжій грязный сапогъ отставного солдата, подъ тяжестію котораго, кажется, трескается самый гранитъ, и миніатюрный, легкій, какъ дымъ, башмачокъ молоденькой дамы, оборачивающей свою головку къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля исполненнаго надеждъ прапорщика, проводящая по немъ рѣзкую царапину, — все вымещаетъ на немъ могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на немъ фантасмагорія въ теченіе одного только дня! Сколько вытерпитъ онъ перемѣнъ въ теченіе однѣхъ сутокъ! Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда весь Петербургъ пахнетъ горячими, только-что выпеченными хлѣбами и наполненъ старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающими свои наѣзды на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ. Тогда Невскій проспектъ пустъ: плотные содержатели магазиновъ и ихъ комми еще спятъ въ своихъ голландскихъ рубашкахъ или мылятъ свою благородную щеку и пьютъ кофе; нищіе собираются у дверей кондитерскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, летавшій вчера, какъ муха, съ шоколадомъ, вылѣзаетъ съ метлой въ рукѣ, безъ галстука, и швыряетъ имъ черствые пироги и объѣдки. По улицамъ плетется нужный народъ: иногда переходятъ ее русскіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ обмыть. Въ это время обыкновенно неприлично ходить дамамъ, потому что русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ онѣ, вѣрно, не услышатъ даже въ театрѣ. Иногда сонный чиновникъ проплетется съ портфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ. Можно сказать рѣшительно, что въ это время, т.-е. до 12 часовъ, Невскій проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли, онъ служитъ только средствомъ: онъ постепенно наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о немъ. Русскій му-

жикъ говоритъ о гривнѣ или о семи грошахъ мѣди, старики и старухи размахиваютъ руками или говорятъ сами съ собою, иногда съ довольно разительными жестами, но никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, выключая только развѣ мальчишекъ въ пестрядевыхъ халатахъ, съ пустыми штофами или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ молніями по Невскому проспекту. Въ это время, что бы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже, вмѣсто шляпы, картузъ былъ у васъ на головѣ, хотя бы воротнички слишкомъ далеко высунулись изъ вашего галстука,—никто этого не замѣтитъ.

Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе Джонсы и французскіе Коки идутъ подъ-руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссъ и розовыя мадмуазели, идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднять нѣсколько лѣвое плечо и держаться прямѣе; короче сказать, въ это время Невскій проспектъ — педагогическій Невскій проспектъ. Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернантокъ, педагоговъ и дѣтей: они, наконецъ, вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ-руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало-по-малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно важныя домашнія занятія, какъ-то: поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьи лошадей и дѣтей своихъ, впрочемъ, показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ, выпившіе чашку кофею и чаю; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Къ нимъ присоединяются и тѣ, которые служатъ въ иностранной коллегіи и отличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ! Боже, какія есть прекрасныя должности и службы! какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ

душу! Но, увы, я не служу и лишенъ удовольствія видѣть тонкое обращеніе съ собою начальниковъ. Все, что̀ вы ни встрѣтите на Невскомъ проспектѣ, все исполнено приличія: мужчины въ длинныхъ сюртукахъ съ заложенными въ карманы руками, дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдно-голубыхъ атласныхъ рединготахъ и щегольскихъ шляпкахъ. Вы здѣсь встрѣтите бакенбарды, единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстукъ, бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя, какъ соболь или уголь, но, увы! принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ Провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія. Здѣсь вы встрѣтите усы чудные, никакимъ перомъ, никакою кистью неизобразимые; усы, которымъ посвящена лучшая половина жизни, предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи; усы, на которые излились восхитительнѣйшіе духи и которыхъ умастили всѣ драгоцѣннѣйшіе и рѣдчайшіе сорты помадъ; усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою; усы, къ которымъ дышитъ самая трогательная привязанность ихъ поссессоровъ, и которымъ завидуютъ проходящіе. Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельницъ, ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, какъ будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія, таліи никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтясь съ которыми, вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь, отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ! Ахъ, какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ что дама вдругъ бы поднялась на воздухъ, если бы не поддерживалъ ее мужчина; потому что даму такъ же легко и пріятно поднять на воздухъ, какъ подносимый ко рту бо-

калъ, наполненный шампанскимъ. Нигдѣ при взаимной встрѣчѣ не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь вы встрѣтите улыбку единственную, улыбку — верхъ искусства, иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія, иногда такую, что вы увидите себя вдругъ ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго шпица и поднимете ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ или о погодѣ съ необыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Тутъ вы встрѣтите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создатель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ! Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши и, если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но, однакоже, ничуть не бывало: они большею частію служатъ въ разныхъ департаментахъ, многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое; или же—люди, занимающіеся прогулками, чтеніемъ газетъ по кондитерскимъ,—словомъ, большею частію все порядочные люди. Въ это благословенное время отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни, которое можетъ назваться движущеюся столицею Невскаго проспекта, происходитъ главная выставка всѣхъ лучшихъ произведеній человѣка. Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой—греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая — ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой—галстукъ, возбуждающій удивленіе, осьмой — усы, повергающіе въ изумленіе. Но бьетъ три часа—и выставка оканчивается, толпа рѣдѣетъ... Въ три часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ настаетъ весна: онъ покрывается весь чиновниками въ зеленыхъ вицмундирахъ. Голодные титулярные, надворные и прочіе совѣтники стараются всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари спѣшатъ еще воспользоваться временемъ

и пройтиться по Невскому проспекту съ осанкою, показывающею, что они вовсе не сидѣли 6 часовъ въ присутствіи. Но старые коллежскіе секретари, титулярные и надворные совѣтники идутъ скоро, потупивши голову: имъ не до того, чтобы заниматься разсматриваніемъ прохожихъ; они еще не вполнѣ оторвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлый архивъ начатыхъ и не конченныхъ дѣлъ; имъ долго, вмѣсто вывѣски, показывается картонка съ бумагами или полное лицо правителя канцеляріи.

Съ четырехъ часовъ Невскій проспектъ пустъ, и врядъ ли вы встрѣтите на немъ хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея изъ магазина перебѣжитъ чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ; какая-нибудь жалкая добыча человѣколюбиваго повытчика, пущенная по-міру во фризовой шинели; какой-нибудь заѣзжій чудакъ, которому всѣ часы равны; какая-нибудь длинная, высокая англичанка съ ридикюлемъ и книжкою въ рукахъ; какой-нибудь артельщикъ, русскій человѣкъ, въ демикотоновомъ сюртукѣ, съ таліей на спинѣ, съ узенькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда онъ учтиво проходитъ по тротуару; иногда низкій ремесленникъ... больше никого не встрѣтите вы въ это время на Невскомъ проспектѣ.

Но какъ только сумерки упадутъ на дома и улицы, и будочникъ, накрывшись рогожею, вскарабкается на лѣстницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ тѣ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, какъ уже Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинаетъ шевелиться. Тогда настанетъ то таинственное время, когда лампы даютъ всему какой-то заманчивый, чудесный свѣтъ. Вы встрѣтите очень много молодыхъ людей, большею частію холостыхъ, въ теплыхъ сюртукахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуется какая-то цѣль, или, лучше, что-то похожее на цѣль, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всѣхъ ускоряются и становятся вообще очень неровны; длинныя тѣни мелькаютъ по стѣнамъ и мостовой, и чуть не достаютъ головами Полицейскаго моста. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежскіе регистраторы, титулярные и надворные совѣтники, большею частію, сидятъ дома, или потому, что это народъ

женатый, или потому, что имъ очень хорошо готовятъ кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки-нѣмки. Здѣсь вы встрѣтите почтенныхъ стариковъ, которые съ такою важностью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими такъ же, какъ молодые коллежскіе регистраторы, съ тѣмъ, чтобы заглянуть подъ шляпку издали завидѣнной дамы, которой толстыя губы и щеки, наштукатуренныя румянами, такъ нравятся многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидѣльцамъ, артельщикамъ, кущамъ, всегда, въ нѣмецкихъ сюртукахъ, гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ руку.

«Стой!» закричалъ въ это время поручикъ Пироговъ, дернувъ шедшаго съ нимъ молодого человѣка во фракѣ и въ плащѣ. «Видѣлъ?»

«Видѣлъ; чудная, совершенно Перуджинова Біанка».

«Да ты объ какой говоришь?»

«Объ ней, о той, что̀ съ темными волосами... И какіе глаза! Боже, какіе глаза! Все положеніе и контура, и окладъ лица—чудеса!»

«Я говорю тебѣ о блондинкѣ, что̀ прошла за ней въ ту сторону. Что-жъ ты не идешь за брюнеткою, когда она такъ тебѣ понравилась?»

«О, какъ можно!» воскликнулъ, закраснѣвшись, молодой человѣкъ во фракѣ. «Какъ будто она изъ тѣхъ, которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама», продолжалъ онъ, вздохнувши: «одинъ плащъ на ней сто̀итъ рублей восемьдесятъ!»

«Простакъ!» закричалъ Пироговъ, насильно толкнувши его въ ту сторону, гдѣ развѣвался яркій плащъ ея: «ступай, простофиля, прозѣваешь! А я пойду за блондинкою». Оба пріятеля разошлись.

«Знаемъ мы васъ всѣхъ», думалъ про себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человѣкъ во фракѣ и плащѣ, робкимъ и трепетнымъ шагомъ, пошелъ въ ту сторону, гдѣ развѣвался вдали пестрый плащъ, то окидывавшійся яркимъ блескомъ, по мѣрѣ приближенія къ свѣту фонаря, то мгновенно покрывавшійся тьмою, по удаленіи отъ него. Сердце его билось, и онъ невольно ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и ду-

мать о томъ, чтобы получить какое-нибудь право на вниманіе улетавшей вдали красавицы, тѣмъ болѣе допустить такую черную мысль, о какой намекалъ ему поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось только видѣть домъ, замѣтить, гдѣ имѣетъ жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетѣло съ неба прямо на Невскій проспектъ и, вѣрно, улетитъ неизвѣстно куда. Онъ летѣлъ такъ скоро, что сталкивалъ безпрестанно съ тротуара солидныхъ господъ, съ сѣдыми бакенбардами. Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столько же принадлежитъ къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру. Это исключительное сословіе очень необыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ всѣ или чиновники, или купцы, или ремесленники-нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе — художникъ петербургскій? Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ итальянскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это большею частію добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегущій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую-старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть, съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой валяется всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ растворенным окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Нева и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ — неизгладимая печать Сѣвера. При всемъ томъ, они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе,

которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ Они вообще очень робки: звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ такое замѣшательство, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній. Они любятъ иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ и нѣсколько походитъ на заплату. На нихъ встрѣтите вы иногда отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархатный жилетъ и сюртукъ весь въ краскахъ,—такимъ же самымъ образомъ, какъ на недоконченномъ ихъ пейзажѣ увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, которую онъ, не найдя другого мѣста, набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писаннаго имъ съ наслажденіемъ. Онъ никогда не глядитъ вамъ прямо въ глаза; если же глядитъ, то какъ-то мутно, неопредѣленно; онъ не вонзаетъ въ васъ ястребинаго взора наблюдателя или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Это происходитъ оттого, что онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ, или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвесть. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда невпопадъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость. Къ такому роду принадлежалъ и описываемый нами молодой человѣкъ, художникъ Пискаревъ, застѣнчивый, робкій, но въ душѣ своей носившій искры чувства, готовыя, при удобномъ случаѣ, превратиться въ пламя. Съ тайнымъ трепетомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, такъ сильно его поразившимъ, и, казалось, дивился самъ своей дерзости. Незнакомое существо, къ которому такъ прильнули его глаза, мысли и чувства, вдругъ поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какія божественныя черты! Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грёзъ. Все, что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ, — все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея гармоническихъ

устахъ. Она взглянула на Пискарева, и при этомъ взглядѣ затрепетало его сердце; она взглянула сурово: чувство негодованія проступило у ней на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ. Постигнутый стыдомъ и робостью, онъ остановился, потупивъ глаза; но какъ утерять это божество и не узнать даже того святилища, гдѣ оно опустилось гостить? Такія мысли пришли въ голову молодому мечтателю, и онъ рѣшился преслѣдовать. Но, чтобы не дать этого замѣтить, онъ отдалился на дальнее разстояніе, безпечно глядѣлъ по сторонамъ и разсматривалъ вывѣски, а между тѣмъ не упускалъ изъ виду ни одного шага незнакомки. Проходящіе рѣже начали мелькать, улица становилась тише, красавица оглянулась, и ему показалось, какъ будто легкая улыбка сверкнула на губахъ ея. Онъ весь задрожалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты его смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему навстрѣчу, и алебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не понимая, онъ несся по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ, стараясь самъ умѣрить быстроту своего шага, летѣвшаго подъ тактъ сердца. Иногда овладѣвало имъ сомнѣніе, точно ли выраженіе лица ея было такъ благосклонно, и тогда онъ на минуту останавливался; но сердечное біеніе, непреодолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ стремила его впередъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ вдругъ возвысился передъ нимъ четырехъэтажный домъ, всѣ четыре ряда оконъ, свѣтившіеся огнемъ, глянули на него разомъ, и перила у подъѣзда противупоставили ему желѣзный толчокъ свой. Онъ видѣлъ, какъ незнакомка летѣла по лѣстницѣ, оглянулась, положила на губы палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣни его дрожали; чув-

ства, мысли горѣли; молнія радости нестерпимымъ остріемъ вонзилась въ его сердце. Нѣтъ, это уже не мечта! Боже, столько счастія въ одинъ мигъ! такая чудесная жизнь въ двухъ минутахъ.

Но не во снѣ ли это все? Ужели та, за одинъ небесный взглядъ которой онъ готовъ былъ бы отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство,—ужели та была сейчасъ такъ благосклонна и внимательна къ нему? Онъ взлетѣлъ на лѣстницу. Онъ не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти, — нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышащій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія, то самое, напротивъ, еще болѣе освятило ихъ. Это довѣріе, которое оказало ему слабое, прекрасное существо, это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобы эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобоисполняемы, чтобы съ бо́льшимъ напряженіемъ силъ летѣть преодолѣвать ихъ. Онъ не сомнѣвался, что какое-нибудь тайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку ему ввѣриться; что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться значительныя услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все.

Лѣстница вилась, и вмѣстѣ съ нею вились его быстрыя мечты. «Идите осторожнѣе!» зазвучалъ, какъ арфа, голосъ и наполнилъ всѣ жилы его новымъ трепетомъ. Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка постучала въ дверь; она отворилась, и они вошли вмѣстѣ. Женщина, довольно недурной наружности, встрѣтила ихъ со свѣчою въ рукѣ, но такъ странно и нагло посмотрѣла на Пискарева, что онъ опустилъ невольно свои глаза. Они вошли въ комнату. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карты; другая сидѣла за фортепіаномъ и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобіе стариннаго полонеза; третья сидѣла передъ зеркаломъ, расчесывая гребнемъ свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входѣ незнакомаго лица. Какой-то непріятный безпорядокъ, который можно встрѣ-

тить только въ безпечной комнатѣ холостяка, царствовалъ во всемъ. Мебели, довольно хорошія, были покрыты пылью; паукъ застилалъ своею паутиною лѣпной карнизъ; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестѣлъ сапогъ со шпорой и краснѣла выпушка мундира; громкій мужской голосъ и женскій смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія.

Боже, куда зашелъ онъ! Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и началъ пристальнѣе всматриваться въ предметы, наполнявшіе комнату; но голыя стѣны и окна безъ занавѣсъ не показывали никакого присутствія заботливой хозяйки; изношенныя лица этихъ жалкихъ созданій, изъ которыхъ одна сѣла почти передъ его носомъ и такъ же спокойно его разсматривала, какъ пятно на чужомъ платьѣ, — все это увѣрило его, что онъ зашелъ въ тотъ отвратительный пріютъ, гдѣ основалъ свое жилище жалкій развратъ, порожденный мишурною образованностью и страшнымъ многолюдствомъ столицы, — тотъ пріютъ, гдѣ человѣкъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь, гдѣ женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо, гдѣ она, вмѣстѣ съ чистотою души, лишилась всего женскаго и отвратительно присвоила себѣ ухватки и наглость мужчины и уже перестала быть тѣмъ слабымъ, тѣмъ прекраснымъ и такъ отличнымъ отъ насъ существомъ. Пискаревъ мѣрялъ ее съ ногъ до головы изумленными глазами, какъ бы еще желая увѣриться, та ли это, котѣрая такъ околдовала и унесла его на Невскомъ проспектѣ. Но она стояла передъ нимъ такъ же хороша; волосы ея были такъ же прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было только 17 лѣтъ; видно было, что еще недавно настигнулъ ее ужасный развратъ: онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, онѣ были свѣжи и легко оттѣнены тонкимъ румянцемъ; она была прекрасна.

Онъ неподвижно стоялъ передъ нею и уже готовъ былъ такъ же простодушно позабыться, какъ позабылся прежде. Но красавица наскучила такимъ долгимъ молчаніемъ и значительно улыбнулась, глядя ему прямо въ глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она такъ была странна и такъ же шла къ ея лицу, какъ идетъ вы-

раженіе набожности рожѣ взяточника или бухгалтерская книга поэту. Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло... Какъ будто вмѣстѣ съ непорочностію оставляетъ и умъ человѣка! Онъ уже ничего не хотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и простъ, какъ дитя. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вмѣсто того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому, безъ сомнѣнія, обрадовался бы на его мѣстѣ всякій другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая сайга, и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки, сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, какъ бѣднякъ, нашедшій безцѣнную жемчужину и тутъ же уронившій ее въ море. «Такая красавица, такія божественныя черты! И гдѣ-же? въ какомъ мѣстѣ?...» Вотъ все, что онъ могъ выговорить.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная... Она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашихъ мысляхъ. Красавица, такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева, была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ презрѣнномъ кругу еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Всѣ черты ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ уже распустилъ надъ нею страшные свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасной, тихой звѣздой въ незамѣтномъ семейномъ кругу и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многолюдномъ залѣ, на свѣтломъ паркетѣ, при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣніи толпы поверженныхъ у ногъ ея поклонниковъ; но, увы! она была, какою-то ужасною волею адскаго духа, жаждущаго разрушить гармонію жизни, брошена съ хохотомъ въ эту страшную пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидѣлъ онъ передъ нагорѣвшею свѣчою. Уже и полночь давно минула, коло-

колъ башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ, неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолѣвать его, уже комната начала исчезать, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолѣвшія его грёзы, какъ вдругъ стукъ у дверей заставилъ его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась, и вошелъ лакей въ богатой ливреѣ. Въ его уединенную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, притомъ въ такое необыкновенное время... Онъ недоумѣвалъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ въ оба на пришедшаго лакея.

«Та барыня», произнесъ съ учтивымъ поклономъ лакей: «у которой вы изволили за нѣсколько часовъ передъ симъ быть, приказала просить васъ къ себѣ и прислала за вами карету».

Пискаревъ стоялъ въ безмолвномъ удивленіи: «карету, лакей въ ливреѣ!.. Нѣтъ, здѣсь, вѣрно, есть какая-нибудь ошибка»...

«Послушайте, любезный», произнесъ онъ съ робостью: «вы, вѣрно, не туда изволили зайти. Васъ барыня, безъ сомнѣнія, прислала за кѣмъ-нибудь другимъ, а не за мною».

«Нѣтъ, сударь, я не ошибся. Вѣдь вы изволили проводить барыню пѣшкомъ къ дому, что въ Литейной, въ комнату четвертаго этажа?»

«Я».

«Ну, такъ пожалуйте же скорѣе, барыня непремѣнно желаетъ видѣть васъ и проситъ васъ уже пожаловать прямо къ нимъ на домъ».

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣстницы. На дворѣ, точно, стояла карета. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремѣли подъ колесами и копытами — и освѣщенная перспектива домовъ, съ фонарями и вывѣсками, понеслась мимо каретныхъ оконъ. Пискаревъ думалъ всю дорогу и не зналъ, какъ разрѣшить это приключеніе. Собственный домъ, карета, лакей въ богатой ливреѣ... Все это онъ никакъ не могъ согласить съ комнатою въ четвертомъ этажѣ, пыльными окнами и разстроеннымъ фортепіано. Карета остановилась передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ, и его разомъ поразили рядъ экипажей, говоръ кучеровъ, ярко освѣщенныя окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ

высадилъ его изъ кареты и почтительно проводилъ въ сѣни съ мраморными колоннами, съ облитымъ золотомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣстница съ блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже взошелъ въ первую залу, испугавшись и попятившись съ первымъ шагомъ отъ ужаснаго многолюдства. Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшательство; ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски, безъ смысла, безъ толку, смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плечи и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящіе газы, эѳирныя ленты и толстый контрабасъ, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоровъ — все было для него блистательно. Онъ увидѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ стариковъ и полустариковъ съ звѣздами на фракахъ, дамъ, такъ легко, гордо и граціозно выступавшихъ по паркету или сидѣвшихъ рядами; онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ; къ тому же молодые люди въ черныхъ фракахъ были исполнены такого благородства, съ такимъ достоинствомъ говорили и молчали, такъ не умѣли сказать ничего лишняго, такъ величаво шутили, такъ почтительно улыбались, такія превосходныя носили бакенбарды, такъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галстукъ, дамы такъ были воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза, — что... но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнію къ колоннѣ, показывалъ, что онъ растерялся вовсе. Въ это время толпа обступила танцующую группу. Онѣ неслись, увитыя прозрачнымъ созданіемъ Парижа, въ платьяхъ, сотканныхъ изъ самого воздуха; небрежно касались онѣ блестящими ножками паркета и были болѣе эѳирны, нежели если бы вовсе его не касались. Но одна между ними всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетаніе вкуса разлилось во всемъ ея уборѣ, и при всемъ томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вылилось невольно, само собою. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую толпу зрителей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустились равнодушно, и сверкающая бѣлизна лица ея

еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь осѣнила, при наклонѣ головы, очаровательный лобъ ея.

Пискаревъ употребилъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу и разсмотрѣть ее; но, къ величайшей досадѣ, какая-то огромная голова, съ темными курчавыми волосами, заслоняла ее безпрестанно; притомъ толпа его притиснула такъ, что онъ не смѣлъ податься впередъ, не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника. Но вотъ онъ продрался-таки впередъ и взглянулъ на свое платье, желая прилично оправиться. Творецъ небесный! что это? На немъ былъ сюртукъ и весь запачканный красками: спѣша ѣхать, онъ позабылъ даже переодѣться въ пристойное платье. Онъ покраснѣлъ до ушей и, потупивъ голову, хотѣлъ провалиться, но провалиться рѣшительно было некуда: камеръ-юнкеры, въ блестящемъ костюмѣ, сдвинулись позади его совершенною стѣною. Онъ уже желалъ быть какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ онъ глаза посмотрѣть, не глядитъ ли она на него. Боже! она стоитъ передъ нимъ... Но что̀ это? что̀ это? «Это она!» вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была она, — та самая, которую встрѣтилъ онъ на Невскомъ и которую проводилъ къ ея жилищу.

Она подняла между тѣмъ свои рѣсницы и глянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ. «Ай, ай, ай, какъ хороша!..» могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, наперерывъ жаждавшій остановить ея вниманіе, но съ какимъ-то утомленіемъ и невниманіемъ она скоро отвратила ихъ и встрѣтилась съ глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! Дай силы, Создатель, перенести это! Жизнь не вмѣститъ его, онъ разрушитъ ее и унесетъ душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился этотъ знакъ такимъ тонкимъ, незамѣтнымъ выраженіемъ, что никто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ понялъ его. Танецъ длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала, и опять вырывалась, визжала и гремѣла; наконецъ, танецъ кончился. Она сѣла; усталая грудь ея воздымалась подъ тонкимъ дымомъ газа; рука ея (Создатель,

какая чудесная рука!) упала на колѣни, сжала подъ собою ея воздушное платье, и платье подъ нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означилъ яркую бѣлизну этой прекрасной руки. Коснуться бы только ея — и ничего больше! Никакихъ другихъ желаній — они всѣ дерзки... Онъ стоялъ у ней за стуломъ, не смѣя говорить, не смѣя дышать. «Вамъ было скучно?» произнесла она: «я также скучала. Я замѣчаю, что вы меня ненавидите»... прибавила она, потупивъ свои длинныя рѣсницы.

«Васъ ненавидѣть? мнѣ?.. Я?..» хотѣлъ было произнесть совершенно потерявшійся Пискаревъ и наговорилъ бы, вѣрно, кучу самыхъ несвязныхъ словъ, но въ это время подошелъ камергеръ съ острыми и пріятными замѣчаніями, съ прекраснымъ завитымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно недурныхъ зубовъ и каждою остротою своею вбивалъ острый гвоздь въ его сердце. Наконецъ, кто-то изъ постороннихъ, къ счастію, обратился къ камергеру съ какимъ-то вопросомъ.

«Какъ это несносно!» сказала она, поднявъ на него свои небесные глаза. «Я сяду на другомъ концѣ зала: будьте тамъ!» Она проскользнула между толпою и исчезла. Онъ, какъ помѣшанный, растолкалъ толпу и былъ уже тамъ.

Такъ, это она! Она сидѣла, какъ царица, всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе, и искала его глазами.

«Вы здѣсь?» произнесла она тихо. «Я буду откровенна передъ вами: вамъ, вѣрно, странными показались обстоятельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому презрѣнному классу твореній, въ которомъ вы встрѣтили меня? Вамъ кажутся странными мои поступки, но я вамъ открою тайну. Будете ли вы въ состояніи», произнесла она, устремивъ пристально на него глаза свои: «никогда не измѣнить ей?»

«О, буду! буду! буду!..»

Но въ это время подошелъ довольно пожилой человѣкъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкѣ и подалъ ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Пискарева и дала знакъ остаться на своемъ мѣстѣ и ожидать ея прихода; но въ припадкѣ нетерпѣнія онъ не въ силахъ былъ слушать никакихъ приказаній, даже изъ ея устъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею, но толпа раз-

дѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго платья; съ безпокойствомъ продирался онъ изъ комнаты въ комнату и толкалъ безъ милосердія всѣхъ встрѣчныхъ, но во всѣхъ комнатахъ все сидѣли тузы за вистомъ, погруженные въ мертвое молчаніе. Въ углу комнаты спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимуществѣ военной службы передъ статскою; въ другомъ молодые люди, въ превосходныхъ фракахъ, бросали легкія замѣчанія о многотомныхъ трудахъ поэта-труженика. Пискаревъ чувствовалъ, что одинъ пожилой человѣкъ, почтенной наружности, схватилъ за пуговицу его фрака и представлялъ на его сужденіе одно весьма справедливое его замѣчаніе, но онъ грубо оттолкнулъ его, даже не замѣтивши, что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату— и тамъ нѣтъ ея, въ третью — тоже нѣтъ. «Гдѣ же она? Дайте ее мнѣ! О, я не могу жить, не взглянувши на нее! Мнѣ хочется выслушать, что она хотѣла сказать!» Но всѣ поиски его оставались тщетными. Безпокойный, утомленный, онъ прижался къ углу и смотрѣлъ на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ, ему начали явственно показываться стѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ, почти потухавшимъ въ глубинѣ его; вся свѣча истаяла; сало было налито на ветхомъ столѣ его...

Такъ это онъ спалъ! Боже, какой прекрасный сонъ! И зачѣмъ было просыпаться? Зачѣмъ было одной минуты не подождать? Она бы, вѣрно, опять явилась! Досадный разсвѣтъ непріятнымъ своимъ тусклымъ сіяніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ такомъ сѣромъ, такомъ мутномъ безпорядкѣ... О, какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты? Онъ раздѣлся наскоро и легъ въ постель, закутавшись одѣяломъ, желая насильно призвать улетѣвшее сновидѣніе. Сонъ, точно, не замедлилъ къ нему явиться, но представлялъ ему вовсе не то, что бы желалъ онъ видѣть: то поручикъ Пироговъ являлся съ трубкою, то академическій сторожъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ, то голова чухонки, съ которой онъ когда-то рисовалъ портретъ, и тому подобная чепуха.

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постели, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала

прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ!

Все откинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ сокрушеннымъ, съ безнадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнія. Ни къ чему не думалъ онъ притронуться; глаза его безъ всякаго участія, безъ всякой жизни глядѣли въ окно, обращенное во дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду, мерзнувшую на воздухѣ, и козлиный голосъ разносчика дребезжалъ: «*стараго платья продать*». Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ просидѣлъ онъ до самаго вечера и съ жадностью бросился въ постель. Долго боролся онъ съ безсонницею, наконецъ, пересилилъ ее. Опять какой-то сонъ, какой-то пошлый, гадкій сонъ. «Боже, умилосердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее!» Онъ опять ожидалъ вечера, опять заснулъ, опять снился какой-то чиновникъ, который былъ вмѣстѣ и чиновникъ, и фаготъ. О, это нестерпимо! Наконецъ, она явилась! ея голова и локоны... она глядитъ... О, какъ не надолго! опять туманъ, опять какое-то глупое сновидѣніе.

Наконецъ, сновидѣнія сдѣлались его жизнію, и съ этого времени вся жизнь его приняла странный оборотъ: онъ, можно сказать, спалъ наяву и бодрствовалъ во снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ сидящимъ безмолвно передъ пустымъ столомъ, или шедшимъ по улицѣ, то, вѣрно бы, принялъ его за лунатика или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго значенія, природная разсѣянность, наконецъ, развилась и властительно изгоняла на лицѣ его всѣ чувства, всѣ движенія. Онъ оживлялся только при наступленіи ночи.

Такое состояніе разстроило его силы, и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что, наконецъ, сонъ началъ его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ всѣ средства возстановить его. Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ — для этого нужно принять только опіумъ. Но гдѣ достать этого опіуму? Онъ вспомнилъ про одного персіянина, содержавшаго магазинъ шалей, который всегда почти, когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему

красавицу. Онъ рѣшился отправиться къ нему, предполагая, что у него, безъ сомнѣнія, есть этотъ опіумъ.

Персіянинъ принялъ его, сидя на диванѣ и поджавши подъ себя ноги. «На что тебѣ опіумъ?» спросилъ онъ его.

Пискаревъ разсказалъ ему про свою безсонницу.

«Хорошо, я дамъ тебѣ опіуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чтобъ хорошая была красавица! Чтобы брови были черныя и очи большія, какъ маслины; а я сама чтобы лежала возлѣ нея и курила трубку! Слышишь, чтобы хорошая была! чтобы была красавица!»

Пискаревъ обѣщалъ все. Персіянинъ на минуту вышелъ и возвратился съ баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлилъ часть ея въ другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше, какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностію схватилъ онъ эту драгоцѣнную баночку, которую не отдалъ бы за груду золота, и опрометью побѣжалъ домой.

Пришедши домой, онъ отлилъ нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и, проглотивъ, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она, но уже совершенно въ другомъ мірѣ! О, какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго свѣтлаго домика! Нарядъ ея дышитъ такою простотою, въ какую только облекается мысль поэта. Прическа на головѣ ея... Создатель, какъ проста эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ея шейкѣ; все въ ней скромно, все въ ней тайное, неизъяснимое чувство вкуса. Какъ мила ея граціозная походка! Какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простенькаго платья! Какъ хороша рука ея, стиснутая волосянымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ: «Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнѣе и скажите: развѣ я способна къ тому, что вы думаете?» — «О, нѣтъ, нѣтъ! Пусть тотъ, кто осмѣлился подумать, пусть тотъ...»

Но онъ проснулся, растроганный, растерзанный, со слезами на глазахъ. «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цѣловалъ бы тебя, я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою — и я бы былъ тогда

счастливъ; никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе. Я бы призывалъ тебя, какъ ангела-хранителя, передъ сномъ и бдѣніемъ, и тебя бы ждалъ я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! Что пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумасшедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже, что за жизнь наша!—вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!» Почти такія мысли занимали его безпрестанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почти ничего не ѣлъ и съ нетерпѣніемъ, со страстію любовника, ожидалъ вечера и желаннаго видѣнія. Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному, наконецъ, взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день, всегда въ положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Черезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опіума еще болѣе раскалили его мысли, и если былъ когда-нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ—онъ.

Изъ всѣхъ сновидѣній его одно было радостнѣе для него всѣхъ: ему представилась его мастерская. Онъ такъ былъ веселъ, съ такимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ палитрою въ рукахъ! И она тутъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него, облокотившись прелестнымъ локоткомъ своимъ на спинку его стула, и смотрѣла на его работу. Въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было бремя блаженства; все въ комнатѣ его дышало раемъ; было такъ свѣтло, такъ убрано. Создатель! она склонила къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ. Онъ всталъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣянный, нежели прежде. Въ головѣ его родились странныя мысли. «Можетъ-быть», думалъ онъ, «она вовлечена какимъ-нибудь невольнымъ, ужаснымъ случаемъ въ развратъ; можетъ-быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; можетъ-быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только

стоитъ подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія?» Мысли его простирались еще далѣе. «Меня никто не знаетъ», говорилъ онъ самъ себѣ: «да и кому какое до меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявитъ чистое раскаяніе и перемѣнитъ жизнь свою, я женюсь на ней. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и, можетъ-быть, даже великъ: я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе!»

Составивши такой легкомысленный планъ, онъ почувствовалъ краску, вспыхнувшую на его лицѣ; онъ подошелъ къ зеркалу и испугался самъ впалыхъ щекъ и блѣдности своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; пріумылся, пригладилъ волоса, надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ, набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъ дохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни. Сердце его билось, когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ домъ; казалось, память ему измѣнила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ, передъ которымъ остановиться. Наконецъ, одинъ показался ему похожимъ. Онъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу, постучалъ въ дверь: дверь отворилась, и кто же вышелъ къ нему навстрѣчу? Его идеалъ, его таинственный образъ, оригиналъ мечтательныхъ картинъ, — та, которою онъ жилъ, такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ — она, она сама стояла передъ нимъ. Онъ затрепеталъ; онъ едва могъ удержаться на ногахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она стояла передъ нимъ такъ же прекрасна, хотя глаза ея были заспаны, хотя блѣдность кралась на лицѣ ея, уже не такъ свѣжемъ; но она все была прекрасна.

«А!» вскрикнула она, увидѣвши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа): «зачѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?»

Онъ въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

«А я только-что теперь проснулась, меня привезли въ

семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна», прибавила она съ улыбкою.

О, лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка, чѣмъ произносить такія рѣчи! Она вдругъ показала ему, какъ въ панорамѣ, всю жизнь ея. Однакожъ, несмотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ, не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ удивленія, которое мы изъявляемъ при видѣ чего-нибудь неожиданнаго и страннаго. Она взглянула, легко улыбнувшись, на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая, оставивши вычищать гребешокъ, тоже слушала съ вниманіемъ новаго проповѣдника.

«Правда, я бѣденъ», сказалъ, наконецъ, послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія Пискаревъ: «но мы станемъ трудиться, мы постараемся, наперерывъ одинъ передъ другимъ, улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть облизану во всемъ самому себѣ. Я буду сидѣть за картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другимъ рукодѣліемъ,—и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка».

«Какъ можно!» прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія. «Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою».

Боже! въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь,—жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата.

«Женитесь на мнѣ!» подхватила, съ наглымъ видомъ, молчавшая дотолѣ въ углу ея пріятельница. «Если я буду женою, я буду сидѣть вотъ какъ!» При этомъ она сдѣлала какую-то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, которою чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О, это уже слишкомъ! Этого нѣтъ силъ перенести! Онъ бросился вонъ, потерявши и чувства, и мысли. Умъ его помутился: глупо, безъ цѣли, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродилъ онъ весь день. Никто не могъ знать, ночевалъ ли онъ гдѣ-нибудь, или нѣтъ; на другой только день какимъ-то глупымъ инстинктомъ зашелъ онъ на свою квартиру, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ рас-

трепанными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ своей комнатѣ и никого не впускалъ, ничего не требовалъ. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворялась; наконецъ, прошла недѣля, и комната все такъ же была заперта. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ, выломали дверь и нашли бездыханный трупъ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутымъ рукамъ и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была невѣрна, и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила тѣло.

Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски-простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть-можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко. Никто не поплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго трупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартальнаго надзирателя и равнодушной мины городового лѣкаря. Гробъ его тихо, даже безъ всякихъ обрядовъ религіи, повезли на Охту; за нимъ идучи, плакалъ одинъ только солдатъ-сторожъ, и то потому, что выпилъ лишній штофъ водки. Даже поручикъ Пироговъ не пришелъ посмотрѣть на трупъ несчастнаго бѣдняка, которому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровительство. Впрочемъ, ему было вовсе не до того: онъ былъ занятъ чрезвычайнымъ происшествіемъ. Но обратимся къ нему.—Я не люблю труповъ и покойниковъ, и мнѣ всегда непріятно, когда переходитъ мою дорогу длинная погребальная процессія и инвалидный солдатъ, одѣтый какимъ-то капуциномъ, нюхаетъ лѣвою рукою табакъ, потому что правая занята факеломъ. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго катафалка и бархатнаго гроба; но досада моя смѣшивается съ грустью, когда я вижу, какъ ломовой извозчикъ тащитъ красный, ничѣмъ не покрытый гробъ бѣдняка, и только одна какая-нибудь нищая, встрѣтившись на перекресткѣ, плетется за нимъ, не имѣя другого дѣла.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на томъ, какъ онъ разстался съ бѣднымъ Пискаревымъ и устремился за блондинкою.—Эта блондинка была легенькое, довольно интересное созданьице. Она останавливалась передъ каждымъ

магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серьги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глазѣла во всѣ стороны и оглядывалась назадъ. «Ты, голубушка, моя!» говорилъ съ самоувѣренностью Пироговъ, продолжая свое преслѣдованіе и закутавши лицо свое воротникомъ шинели, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Но не мѣшаетъ извѣстить читателей, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде, нежели мы скажемъ, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ, не мѣшаетъ кое-что разсказать о томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Пироговъ. Есть офицеры, составляющіе въ Петербургѣ какой-то средній классъ общества. На вечерѣ, на обѣдѣ у статскаго совѣтника или у дѣйствительнаго статскаго, который выслужилъ этотъ чинъ сорокалѣтними трудами, вы всегда найдете одного изъ нихъ. Нѣсколько блѣдныхъ, совершенно безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ, дочерей, изъ которыхъ иныя перезрѣли, чайный столикъ, фортепіано, домашніе танцы — все это бываетъ нераздѣльно съ свѣтлымъ эполетомъ, который блещетъ при лампѣ между благонравной блондинкой и чернымъ фракомъ братца или домашняго знакомаго. Этихъ хладнокровныхъ дѣвицъ чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смѣяться; для этого нужно большое искусство или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины. Въ этомъ надобно отдать справедливость означеннымъ господамъ. Они имѣютъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать этихъ безцвѣтныхъ красавицъ. Восклицанія, задушаемыя смѣхомъ: «Ахъ, перестаньте! Не стыдно ли вамъ такъ смѣшить!» бываютъ имъ часто лучшею наградою. Въ высшемъ классѣ они попадаются очень рѣдко или, лучше, никогда: оттуда они совершенно вытѣснены тѣмъ, что называютъ въ этомъ обществѣ аристократами. Впрочемъ, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любятъ потолковать объ литературѣ; хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаютъ ни одной публичной лекціи, будь она о бухгалтеріи или даже о лѣсоводствѣ. Въ театрѣ, какая бы ни была пьеса, вы всегда найдете одного изъ нихъ, выключая развѣ, если уже иг-

раются какіе-нибудь «Филатки», которыми очень оскорбляется ихъ разборчивый вкусъ. Въ театрѣ они безсмѣнно. Это самые выгодные люди для театральной дирекціи. Они особенно любятъ въ пьесѣ хорошіе стихи, также очень любятъ громко вызывать актеровъ; многіе изъ нихъ, преподавая въ казенныхъ заведеніяхъ или приготовляя къ казеннымъ заведеніямъ, заводятся, наконецъ, кабріолетомъ и парою лошадей. Тогда кругъ ихъ становится обширнѣе; они достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотнею тысячъ, или около того, наличныхъ и кучею брадатой родни. Однакожъ, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслужившись, по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ еще нѣсколько отзывается капустою, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ. Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей. Но поручикъ Пироговъ имѣлъ кромѣ этого множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ «Димитрія Донского» и «Горе отъ ума» и имѣлъ особенное искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое; умѣлъ очень пріятно разсказать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Впрочемъ, оно нѣсколько трудно перечесть всѣ таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ, но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметѣ молодой прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ недавно, и хотя иногда, ложась на диванъ, онъ говорилъ: «Охъ, охъ, охъ! Суета, все суета! Что изъ этого, что я поручикъ?» но втайнѣ его очень льстило это новое достоинство; онъ въ разговорѣ часто старался намекнуть о немъ обинякомъ, и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшійся ему невѣжливымъ, онъ немедленно остановилъ его и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ. Тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчиво, что тогда проходили мимо его двѣ весьма недурныя дамы. Пироговъ

вообще показывалъ страсть ко всему изящному и поощрялъ художника Пискарева; впрочемъ, это происходило, можетъ-быть, оттого, что ему весьма желалось видѣть мужественную физіогномію свою на портретѣ. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдругъ всѣхъ его достоинствъ, и чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе является новыхъ особенностей, и описаніе ихъ было бы безконечно. Итакъ, Пироговъ не переставалъ преслѣдовать незнакомку, отъ времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвѣчала рѣдко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли мокрыми Казанскими воротами въ Мѣщанскую улицу, — улицу табачныхъ и мелочныхъ лавокъ, нѣмцевъ-ремесленниковъ и чухонскихъ нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ ворота одного довольно запачканнаго дома. Пироговъ за нею. Она взбѣжала по узенькой темной лѣстницѣ и вошла въ дверь, въ которую тоже смѣло пробрался Пироговъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнатѣ съ черными стѣнами, съ закопченымъ потолкомъ. Куча желѣзныхъ винтовъ, слесарныхъ инструментовъ, блестящихъ кофейниковъ и подсвѣчниковъ была на столѣ; полъ былъ засоренъ мѣдными и желѣзными опилками. Пироговъ тотчасъ смекнулъ, что это была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минуту задумался, но, слѣдуя русскому правилу, рѣшился итти впередъ. Онъ вошелъ въ другую комнату, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяинъ былъ нѣмецъ. Онъ былъ пораженъ необыкновенно страннымъ видомъ: передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ, — не тотъ Шиллеръ, который написалъ «Вильгельма Теля» и «Исторію тридцатилѣтней войны», но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ,—не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе обѣихъ фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и подня̀вши вверхъ голову, а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожни-

ческаго ножа на самой его поверхности. Обѣ особы говорили на нѣмецкомъ языкѣ, и потому поручикъ Пироговъ, который зналъ по-нѣмецки только «гутъ-моргенъ», ничего не могъ понять изъ всей этой исторіи. Впрочемъ, слова Шиллера заключались вотъ въ чемъ: «Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ!» говорилъ онъ, размахивая руками. «У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій скверный магазинъ, — потому что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку, — я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по 40 копѣекъ—это будетъ рубль двадцать копѣекъ; двѣнадцать разъ рубль двадцать копѣекъ — это будетъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ. Слышишь, другъ мой Гофманъ? На одинъ носъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ! Да по праздникамъ я нюхаю Рапé, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапé, по два рубля фунтъ. Шесть да четырнадцать—двадцать рублей сорокъ копѣекъ на одинъ табакъ! Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли?» Гофманъ, который самъ былъ пьянъ, отвѣчалъ утвердительно.—«Двадцать рублей сорокъ копѣекъ! Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа! Рѣжь мнѣ носъ! Вотъ мой носъ!»

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, то, безъ всякаго сомнѣнія, Гофманъ отрѣзалъ бы ни за что, ни про что Шиллеру носъ, потому что онъ уже приставилъ ножъ свой въ такое положеніе, какъ бы хотѣлъ [illegible] подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незваное, непрошенное лицо такъ некстати ему помѣшало; несмотря на то, что былъ въ упоительномъ чаду, онъ чувствовалъ, что нѣсколько неприлично [illegible] видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ [illegible] постороннято свидѣтеля. Между тѣмъ Пироговъ [illegible] клонился и съ свойственною ему пріятностью [illegible] извините меня...»

«Пошелъ вонъ!» отвѣчалъ протяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такъ [illegible] было совершенно ново. Улыбка, слегка [illegible] на его лицѣ, вдругъ пропала. Съ чувс[illegible]

стоинства онъ сказалъ: «Мнѣ странно, милостивый государь... Вы, вѣрно, не замѣтили... я офицеръ...»

«Что такое офицеръ! Я—швабскій нѣмецъ. Мой самъ» (при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу) «будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаетъ этакъ: фу!» При этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пироговъ увидѣлъ, что ему больше ничего не оставалось, какъ только удалиться; однакожъ, такое обхожденіе, вовсе не приличное его званію, ему было непріятно. Онъ нѣсколько разъ останавливался на лѣстницѣ, какъ бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ бы образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ, разсудилъ, что Шиллера можно извинить, потому что голова его наполнена пивомъ и виномъ; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и онъ рѣшился предать это забвенію. На другой день поручикъ Пироговъ рано поутру явился въ мастерской жестяныхъ дѣлъ мастера. Въ передней комнатѣ встрѣтила его хорошенькая блондинка и довольно суровымъ голосомъ, который очень шелъ къ ея личику, спросила: «Что вамъ угодно?»

«А, здравствуйте, моя миленькая! Вы меня не узнали? Плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!»

При этомъ поручикъ Пироговъ хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостію спросила: «Что вамъ угодно?»

«Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно», произнесъ поручикъ Пироговъ, довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе; но, замѣтивъ, что пугливая блондинка хотѣла проскользнуть въ дверь, прибавилъ: «Мнѣ нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? Хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!»

Поручикъ Пироговъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода,

«Я сейчасъ позову моего мужа», вскрикнула нѣмка и ушла, и черезъ нѣсколько минутъ Пироговъ увидѣлъ Шиллера, выходившаго съ заспанными глазами, едва очнувшагося отъ вчерашняго похмелья. Взглянувши на офицера,

онъ припомнилъ, какъ въ смутномъ снѣ, происшествіе вчерашняго дня. Онъ ничего не помнилъ въ такомъ видѣ, въ какомъ было, но чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, и потому принялъ офицера съ очень суровымъ видомъ. «Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей», произнесъ онъ, желая отдѣлаться отъ Пирогова, потому что ему, какъ честному нѣмцу, очень совѣстно было смотрѣть на того, кто видѣлъ его въ неприличномъ положеніи. Шиллеръ любилъ пить совершенно безъ свидѣтелей, съ двумя, тремя пріятелями, и запирался на это время даже отъ своихъ работниковъ.

«Зачѣмъ же такъ дорого?» ласково сказалъ Пироговъ.

«Нѣмецкая работа», хладнокровно произнесъ Шиллеръ, поглаживая подбородокъ: «русскій возьмется сдѣлать за два рубля».

«Извольте, чтобы доказать, что я васъ люблю и желаю съ вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!»

Шиллеръ минуту оставался въ размышленіи: ему, какъ честному нѣмцу, сдѣлалось немного совѣстно. Желая самъ отклонить его отъ заказыванія, онъ объявилъ, что раньше двухъ недѣль не можетъ сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякаго прекословія изъявилъ совершенное согласіе.

Нѣмецъ задумался и сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей.

Въ это время блондинка вошла въ мастерскую и начала рыться на столѣ, уставленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостію Шиллера, подступилъ къ ней и пожалъ ей ручку, обнаженную до самаго плеча.

Это Шиллеру очень не понравилось. «Мейнъ фрау!» закричалъ онъ.

«Васъ волензи дохъ?» отвѣчала блондинка.

«Гензи на кухня!»—Блондинка удалилась.

«Такъ черезъ двѣ недѣли?» сказалъ Пироговъ.

«Да, черезъ двѣ недѣли», отвѣчалъ въ размышленіи Шиллеръ: «у меня теперь очень много работы».

«До свиданія, я къ вамъ зайду!»

«До свиданія», отвѣчалъ Шиллеръ, запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій, несмотря на то, что нѣмка оказала явный отпоръ. Онъ не могъ понять, чтобы можно было ему противиться, тѣмъ

болѣе, что любезность его и блестящій чинъ давали полное право на вниманіе. Надобно, однакоже, сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочемъ, глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По крайней мѣрѣ, я зналъ много мужей, которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышитъ въ нихъ миловидностью; но исчезни она—и женщинѣ нужно быть въ двадцать разъ умнѣе мужчины, чтобы внушить къ себѣ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе. Впрочемъ, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда вѣрна своей обязанности, и потому Пирогову довольно трудно было успѣть въ смѣломъ своемъ предпріятіи; но съ побѣдою препятствій всегда соединяется наслажденіе, и блондинка становилась для него интереснѣе день-ото-дня. Онъ началъ довольно часто освѣдомляться о шпорахъ, такъ что Шиллеру это, наконецъ, наскучило. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы окончить скорѣй начатыя шпоры; наконецъ, шпоры были готовы.

«Ахъ, какая отличная работа!» закричалъ поручикъ Пироговъ, увидѣвши шпоры. «Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего генерала нѣтъ этакихъ шпоръ».

Чувство самодовольствія распустилось по душѣ Шиллера. Глаза его начали глядѣть довольно весело, и онъ въ мысляхъ совершенно примирился съ Пироговымъ. «Русскій офицеръ — умный человѣкъ», думалъ онъ самъ про себя.

«Такъ вы, стало-быть, можете сдѣлать и оправу, напримѣръ, къ кинжалу или другимъ вещамъ?»

«О, очень могу!» сказалъ Шиллеръ съ улыбкою.

«Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ кинжалу. Я вамъ принесу. У меня очень хорошій турецкій кинжалъ, но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую».

Шиллера это какъ бомбою хватило. Лобъ его вдругъ наморщился. «Вотъ тебѣ на!» подумалъ онъ про себя, внутренно ругая себя за то, что накликалъ самъ работу. Отказаться онъ почиталъ уже безчестнымъ; притомъ же русскій офицеръ похвалилъ его работу.—Онъ, нѣсколько покачавши

головою, изъявилъ свое согласіе; но поцѣлуй, который, уходя, Пироговъ влѣпилъ нахально въ самыя губки хорошенькой блондинки, повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почитаю не излишнимъ познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однакоже, привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной ложечки въ свой супъ; впрочемъ, въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку тминной водки, которую, однакоже, онъ всегда бранилъ. Пилъ онъ вовсе не такъ, какъ англичанинъ, который тотчасъ послѣ обѣда запираетъ дверь на крючокъ и нарѣзывается одинъ. Напротивъ, онъ, какъ нѣмецъ, пилъ всегда вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или съ столяромъ Кунцомъ, тоже нѣмцемъ и большимъ пьяницею. Таковъ была характеръ благороднаго Шиллера, который, наконецъ, былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и нѣмецъ, однакожъ поступки Пирогова возбудили въ немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и не могъ придумать, какимъ образомъ ему избавиться отъ этого русскаго офицера. Между тѣмъ, Пироговъ, куря трубку въ кругу своихъ товарищей,—потому что уже такъ Провидѣніе

устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки,—куря трубку въ кругу своихъ товарищей, намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою нѣмкою, съ которою, по словамъ его, онъ уже совершенно былъ накороткѣ и которую онъ, въ самомъ дѣлѣ, едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по Мѣщанской, поглядывая на домъ, на которомъ красовалась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей увидѣлъ онъ головку блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую прохожихъ. Онъ остановился, сдѣлалъ ей ручкою и сказалъ: «*гутъ морген*». Блондинка поклонилась ему, какъ знакомому.

«Что, вашъ мужъ дома?»

«Дома», отвѣчала блондинка.

«А когда онъ не бываетъ дома?»

«Онъ по воскресеньямъ не бываетъ дома», сказала глупенькая блондинка.

«Это недурно», подумалъ про себя Пироговъ: «этимъ нужно воспользоваться»—и въ слѣдующее воскресенье, какъ снѣгъ на голову, явился передъ блондинкою. Шиллера, дѣйствительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пироговъ поступилъ на этотъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показалъ всю красоту своего гибкаго, перетянутаго стана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупенькая нѣмка отвѣчала на все односложными словами. Наконецъ, заходивши со всѣхъ сторонъ и видя, что ничто не можетъ занять ее, онъ предложилъ ей танцовать. Нѣмка согласилась въ одну минуту, потому что нѣмки всегда охотницы до танцевъ. На этомъ Пироговъ очень много основывалъ надеждъ: во-первыхъ, это уже доставляло ей удовольствіе; во-вторыхъ, это могло показать его турнюру и ловкость; въ-третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую нѣмку и проложить начало всему; короче, онъ выводилъ изъ этого совершенный успѣхъ. Онъ началъ напѣвать какой-то гавотъ, зная, что нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая нѣмка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе такъ восхитило Пирогова, что онъ бросился ее цѣловать; нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелесть въ

глазахъ Пирогова; онъ ее засыпалъ поцѣлуями, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники.

Но.... я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

«Грубіянъ!» закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи: «какъ ты смѣешь цѣловать мою жену? Ты подлецъ, а не русскій офицеръ. Чортъ побери! не такъ ли, мой другъ Гофманъ? Я нѣмецъ, а не русская свинья» (Гофманъ отвѣчалъ утвердительно). «О! я не хочу имѣть роги! Бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ; я не хочу», продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, при чемъ все лицо его было похоже на красное сукно его жилета. «Я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабіи мать моя, и дядя мой въ Нюренбергѣ; я нѣмецъ, а не рогатая говядина! Прочь съ него все, мой другъ Гофманъ! Держи его за рука и нога, камрадъ мой Кунцъ!»

И нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился онъ отбиваться; эти три ремесленника были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ нѣмцевъ и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія.

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ, что онъ дрожалъ, какъ листъ, ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи, что онъ, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, чтобы все происходившее вчера было во снѣ. Но что уже было, того нельзя перемѣнить. Ничто не можетъ сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Одна мысль объ такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда итти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда итти дальше и дальше.

Но все это какъ-то странно кончилось: по дорогѣ онъ зашелъ въ кондитерскую, съѣлъ два слоеныхъ пирожка, прочиталъ кое-что изъ «Сѣверной Пчелы» и вышелъ уже

не въ столь гнѣвномъ положеніи. Притомъ, довольно пріятный прохладный вечеръ заставилъ его нѣсколько пройтись по Невскому проспекту; къ 9 часамъ онъ успокоился и нашелъ, что въ воскресенье не хорошо безпокоить генерала; притомъ онъ, безъ сомнѣнія, куда-нибудь отозванъ. И потому онъ отправился на вечеръ къ одному правителю контрольной комиссіи, гдѣ было очень пріятное собраніе многихъ чиновниковъ и офицеровъ его корпуса. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и такъ отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ.

«Дивно устроенъ свѣтъ нашъ!» думалъ я, бредя третьяго дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. «Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго все сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуется только тѣмъ, что пощелкаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но, къ сожалѣнію, такой маленькій ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить; другой имѣетъ ротъ величиною въ арку Главнаго Штаба, но, увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!»

Но страннѣе всего происшествія, случающіяся на Невскомъ проспектѣ. О, не вѣрьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрѣпче плащомъ своимъ, когда иду по немъ, и стараюсь вовсе не глядѣть на встрѣчающіеся предметы. Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется! Вы думаете, что этотъ господинъ, который гуляетъ въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, очень богатъ? — ничуть не бывало: онъ весь состоитъ изъ своего сюртучка. Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившіеся передъ строящеюся церковью, судятъ объ архитектурѣ ея? — совсѣмъ нѣтъ: они говорятъ о томъ, какъ странно сѣли двѣ вороны одна противъ другой. Вы думаете, что этотъ энтузіастъ, размахивающій руками, говоритъ о томъ, какъ жена его

бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему вовсе офицера?—совсѣмъ нѣтъ: онъ говоритъ о Лафаэтѣ. Вы думаете, что эти дамы.... но дамамъ меньше всего вѣрьте. Меньше заглядывайте въ окна магазиновъ: бездѣлушки, въ нихъ выставленныя, прекрасны, но пахнутъ страшнымъ количествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани заглядывать дамамъ подъ шляпки. Какъ привлекательно ни развѣвайся вечеромъ вдали плащъ красавицы, я ни за что̀ не пойду за нею любопытствовать. Далѣе, ради Бога, далѣе отъ фонаря! и скорѣе, сколько можно скорѣе, проходите мимо! Это счастіе еще, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ зальетъ щегольской сюртукъ вашъ вонючимъ своимъ масломъ. Но, и кромѣ фонаря, все дышитъ обманомъ. Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, міріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ.

О МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Только въ послѣдніе годы, въ эти времена стремленія къ самобытности и собственной народной поэзіи, обратили на себя вниманіе малороссійскія пѣсни, бывшія до того скрытыми отъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ. До того времени одна только очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ, слова же оставались безъ вниманія и почти ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе *). Но лучшія пѣсни и голоса слышали только однѣ украинскія степи: только тамъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣнчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной желтизнѣ падающихъ колосьевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя однѣми степными чайками, верещаніями жаворонковъ и стенящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсенъ. Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онѣ—

*) Впрочемъ, любители музыки и поэзіи могутъ нѣсколько утѣшиться: недавно издано прекрасное собраніе пѣсенъ Максимовичемъ, и при немъ голоса, переложенные Лядьевымъ.

надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ: исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи.

Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышитъ эта широкая воля козацкой жизни. Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою козакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзію битвъ, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свѣжестью, съ карими очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ зубовъ, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся какъ ручей слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство,—ничто не въ силахъ удержать его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьевъ,—все замѣняетъ ватага гулливыхъ рыцарей набѣговъ. Узы этого братства для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаетъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая степь отъ Тамана до Дуная — дикій океанъ цвѣтовъ колышется однимъ налетомъ вѣтра; въ безпредѣльной глубинѣ неба тонутъ лебеди и журавли; умирающій козакъ лежитъ среди этой свѣжести дѣвственной природы и собираетъ всѣ силы, чтобъ не умереть, не взглянувъ еще разъ на своихъ товарищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що безъ війска козацького не вмирала.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираетъ. Выступаетъ ли козацкое войско въ походъ съ тишиною и повиновеніемъ; извергается ли изъ самопаловъ потопъ дыма и пуль; кружаетъ ли вольно медъ, вино; описываются ли ужасная казнь гетмана, отъ которой дыбомъ подымается волосъ, мщеніе ли козаковъ, видъ ли убитаго козака, съ широко-раскинутыми руками на травѣ, съ разметаннымъ чубомъ, клекты ли орловъ въ небѣ, спорящихъ о томъ, кому изъ нихъ выдирать козацкія очи, — все это живетъ въ пѣсняхъ и окинуто смѣлыми красками. Остальная половина пѣсней изображаетъ другую половину жизни народа: въ нихъ разбросаны черты быта домашняго; здѣсь во всемъ совершенная противоположность. Тамъ одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій любовію. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ, мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Оттого любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэтическою. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ этимъ мощнымъ, вольнымъ питомцемъ войны, столпило для нея радость всей жизни въ одно быстро мелькнувшее мгновеніе. Противъ него ничто вся остальная жизнь; она живетъ однимъ этимъ мгновеніемъ. Тоскуя, ждетъ она съ утра до вечера возврата своего черноброваго супруга.

Ой чорные бровенята!
Лыхо мини зъ вами:
Не хочете ночеваты
Ни ноченьки сами.

Она вся живетъ воспоминаніемъ. Все, на что они глядѣли вмѣстѣ, куда они вмѣстѣ ходили, что вмѣстѣ говорили, — все это припоминаетъ она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, что ни видитъ въ природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говоритъ и жалуется. И какъ

просты, какъ поэтически-просты ея исполненныя души рѣчи! Ко всему примѣняетъ она состояніе свое и не можетъ наговориться, потому что человѣкъ многорѣчивъ всегда, когда въ его грусти заключается тайная сладость. Наконецъ, съ тихимъ, но безнадежнымъ отчаяніемъ говоритъ она:

Да вжежъ мини не ходыты
Куда я ходыла!
Да вжежъ мини не любиты,
Кого я любила!
Да вжежъ мини не ходыты
Ранкомъ по-пидъ замкомъ!
Да вжежъ мини не стояты
Изъ моимъ коханкомъ!
Да вжежъ мини не ходыты
Въ лиски по оришки!
Да вжежъ мини минулися
Дивоцкія смишки!

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать доступною для незнающихъ малороссійскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ этихъ пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вороного коня и ѣдетъ далеко, далеко отъ меня.

Куда же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

«Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь изъ дальней дороги».

О, если-бъ я знала, если бы видѣла, откуда будетъ ѣхать мой милый, я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго тростника и все бы ждала его въ гости.

Боже Всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать.

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, по дорогѣ зеленѣетъ трава — это онъ! это мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, расцвѣтаетъ калина—вѣрно, гдѣ-нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваетъ.

Зачѣмъ же ты не пріѣхалъ, зачѣмъ не прилетѣлъ, какъ я тебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дороги ли не зналъ, или мать не велѣла тебѣ?

«Я коня имѣю; я и дорогу знаю, и мать еще вчера съ вечера велѣла мнѣ сѣдлать коня.

«Но только лишь сяду на коня, только лишь выѣду за ворота, какъ уже бѣжитъ за мною другая и такъ жалко стонетъ, такъ плачетъ, что тоска ея хватаетъ за самое сердце».

Можно привесть до тысячи подобныхъ пѣсенъ, можетъ-быть, даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя краски, вездѣ

простота и невыразимая нѣжность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, тамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ не изумляются колоссальнымъ созданіямъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежитъ уже ступившему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра такъ невинна, такъ трогательна, такъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводятъ Его часто въ бытъ своей жизни съ такою невинною простотою, что безыскусственное Его изображеніе становится у нихъ величественнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣсняхъ ихъ облекаются невыразимою поэзіей, чему еще болѣе помогаютъ остатки обрядовъ древней славянской миѳологіи, которые онѣ покорили христіанству. Часто тоскующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣтилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ея милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печать чистаго первоначальнаго младенчества, стало-быть — и высокой поэзіи. Изложеніе пѣсней ихъ, какъ женскихъ, такъ и козацкихъ, почти всегда драматическое—признакъ развитія народнаго духа и дѣятельной, безпокойной жизни, долго обнимавшей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращаются въ описательныя и не занимаются долго изображеніемъ природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ, но тѣмъ не менѣе черты ея такъ новы, тонки, рѣзки, что представляютъ весь предметъ. Впрочемъ, къ нимъ прибѣгаютъ для того только, чтобы сильнѣе выразить чувства души, и потому явленія природы послушно влекутся у нихъ за явленіями чувства. То же самое у нихъ представляется разомъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ. Часто, вмѣсто цѣлаго внѣшняго, находится только одна рѣзкая черта, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: *былъ вечеръ*; но вмѣсто этого говорится то, что бываетъ вечеромъ, напр.

Шли коровы изъ дубровы, а овечки съ поля:
Выплакала кари очи, край милого стоя.

Оттого весьма многіе, не понявъ, считали подобные обороты безсмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной общей мысли, такъ что онѣ походятъ на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый

заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно безпорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, то обыкновенно тѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни; но за то изъ этой пестрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ самою очаровательною безотчетностью поэзіи. Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ расчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становится свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ его отъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заунывныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздирающіе звуки съ болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться изъ души человѣка въ обыкновенномъ состояніи, при настоящемъ воззрѣніи на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣшаетъ и разрушитъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непостижимо-странно въ разногласіи звучатъ внутреннимъ согласіемъ, — въ такомъ-то разгулѣ, торжественномъ больше, нежели веселомъ, душа, къ непостижимой загадкѣ, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочь дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ, однихъ звуковъ. Оттого поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или, лучше сказать, поэзія поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ; и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Стихосложеніе малороссійское самое выгодное для пѣсенъ: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и тоника, и риѳма. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быстро; оттого строка никогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если же это и случается, то цезура посерединѣ, съ звонкою риѳмою, перерѣзываетъ ее. Чистые, протяжные ямбы рѣдко попадаются; большею частію быстрые хореи, дактили, амфибрахіи летятъ шибко, одинъ за другимъ, прихотливо и вольно мѣшаются между собою, производятъ новые размѣры

и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Риѳмы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха — общая принадлежность ихъ. Часто вся строка созвукивается съ другою, несмотря, что иногда у обѣихъ даже риѳмы нѣтъ. Близость риѳмъ изумительна. Часто строка два раза терпитъ цезуру и два раза риѳмуется до замыкающей риѳмы, которой сверхъ того даетъ отвѣтъ вторая строка, тоже два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда встрѣчается такая риѳма, которую, повидимому, нельзя назвать риѳмою, но она такъ вѣрна своимъ отголоскомъ звуковъ, что нравится иногда болѣе, нежели риѳма, и никогда бы не пришла въ голову поэту съ перомъ въ рукѣ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли и, кажется, шалитъ, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физіогномію, становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю, и, кажется, какъ будто бы подъ нихъ можно плясать одного только гопака. Иногда же звуки ея становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, силящіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы сильнѣе ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ. Что же касается до музыки грусти, то она нигдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу. Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣтилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни: она стремится уйти отъ нея и заглушить вседневныя нужды и заботы; но въ малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что, кажется, не звучатъ, а говорятъ,—говорятъ словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу. Взвизги ея иногда такъ похожи на крикъ сердца, что оно вдругъ и внезапно вздрагиваетъ, какъ будто бы коснулось къ нему острое желѣзо. Безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда

слышится въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стенанія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можетъ быть сильнѣе народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни; если натиски насилій и непреодолимыхъ вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее унія. По нимъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о ея минувшихъ страданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брильянтовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу, и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю.

1833.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФІИ.

(ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.)

Велика и поразительна область географіи: край, гдѣ кипитъ югъ и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ, и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины-горы, парящія въ небо, наброшенный небрежно, дышащій всею роскошью растительной силы и разнообразія видъ, и раскаленныя пустыни и степи; оторванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря, люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію? — Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣтей, можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ? И не больно ли, если показываютъ имъ, вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: «Вотъ земля, на которой живемъ мы; вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ непостижимымъ его Зодчимъ!» — Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. — Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольдтъ и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, истолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ, — должны быть доступны немногому числу ученыхъ, а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣ-

лительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ узнать. Его болѣе всего интересуютъ отдаленныя земли: какъ тамъ? что тамъ такое? какіе тамъ люди? какъ живутъ? Эти вопросы стремятся у него толпою, и всѣ они относятся прямо къ физической географіи, и потому міръ, въ его физическомъ состояніи, величественный, роскошный, грозный, плѣнительный, — долженъ болѣе и обширнѣе занять его.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и географія стоитъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное цѣлое.—Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для монархическаго правленія и утративній его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Гораздо лучше, если воспитанникъ будетъ проходить географію въ два разные періода своего возраста. Въ первомъ онъ долженъ узнать одинъ только великій очеркъ всего міра, но очеркъ такой, который бы показалъ всю внимательность его, который бы показалъ всю обширность и колоссальность географическаго міра. Въ этотъ курсъ должны ниспослать отъ себя дань и естественная исторія, и физика, и статистика, и все, что только соприкасается

къ міру, чтобы міръ составилъ одну яркую, живописную поэму, чтобы сколько возможно открыть ему всѣ концы его. Ничего въ подробности, но только однѣ рѣзкія черты, но только, чтобы онъ чувствовалъ, гдѣ стужа, гдѣ болѣе растительность, гдѣ выше мануфактурность, гдѣ сильнѣе образованность, гдѣ глубже невѣжество, гдѣ ниже земля, гдѣ стремительнѣе горы.—Во второмъ періодѣ его возраста этотъ міръ долженъ быть передъ нимъ раздвинутъ. Онъ долженъ разсмотрѣть въ микроскопъ тѣ предметы, которые доселѣ видѣлъ простымъ глазомъ. Тогда уже онъ узнаетъ всѣ исключенія и переходы, менѣе рѣзкіе и болѣе исполненные тонкаго отличія.

Воспитанникъ не долженъ имѣть вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будетъ сжимать его и умерщвлять воображеніе: передъ нимъ должна быть одна только карта. Ни одного географическаго явленія не нужно объяснять, не укрѣпивши на мѣстѣ, хотя бы это было только яркое, живописное описаніе, чтобы воспитанникъ, внимая ему, глядѣлъ на мѣсто въ своей картѣ, и чтобы эта маленькая точка какъ бы раздвигалась передъ нимъ и вмѣстила бы въ себѣ всѣ тѣ карты, которыя онъ видитъ въ рѣчахъ преподавателя. Тогда можно быть увѣреннымъ, что онѣ останутся въ памяти его вѣчно, и, взглянувши на скелетный очеркъ земли, онъ его вмигъ наполнитъ красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться въ его памяти. Черченіе картъ, надъ которымъ заставляютъ воспитанниковъ трудиться, мало приноситъ пользы. Множество мелкихъ подробностей, множество отдѣльныхъ государствъ можетъ только въ головѣ ихъ уничтожиться одно другимъ. Гораздо лучше дать имъ прежде сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для этого я бы совѣтовалъ сдѣлать всю воду бѣлою и всю землю черною, чтобы онѣ совершенно отдѣлились, рѣзкостью своею невольно вторгнулись въ мысли ихъ и преслѣдовали бы ихъ неотступно неправильною своею фигурою. Послѣ этого будетъ имъ гораздо легче начертить видъ земли, но никакъ не допускать до подробностей, т. е. означать всѣ мелкіе мысы и искривленія береговъ. Пусть лучше они вначалѣ совсѣмъ не знаютъ ихъ, но за то удержатъ общій видъ земли.

Гораздо лучше проходить вначалѣ разомъ весь міръ, глядѣть разомъ на всѣ части свѣта: чрезъ это очевиднѣе будутъ ихъ взаимныя противоположности. Замѣтивши ихъ въ общей массѣ, они могутъ тогда погрузиться глубже въ каждую часть свѣта. Но въ порядкѣ частей свѣта я бы совѣтовалъ лучше слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ человѣка, стало-быть, вмѣстѣ и за постепеннымъ открытіемъ земли: начать съ Азіи, съ его колыбели, съ его младенчества, перейти въ Африку, въ его пламенное и вмѣстѣ грубое юношество, обратиться къ Европѣ, къ его быстрому разоблаченію и зрѣлости ума, шагнуть вмѣстѣ съ нимъ въ Америку, гдѣ, развитый и властительный, встрѣтился онъ съ первообразнымъ и чувственнымъ, и окончить разрозненными по необозримому океану островами.

Такое раздѣленіе, мнѣ кажется, будетъ гораздо естественнѣе. Прежде всего воспитанникъ долженъ составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ нихъ. Во-первыхъ, объ Азіи, гдѣ все такъ велико и обширно, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все наѣздничаетъ; гдѣ турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ бедуинъ, какъ вихорь, мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ, и вся страна — страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ, и океаны песчаныхъ степей растягиваются на неизмѣримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человѣкъ, мало чѣмъ разнящійся наружностью и своими чувственными наклонностями отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами, и т. далѣе.

Начертивъ видъ части свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, разсказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и протягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Риттерово барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ крѣпкой глины, или

изъ металла, настоящій барельефъ. Тогда воспитаннику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и низменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, должно показать видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и, наконецъ, характеръ и отличіе каждой цѣпи,—все это не сухо, не съ подробною ученостью, но такъ, чтобы онъ зналъ, что такая-то цѣпь изъ темныхъ и твердыхъ гранитовъ, что внутренность другой бѣлая, известковая или глинистая: рыхлая, желтая, темная, красная или, наконецъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ земель и камней. Можно даже разсказать, какъ въ нихъ лежатъ металлы и руды и въ какомъ видѣ— и можно разсказать занимательно. Что же касается до поверхности ихъ, то, само собою разумѣется, что нужно показать высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Не мѣшало бы коснуться слегка подземной географіи. Мнѣ кажется, нѣтъ предмета болѣе поэтическаго, какъ она, хотя совершенно понять ее можетъ только возрастъ высшій. Тутъ всѣ явленія и факты дышатъ исполинскою колоссальностью. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя массы. Тутъ на всемъ отпечатокъ величественныхъ потрясеній земли; душа сильнѣе чувствуетъ великія дѣла Творца. Тутъ лежатъ погребенными цѣлыя цѣпи подземныхъ лѣсовъ. Тутъ лежитъ въ глубокомъ уединеніи раковина и уже превращается въ мраморъ. Тутъ дышатъ вѣчные огни, и отъ взрыва ихъ измѣняется поверхность земли. Часть этихъ явленій, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельзя чтобъ не тронула его воображенія.

Процессъ и разселеніе растительной силы по землѣ должно показать на картѣ лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе Юга— хозяинъ, куда перешло оно какъ гость, подъ какимъ градусомъ умираетъ, гдѣ начинается растеніе Сѣвера, гдѣ и оно, наконецъ, гибнетъ, прозябаніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго океана, и чудный полюсъ закутывается недоступными для человѣка льдами. Та-

кимъ же образомъ и разселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другого раздѣленія земли по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Произведенія искусства вообще являются доселѣ у географовъ отрывисто. Перехода нѣтъ никакого отъ природы къ произведеніямъ человѣка. Они отрублены, какъ топоромъ, отъ своего источника. Я уже не говорю о томъ, что у нихъ не представленъ вовсе этотъ брачный союзъ человѣка съ природою, отъ котораго рождается мануфактурность. Итакъ, прежде нежели воспитанникъ приступитъ къ обозрѣнію мануфактуръ и произведеній рукъ человѣка, нужно, чтобы онъ былъ пріуготовленъ къ тому произведеніями земли, чтобы онъ самъ собою могъ вывесть, какія мануфактуры должны быть въ такомъ-то государствѣ; если же встрѣтится исключеніе, тогда необходимо показать, отчего оно произошло: можетъ-быть, безпечный характеръ народа, можетъ, сторонніе обстоятельства, или излишнее богатство сосѣдей, или невозможность дальнѣйшихъ сообщеній, или другія подобныя имъ — воспрепятствовали. Пріуготовивши себя мануфактурностью, онъ можетъ уже переходить къ торговлѣ, которая безъ того будетъ тоже незанимательна и непонятна.

При исчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показать каждаго физіогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ. Всѣ народы міра онъ долженъ сгруппировать въ большія семейства и представить прежде общія черты каждой группы, потомъ уже развѣтвленіе ихъ. И потомъ физическую ихъ исторію, т. е. исторію измѣненія ихъ характера, чтобъ объяснилось, отчего, напримѣръ, тевтонское племя среди своей Германіи означено твердостью флегматическаго характера, и отчего оно, перейдя Альпы, напротивъ, принимаетъ всю игривость характера легкаго.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшого труда стоитъ сдѣлать оныя самому. Мѣста, гдѣ

просвѣщеніе достигло высочайшей степени, означать свѣтомъ и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣе, тѣмъ крѣпче, и наконецъ превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того, какъ природа дичаетъ, и человѣкъ оканчивается бездушнымъ эскимосомъ.

Величину земель, государствъ, никогда нельзя заучивать исчисленіемъ квадратныхъ миль. Нужно только смотрѣть на карту — вотъ одно средство узнать ее. Не мѣшало бы вырѣзать каждое государство особенно, такъ, чтобы оно составляло отдѣльный кусокъ и, будучи сложено съ другими, составило бы часть міра. Тогда будетъ видима и величина ихъ и форма.

При изображеніи каждаго города, непремѣнно должно означить рѣзко его мѣстоположеніе; подымается ли онъ на горѣ, опрокинутъ ли внизъ; его жизнь, его значительность, его средства — и, вообще, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Преподаватель обязанъ исторгнуть изъ обширнаго матеріала все, что бросаетъ на городъ отличіе и оттѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть воспитанникъ знаетъ, что такое Римъ, что Парижъ, что Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ и до сихъ поръ еще въ опредѣленіяхъ губернскаго города разсказывается, что въ немъ есть гимназія, соборная церковь; уѣзднаго — что въ немъ есть уѣздное училище и т. п. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Кіевопечерской лавры, Кингъ-Бенча — нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя, вѣрно, потребуетъ подробнаго свѣдѣнія. Не нужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно, по своей величинѣ или отрицательно, выходитъ изъ категоріи обыкновеннаго. Вмѣсто этого, можно занять его архитектурой города,—въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то какъ величественна, даже въ самой стран-

ности своей, его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная самими потрясеніями архитектура, и какъ, напротивъ того, легка и изящна архитектура другого города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ, шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дряхлѣютъ, какъ бы размышляя объ утекшихъ событіяхъ великой своей юности. Для этого не мѣшаетъ чаще показывать фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: тогда необыкновенный видъ ихъ врѣжется въ памяти; приэтомъ это послужитъ невольно и нечувствительно къ образованію юнаго вкуса.

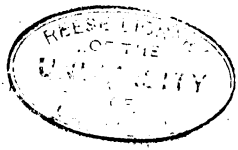
Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Протекшее должно быть слишкомъ разительно, и развѣ уже происходить изъ чисто-географическихъ причинъ, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанникъ проходитъ въ это время и исторію, тогда ему необходимо показать область ея дѣйствія: тогда географія сливается и составляетъ одно тѣло съ исторіей.

Слогъ преподавателя долженъ быть увлекающій, живописный: всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы—должны быть окинуты яркими красками. Что дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то не скоро выбьется изъ головы. Слогъ его долженъ болѣе подходить къ слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не можетъ удержаться въ головѣ отрока, особливо если она распространена въ мелочахъ. Дитя тогда только удерживаетъ систему, когда не видитъ ея глазами, когда она искусно скрыта отъ него. Его система—интересъ, нить происшествій или нить описаній. Все, что истинно нужно, что болѣе относится къ нашей жизни, что болѣе можемъ мы впослѣдствіи приспособить къ себѣ, — все это уже интересно. Да впрочемъ, что не интересно въ географіи? Она такое глу-

бокое море, такъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и, несмотря на то, что показываетъ границы каждой земли, такъ скрываетъ свои собственныя, что даже для взрослаго представляетъ философически-увлекательный предметъ. Короче, нужно стараться познакомить сколько можно болѣе съ міромъ, со всѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ его, но чтобы это никакъ не обременило памяти, а представлялось бы свѣтло нарисованною картиною. Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ множество и изъ которыхъ, кажется, донынѣ, въ этомъ отношеніи, мало умѣли извлекать пользы.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращается въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія: онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитяти. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку, и на лицѣ его, почти бездушномъ, не оживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, поперемѣнно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?

1829.



ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

(Картина Брюлова.)

Картина Брюлова—одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Она — свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полулетаргическомъ состояніи. Не стану говорить о причинѣ этого необыкновеннаго застоя, хотя она представляетъ занимательный предметъ для изслѣдованія; замѣчу только, что если конецъ XVIII столѣтія и начало XIX вѣка ничего не произвели полнаго и колоссальнаго въ живописи, то зато они много разработали ея части. Она распалась на безчисленные атомы и части. Каждый изъ этихъ атомовъ развитъ и постигнутъ несравненно глубже нежели въ прежнія времена. Замѣтили такія тайныя явленія, какихъ прежде никто не подозрѣвалъ. Вся та природа, которую чаще видитъ человѣкъ, которая его окружаетъ и живетъ съ нимъ, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которою пренебрегали великіе художники, достигли изумительной истины и совершенства. Всѣ наперерывъ старались замѣтить тотъ живой колоритъ, которымъ дышитъ природа. Все тайное въ ея лонѣ, весь этотъ нѣмой языкъ пейзажа, подмѣчены или, лучше сказать, украдены, вырваны изъ самой природы, хотя все это украдено отрывками, хотя всѣ произведенія этого вѣка похожи болѣе на опыты или, лучше сказать, записки, матеріалы, свѣжія мысли, которыя наскоро вноситъ путешественникъ въ свою книгу съ тѣмъ, чтобы не позабыть ихъ и чтобы составить изъ нихъ послѣ нѣчто цѣлое. Живопись раздробилась на низшія ограниченныя ступени: гравировка, литографія и многочисленныя

мелкія явленія были съ жадностію разрабатываемы въ частяхъ. Этимъ обязаны мы XIX вѣку. Колоритъ употребляемый XIX вѣкомъ, показываетъ великій шагъ въ знаніи природы. Взгляните на эти безпрестанно появляющіеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые рѣшительно въ XIX вѣкѣ опредѣлили сліяніе человѣка съ окружающею природою: какъ въ нихъ дѣлится и выходитъ окинутая мракомъ и освѣщенная свѣтомъ перспектива строеній! какъ сквозитъ освѣщенная вода, какъ дышитъ она въ сумракѣ вѣтвей! какъ ярко и знойно уходитъ прекрасное небо и оставляетъ предметы передъ самыми глазами зрителя! какое смѣлое, какое дерзкое употребленіе тѣней тамъ, гдѣ прежде вовсе ихъ не подозрѣвали! и вмѣстѣ, при всей этой рѣзкости, какая роскошная нѣжность, какая подмѣчена тайная музыка въ предметахъ обыкновенныхъ, безчувственныхъ! Но что сильнѣе всего постигнуто въ наше время, такъ это освѣщеніе. Освѣщеніе придаетъ такую силу и, можно сказать, единство всѣмъ нашимъ твореніямъ, что они, не имѣя въ себѣ никакого глубокаго достоинства, показывающаго геній, необыкновенно, однакоже, пріятны для глазъ. Они общимъ выраженіемъ своимъ не могутъ не поразить, хотя, внимательно разсматривая, иногда увидишь въ творцѣ ихъ необширное познаніе искусства.

Возьмите всѣ безпрестанно являющіяся гравюры, эти отпрыски яркаго таланта, въ которыхъ дышитъ и вѣетъ природа такъ, что они, кажется, какъ будто оцвѣчены колоритомъ. Въ нихъ заря такъ тонко свѣтлѣетъ на небѣ, что, всматриваясь, кажется, видишь алый отблескъ вечера; деревья, облитыя сіяніемъ солнца, какъ будто покрыты тонкою пылью; въ нихъ яркая бѣлизна сладострастно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ тѣни. Разсматривая ихъ, кажется, боишься дохнуть на нихъ. Весь этотъ эффектъ, который разлитъ въ природѣ, который происходитъ отъ сраженія свѣта съ тѣнью, весь этотъ эффектъ сдѣлался цѣлью и стремленіемъ всѣхъ нашихъ артистовъ. Можно сказать, что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ. Всякій, отъ перваго до послѣдняго, топорщится произвесть эффектъ, начиная отъ поэта до кондитера, такъ что эти эффекты, право, уже надоѣдаютъ, и, можетъ-быть, XIX вѣкъ, по странной причудѣ своей, наконецъ, обратится ко всему безъэффектному. Впрочемъ, можно сказать, что эффекты болѣе всего выгодны

въ живописи и вообще во всемъ томъ, что̀ видимъ нашими глазами: тамъ, если они будутъ ложны и неумѣстны, то ихъ ложность и неумѣстность тотчасъ видна всякому. Но въ произведеніяхъ, подверженныхъ духовному оку, совершенно другое дѣло: тамъ они, если ложны, то вредны тѣмъ, что распространяютъ ложь, потому что простодушная толпа безъ разсужденія кидается на блестящее. Въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны и превращаютъ человѣка въ исполина; но когда они въ рукахъ поддѣльнаго таланта, то для истиннаго понимателя они отвратительны, какъ отвратителенъ карло, одѣтый въ платье великана, какъ отвратителенъ подлый человѣкъ, пользующійся незаслуженнымъ знакомъ отличія. Но все это, однакожъ, не относится къ нынѣшнему дѣлу. Должно признаться, что въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ, и даже въ послѣднее время подвинуло все къ усовершенствованію. Желая произвести эффектъ, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственныя способности. И если вѣрный эффектъ оказывался бо̀льшею частію только въ мелкомъ, то этому виною безлюдье крупныхъ геніевъ, а не огромное раздробленіе жизни и познаній, которымъ обыкновенно приписываютъ. Притомъ, стремленіе къ эффектамъ обдѣлало многія мелкія части чрезвычайно удовлетворительно и рѣзкою своею очевидностію сдѣлало ихъ доступными для всѣхъ. Не помню, кто-то сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ. Напротивъ, никогда полетъ генія не будетъ такъ ярокъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ. И его шаги уже, вѣрно, будутъ исполински и видимы всѣми отъ мала до велика.

Картина Брюлова можетъ назваться полнымъ, всемірнымъ созданіемъ. Въ ней все заключилось. По крайней мѣрѣ, она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ. Мысль ея принадлежитъ совершенно вкусу нашего вѣка, который вообще, какъ бы самъ чувствуя свое страшное раздробленіе, стремится сово-

куплять всѣ явленія въ общія группы и выбираетъ сильные кризисы, чувствуемые цѣлою массою. Всякому извѣстны прекрасныя созданія, къ которымъ принадлежатъ: «Видѣніе Валтазара». «Разрушеніе Ниневіи» и нѣсколько другихъ, гдѣ въ страшномъ величіи представлены эти великія катастрофы, которыя составляютъ совершенство освѣщенія, гдѣ молнія въ грозномъ величіи озаряетъ ужасный мракъ и скользитъ по верхушкамъ головъ молящагося народа. Общее выраженіе этихъ картинъ поразительно и исполнено необыкновеннаго единства; но въ нихъ вообще только одна идея этой мысли. Онѣ похожи на отдаленные виды; въ нихъ только общее выраженіе. Мы чувствуемъ только страшное положеніе всей толпы, но не видимъ человѣка, въ лицѣ котораго былъ бы весь ужасъ имъ самимъ зримаго разрушенія. Ту мысль, которая видѣлась намъ въ такой отдаленной перспективѣ, Брюловъ вдругъ поставилъ передъ самыми нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и какъ будто насъ самихъ захватила въ свой міръ. Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потокомъ на свою картину. Молнія у него залила и потопила все, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы все выказать, чтобы ни одинъ предметъ не укрылся отъ зрителя. Оттого на всемъ у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры онъ кинулъ сильно, такою рукою, какою мечетъ только могущественный геній: эта вся группа, остановившаяся въ минуту удара и выразившая тысячи разныхъ чувствъ; этотъ гордый атлетъ, издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія, закрывшійся плащомъ отъ летящаго вихря каменьевъ; эта грянувшаяся на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся въ такой красотѣ руку; этотъ ребенокъ, вонзившій въ зрителя взоръ свой; этотъ несомый дѣтьми старикъ, въ страшномъ тѣлѣ котораго дышитъ уже могила, оглушенный ударомъ, котораго рука окаменѣла въ воздухѣ съ распростертыми пальцами; мать, уже не желающая бѣжать и непреклонная на моленія сына, котораго просьбы, кажется, слышитъ зритель; толпа, съ ужасомъ отступающая отъ строеній или со страхомъ, съ дикимъ забвеніемъ страха взирающая на страшное явленіе, наконецъ, знаменующее конецъ міра; жрецъ въ бѣломъ саванѣ, съ безнадежною яростью

мечущій взглядъ свой на весь міръ,—все это у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только могло это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго.

Я не стану изъяснять содержаніе картины и приводить толкованія и поясненія на изображенныя событія. Для этого у всякаго есть глазъ и мѣрило чувства; притомъ же это слишкомъ очевидно, слишкомъ касается жизни человѣка и той природы, которую онъ видитъ и понимаетъ, потому-то они доступны всѣмъ отъ мала до велика: я замѣчу только тѣ достоинства, тѣ рѣзкія отличія, которыя имѣетъ въ себѣ стиль Брюлова, тѣмъ болѣе, что эти замѣчанія, вѣроятно, сдѣлали немногіе. Брюловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства. Его фигуры, несмотря на ужасъ всеобщаго событія и своего положенія, не вмѣщаютъ въ себѣ того дикаго ужаса, наводящаго содроганіе, какимъ дышатъ суровыя созданія Микель-Анжело. У него нѣтъ также того высокаго преобладанія небесно-непостижимыхъ и тонкихъ чувствъ, которыми весь исполненъ Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всемъ ужасѣ своего положенія. Онѣ заглушаютъ его своею красотою. У него не такъ, какъ у Микель-Анжело, у котораго тѣло только служило для того, чтобы показать одну силу души, ея страданія, ея вопль, ея грозныя явленія; у котораго пластика погибала, контура человѣка пріобрѣтала исполинскій размѣръ, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою; у котораго являлся не человѣкъ, но только—его страсти. Напротивъ того, у Брюлова является человѣкъ для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, вѣрныя, огненныя, выражаются на такомъ прекрасномъ обликѣ, въ такомъ прекрасномъ человѣкѣ, что наслаждаешься до упоенія. Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что скульптура,—та скульптура, которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла, наконецъ, въ живопись и сверхъ того проникнулась какой-то тайной музыкой. Его человѣкъ исполненъ прекрасно-гордыхъ движеній; женщина его блещетъ, но она не женщина Рафаэля: съ тонкими, незамѣтными, ангельскими чертами,—она женщина страстная, сверкающая, южная, итальянка, во всей красотѣ

полудня, мощная, крѣпкая, пылающая всею роскошью страсти, всѣмъ могуществомъ красоты,—прекрасная, какъ женщина. Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотою, гдѣ бы человѣкъ не былъ прекрасенъ. Всѣ общія движенія группъ его дышатъ мощнымъ размѣромъ и въ своемъ общемъ движеніи уже составляютъ красоту. Въ созданіи ихъ онъ такъ же крѣпко и сильно правитъ своимъ воображеніемъ, какъ житель пустыни арабскимъ бѣгуномъ своимъ. Оттого вся картина упруга и роскошна.

Вообще, во всей картинѣ выказывается отсутствіе идеальности, т. е. идеальности отвлеченной, и въ этомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явись идеальность, явись перевѣсъ мысли, и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія; чувство жалости и страстнаго трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и вѣрной истины, утратилась бы вовсе. Намъ не разрушеніе, не смерть страшны; напротивъ, въ этой минутѣ есть что-то поэтическое, стремящее вихремъ душевное наслажденіе; намъ жалка наша милая чувственность, намъ жалка прекрасная земля наша. Онъ постигнулъ во всей силѣ эту мысль. Онъ представилъ человѣка какъ можно прекраснѣе, его женщина дышитъ всѣмъ, что̀ есть лучшаго въ мірѣ. Ея глаза, свѣтлые какъ звѣзды, ея дышащая нѣгою и силою грудь, обѣщаютъ роскошь блаженства. И эта прекрасная, этотъ вѣнецъ творенія, идеалъ земли, должна погибнуть въ общей гибели, на-ряду съ послѣднимъ презрѣннымъ твореніемъ, которое не достойно было и ползать у ногъ ея. Слезы, испугъ, рыданіе — все въ ней прекрасно.

Видимое отличіе или манера Брюлова уже представляетъ тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шагъ. Въ его картинахъ цѣлое море блеска. Это его характеръ. Тѣни его рѣзки, сильны, но въ общей массѣ тонутъ и исчезаютъ въ свѣтѣ. Онѣ у него, такъ же какъ въ природѣ, незамѣтны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекраснаго тѣла у него какъ будто просвѣчиваетъ и кажется фарфоровою; свѣтъ, обливая его сіяніемъ, вмѣстѣ проникаетъ его. Свѣтъ у него такъ нѣженъ, что кажется фосфорическимъ. Самая тѣнь кажется у него какъ будто прозрачною и, при всей крѣпости, дышитъ какою-то чистою, тонкою нѣжностью и поэзіей.

Его кисть остается навѣки въ памяти. Я прежде видѣлъ одну только его картину—семейство Витгенштейна. Она съ перваго раза, вдругъ, врѣзалась въ мое воображеніе и осталась въ немъ вѣчно въ своемъ яркомъ блескѣ. Когда я шелъ смотрѣть картину «Разрушеніе Помпеи», у меня прежняя вовсе вышла изъ головы. Я приближался вмѣстѣ съ толпою къ той комнатѣ, гдѣ она стояла, и на минуту, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, я позабылъ вовсе о томъ, что иду смотрѣть картину Брюлова; я даже позабылъ о томъ, есть ли на свѣтѣ Брюловъ. Но когда я взглянулъ на нее, когда она блеснула передо мною, въ мысляхъ моихъ, какъ молнія, пролетѣло слово: «Брюловъ!» Я узналъ его. Кисть его вмѣщаетъ въ себѣ ту поэзію, которую только чувствуешь и можешь узнать всегда: чувства наши всегда знаютъ и видятъ даже отличительные признаки, но слова ихъ никогда не разскажутъ. Колоритъ его такъ ярокъ, какимъ никогда почти не являлся прежде; его краски горятъ и мечутся въ глаза. Они были бы нестершимы, если бы явились у художника градусомъ ниже Брюлова, но у него они облечены въ ту гармонію и дышатъ тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

Но главный признакъ, и что̀ выше всего въ Брюловѣ—такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ: все у него, начиная отъ общей мысли и главныхъ фигуръ, до послѣдняго камня на мостовой, живо и свѣжо. Онъ силится обхватить всѣ предметы и на всѣхъ разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художникъ прежнихъ временъ всегда почти избиралъ себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружалъ весь талантъ свой, развивавшійся оттого въ необыкновенномъ и какомъ-то отвлеченномъ величіи. Рафаэль обыкновенно писалъ одни только лица, одно развитіе на нихъ небесныхъ страстей и помышленій; все прочее, даже одежду, бросалъ онъ додѣлывать ученикамъ своимъ. Всѣ другіе великіе художники, настроенные высокостью религіозною или высокостью страстей, небрегли объ окружающемъ и второстепенномъ въ ихъ картинахъ. У нихъ небо является всегда бурое; облака похожи болѣе на копны сѣна или на гранитныя массы; дерево или дѣтски-однообразно своею правильностью, или негармонически-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова, напротивъ, всѣ предметы, отъ ве-

ликихъ до малыхъ, для него драгоцѣнны. Онъ силится схватить природу исполинскими объятіями и сжимаетъ ее со страстью любовника. Можетъ-быть, въ этомъ ему помогла много раздробленная разработка въ частяхъ, которую приготовилъ для него XIX вѣкъ. Можетъ-быть, Брюловъ, явившись прежде, не получилъ бы такого разносторонняго и вмѣстѣ полнаго и колоссальнаго стремленія. Оттого-то его произведенія, можетъ-быть, первыя, которыя живостью, чистымъ зеркаломъ природы доступны всякому. Его произведенія первыя, которыя можетъ понимать (хотя неодинаково) и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и не знающій, что̀ такое художество. Они первыя, которымъ сужденъ завидный удѣлъ пользованія всемірною славою, и высшею степенью ихъ есть до сихъ поръ—*Послѣдній день Помпеи*, которую, по необыкновенной обширности и соединенію въ себѣ всего прекраснаго, можно сравнить развѣ съ оперою, если только опера есть дѣйствительно соединеніе тройственнаго міра искусствъ: живописи, поэзіи и музыки.

1834, августъ.

ПЛѢННИКЪ.

(Отрывокъ изъ историческаго романа.)

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лукомья была смущена отрядомъ реестровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь безпрерывно обступавшія его тучи, на мгновеніе освѣщалъ дно провала, въ которомъ лѣпился этотъ небольшой городокъ. Къ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго одно уже появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительствъ, ѣхалъ съ какою-то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно, для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо — и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но, увидя угрожающій кулакъ или саблю одного изъ провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои тщедушные домики, закутываясь покрѣпче въ наброшенные

на плеча татарскіе тулупы и продрагивая отъ свѣжести ночного воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ совершенно противоположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города на косогорѣ. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмелемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви, съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣлыми старыми, придали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный (карнизъ), покрытый небольшими, своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизмѣримыми, когда-либо виданными усами, длиннѣе даже локтей рукъ его, котораго, по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчіяхъ посыпалась изъ-подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда. «Теремте-те, поповское проклятіе! Ато я знаю, чѣмъ васъ разбудить!» Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви; показались огни; связка ключей загремѣла; ворота со скрипомъ отворились — и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные, съ крестами въ рукахъ.

«Изыдите, нечистые! кромѣшники!» произнесъ едва слыш-

нымъ, дрожащимъ голосомъ настоятель. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, изыди, діаволъ!»

«Але то еще и брешетъ, поганый», прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени: изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ. «То брешешь, лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы; ато мы не дьяволы, мы—коронные».

«Что вы за люди? я не знаю васъ! Зачѣмъ вы пришли смущать православную церковь?»

«Я тебѣ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Давай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ».

«На что вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?»

«Я, глупый попъ, не буду съ тобой говорить. А если ты хочешь, басамаженята, поговори съ моимъ конемъ!»

«Принеси имъ, антихристамъ, ключи, братъ Касьянъ!» простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху. «Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! Ни одной бочки, ни боченка и ничего такого, что бы вамъ было нужно».

«А мнѣ какое дѣло? Ребята хотятъ пить. Я тебѣ говорю, если ты, глупый попъ, сѣна, стойла и пшеницы не дашь лошадямъ, то я ихъ въ костелъ вашъ поставлю и тебя сапогомъ до морды».

Настоятель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами іезуита. Онъ отворотился отъ него и остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственнаго ко всему, кромѣ церкви, старца.

«За что вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ трехъипостасною силою своею! Вѣрно, опять какой-нибудь мученикъ за вѣру Христову!»

Плѣнникъ испустилъ только слабое стенаніе.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно горѣвшей свѣтильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ

кружкомъ, бросалъ въ лицо ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Однѣ только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно тронуты свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть — трынъ-трава, что величайшее наслажденіе — табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку полякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляной полъ, часъ отъ часу уходившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и замковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе. Наконецъ, показалась деревянная, заросшая мхомъ, зацвѣтшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и каменьями. Передъ ней остановился онъ и оглянулъ ее значительно снизу до верху. «А ну!» сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ его волосистой брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ. Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отваливали бревна. Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга, прежде нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величіи смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими весями и городами, подъ всѣмъ веселящимся, живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ

гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполинскаго роста жаба остановилась, неподвижно выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехугольная, безъ всякаго другого выхода, пещера. Цѣлые лоскутья паутины висѣли темными клоками съ земляного свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ. Сова или летучая мышь были бы здѣсь красавицами.

«А чѣмъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая!» проревѣлъ предводитель. «Але тебѣ, псякрѣ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись на ковалки, а подъ голову подмости ту жабу, али возьми за жёнку на ночь!»

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно-беззвучно отдался подъ сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ столкнутъ на середину и слышалъ только, какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемыя бревна. Свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась надъ нимъ, и стукъ бревенъ, завалившихъ входъ его, показался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: «Его нѣтъ уже, но онъ былъ». Послѣ перваго ужаса, онъ предался какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, но вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго: видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто—и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живого. Онъ всѣми чувствами вселился въ темноту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ: ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи, — послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ.

Совершеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣты, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, или волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопѣ часть крылышка или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна, котораго, увы! не было въ его темницѣ, проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ черной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать опредѣлительность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему-то слизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!... Онъ вскрикнулъ и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись вдругъ въ весь ужасъ существенности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между тѣмъ отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ, какъ дома, высылалъ монаховъ подчищать конюшни и пировалъ, радуясь, что, наконецъ, схватилъ того, кто былъ имъ нуженъ.

1830.

О ДВИЖЕНІИ НАРОДОВЪ ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

Великое странствованіе народовъ, произведшее нынѣшнее населеніе Европы, касается началомъ своимъ глубокой древности. Оно было, можетъ-быть, современно основанію Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающіяся государства, видѣло первые шаги возникающей торговли и разливался духъ народовъ, составившихъ цвѣтъ древняго міра, — во глубинѣ Азіи скрывался другой, невѣдомый міръ, которому опредѣлено было уничтожить, убить все древнее величіе, древній духъ, древнія формы прежняго и замѣстить его всѣмъ новымъ. Средняя Азія совершенно противоположна южной, юго-западной, африканскимъ и европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ цвѣтущее разнообразіе природы, почвы, произведеній, смѣсь земли и моря, куча безчисленныхъ острововъ, мысовъ, заливовъ, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить дѣятельность и умъ человѣка. Природа Средней Азіи совершенно другого рода: она однообразна и неизмѣрима. Степи ея безбрежны, какъ-то огромно ровны, какъ будто похожи на пустынный океанъ, нигдѣ не останавливаемый островомъ. Неподвижныя озера безпредѣльныхъ равнинъ не могли возбудить никакой дѣятельности. Казалось, сама природа опредѣлила эту землю народамъ пастушескимъ, чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о первобытной жизни первоначальныхъ людей. Неизмѣримость равнинъ не могла внушить человѣку никакой идеи о по-

стоянномъ жилищѣ, которая обыкновенно возрождается у него при видѣ утесистой горы, берега, моря, острова и вообще, гдѣ только есть возможность укрѣпиться. Гдѣ же природа усыплена и недвижима, тамъ и человѣкъ безпеченъ: онъ заботится только о слишкомъ нужномъ. Патріархальные обитатели степей питались только молокомъ, сыромъ, доставляемыми ихъ полудикими животными, и рѣдко питались мясомъ. Оттого стада ихъ множились необыкновеннымъ образомъ: владѣльцы ихъ чаще должны были переходить съ мѣста на мѣсто, степей требовалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе — и тѣ земли, которыя ужасаютъ донынѣ своею неизмѣримостью, земли, бывшія вдвое болѣе тогдашняго образованнаго міра, земли, съ которыми бы земледѣльцы всего свѣта не знали, что дѣлать,—эти земли сдѣлались тѣсными. Сильнѣйшіе властители должны были вытѣснить слабѣйшихъ. Народы пастушескіе, не имѣя неподвижной собственности, укрѣпленной давностію владѣнія, легко уступаютъ первому напору и уходятъ съ своими стадами далѣе. И такимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержущимъ вулканомъ. Съ каждымъ годомъ выбрасывала она изъ нѣдръ своихъ новыя толпы и стада, которыя, въ свою очередь, сгоняли съ мѣстъ изверженныхъ прежде. Они перешли горы и потянулись въ Европу. Народы, можно сказать, не шли впередъ, а машинально сталкивали другихъ съ мѣстъ. Это не были завоеватели, а какіе-то невольники, дѣйствовавшіе только отъ страха наказанія. Цѣпь народовъ отъ востока и сѣверо-востока протянулась такимъ образомъ по всей Европѣ къ самому югу. На югѣ они встрѣтили первое сопротивленіе, ощутили огромную власть римлянъ и встрѣтились съ древнимъ міромъ. Между тѣмъ, Азія продолжала извергать новыя толпы. Толчокъ отъ каждаго новаго изверженія проходилъ по всей цѣпи: новые тѣснили прежнихъ, предыдущіе — послѣдующихъ. Стремленіе народовъ становилось сильно, но зато и отпоръ со стороны римлянъ былъ очень силенъ, и потому-то на границахъ Римской имперіи накопилось такое множество народовъ. Послѣ каждаго новаго изверженія это накопленіе становилось сильнѣе, и римлянамъ труднѣе было сопротивляться имъ. Наконецъ, римляне уступили—и тогда орды стремительнѣе хлынули на югъ Европы. Не имѣй Европа южною границею своею Средиземнаго моря, или

имѣй эти толпы народовъ какое-нибудь понятіе о мореплаваніи, это переселеніе долго бы не остановилось, — потому что Азія не переставала извергать новыя толпы, — народы перешли бы въ Африку, Европа еще бы нѣсколько лѣтъ не устоялась, хаосъ бы продолжился надолго, государства составились бы гораздо позже, и, вообще, весь ходъ образованія отодвинулся бы на дальнѣйшія времена. Но какъ только народы, овладѣвшіе югомъ Европы, увидѣли позади себя море и невозможность итти далѣе, то рѣшились всѣми силами сопротивляться нападавшимъ на нихъ непріятелямъ. Сіи послѣдніе, встрѣтивши неожиданный отпоръ, рѣшились отразить и своихъ непріятелей, которые съ своей стороны употребили то же съ своими, и такимъ образомъ толчокъ получилъ обратное направленіе, и движеніе вдругъ остановилось. Слѣдствіе этого почувствовалось даже въ Азіи, гдѣ нѣкоторые пастушескіе народы принуждены были заняться земледѣліемъ.

Это переселеніе совершилось бы гораздо быстрѣе, если бы Европа состояла изъ такихъ гладкихъ, открытыхъ равнинъ, какими исполнена Азія. Но въ ней, напротивъ того, природа на небольшомъ пространствѣ показала страшную нерегулярность и разнообразіе: со всѣхъ сторонъ она изрыта морями, берега ея всѣ изъ полуострововъ и мысовъ, средина почти нигдѣ не имѣетъ ровной поверхности: она идетъ то вверхъ, то внизъ, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, какъ будто провалившимися между ними. Къ этому нужно прибавить, что она въ то время вся была облечена дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ и пронята топкими болотами. И потому движеніе народовъ, чѣмъ глубже касалось Европы, тѣмъ происходило медленнѣе: они должны были продираться сквозь лѣса, перелѣзать черезъ горы и обходить болота. Они селились оазами и были такъ скрыты одинъ отъ другого лѣсами и невѣдомыми мѣстами, что часто долго были безопасны отъ всякихъ нападеній. И когда новое наводненіе толпы, слишкомъ многочисленной, водимой предпріимчивымъ повелителемъ, освѣщало Европу великолѣпными иллюминаціями, зажигая вѣковые лѣса ея, и лѣса исчезали,—тогда изумленнымъ глазамъ ихъ представлялся народъ, котораго существованія они даже и не подозрѣвали, и который нравами своими, хотя уже отдалившимися, все еще сходствовалъ съ

ними. Вся Европа состояла, можно сказать, изъ клочковъ и отрывковъ, отторженныхъ другъ отъ друга самою природою; оттого покореніе ея и соединеніе подъ одну власть было вовсе невозможно, и оттого произошли ея безчисленныя націи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, слились бы и изгладились, если бы она состояла изъ открытыхъ равнинъ. Это былъ новый невидимый міръ, о которомъ древніе просвѣщенные народы ничего не знали, и который, можно сказать, самъ мало зналъ себя.

Основу его составляло множество разныхъ отраслей германскихъ племенъ, простиравшихся по всему западу. Берега Нѣмецкаго моря, Рейна и Дуная и вся средина Европы до Балтійскаго моря были заняты ими. Состояніе ихъ во время перваго знакомства съ ними римлянъ уже показывало давнюю осѣдлость въ Европѣ и—что переселеніе ихъ совершилось въ глубокой древности. Но что оно истекло изъ Азіи, тому доказательствомъ служитъ странное сходство нѣкоторыхъ коренныхъ словъ языка германскаго съ персидскимъ *). Выбросила ли Азія, въ первоначальной древности, за однимъ разомъ племена на югъ, образовавшіяся среди горъ въ народъ персидскій, и на сѣверъ, превратившіяся въ лѣсахъ Европы въ германцевъ, или позже тяжелое вліяніе парянъ, ринувшихся изъ средины Азіи, принесло въ языкъ персидскій множество словъ, раздававшихся дотолѣ въ неизмѣримыхъ степяхъ ея и распространившихся уже и въ Европѣ **),—какъ бы то ни было, но первоначальное происхожденіе германцевъ было изъ Азіи, и переселеніе ихъ свершилось въ отдаленныя времена.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный міръ отъ римскаго. Физическая и духовная ихъ природа носила рѣзкій отпечатокъ самобытности и особенности. Ихъ организація физическая совершенно спорила съ организаціей народовъ древняго міра. Черные блестящіе глаза, темные волосы, выразительныя, южныя черты лица, казалось, дышавшія потребностью роскоши и пресыщающихъ наслажденій,—общей физіогноміей уже остановившагося древняго міра,—встрѣчали здѣсь совершенную противоположность: голубоглазые, свѣтловолосые, рослые,

*) Шлегель.
**) Миллеръ.

крѣпкіе, съ однимъ только свирѣпымъ выраженіемъ войны на лицѣ, германцы показали собою совершенно новую природу, которою означился новый міръ. Ихъ религія, ихъ жизнь, ихъ темпераментъ, первообразныя стихіи характера разнились во всемъ отъ образованныхъ тогдашнихъ народовъ. Религія германскихъ народовъ отличалась особенною оригинальностію. Ихъ божество и предметъ поклоненія была земля. Казалось, какъ будто мрачный видъ тогдашней Европы внушилъ имъ идею этой религіи. Будучи рѣдко освѣщаемы солнцемъ и находясь вѣчно подъ мрачною тѣнью вѣковыхъ дубовъ, рыя пещеры для первоначальныхъ своихъ жилищъ или сохраненія сокровищъ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растенія, приносившія имъ бѣдную пищу, и величественныя высокія деревья, шумѣвшія надъ ними, они почитали ее зиждительницею всего. Отъ ней производили они бога своего Туистона или Тевта, у котораго былъ сынъ Манъ, а отъ него различныя вѣтви германскихъ народовъ, которые, по мнѣнію ихъ, были древнѣйшими обитателями міра. Повидимому, такое понятіе о религіи совершенно отдѣляетъ ихъ отъ Азіи, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положенія земли всегда было сильно. Природа деспотически властвуетъ надъ первоначальнымъ человѣкомъ. Развиваясь и зрѣя умомъ, онъ получаетъ надъ нею верхъ и предписываетъ ей законы, но въ первобытномъ, но въ дикомъ состояніи онъ долженъ самъ исполнять ея законы: онъ рабъ ея. Въ Средней Азіи небо все открыто передъ глазами. Тамъ оно необозримо и велико. Земля передъ нимъ кажется слишкомъ низменною. Никакое высокое растеніе, никакая остроконечная, высокая, узкая скала не останавливаетъ взора; разстилающаяся по необозримымъ пространствамъ трава представляетъ ее еще низменнѣе. Солнце тамъ течетъ величественно, обливая все своимъ свѣтомъ; звѣзды усыпаютъ густо небесный небосклонъ и однѣ только могутъ остановить человѣка и препятствовать совратиться съ пути. Оттого во всей Азіи царствовало всегда поклоненіе солнцу и небеснымъ свѣтиламъ. Передвигаясь въ Европу, народы рѣже видѣлись съ солнцемъ. Густой и величественный мракъ европейскихъ лѣсовъ сильнѣе поражалъ ихъ дикое воображеніе. Туманы Сѣвера и болотныя испаренія скрывали вовсе небо; самая необходи-

мость заниматься иногда земледѣліемъ заставляла ихъ болѣе привязаться къ землѣ. И потому-то у германскихъ народовъ было очень слабо поклоненіе свѣтиламъ; едва у немногихъ сохранилась о немъ память. Во глубинѣ и глуши лѣсовъ, непроницаемыхъ солнцемъ, они приносили свои жертвы богинѣ — матери Гертѣ. Казалось, мракъ считался у нихъ чѣмъ-то священнымъ, и потому-то ихъ религія уже въ самомъ началѣ не сходствовала съ другими. Они вѣрили въ безсмертіе. Но ихъ небеса были мрачны. Они въ своемъ Валгалѣ видѣли продолженіе воинственной ихъ жизни: туда переселяли они свои германскіе дубы, пылающіе костры и громъ оружій; небеса облекали въ свинцовыя тучи и населяли темными тѣнями своихъ великихъ, уже погибшихъ на войнѣ, героевъ. Поклоненіе Гертѣ разошлось между всѣми почти германскими племенами. Къ предметамъ поклоненія ихъ принадлежали также тѣни умершихъ героевъ, которыхъ они представляли въ колоссальномъ видѣ. Такія же почести раздѣляли ихъ товарищи-кони, изъ которыхъ бѣлые почитались, по свидѣтельству Тацита, священными и хранились въ заповѣдныхъ рощахъ. Ихъ впрягали въ священную колесницу, за которою шелъ король, жрецы, и по храпѣнію ихъ узнавали будущее.

Германскіе народы долго сохраняли первобытный образъ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звукѣ ея, какъ молодые, исполненные отваги, тигры. Думали о томъ только, чтобы помѣряться силами и повеселиться битвой. Ихъ мало занимала корысть или добыча: блеснуть бы только подвигомъ, чтобы послѣ пересказали его дѣло въ пѣсняхъ. Съ именемъ прославившагося въ бояхъ соединялись у нихъ всѣ выгоды и счастіе жизни. Его выбирали въ предводители; къ нему чувствовалось у всѣхъ народовъ уваженіе и изумленіе. Онъ былъ посредникъ и судья во всѣхъ спорахъ, на войнѣ полный распорядитель добычи; ему даже чуждыя, отдаленныя племена присылали конныя сбруи; ему родныя и подвластныя племена добровольно приносили въ даръ произведенія полей своихъ—плоды, скотъ и лошадей. Храбрость казалась чѣмъ-то божескимъ; подъ его знамена всѣ спѣшили наперерывъ и сражались, не для добычи, но чтобы показаться передъ нимъ и заслужить его одобрительное слово. Его имя долго поминалось въ пѣсняхъ, и по смерти его, въ честь ему,

совершались пиршества; и долго племя, имѣвшее его, превозносилось его подвигами передъ другими; тѣнь его становилась божествомъ и служила предметомъ поклоненія. Такой удѣлъ былъ завиденъ, потому что жажда безсмертія уже кипитъ и въ неразвившемся человѣкѣ. Всѣ наперерывъ стремились прошумѣть подвигами; битвы были часты, и германцы, по первому призванію, готовы были летѣть съ своими дикими силами.

Они сражались почти наги, выказывая во всей простотѣ атлетическую свою силу. Плащъ, застегнутый вмѣсто пряжки терновымъ шипомъ, кожа дикаго звѣря на плечѣ—вотъ ихъ убранство. Они строились густо, кучами, въ видѣ клина; дѣйствовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями; львиная сила мышцъ ихъ бросала ихъ такъ далеко, сколько нужно было, чтобы достать непріятеля; одни щиты ихъ показывали роскошь, испещряемые яркими цвѣтами; толпа женъ, дѣтей слѣдовала за ними въ битву, сопровождала ихъ своимъ крикомъ и была причиною новаго мужества: они не мыслили предаться бѣгству, при мысли о рабствѣ, ожидающемъ ихъ женъ и дѣтей, усугубляли дикій напоръ свой, и непріятели уступали. Ихъ жены тутъ же, среди битвы, высасывали раны мужей своихъ, залѣчивали ихъ и даже уносили на плечахъ своихъ. Смерть предводителя, вмѣсто того, чтобы разстроить ихъ, связывала желѣзною силою мести и дѣлала ихъ несокрушимыми. Бросить щитъ было верхъ безчестія, и несчастный, жертва всеобщаго презрѣнія, убивалъ самъ себя. Предводитель, силою одного уваженія, безъ власти, правилъ самовластно племенами, и воины, съ изумительною покорностью, исполняли его велѣнія. Предводя на войнѣ, они оставляли при себѣ власть эту иногда и среди мира и назывались германами *).

Они были вольны и не хотѣли никакой имѣть надъ собою власти. Правленія у нихъ почти не было. Они собирались на народныя собранія, стекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и во всякое время. На эти собранія они приходили лѣниво и медленно, желая показать, что дѣлаютъ это по своей волѣ; нѣсколько дней протекало, покамѣстъ могло

*) Тацитъ.

составиться нужное число для совѣщанія. Они сидѣли въ полномъ вооруженіи; одни только жрецы могли приказать наблюдать молчаніе; предсѣдательствовали старѣйшины семействъ, сѣдовласые (grawion), послѣ измѣнившіе это названіе въ графовъ; говорили князья и прославившіеся въ битвахъ; рѣчи ихъ были просты, но исполнены того сильнаго и сжатаго лаконизма, которымъ отличается безхитростное краснорѣчіе народовъ свѣжихъ.

Они были просты, прямодушны; ихъ преступленія были слѣдствіе невѣжества, а не разврата. То, что было безчестіе и низость духа, называлось только преступленіемъ; переметчики, измѣнники были вѣшаны и предаваемы мучительной казни; за низкіе и безчестные поступки бросали въ болото, забрасывали тиною и фашинникомъ, какъ бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. Жена, измѣнившая мужу, была въ его власти: онъ могъ отрѣзать ей волоса, лишить одѣянія и обнаженную, покрытую стыдомъ, гнать розгами чрезъ веси и деревни, и никто не смѣлъ изъявлять сожалѣнія, несмотря на всю красоту ея; но примѣры эти были рѣдки, потому что германцы были дики и жестки нравами, и что у нихъ были только обычаи, которые обыкновенно сильнѣе самихъ законовъ.

Они были безпечны, бездѣйственны въ домашней жизни и представляли совершенную противоположность безпокойному быту воинскому. Они были безчувственно-лѣнивы и лежали въ своихъ хижинахъ, не трогаясь съ мѣста. Чѣмъ болѣе кто почиталъ себя храбрымъ, тѣмъ болѣе считалъ для себя низкимъ всякое занятіе; поля обрабатывали старики, безсильные, малолѣтніе и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать отъ полей своихъ. Всѣ домашнія заботы лежали на женахъ. Жена не приносила мужу приданаго; напротивъ, онъ долженъ былъ самъ, наканунѣ свадьбы, принесть въ даръ быка въ ярмѣ, вооруженную лошадь и копье, какъ бы желая этимъ дать знать, что она должна раздѣлить всѣ его занятія.

Они одѣвались совершенно противоположно римскому міру и всѣмъ народамъ южнымъ, любителямъ вольныхъ, широкихъ одеждъ: они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около ихъ тѣла; звѣриныя кожи, носимыя ими, придавали имъ что-то дикое и звѣрообразное. Одѣянія женъ

ихъ мало отличались отъ мужскихъ; у иныхъ платье было льняное алое, доходившее только до пояса, такъ что шея, грудь и руки были открыты. Дѣти были совершенно преданы своей волѣ и росли вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ. Когда они достигали совершеннаго возраста, тогда только получали право носить оружіе и засѣдать въ собраніяхъ. Гостепріимство, свойственное почти всѣмъ дикарямъ и первобытнымъ нравамъ, было ихъ принадлежностью. Гостя дарили подарками; не могшій угостить его, отводилъ самъ къ другому.

Но болѣе всего можно было видѣть древняго германца въ его пиршествахъ, въ которыхъ проводили они напролетъ цѣлыя ночи, гдѣ зажженные дубы величественно освѣщали лѣса, и хлѣбный напитокъ изъ ячменя, можетъ-быть, пращуръ нынѣшняго пива, такъ употребительнаго въ Германіи, разрѣшалъ ихъ мысли, рѣчи и намѣренія. Въ этихъ-то пиршествахъ созрѣвали всѣ ихъ предпріятія. Тутъ они задумывали свои смѣлыя и дерзкія дѣла, которыя не всегда и не всѣмъ могли притти въ голову во время медленныхъ народныхъ собраній. Они были стремительны, азартны, и какъ только были разбужены, потрясены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, то уже не знали предѣловъ своему стремленію. Азартность ихъ болѣе всего оказывалась въ игрѣ, въ которую заигрывался дикій германецъ до того, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣтей, наконецъ, самого себя и становился рабомъ,—состояніе нестерпимѣе для него самой смерти! Эта азартность, можетъ-быть, служила основаніемъ тѣхъ дерзкихъ, сильныхъ страстей, которыми исполнены европейцы.

Таковы были народы германскіе—грубыя стихіи, изъ которыхъ образовалась новая Европа. Они дѣлились на безчисленныя племена и, какъ густые европейскіе лѣса, усѣивали сѣверную Европу. Чтобы яснѣе обозрѣть ихъ, начнемъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древній міръ уже видѣлъ этихъ первоначальныхъ зиждителей новаго, т. е. отъ рѣки Дуная, служившаго предѣломъ для римлянъ. Тутъ обитали уже входившіе въ сношеніе съ древнимъ просвѣщеннымъ Римомъ, все еще вольные, но уже не столь одичавшіе, какъ-то: гермундуры, нариски, маркоманы и квады. Потомъ великая цѣпь племенъ германскихъ толпилась по Рейну, отъ устья и внизъ до впаденія его въ море: вангіоны, трибоки, нѣметы,

матіаки, убіи; за ними слѣдовали тенктеры, бывшіе первыми наѣздниками, которыхъ конница славилась и у римлянъ, которыхъ все имущество были лошади и оставлялись въ наслѣдство только храбрымъ; за ними узипетры и у самаго впаденія Рейна въ море — сильные батавы. Средина Германіи, погруженная въ лѣса, скрывала самыхъ свирѣпыхъ и сильныхъ народовъ. Начиная съ запада и на востокъ, первые встрѣчались хаты, предки нынѣшнихъ гессенцовъ, жившіе при рѣкѣ Майнѣ, гдѣ Германія состоитъ изъ частыхъ возвышенностей,—народъ, страшившій своею пѣхотою, регулярнымъ устройствомъ ея, осмотрительностію въ нападеніяхъ и дикимъ выраженіемъ лицъ своихъ. Ихъ обычаи невольно поражали своею оригинальностію. Ни одинъ юноша не смѣлъ отрѣзать волосъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не омылъ рукъ своихъ въ крови непріятеля; въ битвахъ они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякій хатъ носилъ на рукѣ своей желѣзное кольцо, что считалось безчестіемъ, потому что напоминало цѣпи; сбросить его онъ могъ тогда только, когда поражалъ собственною рукою непріятеля. На югъ отъ хатовъ были херуски, обитатели Гарца; далѣе слѣдовали фозы, сигамбры, бруктеры, ангруаріи, хазуаріи, наконецъ, аряне, отличавшіеся совершенно особеннымъ родомъ нападеній, которыя они производили въ глухія, мрачныя ночи, и, желая облечь ихъ страхомъ, выкрашивали тѣло, носили щиты, покрытые черною краскою, и, въ видѣ погребальной процессіи, представлялись изумленнымъ глазамъ непріятелей, не могшихъ выносить такого зрѣлища. За ними на востокъ, въ пространствахъ нѣсколько болѣе открытыхъ, обитали свевы, состоявшіе изъ множества разныхъ племенъ и ведшіе долго еще жизнь пастушескую, несмотря на то, что положеніе земли, еще болотной, мало представляло для ней удобства.

Вообще можно сказать: чѣмъ ближе къ западу и югозападу, тѣмъ болѣе было занимавшихся земледѣліемъ, или, по крайней мѣрѣ, оно мѣшалось у нихъ съ пастушескою жизнію; чѣмъ ближе къ востоку, къ Венгріи, Дакіи и Польшѣ, тѣмъ болѣе преобладала пастушеская жизнь; чѣмъ глубже въ лѣса Гарца, тѣмъ мрачнѣе и сильнѣе становились германскія племена. Но самые опасные, которыхъ

римляне даже вовсе почти не знали и которые были истинные разрушители ихъ владычества — это были всѣ, населявшіе берега морей и прибалтійскія земли. Сюда никогда не досягали римляне. Здѣсь жили пираты, самые предпріимчивые изъ германцевъ, которыхъ уже положеніе земли и моря заставляло отваживаться на дерзкія дѣла. Такимъ образомъ, по Нѣмецкому морю жили фризы и хавки; за ними самые сильные корсары Сѣвера — саксы, въ Голштиніи — кимвры, по Балтійскому морю — готы, варны, ругіи, бургунды, и въ Пруссіи — ломбарды, вандалы, герулы. Кромѣ того, въ срединѣ Германіи находилось еще множество разныхъ отродій, совершенно скрытыхъ болотами и лѣсами, которыя, во время частыхъ битвъ между ея племенами, были вытѣсняемы и видѣли необходимость избирать неприступныя мѣста. Горы Альпъ и Карпата заключали въ себѣ множество клочковъ или остатковъ разныхъ племенъ галльскихъ, германскихъ и вендскихъ, бандитствовавшихъ въ дикой Европѣ. Сѣверо-востокъ ея, совершенною бѣдностію почвы, уединеніемъ и страшнымъ пространствомъ, не могъ образовать и возрастить сильныхъ народовъ. Въ разсѣянныхъ, бездомовныхъ, безпріютныхъ его обителяхъ, финнахъ, и отросткахъ народовъ эстскихъ замирала жизнь, какъ и въ самой природѣ того края.

Вотъ каковъ былъ тотъ отдѣльный міръ дикой Европы! Вотъ каковы были тѣ народы, которыхъ мощную силу прежде всего должны были испытать римляне. И если всемірная имперія не пала гораздо ранѣе, то причиною этого были чрезвычайное раздробленіе народовъ германскихъ, положеніе Европы, препятствовавшее имъ слиться въ одно, простота нравовъ, заставлявшая ихъ довольствоваться грубыми произведеніями своей земли, незнаніе корысти, такъ свойственной разрушающимъ дикарямъ, осѣдлость и любовь къ свободѣ, заставлявшая ихъ удаляться въ глубину своихъ лѣсовъ. Римляне чувствовали всю опасность отъ этихъ свѣжихъ силъ европейскихъ народовъ. И оттого никакая изъ границъ имперіи — ни восточно-азійская, ни южно-африканская, не была такъ защищена, какъ сѣверо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила ихъ. И должно признаться, что средства защиты, при тогдашнемъ изнемогающемъ состояніи имперіи, были приняты самыя благоразумныя. Имперія отдавала опасныя

границы свои свѣжимъ воинственнымъ народамъ, которые лучше всего могли защищать ихъ и были довольны вначалѣ немногимъ. Но къ чести народовъ германскихъ нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла ихъ принимать этотъ даръ римлянъ. Эта зависимость казалась для нихъ рабствомъ, и они спѣшили въ глубину лѣсовъ своихъ — скрыть тамъ свою свободу. Покушенія римлянъ принуждали ихъ составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападательны; цѣль ихъ была только привести въ безопасность свою волю, бывшую для нихъ дороже всего. Одинъ изъ сихъ союзовъ, извѣстный подъ именемъ союза франковъ, болѣе другихъ возросъ и усилился, благодаря благопріятному положенію земли и умножавшимся натискамъ со стороны всѣхъ народовъ. Разнородныя племена, его составившія, заняли часть Вестфаліи и Гессена и такъ тѣсно слились, что составили, наконецъ, одну націю подъ именемъ франковъ. Но этотъ союзъ не былъ бы такъ страшенъ для римлянъ, и вся Германія долѣе пребывала бы неподвижною, если бы не дѣйствовали на нее постороннія силы выходившихъ изъ Азіи народовъ. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкія ворота въ западную Европу, большая дорога, черезъ которую переходили попеременно разноцвѣтные народы; лѣса были здѣсь болѣе выжжены, нежели въ другихъ мѣстахъ; болота скорѣе высохли, и съ каждымъ столѣтіемъ она становилась просторнѣе и удобнѣе для переходовъ. Открытыя мѣста ея давали средство народамъ и племенамъ соединяться въ большія массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая даетъ средства производить великіе набѣги. Народъ вдругъ могъ подняться съ легкихъ жилищъ своихъ и произвести всею массою самое страшное, ничѣмъ не отразимое, разрушительное нападеніе.

Одному изъ народовъ германскихъ опредѣлено было прежде всѣхъ другихъ произвести всеобщее движеніе. Этотъ народъ былъ готы *), народъ, надъ которымъ, казалось, тяготѣло какое-то проклятіе, осудившее его на скитаніе. Долго блуждалъ онъ и показывался то въ Скандинавіи, на противоположныхъ берегахъ Балтійскаго моря, то, наконецъ,

*) О готахъ Прокопій, Іорнандъ, Гиббонъ.

на широкомъ востокѣ Европы. По свидѣтельству историка Іорнанда, онъ первобытную жизнь велъ въ Скандинавіи. Можетъ быть даже, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ народовъ Европы. Перебравшись изъ снѣговой своей отчизны, онъ устремился на берегъ Пруссіи и произвелъ страшный всемірный переворотъ, вытѣснивъ оттуда вандаловъ, ломбардовъ, геруловъ, бургундовъ и саксовъ, и, противъ ихъ собственной воли, заставилъ ихъ быть одними изъ ревностныхъ дѣятелей въ разрушеніи Западной имперіи. Всеобщее потрясеніе ощутилось во всей Европѣ: вся эта цѣпь сильныхъ прибалтійскихъ народовъ придвинулась ближе къ границамъ римскимъ, потѣснила въ горы и болота множество племенъ, сжала сильнѣе ихъ силу, и римляне должны были завести новое знакомство: герулы, вандалы, ломбарды уже стали появляться въ войскахъ ихъ.

Между тѣмъ, готы, прочистивши передъ собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили придунайскихъ народовъ—маркомановъ, квадовъ; соединились въ южныхъ равнинахъ Дакіи въ многочисленныя массы и, съ приведенными подъ власть свою народами, устремились къ Черному морю. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ удобнѣе была имъ дорога и тѣмъ быстрѣе былъ ихъ путь; наконецъ, они очутились въ срединѣ Греціи и въ Малой Азіи, выжгли берега Чернаго моря. Халцедонъ, Эфесъ были обращены въ пепелъ; Аѳины были разграблены страшно, безжалостно. Императоръ Децій видѣлъ опасность восточныхъ границъ обширной своей имперіи, и, между тѣмъ какъ на западныхъ границахъ войска его сражались съ вандалами, свевами, герулами, сдвинутыми съ мѣстъ готами, онъ самъ предводилъ войсками на востокѣ и погибъ съ оружіемъ въ рукахъ. Готы съ великою добычею возвратились, заняли нынѣшнюю Россію, пріобрѣли трактатомъ отъ римлянъ всю Дакію и остались здѣсь, владычествуя надъ придунайскими народами и тревожа присутствіемъ своимъ безпечную имперію. Тогда всемірные императоры, узнавшіе несчастнымъ опытомъ дикое мужество готовъ, составили планъ принимать ихъ въ свои войска и выдавать жалованье этимъ неодолимымъ дикарямъ. Симъ пріобрѣли они сильныхъ защитниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли и сильныхъ непріятелей, потому что открыли имъ тайну благоустроенной тактики, которая еще болѣе могла придать имъ перевѣса.

Но, впрочемъ, тактика готовъ и безъ того была неодолима. Она соединяла въ себѣ мѣткость и тактику народовъ легкихъ и летучихъ и тактику неподвижныхъ народовъ. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крѣпость въ порывѣ перваго нападенія, въ разгарѣ битвы и въ истощающей силѣ ея окончанія. Какъ бы долго ни длилась битва, ихъ ряды невозможно было сдвинуть съ мѣста. Нападенія свои они сопровождали такъ же, какъ и другія германскія племена, пѣснями. Въ пѣсняхъ провозглашались имена древнихъ героевъ: Фридигера, Видигана, Этеобальда и другихъ. Власть религіозная заключалась въ одномъ лицѣ, который былъ жрецъ и царь, и предводитель войскъ, и верховный жрецъ, и при всемъ томъ — зависѣлъ отъ совѣта храбрыхъ.

У готовъ съ незапамятныхъ временъ тянулось царственное поколѣніе Бальтовъ, изъ которыхъ только однихъ можно было избирать царей. Поклонялись Водану, бывшему въ отдаленные вѣка ихъ предводителемъ жрецъ съ Одеономъ, этимъ сѣвернымъ Улисомъ *). Изъ всѣхъ народовъ германскихъ готы болѣе другихъ способны были принять цивилизацію. До средины четвертаго вѣка, власть готовъ признавалась болѣе или менѣе народами на Дунаѣ, на западѣ и на востокѣ нынѣшней Россіи. Имя царя ихъ Германариха было уважаемо отъ береговъ Чернаго моря до Ливоніи... Но владычество готовъ было смущено великимъ азіятскимъ нашествіемъ гунновъ.

Гунны или гіонгну, по свидѣтельству Дегине, были племена сильныя, занимавшія великія степи Татаріи, Маньчжуріи, потрясшія Китай, но неумѣвшія противиться китайской лукавой политикѣ и обратившіяся впослѣдствіи въ данниковъ китайскихъ монарховъ. Однакоже, многочисленная часть поднялась съ своими кибитками и табунами, направляясь на западъ, заняла закаспійскія земли и скрылась такимъ образомъ изъ виду Китая. Поселеніе ихъ на берегахъ каспійскихъ историки римскіе относятъ ко времени Домиціана. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что образованный тогдашній римско-греческій міръ ничего не зналъ даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ этотъ народъ, до времени императора Валента, т. е. до того времени, когда увидѣли

*) Шлегель.

вдругъ извергавшіяся изъ горъ Азіи толпы гунновъ и съ ними аваровъ, гуннуюровъ, ульзингуровъ и другихъ народовъ, которыхъ имена дико звучали для утонченнаго и вмѣстѣ испорченнаго слуха римлянъ-грековъ. Набѣгъ этихъ обитателей Азіи, разрушительный, неотразимый, обычай ихъ ѣсть сырое мясо, пить изъ непріятельскихъ череповъ и приносить на окровавленномъ кострѣ въ жертву тѣнямъ своихъ предковъ первыхъ попадавшихся плѣнниковъ, самыя ихъ калмыцкія лица, плоскія, неуклюжія, смуглыя, наводившія робость однимъ своимъ свирѣпымъ движеніемъ, ихъ приземистый ростъ, весь состоявшій изъ однихъ мускуловъ,— привели въ такой ужасъ азіатско-римскія провинціи, что жители не смѣли производить ихъ отъ человѣческаго племени. Они думали, что маги и волшебники неизмѣримыхъ каспійскихъ пустынь вошли въ нечистое сношеніе съ дьяволами, и отъ этого союза произошли гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту, или, можетъ-быть, испугавшись слишкомъ пестрой поверхности римской Азіи, усѣянной садами и городами, которыхъ всегда убѣгаютъ кочевые народы, считающіе ихъ темницами, или не находя вольныхъ пустынныхъ степей, необходимыхъ для ихъ неисчисляемыхъ стадъ,—какъ бы то ни было, только они двинулись, вмѣсто того, чтобы на югъ,—на сѣверо-западъ, зацѣпили путемъ своимъ Кавказа, сорвали съ его подошвы нѣсколько народовъ кавказскихъ и увлекли съ собою. Вся эта кочевая толпа высыпала въ Европу. Великій аванпость Европы занятъ былъ, какъ мы уже видѣли, владычествомъ готовъ. Ихъ многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами и наполняли ея обширныя ворота, къ несчастію, слишкомъ обширныя для такой небольшой части свѣта, какова Европа. И готы, тѣ готы, которые считались непобѣдимымъ ея оплотомъ и силою, уступили передъ ними. Это такъ и долженствовало быть. Тайна азіатскаго многочисленнаго набѣга была совершенно не извѣстна готамъ. Если бы они знали, что азіатское нападеніе болѣе всего страшно силою перваго порыва, что умѣніе долѣе противустать ему и продлить битву одни только могутъ выиграть,—если бы готы знали это, то гунны убрались бы снова за Кавказъ, и Европа не почувствовала бы сильнаго потрясенія, измѣнившаго снова ея видъ. Но эта тайна не была постигнута готами. Впрочемъ,

надобно сказать и то, что нужно было имѣть нечеловѣческую храбрость и крѣпость духа, чтобы выдержать первый напоръ гунновъ. Нападенія ихъ были производимы съ такимъ ужаснымъ крикомъ; многочисленная масса ихъ летѣла такъ густо и съ такою силою на лошадяхъ, бѣшеныхъ, почти дикихъ, какъ будто бы была сброшена съ крутого утеса и не въ состояніи была сама удержать бѣга; узкій, почти пропадавшій между пухлыхъ щекъ ихъ глазъ былъ такъ быстръ и вѣренъ, въ одно мгновеніе они давали столько измѣненій ходу битвы, такъ быстро могли разсыпаться и исчезнуть изъ виду, такъ скоро собраться въ кучи, такъ мѣтко высылать летящій лѣсъ стрѣлъ; даже убѣгая, такъ ловко они умѣли отстрѣливаться, и все это сопровождали такимъ дикимъ, оглушительнымъ крикомъ, что врядъ ли могъ сыскаться предводитель, чей глазъ не разбѣжался бы и голова не закружилась въ битвѣ съ ними.

Погнавши готовъ, гунны заняли нынѣшній польскій западъ Россіи да сѣверныя и дунайскія земли,—и географія Европы измѣнилась снова. Занявши такое огромное пространство, гунны необходимо должны были произвесть сильное потрясеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Сдвинутые готы, хотя съ трудомъ, но подались на западъ и югъ; вандалы и свевы, съ которыми римляне, или, лучше сказать, римскіе германцы мѣрялись уже на самыхъ границахъ своими силами, ворвались чрезъ Францію и Альпы въ Испанію. И въ Испаніи, ко всеобщему изумленію, столкнулись народы совершенно съ противоположныхъ странъ свѣта: свевы съ береговъ Балтики и снѣжной Скандинавіи, и алане, оторванные гуннскимъ порывомъ съ подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степямъ Россіи, переносили свои кибитки и перегоняли табуны въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, не производя дальнихъ завоеваній, потому что западную Европу и на этотъ разъ спасало лѣсистое и неровное положеніе и потому что гуннамъ недоставало предпріимчиваго предводителя. Они производили свои набѣги на сосѣдей, которые обыкновенно состояли въ хищничествѣ женъ, дѣтей и въ угонкѣ стадъ въ свои предѣлы. Эти хищничества болѣе всего должны были испытать готы, какъ ближайшіе къ нимъ народы. Готы въ это время раздѣлились на двѣ великія вѣтви: на визиготовъ, которыхъ цари были избираемы изъ прежней царственной линіи Бальтовъ, и остро-

готовъ, избиравшихъ царей изъ новой царственной вѣтви Амаловъ. Столкнутые гуннами, они притѣснились къ самому югу нынѣшней Украйны и Молдавіи. Не нашедшая безопасности часть визиготовъ, подъ начальствомъ Фридигера, Алета, Сафраха, обратилась съ просьбою къ римскому императору о позволеніи перейти черезъ Дунай и, поселившись на южной сторонѣ его, защищать провинціи отъ нападенія усиливавшихся варваровъ. Императоръ Валентиніанъ, управлявшій имперіей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валентомъ, принялъ съ радостію неожиданную помощь — и визиготы перешли чрезъ Дунай. Между тѣмъ остроготы и часть визиготовъ, жившихъ на юго-востокѣ, терпѣли часто голодъ и видѣли безпрестанно увеличивающіяся свои нужды, просили императора Валента, который имѣлъ надзоръ надъ восточными провинціями и жилъ въ Константинополѣ, снабдить ихъ нужными произведеніями и позволить имъ торговать съ тамошними жителями. Императоръ поручилъ удовлетворить ихъ во всемъ ѳракійскимъ правителямъ, Луципину и Максиму, которые были совершенные греки временъ византійскихъ—коварные, готовые оказать злодѣйскіе поступки даже безъ побудительныхъ причинъ и почитавшіе позволительными всѣ поступки съ варварами. Они не торговали, но просто грабили готовъ и доводили ихъ до крайности продавать женъ и дѣтей; наконецъ, подъ видомъ пріязни, призвали доблестнѣйшихъ готовъ и рѣшились тайно умертвить ихъ. Это пробудило мщеніе въ дикомъ, но сохранявшемъ первоначальныя человѣческія чувства народѣ. Многочисленныя толпы готовъ ворвались во Ѳракію и до самаго Константинополя жгли, грабили и обратили въ пепелъ всѣ находившіеся по дорогѣ города и окрестности. Императоръ Валентъ находился въ весьма неблагопріятномъ положеніи. Онъ былъ ревностный аріанецъ, и потому гналъ безъ милосердія противниковъ секты, потому имѣлъ враговъ, и самъ братъ его Валентиніанъ, императорствовавшій въ Римѣ, отказался подать ему помощь. Кромѣ того, императоръ Валентъ былъ жестокъ и ужасно подозрителенъ: ему предсказали, что гибель его послѣдуетъ отъ человѣка, котораго имя начинается словомъ *Ѳео* — и онъ перерѣзалъ и передушилъ всѣхъ Ѳеодориковъ, Ѳеодотовъ и Ѳеодосіевъ, которые только занимали какія-нибудь значительныя должности. Само собою разумѣется, что такіе по-

ступки не внушили его подданным взглядъ жара защищать своего монарха. Притомъ, и самые подданные были жалкій, безхарактерный народъ; войска умѣли только бунтоваться и готовы были бѣжать при первомъ случаѣ; финансы разбрелись по рукамъ евнуховъ, любимцевъ, любовницъ и пронырливаго духовенства. Итакъ, Валенту, наконецъ, пришлось попытаться за прежнюю жизнь свою. Оставленный бѣгущими войсками, онъ спрятался въ бѣдную хижину и былъ сожженъ вмѣстѣ съ нею мстительными готами. Константинополь уцѣлѣлъ, благодаря незнанію готовъ осаждать города. Готы съ торжествомъ, съ безчисленною добычею, возвратились въ свои жилища, оставивъ римлянамъ страшную память своего посѣщенія.

Скоро послѣ этого произошло совершенное раздѣленіе Римской имперіи. Императоръ Ѳеодосій думалъ спасти ее чрезъ эту секуляризацію, приписывая слабость ея невозможности и невозможности одному управлять. Восточная имперія, которая очень справедливо стала называться Греческою, а еще справедливѣе могла бы назваться имперіей евнуховъ, комедіантовъ, любимцевъ, расталищъ, заговоровъ, низкихъ убійцъ и диспутствующихъ монаховъ, досталась Аркадію, которымъ управлялъ пронырливый опекунъ его Руфинъ; Западная, которая тоже весьма несправедливо называлась Римскою, потому что всѣ административныя значительныя мѣста были заняты выслужившимися варварами изъ готовъ, вандаловъ и другихъ германцевъ, получившихъ только слабый наружный лоскъ римскаго образованія, которая уже въ собственномъ сердцѣ своемъ видѣла насильно гнѣздившихся враговъ, которая въ живомъ трупѣ своемъ видѣла и чувствовала онѣмѣніе жизни, — эта Западная имперія вручена была малолѣтнему Гонорію, которымъ управлялъ Стиликонъ, родомъ вандалъ, бывшій вѣрнымъ и храбрымъ при Ѳеодосіи и сдѣлавшійся низкимъ и слабымъ при ничтожномъ его сынѣ. Опекуны, правительствовавшіе въ разныхъ углахъ Европы, ненавидѣли другъ друга. Первый изъ нихъ, который Руфинъ, хитрый, какъ византійскій грекъ, предложилъ къ своему непріятелю Стиликону, состоявшему въ сильныхъ войскахъ визиготовъ, которыхъ онъ настроилъ воевать Италію, обѣщая съ своей стороны не оказать никакой помощи. Всѣ визиготы поднялись со своихъ стоянокъ въ Даціи и съ береговъ Дуная и вступили

въ Италію. Но Стиликонъ, вмѣсто того, чтобы устрашиться такого нашествія, втайнѣ былъ радъ ему. Онъ основывалъ на немъ кучу плановъ. Прежде всего онъ думалъ этими свѣжими, многочисленными и сильными варварами истребить другихъ варваровъ, уже втѣснявшихся въ самые предѣлы Римской имперіи. Тогда Галлія и принадлежала, и не принадлежала римлянамъ. Сильный франкскій союзъ стоялъ на границахъ ея вмѣстѣ съ накопленными подъ его эгидомъ племенами; на востокѣ и на югѣ, т. е. въ нѣдрѣ самой Франціи, вольно расположились алеманы и бургунды. Въ Испаніи свевы, алане и вандалы захватили всю лучшую часть ея, т. е. югъ. Среди ихъ римскіе префекты и начальники играли самую жалкую роль, имѣя достоинство безъ власти. Казалось, вмѣсто Римской имперіи лежала надъ полуміромъ одна только величественная длинная тѣнь ея. Имперія была похожа на тысячелѣтній дубъ, который изумляетъ своею страшною толщиною и котораго средина давно уже обратилась въ гниль и прахъ. Стиликонъ искусно отклонилъ Алариха отъ желанія поселиться въ Италіи и предложилъ ему богатую, цвѣтущую Испанію. Онъ даже замышлялъ обратить этихъ варваровъ противъ врага своего Руфима; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ располагалъ даже, въ случаѣ удачи, объявить себя императоромъ вмѣсто слабаго Гонорія, но черезчуръ перехитрилъ, и собственная голова слетѣла съ плечъ его. Слабый, ничтожный Гонорій, не понявшій ни одного проекта Стиликона, велѣлъ одному изъ своихъ, также неразсудительныхъ, полководцевъ напасть съ тыла на готовъ, уже выступавшихъ въ Испанію, съ тѣмъ, чтобы нанести имъ какой-нибудь вредъ. Аларихъ вдругъ обратился и очутился подъ стѣнами Рима. Гонорій по обыкновенію бѣжалъ. Сенатъ, видѣвши безсиліе свое, умолилъ могущественнаго гота отступить, обѣщая дань, часть которой ему была выдана тогда же; остальной рѣшился побѣдитель ждать и отступилъ отъ Рима. Какъ только узналъ Гонорій, что опасность миновала, какъ уже вновь прибылъ въ Римъ и вовсе не думалъ платить дани. На этотъ разъ Аларихъ явился подъ стѣнами уже гнѣвный, грозившій обратить въ пепелъ вѣчный городъ. 23 августа 409 года стѣны всемірной столицы увидѣли среди себя предводителя готовъ. Великолѣпные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларихъ

запретилъ зажигательство и пролитіе крови. Изъ этого можно видѣть силу воли и власть, какую онъ имѣлъ надъ своими дикарями, удержавъ ихъ отъ того, отъ чего иногда не властенъ удержать и начальникъ образованныхъ войскъ. Гонорія и слѣда уже не было въ Римѣ, онъ давно умѣлъ скрыться. Но за то побѣдитель показалъ въ величайшей степени презрѣніе, какое чувствовалъ къ римлянамъ: возвелъ имъ царя ихъ же префекта Атала, и заставилъ его ползать у дверей палатъ своихъ. Насытивъ свое мщеніе, оставилъ онъ Римъ и обратился на югъ Италіи. Здѣсь онъ замышлялъ великіе планы, строилъ флотъ и намѣревался перенести свои побѣдительныя знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его визиготы отвели теченіе рѣки Везанто, вырыли на бывшемъ днѣ ея глубокую могилу, въ которую зарыли трупъ, и потомъ снова возвратили ее на прежнее ложо, чтобы никто не могъ осквернить и поругаться надъ могилою великаго гота. Избранный послѣ него Астольфъ, наконецъ, вывелъ готовъ въ Испанію, гдѣ они быстро утвердились и составили сильное Готское королевство, изгнавъ не имѣвшихъ значенія римскихъ начальниковъ.

Вторженіе визиготовъ было сильно почувствовано во всѣхъ концахъ Испаніи. Алане и свевы были крѣпко стѣснены, и бо́льшая часть ихъ должна была признать власть готовъ. Даже вандалы, бывшіе сильнѣйшими въ Испаніи, были сильно притѣснены и придвинуты къ Средиземному морю. Уже король ихъ, Гензерихъ, помышлялъ о переправѣ въ Африку. Но одно происшествіе, какъ будто нарочно, ускорило исполненіе его мысли. Въ Римѣ управлялъ, именемъ малолѣтняго Валентиніана и его матери, знаменитый Аэцій, предпріимчивый, честолюбивый, хитрый, не слишкомъ разборчивый на средства къ достиженію желаемаго. Онъ имѣлъ сильнаго противника въ Бонифаціѣ, правителѣ Африки, и рѣшился его погубить; для этого призывалъ его именемъ императора въ Римъ. Бонифацій, проникнувши умыселъ, рѣшился остаться въ Африкѣ и призвать на помощь Гензериха. Въ 427 году Гензерихъ съ вандалами и частію алановъ высадился на берегъ Африки и означилъ путь свой пожарами и опустошеніями. Бонифацій увидѣлъ, наконецъ, свою ошибку, что призвалъ такого гостя. Онъ успѣлъ уже примириться съ императоромъ и рѣшился

поставить преграду безпокойному своему союзнику. Но съ Гензерихомъ не такъ было легко управиться; Бонифацій былъ разбитъ. Гензерихъ зажегъ Карѳагенъ, ограбилъ домы, рубилъ жителей и извлекъ, гдѣ только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успѣхи разожгли его хищное честолюбіе. Скоро весь сѣверный берегъ Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнемъ и мечомъ окрестилъ онъ его въ аріанство и составилъ сильнѣйшее въ этотъ мятежный и темный вѣкъ государство. Съ этого времени разгулялся Гензерихъ. Страшный флотъ его разсыпался по Средиземному морю и прекратилъ своимъ корсарствомъ всякое плаваніе. Каждый годъ этотъ нумидійскій левъ появлялся у всѣхъ береговъ Средиземнаго моря, отъ Греціи и Иллиріи до Гибралтара, собирая, какъ жатву на собственномъ полѣ, все, что могла только произвесть цвѣтущая населенность ихъ. Испанія, Сицилія, Сардинія, Далмація поперемѣнно чувствовали ужасную, разрушительную руку этого вѣнчаннаго пирата, который такъ быстро воздвигнулъ первое государство христіанскихъ корсаровъ. Но, наконецъ, среди величія и награбленныхъ богатствъ, имъ овладѣло то состояніе духа, та свирѣпая задумчивость, которая сушитъ, мучитъ душу и служитъ близкимъ предвѣстіемъ тиранства, ужасной нравственной болѣзни властителя. Онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ окружающихъ и подозрѣніе, наконецъ, простеръ на жену свою, дочь визиготскаго короля: ему вообразилось, что она имѣетъ умыселъ отравить его. Наполненный этою мыслію, онъ приказалъ отрѣзать ей носъ и уши и въ такомъ видѣ отправить къ ея отцу. Но, испугавшись самъ мщенія готовъ, пригласилъ Аттилу, предводителя гунновъ, напасть съ сѣвера на Испанію и Италію.

Аттила имѣлъ свою резиденцію въ Дакіи, гдѣ, недалеко отъ Дуная, находилось становище изъ грубыхъ деревянныхъ юртъ, среди которыхъ возвышался неуклюжій дворецъ его. Аттила былъ именно такой предводитель, какого дотолѣ недоставало гуннамъ. Онъ показалъ, какъ можетъ быть ужасна стремительная азіатская сила. Весь сѣверовостокъ Европы признавалъ его владычество. Цѣпь народовъ, несшихъ дань непобѣдимому царю гунновъ, начиналась у Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились въ

границахъ его быстро раздавшейся кочевой имперіи. Греческій императоръ, испытавшій его презрѣніе, униженно присылалъ ему дань и ползалъ передъ его могуществомъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, почти карло, съ огромною головою, съ небольшими калмыцкими глазами, но такъ быстрыми, что ни одинъ изъ подданныхъ его не могъ выносить ихъ безъ невольнаго трепета. Однимъ этимъ взглядомъ онъ двигалъ всѣми своими племенами, которыя, несмотря на разбросанное свое положеніе, различіе жизни, нравовъ и обычаевъ, слились его словомъ въ одну душу. Посреди своихъ придворныхъ, блиставшихъ награбленнымъ золотомъ, этотъ необыкновенный человѣкъ носилъ грубую широкую одежду, лежалъ на простомъ войлокѣ, пилъ почти одну воду изъ деревяннаго котла; ни сѣдло, ни лошадь его не видали на себѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и самъ себя называлъ бичомъ Божіимъ, посланнымъ для того, чтобы исправить міръ. Власть его надъ войскомъ была безпредѣльна: оно вѣрило, что у него находится чудесный мечъ, который долженъ завоевать ему весь міръ. Повиновеніе покоренныхъ народовъ было изумительно. Впрочемъ, невозможно было и думать имъ о возмущеніи, потому что Аттила могъ выставить возлѣ своей ставки такую пирамиду изъ отрубленныхъ головъ, глядя на которую немного находилось охотниковъ. Онъ не любилъ заводить напрасно войны, особенно, когда миръ могъ ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Онъ показывалъ и великодушіе, но только рабамъ, простертымъ у ногъ его. Мщеніе же Аттилы... но вызвать его мщеніе никто не имѣлъ духа.

Предложеніе Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собралъ онъ безчисленныя племена свои и шелъ на западъ. Римская имперія почувствовала всю опасность. Всѣ народы, составлявшіе тогда западъ Европы, встревожились. И тогда случилось странное событіе: вся западная дикая Европа сдвинулась въ одинъ союзъ. Римляне соединились съ своими разрушителями, визиготами, аланами, франками. Народы кочующіе и пастушескіе шли на неподвижныхъ и уже отчасти земледѣльцевъ, стремительная и деспотическая Азія — на крѣпкую и вольную Европу. Нужно замѣтить, что германскіе народы, чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе означались вольнымъ духомъ. Альпы были древнимъ хранилищемъ европейской

свободы, и вокругъ ихъ, на далекое разстояніе, племена хранятъ еще и донынѣ черты независимости. Равнинамъ близъ Марны во Франціи опредѣлено было быть театромъ этой единственной битвы. Западная вольная Европа изъ римлянъ, визиготовъ, арморикановъ, бреоновъ, бургундовъ, саксоновъ, алановъ и франковъ, подъ начальствомъ королей, военныхъ предводителей и подъ высшимъ распоряженіемъ искуснаго Аэція, и восточная кочевая Европа изъ остроготовъ, алановъ, гепидовъ, маркомановъ, венедовъ, ломбардовъ, геруловъ, аказировъ, аваровъ, туринговъ, роксолановъ и нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, подъ начальствомъ своихъ князей, королей и принцевъ, и движимыхъ одною всемогущею волею Аттилы, должны были рѣшить многое важное въ потомствѣ. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вмѣстѣ съ союзными народами, и непобѣдимый гуннъ, употребившій все возможное напряженіе своей воли, поворотилъ свои табуны и народы въ равнины Венгріи и Паноніи. Аэцій, не желая дать перевѣса визиготамъ, дѣйствовавшимъ сильнѣе другихъ въ этой кровопролитной сѣчѣ, облегчилъ ему удаленіе. Великая лига, исполнившая свое назначеніе, разошлась и обратилась въ прежнія начала, увидя минувшею опасность.

Но ужасный предводитель гунновъ рвалъ на себѣ благородный клокъ волосъ своихъ отъ гнѣва, и черезъ годъ, пополнивши свои войска новыми, вступилъ въ Италію, гдѣ безпечный императоръ Валентиніанъ и даже самъ Аэцій не мыслили объ опасности. Первый городъ, испытавшій его тяжелую руку, былъ Аквилея. Онъ его обратилъ въ пепелъ и заставилъ горсть спасшихся жителей зародить на Адріатическомъ морѣ Венецію. Отсюда прошелъ онъ всю Италію, дѣйствуя какъ огненный бичъ. Города: Конкордія, Бресчіа, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Миланъ, Модена, Парма — представили однѣ обнаженныя стѣны. «Клянусь», гордо провозгласилъ дикій гуннъ: «что, гдѣ коснется копыто коня моего, тамъ болѣе не вырастетъ трава!» Наконецъ, и Римъ увидѣлъ подъ стѣнами своими Аттилу. Испуганный папа, въ облаченіи, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, вышелъ навстрѣчу неумолимому гунну, и великолѣпный ли обрядъ христіанства, или мысль, разсѣянная между дикими, даже языческими народами, о пребываніи

чего-то священнаго въ Римѣ, — что бы то ни было, но Аттила отступилъ, взявши великій выкупъ, и вышелъ изъ Италіи.

Теперь предстояла очередь испытать его мщеніе и силу соединенной лигѣ западныхъ народовъ, но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умеръ необыкновеннымъ образомъ. Суровый, воздержный, не позволявшій золотымъ украшеніямъ и камнямъ убрать даже рукояти сабли и войлочнаго сѣдла своего, онъ въ одинъ день измѣнилъ свою жизнь. Сочетавшись бракомъ съ дочерью бактріанскаго царя, необыкновенною красавицею, упоенный виномъ и пиршествомъ, онъ съ такимъ неистовствомъ предался сладострастію, что выпилъ за однимъ разомъ всю желѣзную жизнь свою. Кровь у него пошла изъ ушей, изъ носа, изо рта — и онъ задохнулся.

Въ невѣдомой пустынѣ, среди глубокой ночи, копали могилу Аттилѣ, сопровождая пѣснями о его подвигахъ. Тѣло его было положено въ тройной гробъ,—изъ золота, серебра и мѣди; съ нимъ легли его оружія, его конныя сбруи. На могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе землю, чтобы никто изъ живущихъ не вѣдалъ о мѣстѣ, гдѣ лежатъ кости великаго человѣка *).

По смерти Аттилы, гунны вдругъ разсѣялись и разсыпались, какъ всякій азіатскій народъ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейскіе народы шире и вольнѣе раздались и болѣе приняли самостоятельности, и на востокѣ начали виднѣе показываться племена славянъ, которыя мало-по-малу разрослись въ шестьдесятъ разныхъ вѣтвей **), протянулись до Тироля, прошумѣли по уходѣ остроготовъ на границахъ имперіи Греческой и, углубившись въ великія пространства, наконецъ, превратились въ осѣдлыхъ народовъ.

Италія еще дымилась послѣ опустошеній Аттилы, но и среди полуразрушенныхъ развалинъ ея крылись еще происки. И въ этомъ изнеможенномъ государствѣ еще нашлись жалкіе честолюбцы! Сенаторъ Максимъ успѣлъ очернить передъ безсильнымъ императоромъ Валентиніаномъ единственную опору его шаткаго трона — Аэція, и неблагодар-

*) О гуннахъ и объ Аттилѣ: Іорнандъ, Дегине, Фишеръ.
**) Конрадъ Геснеръ.

ный Валентиніанъ убилъ его собственною рукою. Но, лишившись этой опоры, онъ самъ погибъ, умерщвленный Максимомъ, который надѣлъ на свою дѣтски-честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдовѣ Евдоксіи. Мстительная вдова, раздраженная низкимъ умерщвленіемъ своего супруга и мало заботившаяся объ участи всей Италіи, тайно пригласила Гензериха вступить въ Римъ и отмстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерихъ не любилъ заставлять долго ждать себя; онъ немедленно поднялся съ береговъ Африки съ толпами своихъ вандаловъ, на пиратскихъ судахъ, и высадился въ Италію. И что только уцѣлѣло отъ меча Аттилы, все то истребилъ, по своему обыкновенію, Гензерихъ. Онъ не очень разбиралъ, кто правъ, кто виноватъ, и кому онъ долженъ оказать помощь. Все испытало равную участь. Гензерихъ имѣлъ необыкновенное искусство грабить: послѣ него уже никто не могъ ничѣмъ поживиться. Римъ, который дотолѣ щаженъ былъ даже язычниками, былъ ограбленъ безъ милосердія этимъ христіанскимъ королемъ; все, что только можно было взять, онъ взялъ. Корабли свои онъ наполнилъ множествомъ плѣнниковъ, съ которыми самъ не зналъ, что дѣлать; вывезъ множество артистовъ и художниковъ, увёзъ даже супругу императора, къ которой пришелъ самъ на помощь, вмѣстѣ съ дочерьми ея, наконецъ, даже сорвалъ золотой куполъ съ Капитолія и утащилъ его вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Африку.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, Италія не походила и на тѣнь прежней своей славы. Цвѣтущая, прекрасная, вѣнецъ европейской природы, она представила дикій видъ опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось въ опустѣлыхъ городахъ. Римскій императоръ уже не могъ имѣть никакихъ доходовъ. Онъ не былъ въ состояніи даже платить жалованья собственному войску, набранному изъ геруловъ, ругіевъ и турцелинговъ. И тогда предводитель ихъ, Одоакръ, отрѣшилъ своего императора отъ должности, сдѣлался неограниченнымъ и независимымъ и уже не хотѣлъ принять императорскаго достоинства, но назвался, просто, королемъ геруловъ. Еще часть римскаго войска находилась какъ бы отрѣзанною за Альпами въ Галліи, и предводитель ея, Сіагрій, не зная ничего о про-

исшествіяхъ въ Италіи, защищалъ не существующую имперію противъ соединеннаго франкскаго союза, который сдѣлался уже слишкомъ страшнымъ, потому что имѣлъ предпріимчиваго короля и полководца Кловиса. Сіагрію, отрѣзанному отъ своего государства, не получавшему никакихъ подкрѣпленій, трудно было противуборствовать этимъ свѣжимъ силамъ: онъ уступилъ — и Галлія потопилась франкскими народами. Скоро послѣ того остроготы, предводимые Ѳеодорикомъ, двинулись съ сѣверныхъ границъ имперіи Восточной и заняли Италію, подчинивъ ея народы своей власти. Скоро послѣ того англосаксы, на своихъ неуклюжихъ дерзкихъ корабляхъ, перебрались черезъ море и овладѣли Англіею—и потомъ великія эмиграціи народовъ большими массами совершенно остановились, но въ частности, и малыми силами, онѣ производились безпрерывно. Дикіе охотники, воспитанные этими всеобщими странствіями и безпрерывною перемѣною мѣстъ, получили страсть къ приключеніямъ и путешествіямъ, и вся Европа, несмотря на то, что повидимому уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Всѣ націи перемѣшались между собою такъ, что уже невозможно было отыскать совершенно цѣльной, и только впослѣдствіи постоянный образъ правленія или занятій сообщилъ главнымъ изъ нихъ нѣкоторую особенность и нѣкоторые признаки отличія. Тогда было четыре первенствующихъ великихъ собраній или массъ народа, четыре главные пункта европейской силы: въ Испаніи — визиготы, вторгнувшіеся туда съ частію покоренныхъ народовъ и присоединившіе къ себѣ уже въ Испаніи алановъ, свевовъ, вандаловъ и разныхъ подданныхъ имъ народовъ, зародившіе толпу сильныхъ противъ себя бандитовъ въ горахъ Астурійскихъ. Въ Галліи франки, уже составившіе націю изъ прежнихъ сосѣдей римлянъ, дунайскихъ и рейнскихъ германцевъ: узипетровъ, сигамбровъ, херусковъ, хатовъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и другихъ, соединившіеся съ туземцами римскими галлами, соединившіеся, но не слившіеся съ покоренными арморикапами, бретонами, алеманами, бургундами, отчасти бауарами и фризами, и простершіе владычество за Альпы и Рейнъ.—Это было одно изъ сильнѣйшихъ собраній народовъ. Въ сѣверной Германіи саксоны, страшные своею дикостью и пиратствомъ, менѣе смѣшавшіеся съ другими на-

родами, и въ Италіи остроготы, имѣвшіе въ толпахъ своихъ множество отродій народовъ, странствовавшихъ по восточной Европѣ — свевскихъ, аланскихъ, аварскихъ, славянскихъ, гепидскихъ — и, подъ расторопнымъ, твердымъ правленіемъ Ѳеодорика, получившіе на время перевѣсъ въ Европѣ. Сверхъ того еще, всѣ эти великія массы народовъ распространяли покровительственную власть свою надъ многими отдаленными племенами.—Взаимныя границы ихъ часто терялись въ неопредѣленныхъ пространствахъ; въ этихъ промежуткахъ земли, иногда черезполосно и независимо, сохранялись многіе народы: такимъ образомъ, въ средней Германіи — ломбарды, потомъ блеснувшіе въ Италіи, часть бауаровъ, всѣ народы, жившіе въ неизмѣнныхъ прежде лѣсахъ Гарца и въ гористыхъ уклоненіяхъ Альпъ. Востокъ Европы занимали совершенно разбросанныя племена славянскія, которыя, находясь подъ вѣчнымъ угнетеніемъ всѣхъ стремившихся изъ Азіи народовъ, еще не успѣли явиться дѣятелями всемірной исторіи. За означеннымъ кругомъ, на сѣверъ и на востокъ, разсѣивались народы, еще покрытые темною недѣятельностью.

Такова была Европа въ это шумное окончаніе V вѣка, когда непостижимою волею Провидѣнія величественный хаосъ, носившій темныя начала новаго свѣта, опустился на Европу, когда разрушающіе народы безобразными массами текли на народы, колоссально совершались мрачныя событія, когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслись безпокойными кометами, когда между тѣмъ древній міръ долго дотлѣвалъ на востокѣ, робкое римское просвѣщеніе прижалось къ берегамъ Сиріи, Александріи, Цареграда, и ереси Несторія и Евтихія раздирали дряхлыя, старческія его силы.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

Октября 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ, который часъ. Услышавши, что уже давно било десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ начальникъ отдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: «Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ метаешься, какъ угорѣлый, дѣло подчасъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разберетъ, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера». Проклятая цапля! онъ, вѣрно, завидуетъ, что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для его пр—ва. Словомъ, я не пошелъ бы въ департаментъ, если бы не надежда видѣться съ казначеемъ и, авось-либо, выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги—Господи, Боже мой, да скорѣе страшный судъ придетъ. Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуждѣ,—не выдастъ, сѣдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; это всему свѣту извѣстно. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что

плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: «Это», говоритъ, «докторскій подарокъ»; а ему давай или пару рысаковъ, или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихенькій. говоритъ такъ деликатно: «одолжите ножичка починить перышко», а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ. Правда, у насъ зато служба благородная, чистота во всемъ такая, какой вовѣки не видѣть губернскому правленію, столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на *вы*... Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками, да курьеры попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: «Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки». Что это за бестія нашъ братъ, чиновникъ! Ей Богу, не уступитъ никакому офицеру: пройди только какая-нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ. Когда я думалъ это, увидѣлъ подъѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчасъ узналъ ее: это была карета нашего директора. «Но ему не зачѣмъ въ магазинъ», я подумалъ: «вѣрно, это его дочка». Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей отворилъ дверцы, и она выпорхнула изъ кареты, какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налѣво, какъ мелькнула своими бровями и глазами... Господи, Боже мой, пропалъ я, пропалъ совсѣмъ! И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться, какъ можно болѣе, потому что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасона. Теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе, одинъ на другомъ; да и сукно совсѣмъ не дегатированное. Собачонка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собачонку. Ее зовутъ — Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ

вдругъ слышу тоненькій голосокъ: «Здравствуй, Меджи!» Вотъ тебѣ на! кто это говоритъ? Я обсмотрѣлся и увидѣлъ шедшихъ подъ зонтикомъ двухъ дамъ: одну старушку, другую молоденькую; но онѣ уже прошли; а возлѣ меня опять раздалось: «Грѣхъ тебѣ, Меджи!» Что за чортъ! я увидѣлъ, что Меджи обнюхивалась съ собачонкою, шедшею за дамами. «Эге!» сказалъ я самъ себѣ: «да, полно, не пьянъ ли я! Только это, кажется, со мною рѣдко случается».— «Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь», произнесла,—я видѣлъ самъ, что произнесла Меджи: «я была, авъ, авъ, я была, авъ, авъ, авъ! очень больна!» Ахъ ты-жъ собачонка! вишь! Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по-человѣчески; но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то тогда же пересталъ удивляться. Дѣйствительно, на свѣтѣ уже случилось множество подобныхъ примѣровъ. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: «Я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно, Полканъ не принесъ письма моего!». Чортъ возьми! Я еще въ жизнь не слышалъ, чтобы собака могла писать. Правильно писать можетъ только дворянинъ. Оно конечно, нѣкоторые и купчики-конторщики и даже крѣпостной народъ пописываетъ иногда; но ихъ писаніе бо́льшею частью механическое: ни запятыхъ, ни точекъ, ни слога.

Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть тажія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. «Пойду-ка я», сказалъ я самъ въ себѣ, «за этой собачонкою и узнаю, что́ она и что́ такое думаетъ». Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣщанскую, оттуда въ Столярную, наконецъ, къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. «Этотъ домъ я знаю», сказалъ я самъ въ себѣ: «это домъ Звѣркова». Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ! а нашей братьи—чиновниковъ, какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ, а третьимъ погоняетъ. Тамъ есть и у меня одинъ

пріятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы взошли въ пятый этажъ. «Хорошо», подумалъ я: «теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ не премину воспользоваться».

Октября 4.

Сегодня середа, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетѣ. Я нарочно пришелъ пораньше и, засѣвши, перечинилъ всѣ перья. Нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкафами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа нѣтъ, — все или на французскомъ, или на нѣмецкомъ. А посмотрѣть въ лицо ему: фу, какая важность сіяетъ въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ лишнее слово. Только, развѣ, когда подашь бумаги, спроситъ: «Каково на дворѣ?»—«Сыро, ваше превосходительство!» Да, не нашему брату чета! Государственный человѣкъ.—Я замѣчаю, однакоже, что онъ меня особенно любитъ. Если бы и дочка... эхъ, канальство!.. Ничего, ничего, молчаніе!—Читалъ Пчелку. Эка глупый народъ французы! Ну, чего хотятъ они? Взялъ бы, ей Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже било половину перваго, а нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины второго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ, и вскочилъ со стула съ бумагами; но это была она, она сама! Святители, какъ она была одѣта! Платье на ней было бѣлое, какъ лебедь,—фу, какое пышное! А какъ глянула—солнце! ей Богу, солнце! Она поклонилась и сказала: «Папа здѣсь не было?» Ай, ай, ай! какой голосокъ! Канарейка, право, канарейка! «Ваше превосходительство», хотѣлъ я было сказать: «не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою»; да, чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: «никакъ нѣтъ-съ». Она поглядѣла на меня, на книги, и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся на проклятомъ паркетѣ и чуть-чуть не расклеилъ носа, однакожъ удержался и досталъ платокъ. Святые, какой

платокъ! тончайшій, батистовый—амбра, совершенная амбра! такъ и дышитъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ что сахарныя губки ея почти не сронулись, и послѣ этого ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ пришелъ лакей и сказалъ: «Ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой, баринъ уже уѣхалъ изъ дому». Я терпѣть не могу лакейскаго круга: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, потчивать табачкомъ. Да знаешь ли ты, глупый холопъ, что я чиновникъ, я благороднаго происхожденія? Однакожъ, я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома бо́льшею частію лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стишки: «Душеньки часокъ не видя, Думалъ, годъ ужъ не видалъ; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мнѣ, я сказалъ». Должно-быть, Пушкина сочиненіе. Ввечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду ея пр—ва и поджидалъ долго, не выйдетъ ли сѣсть въ карету, чтобы посмотрѣть еще разикъ; но нѣтъ, не выходила.

Ноября 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришелъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: «Ну, скажи пожалуйста, что ты дѣлаешь?» — «Какъ, что? Я ничего не дѣлаю», отвѣчалъ я.—«Ну, размысли хорошенько! вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ—пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ проказъ? Вѣдь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты! Вѣдь ты нуль, болѣе ничего. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо—куда тебѣ думать о томъ!» Чортъ возьми, что у него лицо похоже нѣсколько на аптекарскій пузырекъ, да на головѣ клочокъ волосъ, завитый хохолкомъ, да держитъ ее кверху, да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ ужъ и думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего онъ злится на меня. Ему завидно: онъ увидѣлъ, можетъ-быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика

важность надворный совѣтникъ! Вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по тридцати рублей — да чортъ его побери! Я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ, или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей? Я дворянинъ. Что-жъ, и я могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года—время такое, въ которое, по-настоящему, только-что начинается служба. Погоди, пріятель! будемъ и мы полковникомъ, а, можетъ быть, если Богъ дастъ, то чѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ квартиру и еще, можетъ-быть, получше твоей. Что-жъ ты себѣ забралъ въ голову, что кромѣ тебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка? Дай-ка мнѣ ручевскій фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой, какъ ты, галстукъ, — тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ—вотъ бѣда.

Ноября 8.

Былъ въ театрѣ. Играли русскаго дурака Филатку. Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура; а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ, и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить, и что авторъ проситъ у публики защиты. Очень забавныя піесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманѣ—никакъ не утерпишь не пойти. А вотъ изъ нашей братьи чиновниковъ есть такія свиньи: рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ; развѣ уже дашь ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той... эхъ, канальство!.. Ничего, ничего... молчаніе.

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода. Я тоже съ своей стороны, какъ будто бы между нами ничего не было. Пересматривалъ и свѣрялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частью лежалъ на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего директора, починилъ для него 23 пера, и для ея... ай! ай!.. для ея превосходительства четыре пера. Онъ очень любитъ, чтобы стояло побольше перьевъ. У, долженъ быть голова! Все молчитъ, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, что такое затѣвается въ этой головѣ. Хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки: какъ они, что они дѣлаютъ въ своемъ кругу—вотъ что бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ его пр—вомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ; скажешь только, холодно или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще въ одну комнату. Эхъ, какое богатое убранство! Какіе зеркала и фарфоры! Хотѣлось бы заглянуть туда, на ту половину, гдѣ ея пр—во, — вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! въ будуаръ, какъ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно, какъ лежитъ тамъ разбросанное ея платье, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... тамъ-то, я думаю, чудеса, тамъ-что, я думаю, рай, какого и на небесахъ нѣтъ. Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которую она становитъ, вставая съ постели, свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый, какъ снѣгъ, чулочекъ... Ай! ай! ай! ничего, ничего... молчаніе.

Сегодня, однакожъ, меня какъ бы свѣтомъ озарило: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собачонокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. «Хорошо», подумалъ я самъ въ себѣ: «я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянныя собачонки. Тамъ я, вѣрно, кое-что узнаю». Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ ей: «Послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни; я, когда хочешь, и дверь запру, такъ что никто не будетъ видѣть,—разскажи мнѣ все, что знаешь про барышню: что она и какъ? Я себѣ побожусь, что никому не открою». Но хитрая собачонка поджала хвостъ, съежилась вдвое и вышла тихо въ двери, такъ, какъ будто бы ничего не слышала. Я давно

подозрѣвалъ, что собака гораздо умнѣе человѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политикъ: все замѣчаетъ, всѣ шаги человѣка. Нѣтъ, во что бы то ни стало, я завтра же отправляюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа пополудни отправился я съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не люблю капусты, запахъ которой валитъ изъ всѣхъ мелочныхъ лавочекъ въ Мѣщанской; къ тому же изъ-подъ воротъ каждаго дома несетъ такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копоти и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество, что человѣку благородному рѣшительно невозможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка не совсѣмъ дурная собою, съ маленькими веснушками. Я узналъ ее: это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко закраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ — ты, голубушка, жениха хочешь. «Что вамъ угодно?» сказала она. «Мнѣ нужно поговорить съ вашей собачонкой». Дѣвчонка была глупа! Я сейчасъ узналъ, что глупа! Собачонка въ это время прибѣжала, съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ, однакоже, въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная собачонка, увидѣвши это, сначала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ бумаги, начала визжать и ласториться, но я сказалъ: «Нѣтъ, голубушка, прощай!» и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу; но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя чухонки всегда некстати чистоплотны. И потому я пошелъ прохаживаться и обду-

мывать это происшествіе. Теперь-то, наконецъ, я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти пружины, и доберусь, наконецъ, до всего. Эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки народъ умный, онѣ знаютъ всѣ политическія отношенія и потому, вѣрно, тамъ будетъ все про нашего: портретъ и всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая... ничего, молчаніе! Къ вечеру я пришелъ домой. Большею частію лежалъ на кровати.

Ноября 13.

А ну, посмотримъ! Письмо довольно четкое, однакоже въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье. Прочитаемъ:

«Милая Фидель! я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго? Фидель, Роза — какой пошлый тонъ! Однакожъ, все это въ сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать другъ къ другу».

Письмо писано очень правильно. Пунктуація и даже буква *ѣ* вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ, просто, не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ. Посмотримъ далѣе.

«Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ».

Гм!.. мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго. Названія не припомню.

«Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ довольствѣ? Моя барышня, которую папа называетъ Софи, любитъ меня безъ памяти».

Ай, ай!.. ничего, ничего! Молчаніе!

«Папа тоже очень часто ласкаетъ. Я пью чай и кофій со сливками. Ахъ, ma chère, я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія въ большихъ обглоданныхъ костяхъ, которыя жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только изъ дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозга. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ каперсовъ и безъ зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, начнетъ мять этими руками хлѣбъ, подзоветъ тебя и сунетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучтиво,—ну, и ѣшь, съ отвращеніемъ, а ѣшь»...

Чортъ знаетъ, что такое! Экой вздоръ! Какъ будто бы не было предмета получше, о чемъ писать. Посмотримъ на другой страницѣ, не будетъ ли чего подѣльнѣе.

«...Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже тебѣ кое-что говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называетъ папа. Это очень странный человѣкъ»...

А, вотъ наконецъ! Да, я знала; у нихъ политическій взглядъ на всѣ предметы. Посмотримъ, что̀ папа.

«...очень странный человѣкъ. Онъ больше все молчитъ; говоритъ очень рѣдко. Но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ самъ съ собою: «Получу, или не получу?» Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: «Получу, или не получу?» Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ ты думаешь, Меджи, получу, или не получу?» Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапогъ и ушла прочь. Потомъ, ma chère, черезъ недѣлю папа пришелъ въ большой радости. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала, отпускалъ анекдоты. А послѣ обѣда поднялъ меня къ своей шеѣ и сказалъ: «А посмотри, Меджи, что̀ это такое». Я увидѣла какую-то ленточку. Я нюхала ее, но рѣшительно не нашла никакого аромата; наконецъ, потихоньку лизнула: соленое немного».

Гмъ! Эта собачонка, мнѣ кажется, уже слишкомъ... чтобы ее не высѣкли! А, такъ онъ честолюбецъ! Это нужно взять къ свѣдѣнію.

«...Прощай, ma chère! Я бѣгу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо.—Ну, здравствуй! я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи»...

А! ну, посмотримъ, что̀ Софи. Эхъ, канальство!.. Ничего, ничего... будемъ продолжать.

«...барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ, и я очень обрадовалась, что въ отсутствіе ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я не могу понять, отчего люди одѣваются. Почему не ходить такъ, напримѣръ, какъ мы? И хорошо, и покойно. Я никакъ не понимаю, ma chère, удовольствія ѣхать на балъ. Софи пріѣзжаетъ всегда съ балу домой въ 6 часовъ утра, и я всегда почти угадываю по ея блѣдному и тощему виду, что ей, бѣдняжкѣ, не давали тамъ ѣсть. Я, признаюсь, никогда бы не могла такъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ, или жаркого куриныхъ крылышекъ, то... я не знаю, что̀ бы со мною было. Хорошъ также соусъ съ кашкою; а морковь, или рѣпа, или артишоки—никогда не будутъ хороши».

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ: начнетъ такъ, какъ слѣдуетъ, а кончитъ собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмецо. Что-то длинновато. Гмъ! и числа не выставлено.

«Ахъ, милая, какъ ощутительно приближеніе весны! Сердце мое

бьется, какъ будто все кого-то ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ, такъ что я часто, поднявши ножку, стою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я тебѣ открою, что у меня много куртизановъ. Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если-бъ ты знала, какіе между ними есть уроды! Иной преаляповатый, дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядятся всѣ. Ничуть! Я даже и вниманія не обратила — такъ, какъ бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего, грубіянъ, онъ, вѣрно, не умѣетъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи, который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно-быть, наглецъ преужасный. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало: хотя бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно — такой мужикъ! Но неужели ты думаешь, ma chère, что сердце мое равнодушно ко всѣмъ исканіямъ? Ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора... Ахъ, ma chère, какая у него мордочка!»...

Тьфу, къ чорту!.. Экая дрянь! И какъ можно наполнять письма этакими глупостями! Мнѣ подавайте человѣка! Я хочу видѣть человѣка, я требую духовной пищи, — той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того этакіе пустяки... Перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше?

«...Софи сидѣла за столикомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому что я люблю разсматривать прохожихъ, какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: «Тепловъ!» — «Проси!» закричала Софи и бросилась меня обнимать. «Ахъ, Меджи, Меджи! Если-бъ ты знала, кто это: брюнетъ, камеръ-юнкеръ, а глаза какіе! черные, какъ агатъ!» И Софи убѣжала къ себѣ. Минуту спустя, вошелъ молодой камеръ-юнкеръ, съ черными бакенбардами, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волоса и осмотрѣлъ комнату. Я поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себѣ такъ, какъ будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко; однакожъ, голову наклонила нѣсколько на-бокъ и старалась услышать, о чемъ они говорятъ. Ахъ, ma chère, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ, вмѣсто одной какой-то фигуры, сдѣлала другую; также, что какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на аиста, и чуть было не упалъ, что какая-то Лидина воображаетъ, что у нея голубые глаза, между тѣмъ какъ они зеленые, — и тому подобное. «Куда-жъ», подумала я сама въ себѣ: «если сравнить камеръ-юнкера съ Трезоромъ! Небо! какая разница! Во-первыхъ, у камеръ-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокругъ бакенбарды, какъ будто бы онъ обвязалъ его чернымъ платкомъ; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самомъ лбу бѣлая лысинка. Талію Трезора и сравнить нельзя съ камеръ-юнкерскою. А глаза, пріемы, ухватки совершенно не тѣ. О, какая разница! Я не

знаю, ma chère, что она нашла въ своемъ Тепловѣ. Отчего она такъ имъ восхищается?»...

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ. Не можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Теплоть. Посмотримъ далѣе:

«Мнѣ кажется, если этотъ камеръ-юнкеръ нравится, то скоро будетъ нравиться и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папа въ кабинетѣ. Ахъ, ma chère, если бъ ты знала, какой это уродъ! Совершенная черепаха въ мѣшкѣ»...

Какой же бы это чиновникъ?..

«Фамилія его престранная. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его очень похожи на сѣно. Папа иногда посылаетъ его вмѣсто слуги»...

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собачонка мѣтитъ на меня. Гдѣ-жъ у меня волоса, какъ сѣно?

«Софи никакъ не можетъ удержаться отъ смѣху, когда глядитъ на него».

Врешь ты, проклятая собачонка! Экій мерзкій языкъ! Какъ будто я не знаю, что это дѣло зависти? Какъ будто я не знаю, чьи здѣсь штуки? Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклялся же человѣкъ непримиримою ненавистью — и вотъ вредитъ да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ. Посмотримъ, однакоже, еще одно письмо. Тамъ, можетъ-быть, дѣло раскроется само собою.

«Ma chère Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала. Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемѣны. Камеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я даже слышала отъ нашего Григорія, который мететъ подъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба, потому что папа хочетъ непремѣнно видѣть Софи или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ»...

Чортъ возьми! я не могу больше читать... Все или камеръ-юнкеръ, или генералъ. Все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ, или генераламъ. Найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою,— срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генералъ. Чортъ побери! Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее, — нѣтъ, хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ

обонхъ. Чортъ побери, досадно! Я изорвалъ въ клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не можетъ быть. Враки! Свадьбѣ не бывать! Что-жъ изъ того, что онъ камеръ-юнкеръ? Вѣдь это больше ничего, кромѣ достоинство: не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять въ руки. Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу. Вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же, какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добраться, отчего происходятъ всѣ эти разности. Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ. Можетъ-быть, я самъ еще не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ — и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его... Когда изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ выйти? Вдругъ, напримѣръ, я вхожу къ нашему въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента— что? какъ тогда запоетъ красавица моя? что скажетъ и самъ папа, директоръ нашъ? О, это большой честолюбецъ! Это — масонъ, непремѣнно масонъ; хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ если даетъ кому руку, то высовываетъ только два пальца. Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабря 5.

Я сегодня все утро читалъ газеты. Страннныядѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько азобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ, и что чины нахо-

дятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника, и отъ того происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? Говорятъ, какая-то донна должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ. На престолѣ долженъ быть король. «Да», говорятъ, «нѣтъ короля». Не можетъ статься, чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься-можетъ, находится тамъ же, но какія-нибудь или фамильныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи или другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины.

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ итти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣлалась королевою? Не позволятъ этого. И, во-первыхъ, Англія не позволитъ. Да притомъ и дѣла политическія всей Европы, австрійскій императоръ, нашъ государь... Признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за столомъ былъ чрезвычайно развлеченъ. И точно, я двѣ тарелки, кажется, въ разсѣянности бросилъ на полъ, которыя тутъ же расшиблись. Послѣ обѣда ходилъ подъ горы: ничего поучительнаго не могъ извлечь. Большею частію лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000-й апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король — я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня вдругъ какъ будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ

на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ. И это все происходитъ, думаю, оттого, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Маврѣ, кто я. Когда она услышала, что передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха: она, глупая, еще никогда не видала испанскаго короля. Я, однакоже, старался ее успокоить, и въ милостивыхъ словахъ старался ее увѣрить въ благосклонности, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это черный народъ: имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась оттого, что находится въ увѣренности, будто всѣ короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого почти сходства и что у меня нѣтъ ни одного капушина. Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ ними! Нѣтъ, пріятели, теперь не заманите меня: я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

Мартобря 86 числа, между днемъ и ночью.

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность.

Но люди несправедливы: ведутъ счеты по недѣлямъ. Это жиды ввели, потому раввинъ ихъ въ это время мѣется. Я, однакоже, для штуки пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться; но я посмотрѣлъ на него равнодушно, не слишкомъ гнѣвно и не слишкомъ благосклонно, и сѣлъ на свое мѣсто, какъ будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: «что если бы вы знали, кто между вами сидитъ?»... Господи Боже, какую бы вы ералашъ подняли! Да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же кланяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется передъ директоромъ. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ. Но я и пальцемъ не притронулся. Чрезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе чиновники побѣжали наперс-

рывъ, чтобы показать себя передъ нимъ, но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ черезъ наше отдѣленіе, всѣ застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что за директоръ? Чтобы я всталъ передъ нимъ—никогда! Какой онъ директоръ? Онъ пробка, а не директоръ. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего — вотъ, которою закупориваютъ бутылки! Мнѣ больше всего было забавно, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: столоначальникъ такой-то — какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: «Фердинандъ VIII». Нужно было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я кивнулъ только рукою, сказавъ: «Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!» и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотѣлъ меня не впустить, но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и отступила отъ меня. Я, однакоже, не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастіе ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ, и что, несмотря на козни непріятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо—женщина! Я теперь только постигнулъ, что такое женщина. До сихъ поръ никто еще не узналъ, въ кого она влюблена: я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя. Физики пишутъ глупости, что она то и то,—она любитъ только одного чорта. Вонъ видите, изъ ложи перваго яруса: она наводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со звѣздами? Совсѣмъ нѣтъ: она глядитъ на чорта, что у него стоитъ за спиною. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ. Вонъ онъ киваетъ оттуда къ ней пальцемъ! И она выйдетъ за него, выйдетъ. А вотъ эти всѣ, чиновные отцы ихъ, вотъ эти всѣ, что юлятъ во всѣ стороны и лѣзутъ ко двору, и говорятъ, что они патріоты, и то, и сё: аренды, аренды хотятъ эти патріоты! Мать, отца, Бога продадутъ за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Все это честолюбіе, и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюль-

никъ, который живетъ въ Гороховой. Я не помню, какъ его зовутъ; но достовѣрно извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою, хочетъ по всему свѣту распространить магометанство, и оттого, уже, говорятъ, во Франціи бо́льшая часть народа признаетъ вѣру Магомета.

Никотораго числа. День былъ безъ числа.

Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту. Проѣзжалъ государь императоръ. Весь городъ снялъ шапки и я также; однакоже, не подалъ никакого вида, что я испанскій король. Я почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ, потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сихъ поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантію. Я хотѣлъ было заказать портному, но это совершенные ослы; притомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и бо́льшею частію мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантію изъ новаго вицъ-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но, чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому что покрой долженъ быть совершенно другой.

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было, чортъ знаетъ, что такое.

Мантія совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однакоже, я еще не рѣшаюсь представляться ко двору: до сихъ поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ неприлично: никакого не будетъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа на часъ.

Числа 1-го.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія бы причины могли ихъ остановить? Неужели Франція? Да, это самая неблагопріятствующая держава. Ходилъ справляться на почту, не прибыли ли испанскіе депутаты; но почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ.

«Нѣтъ», говоритъ, «здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письмо (если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу». Чортъ возьми! что̀ письмо? Письмо—вздоръ. Письма пишутъ аптекари, да и то прежде смочивши уксусомъ языкъ, потому что безъ этого все лицо было бы въ лишаяхъ.

Мадридъ. Февруарій тридцатый.

Итакъ, я въ Испаніи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явились ко мнѣ депутаты испанскіе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалась странною необыкновенная скорость. Мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги, и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро. Странная земля Испанія! Когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я, однакоже, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ обхожденіе государственнаго канцлера, который велъ меня за руку: онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: «Сиди тутъ, и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту». Но я, зная, что это было больше ничего, кромѣ искушеніе, отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть было не вскрикнулъ, но удержался, вспомнивши, что это рыцарскій обычай при вступленіи въ высокое званіе, потому что въ Испаніи еще и донынѣ ведутся рыцарскіе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ, что Китай и Испанія совершенно одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разныя государства. Я совѣтую всѣмъ нарочно написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня, однакоже, чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно

дѣлается въ Гамбургѣ, и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратитъ на это вниманіе Англія. Дѣлалъ ее хромой бочаръ, и видно, что, дуракъ, никакого понятія не имѣлъ о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канатъ и часть деревяннаго масла; и оттого по всей землѣ вонь страшная, такъ что нужно затыкать носъ. И оттого самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды, которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: «Господа, спасемъ луну, потому что земля хочетъ сѣсть на нее!» то всѣ въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну; но въ это время вошелъ великій канцлеръ. Увидѣвши его, всѣ разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ, къ удивленію моему, ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народные обычаи!

Январь того же года, случившійся послѣ февруарія.

До сихъ поръ не могу понять, что это за земля Испанія. Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мнѣ голову, несмотря на то, что я кричалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ. Но я уже не могу и вспомнить, что было со со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, безсмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до сихъ поръ

не уничтожаютъ его. Судя по всѣмъ вѣроятіямъ, догадываюсь, не попался ли я въ руки инквизиціи, и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ. Только я все не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиніякъ. О, это бестія Полиніякъ! Поклялся вредить мнѣ по смерть. И вотъ гонитъ да и гонитъ; но я знаю, пріятель, что тебя водитъ англичанинъ. Англичанинъ большой политикъ. Онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25.

Сегодня великій инквизиторъ опять пришелъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: «Поприщинъ!» — Я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ивановъ! Титулярный совѣтникъ! Дворянинъ!» — Я все молчу. — «Фердинандъ VIII, король испанскій!» — Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: «Нѣтъ, братъ, не надуешь! Знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову». Однакоже, онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочемъ, за все это вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями, недалеко возлѣ хвоста. Великій инквизиторъ, однакоже, ушелъ отъ меня, разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегаю его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйствуетъ какъ машина, какъ орудіе англичанина.

Чи 34 сло Мц. гдао. чvрдвэф 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что̀ они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что̀ я сдѣлалъ имъ? За что̀ они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что̀ могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ какъ вихорь

коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одно стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ!—Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!... А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?

КОНЕЦЪ «АРАБЕСОКЪ».

Примѣчанія редактора.

Арабески.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь. Отдѣлано въ 1834 году; наброски относятся къ 1832 году.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ. Первые наброски сдѣланы въ 1832 г.; статья кончена въ 1834 году.

Невскій проспектъ. Повѣсть начата въ концѣ 1833 года или въ началѣ 1834 года; отдѣлана для печати въ октябрѣ 1834 года. При печатаніи получило новую редакцію слѣдующее мѣсто рукописнаго текста: «Если бы Пироговъ былъ въ полной формѣ, то, вѣроятно,—навѣрное, почтеніе къ его чину и званію остановило бы буйныхъ тевтоновъ, но онъ прибылъ совершенно какъ частный, приватный человѣкъ—въ сюртучкѣ и безъ эполетъ. Нѣмцы съ величайшимъ неистовствомъ сорвали съ него все платье; Гофманъ всей тяжестью своей сѣлъ ему на ноги, Кунцъ схватилъ за голову, а Шиллеръ схватилъ въ руку пукъ прутьевъ, служившихъ метлою. Я долженъ съ прискорбіемъ признаться, что поручикъ Пироговъ былъ очень больно высѣченъ».

О малороссійскихъ пѣсняхъ. Статья эта написана въ мартѣ 1834 г.; появилась въ апрѣльской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1834 г.

Мысли о географіи. Первая печатная редакція этой статьи появилась въ первомъ № «Литературной Газеты» 1831 года (1 января), подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи». Вторая редакція, напечатанная въ «Арабескахъ», выработана въ 1834 году.

Послѣдній день Помпеи. Написано въ августѣ 1834 года.

Плѣнникъ. Написано въ 1830 году.

О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка. Написано, вѣроятно, въ сентябрѣ 1834 года.

Записки сумасшедшаго. Написаны въ 1834 г.

Кромѣ напечатанныхъ въ IX и X томахъ произведеній, относящихся къ концу двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, укажемъ еще

нѣсколько шутливыхъ его стихотвореній, написанныхъ частью вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицейскими товарищами. По свидѣтельству Анненкова, Гоголю принадлежатъ безраздѣльно слѣдующіе куплеты:

«Всѣ бобрами завелись,
У Фаге всѣ завились—
И пошли черезъ Неву,
Какъ чрезъ мягку муравy».

Куплетъ относится къ молодымъ учителямъ, ежедневно отправлявшимся на уроки на Васильевскій островъ.

Гоголю же принадлежало двустишіе объ отправленіи его слуги въ Крымъ:

«И съ Матреной нашъ Якимъ
Потянулся прямо въ Крымъ». (См. Анненкова «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, стр. 186).

Н. В. Гербель. въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Гоголя къ Прокоповичу («Русское Слово», 1859, I) приводитъ сочиненные имъ вмѣстѣ съ другими нѣжинцами стихи, начинающіеся словами:

«Да здравствуетъ нѣжинская бурса,
Билевичъ, Севрюгинъ и Урсо» и проч.

А. С. Данилевскій припоминалъ также нѣкоторые другіе шутливые куплеты Гоголя, напр.:

«Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ
Въ Гамбургѣ штанишки...
Благодаренъ онъ судьбѣ
За свои дѣлишки». (См. также «Историч. Вѣстн.», 1883, I, стр. 37).

Или:

«Кохановичъ, Кобеляцкій,
Петя, Миша, Скоропадскій,
Бравые молодцы!»

Безъ сомнѣнія, приведенными стихами и куплетами не исчерпываются стихотворныя шалости Гоголя, случайно до насъ дошедшія.

Оглавленіе

ДЕСЯТАГО ТОМА.

Арабески.

СТРАН.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь 5
Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ 8
Невскій проспектъ (повѣсть) 14
О малороссійскихъ пѣсняхъ 50
Мысли о географіи (для дѣтскаго возраста) 58
Послѣдній день Помпеи (картина Брюлова) 67
Плѣнникъ (отрывокъ изъ историческаго романа) 75
О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка 81
Записки сумасшедшаго 108

Примѣчанія редактора 129

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографіею Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайлов. просп., 29.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

(1834—январь 1842)

не вошедшія въ первое изданіе

сочиненій ГОГОЛЯ.

ПРОГРАММА ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Такъ какъ учебный годъ состоитъ изъ двухъ полугодичныхъ курсовъ, то я полагаю приличнымъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ раздѣлить на двѣ части: *до крестовыхъ походовъ* и *послѣ крестовыхъ походовъ*. Итакъ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До крестовыхъ походовъ.

Отдѣленіе I.

Отъ разрушенія Западной Имперіи до Карла и Гарунъ-аль-Рашида.

Прежде всего необходимо разсмотрѣть статистическое состояніе Западной Имперіи за 50 лѣтъ до ея разрушенія; механизмъ правленія ея; силы и средства; состояніе войскъ; образъ управленія дальнихъ и ближнихъ провинцій; состояніе христіанства; образъ мыслей того времени; вліяніе наукъ; вліяніе варваровъ, занимавшихъ первыя должности въ государствѣ. Средства для защиты. Невозможность существованія Имперіи и причины разрушенія ея.

Потомъ силы и средств дикихъ и свѣжихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ варваровъ. Невозможность отраженія ихъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Причины и

силы, побуждавшія ихъ къ нападенію; вліяніе характера ихъ, ихъ обычаевъ, образа жизни.

Состояніе Италіи по занятіи ея герулами. Состояніе бывшихъ провинцій Имперіи: Франціи, Испаніи, Англіи, Швейцаріи, Германіи подъ распоряженіемъ новыхъ властелиновъ. Въ чемъ состояло различіе правленій отъ римскихъ намѣстниковъ.

Время царствованія Θеодорика и вліяніе его на Европу. Нравы, законы, постановленія новыхъ народовъ. Различные виды феодализма у франковъ, алемановъ, бургундовъ, готтовъ. Что происходитъ между тѣмъ въ уцѣлѣвшей Восточной имперіи. Завоеванія Юстиніановы и составленіе греческаго Экзархата. Образъ управленія Экзархатомъ. Причины появленія ломбардовъ въ Италіи и завоеваніе Экзархата и другихъ земель Италіи. Мѣры восточныхъ императоровъ къ удержанію Экзархата. Причины бунтовъ въ Римѣ и хитрые поступки первыхъ папъ къ возвышенію своего достоинства.

Возрастаніе силы франковъ правленіемъ палатныхъ меровъ. Стараніе папъ воспользоваться могуществомъ меровъ и съ помощью ихъ утвердить власть свою надъ Римомъ. Опасенія, произведенныя въ Европѣ появленіемъ аравитянъ. Разсмотрѣніе этого новаго народа, разсмотрѣніе его отечества—Аравіи. Какое вліяніе имѣла чудная и ужасная страна ихъ. Обстоятельства и причины, вдохнувшія въ нихъ такой сверхъестественный энтузіазмъ. Разсмотрѣніе новой религіи: ея духъ и сила, ея вліяніе. Быстрыя завоеванія аравитянъ въ Азіи, въ Африкѣ и наконецъ въ Европѣ; завоеваніе Испаніи и встрѣча съ франками. Франція подъ правленіемъ короля Пипина; его постановленія и перемѣны.

Отдѣленіе II.

Вѣкъ аравійскаго просвѣщенія отъ Карла и Гарунъ-аль-Рашида до крестовыхъ походовъ.

Періодъ I. Вѣкъ аравійскаго просвѣщенія.

1. Быстрое преобразованіе аравитянъ изъ завоевателей въ просвѣтители. Способность къ этому арабовъ. Вліяніе, произведенное правленіемъ Гарунъ-аль-Рашида. Характеръ

правленія его. Характеръ арабовъ того времени. Аравійская роскошь. Арабскіе философы. Состояніе наукъ и искусствъ. Направленіе арабскихъ познаній. Арабская архитектура. Статистическое состояніе государства Гарунова.

Управленіе Западомъ императора Карла Великаго. Его войны. Его цѣль и намѣренія. Характеръ его правленія. Противоположность его государства государству Гаруна. Европейскія силы. Медленное теченіе просвѣщенія. Вліяніе Карла Великаго.

2. Время раздѣленія, разстройства и разрушенія двухъ великихъ силъ въ мірѣ — арабской и франковъ. Безсильные наслѣдники Карла. Начертанія и намѣренія Карловы стираются ими, и новые герцоги и графы становятся почти независимыми отъ короля. Упадокъ государства Гарунова. Средства, употребляемыя къ отвращенію сего: войска изъ турокъ. Силы, произведшія паденіе: слабость калифовъ, отдѣленіе независимыхъ владѣльцевъ, новые секты и расколы и тѣ же турецкія войска. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ калифатовъ въ Аравіи. Возрождающійся блескъ калифата въ Испаніи.

Періодъ II. Время нормандскихъ набѣговъ.

Эпоха появленія норманновъ. Ихъ происхожденіе. Изображеніе сѣвера Европы и отечества ихъ — Скандинавіи и вліяніе, которое могла имѣть на нихъ дикая сѣверная природа. Сила дикой религіи ихъ. Ихъ нравы, обычаи. Причины, побудившія ихъ оставить сѣверныя ..... Образъ войны и нападеній ихъ. Ужасъ въ Европѣ, производимый ихъ нападеніями; вторженія ихъ во Францію, въ Англію; встрѣча съ Альфредомъ; мудрыя распоряженія этого государя къ отраженію и польза, принесенная государству. Составленіе войскъ въ Европѣ изъ норманновъ; путешествованія ихъ въ Константинополь на службу греческимъ императорамъ. Состояніе тогдашней Восточной Имперіи. Завоеванія ихъ въ Россіи и основаніе княжествъ.

Отдѣленіе и возвышеніе Германіи. Отонъ провозглашается Западнымъ императоромъ и становится первымъ лицомъ въ Европѣ. Выгоды, доставленныя папамъ императорами. Внутреннее управленіе Германіи. Причины постепеннаго пріобрѣтенія духовенствомъ вліянія и власти въ государствахъ.

Бенедиктинскія аббатства. Степень невѣжества, варварства и суевѣрія. Обращеніе генуэзскихъ утесовъ и венеціанскаго болотца въ удобное жительство для промышленности.

Періодъ III. Время споровъ между императоровъ и папою.

Состояніе Германіи при малолѣтнихъ государяхъ. Вліяніе папской политики въ Европѣ. Намѣреніе папы Гильдебранта освободить духовенство отъ власти государей и подчинить своей. Причины, побудившія его къ этому. Гильдебрантова цѣль и орудія. Новыя строгія постановленія для духовенства. Власть императора совершенно пересиливается папскою. Замѣчательныя происшествія въ остальной Европѣ. Англія сильно и упорно осаждается нормандскими корсарами. Правленіе датчанина Канута. Деспотизмъ Вильгельма Завоевателя и ниспроверженіе прежнихъ законовъ и нравовъ англосаксовъ.

Усилившаяся власть турокъ и первыя стычки съ войсками константинопольскаго императора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки и сокрушенія папской власти.

Отдѣленіе I.

До окончанія крестовыхъ походовъ и появленія монголовъ.

Періодъ I. Первый крестовый походъ.

Причины и естественность этого необыкновеннаго явленія, соединившаго народы Европы въ одно. Первый крестовый—порожденіе одного чистаго энтузіазма безъ всякихъ постороннихъ цѣлей и корыстолюбія. Стихіи, составлявшія это вооруженіе, средства, образъ войны. Состояніе силы королевства Іерусалимскаго. Острова христіанскіе среди ... и невозможность удержаться среди магометанскихъ сосѣдей, между которыми грознѣе другихъ становится Саладинъ, и по поводу сего составленіе крестоваго похода.

2-й крестовый — съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ большими еще силами, но уже съ корыстолюбивыми и политическими

видами папъ. Препятствія со стороны грековъ, турковъ, моровыхъ повѣтрій, климата и истребленіе войскъ Конрадомъ и Людовикомъ VII. Паденіе Іерусалима во власть Саладина и вліяніе этого событія на Европу, возбудившаго энтузіазмъ, месть и третій крестовый походъ.

3-й походъ вооруженъ подъ начальствомъ Филиппа Августа и Ричарда, разстроившаго Англію. Присоединеніе къ прежнимъ препятствіямъ, останавливавшимъ успѣхи крестоносцевъ, несогласія ихъ предводителей. Папа выигрываетъ одинъ. Всеобщее рвеніе охладѣваетъ, къ сожалѣнію, немногихъ ревностныхъ энтузіастовъ, рѣшающихся составить братства, независимыя общества, мимо условій гражданскихъ. Положеніе, права и вліяніе этихъ обществъ — рыцарскихъ орденовъ. Еще нѣсколько крестовыхъ походовъ поднимается, но уже главная цѣль не та. Освобожденіе гроба Христа только предлогъ; но завоеваніе Константинополя, Египта, и страсть къ странствованіямъ приманиваетъ крестоносцевъ. Послѣднее неудачное предпріятіе Людовика IX.

Слѣдствія крестовыхъ походовъ, состоящія — первое, въ соединеніи и сближеніи народовъ Европы между собою и отъ того взаимная шлифовка и образованіе; путешествія и странническая жизнь и отъ того расширеніе свѣдѣній о мірѣ и людяхъ. Перенесеніе восточныхъ нравовъ, обычаевъ, аравійскаго просвѣщенія и византійскаго и отъ того—происхожденіе рыцарства, новой готической архитектуры, облагороженной арабскою. Облегченіе участи людей военныхъ въ 4-хъ....., долгое время не видавшихъ своихъ грозныхъ повелителей; захватываніе духовенствомъ многихъ свѣтскихъ владѣній и размноженіе нищенствующихъ монаховъ: францискановъ, доминиканцевъ, августиновъ, кармелитовъ, трубадуровъ, ро..... и проч.

Отдѣленіе II.

До сокрушенія папской власти.

Періодъ I. Время завоеваній монгольскихъ и верховнаго величія папы.

Происхожденіе народовъ монгольскихъ. Изображеніе средней Азіи. Ея недоступность и вліяніе на обитавшіе въ ней народы. Первоначальная религія, образъ жизни, характеръ,

страсти монголовъ. Средства, давшія возможность Чингисъ-Хану сдѣлаться ихъ верховнымъ повелителемъ. Разлитіе войскъ Чингисъ-Хановыхъ тремя полосами: одна объ..... Китай, Корею и, кажется, Японію; другая протекаетъ Россію и Польшу; взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи, не имѣвшей возможности противиться имъ. Третія обращаетъ въ пепелъ цвѣтущій югъ Азіи, овладѣваетъ Багдадомъ, Персіей, Индіей. Раздѣленіе огромнаго монгольскаго государства на многія и причины кратковременности.

Обозрѣніе всемірной монархіи папъ. Средства къ увеличенію власти [папъ]—постоянствомъ и мудростью. Деспотическое правленіе Иннокентія III; введеніе новыхъ положеній въ церковь и страшной инквизиціи. Безжалостные поступки съ европейскими владѣтелями. Намѣреніе папъ истребить весь Швабской домъ императоровъ, оказавшихъ упорство; войны Гвельфовъ и Джибеллиновъ.

Ослабленіе феода..... Въ какомъ видѣ является Европа послѣ крестовыхъ походовъ. Венеція вдругъ показывается передъ глазами всей Европы сильнѣйшею своимъ богатствомъ и всемірною торговлею, и выводитъ за собою другія республики: Геную и Флоренцію. Остальная Италія—гнѣздилище заговоровъ, интригъ, бунтовъ и отъ того образовавшійся хитрый, мстительный, ... характеръ итальянцевъ. Города болѣе или менѣе возвышаются торговлей. Вся морская торговля захвачена Венеціей, сухопутная Ганзейскимъ союзомъ, постоянно останавливая покушенія быстро образовавшагося португальскаго ..... перехватить торговлю.

Формы управленія обработываются основательно въ Германіи. Государи мимо папскаго покровительства становятся сильнѣе, потому что получаютъ мало по малу непосредственное управленіе народомъ, благодаря крестовымъ походамъ, истребившимъ множество сильныхъ вассаловъ. Во Франціи Филиппъ-Августъ и Людовикъ кладутъ крѣпкое основаніе монархической власти; возрастаетъ вдругъ до неограниченной власти волею страннаго и мудраго тирана Людовика XI; и совершенное униженіе феодализма. Испанія освобождается совершенно отъ магометанъ и посредствомъ браковъ совокупляется въ одну монархію. Монархи глубокою религіозностью облекаютъ свою власть и дѣлаютъ ее неограниченною. Австрійскій домъ, тоже посредствомъ браковъ, усиливается и непомѣрно превышаетъ прочихъ германскихъ

феодаловъ. Все сливается въ крупныя массы. Всеобщее усиліе поднять гражданъ и унизить феодаловъ. Въ Англіи — парламентъ и депутаты. Вотъ причины ослабленія феодализма.

Время покушеній на низверженіе папскаго ига.

Избраніе разомъ двухъ папъ, и раздоры отъ этого объемлютъ Европу и ослабляютъ всеобщее мнѣніе. Университеты, алхимики и начало возрождающихся знаній быстро помогаютъ тому и приготавливаютъ Европу къ всеобщему взрыву. Образъ преподаванія, вліяніе ихъ на Европу. Алхимики; вліяніе занятій ихъ. Суевѣріе, раздуваемое нищенствующими монахами; ихъ корыстолюбіе и жадность. Первое негодованіе противъ нихъ и противъ множества несправедливыхъ положеній. Богемія извергаетъ первыхъ реформаторовъ; костры и мщеніе папъ и слѣдствія этого.

БИБЛІОГРАФІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Источники для исторіи среднихъ вѣковъ трехъ родовъ:

Одни, обнимающіе вполнѣ всѣ событія,—собственно всеобщія исторіи среднихъ вѣковъ.

2. Отдѣльныя исторіи государствъ, событій и явленій среднихъ вѣковъ.

3. Современныя лѣтописи, матеріалы, требующіе ученой разработки.

Что касается до первыхъ, то ихъ очень немного. Почти нѣтъ такого сочиненія, которое бы представило полную исторію среднихъ вѣковъ въ строгомъ порядкѣ и планѣ, съ высокою художественною отдѣлкою и вообще съ достоинствами совершенно классическаго созданія. Причиною этому необыкновенное обиліе и разнообразіе предметовъ, изъ которыхъ сложена средняя исторія, обнять которыхъ вполнѣ почти невозможно и требуетъ глубокаго многосторонняго генія. Однакоже, многими исполненными таланта и большихъ свѣдѣній, были сдѣланы попытки, замѣчательныя и важныя во многихъ отношеніяхъ, для исторіи среднихъ вѣковъ. Прежде всего должно упомянуть о Гиббонѣ, котораго «Исторія упадка римской имперіи», — сочиненіе, означенное глу-

бокою ученостью, увлекательною силою повѣствованія и многостороннимъ умомъ, — первая проложила путь для созданія исторіи среднихъ вѣковъ, объяснила и открыла начала ея еще въ нѣдрѣ древняго міра. — Гизо въ своей «Исторіи европейской цивилизаціи» раскрылъ первоначальныя стихіи гражданственности среднихъ вѣковъ и сдѣлалъ много изслѣдованій въ отношеніи ..... Сочиненіе Гюльмана «Исторія городовъ въ средніе вѣки» исполнено съ необыкновенною отчетливостію и бросаетъ свѣтъ на всю средину средней исторіи—на сильнѣйшій пунктъ ихъ гражданственнаго развитія. Исторія Галлама, подъ названіемъ: «Европа въ средніе вѣки», замѣчательна въ отношеніи конституціонныхъ перемѣнъ. Исторія средняя Демишеля, которой вышло два тома, показываетъ въ авторѣ много начитанности, вмѣщаетъ много фактовъ, но не имѣетъ высокаго единства и достоинствъ историка. Его «Сокращеніе средней исторіи», изданное въ одной книгѣ, вмѣщаетъ почти всѣ событія, хотя въ сухомъ и сжатомъ видѣ. Присоединивъ сюда исторію среднюю Лудена, замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ «Записки» (Іоанна) Миллера, можно окончить небольшой итогъ собственно всеобщихъ исторій среднихъ вѣковъ.

Итакъ, чтобы обширнѣе и полнѣе узнать средніе вѣки, непремѣнно нужно прибѣгнуть къ источникамъ второго рода — къ отдѣльнымъ исторіямъ государствъ и событій. Этими источниками средняя исторія очень богата. Начнемъ по порядку съ каждаго государства.

Исторія среднихъ вѣковъ Италіи разработана съ бо́льшею отчетливостью, нежели исторія другихъ государствъ. Причина: въ Италіи жизнь ученаго была нераздѣльна съ жизнью государственною; историки ея большею частію сами были участниками въ политическихъ переворотахъ своихъ государствъ. Отъ того въ ихъ сочиненіяхъ обстоятельнѣе являются тогдашнія отношенія, удовлетворительнѣе опредѣлены (всѣ) элементы дѣятельной жизни. Изъ сочиненій, относящихся къ общей исторіи Италіи, болѣе всего замѣчательны два сочиненія Муратори: Scriptores rerum Italicarum и Antiquitati (sic!) Italicae medii aevi, раскрывающія ясно существованіе городовъ и республикъ итальянскихъ въ средніе вѣки. Кромѣ того исторію Италіи среднихъ вѣковъ обработывали: Денина (Rivoluzioni d'Italia), оба Вилья-

ни, Гвичіардини и наконецъ изъ новѣйшихъ Симонъ Сисмонди [Histoire des républiques Italiennes au moyen âge]. Сверхъ того въ Италіи каждое государство и городъ имѣетъ своихъ историковъ. Такъ, исторію Венеціи обработывали Андрей Навагіеро, Марино Сануто, Барцони, Петръ Бембо и другіе, а въ послѣдующее время графъ Дарю, котораго «Исторія Венеціи» есть очень удовлетворительное сочиненіе. Исторію Генуи писали Жюстиніани, Уберто Фоліето; Флоренціи — Сципіонъ Аммирато и особенно Махіавель; Неаполя — Жіанонъ, Доминико Дегравіана; Сіэны — Орландо Малавольти и проч. Исторію и жизнеописаніе папъ писали Брюи, Боверъ, Анастазій и множество другихъ; собственно же церковную исторію—Орзи, Райнальди, Флёри, Мозгеймъ.

Исторія Франціи была обработываема въ разныя времена вполнѣ и по частямъ, но эпоха ея началась съ XIX столѣтія. Изъ принесшихъ ей болѣе услугъ нужно замѣтить слѣдующихъ: Гизо, развившій очень много новаго въ отношеніи къ феодальнымъ временамъ Франціи и въ отношеніи ко всей средней исторіи въ двухъ сочиненіяхъ: Histoire de la civilisation de France и Essais sur l'histoire de France; Сисмонди (полнѣйшая исторія); Тьери, бросившій много замѣчательныхъ мыслей въ своемъ сочиненіи: «Lettres sur l'histoire de France», Капфигъ (издавшій нѣсколько сочиненій о разныхъ эпохахъ Франціи), Барантъ (Исторію герц. бург.), Монтель, Мишеле и другіе.

Исторія Англіи можетъ похвалиться историками сильнаго таланта: Юмомъ, Робертсономъ, отчасти Галламомъ въ его «Конституціонной исторіи Англіи», Лингартомъ и особенно Тіери въ его «Исторіи завоеванія Англіи норманнами».

Исторія Испаніи обширнѣйшая и полнѣйшая другихъ—Маріяна; кромѣ того занимались ею Кардонъ, Биглондъ и проч.

Исторію Германіи обработывали Струвіусъ, Шмитъ, Луденъ, Менцель и Раумеръ (въ своей «Исторіи Гогенштауфеновъ»).

Швейцарія имѣетъ полную исторію свою въ сочиненіи Іоаннеса Мюллера,—сочиненіи, исполненномъ великаго историческаго достоинства.

Исторія византійская состоитъ изъ безпрерывной хроники, веденной современными лѣтописцами. Замѣчательные изъ нихъ: Зонара, Кедринъ и др.; по искусству изложенія:

Прокопій, Константинъ Багрянородный, Анна Комнина. Но сочиненіе, которое болѣе всего можетъ представить въ ясномъ видѣ все существованіе византійской имперіи, это есть—сочиненіе Гиббона.

Исторіей аравитянъ занимались многіе ученые, хотя совершенно полной и удовлетворительной до сихъ поръ нѣтъ. Изъ арабскихъ писателей замѣчателенъ Абулфеда и Абулгараджъ. Изъ европейскихъ древнѣйшій—Гербелотъ («Восточная Библіотека»); извѣстный оріенталистъ — Гаммеръ, Оклай, Кардонъ, Мильцъ и др.

Исторія сѣверной Европы болѣе всего разработана геніальными трудами Шлецера; Швеція имѣетъ очень (полную и) обширную исторію Олофа Далина.

Сверхъ этихъ сочиненій, отдѣльно изданныхъ, нужно упомянуть еще о большихъ собраніяхъ исторій разныхъ государствъ, предпринимаемыхъ съ середины XVIII столѣтія разными учеными обществами. Изъ нихъ лучшая—Гальская «Всемірная исторія» въ 70 томахъ, а нынѣ издающаяся подъ именемъ «Исторіи европейскихъ государствъ» (еще не оконченная).

Слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ, которыя обнимали только нѣкоторыя явленія и событія среднихъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, исторія крестовыхъ походовъ имѣла многихъ писателей; изъ нихъ замѣчательнѣе Геренъ (О вліяніи крестовыхъ походовъ), Мишо (Bibliographie des croisades). Кромѣ того замѣчательны: «Исторія рыцарства» Сентъ-Пале, «Исторія ганзейскихъ городовъ» Сарторіуса, «Исторія инквизиціи» Морента, «Исторія состоянія римскаго права въ средніе вѣки» Савиньи и др.

Третій разрядъ источниковъ собственно лѣтописи, веденныя епископами, монахами, обыкновенными историками среднихъ вѣковъ. Они большею частію находятся неизданныя, въ рукописяхъ, въ ученыхъ архивахъ европейскихъ столицъ; болѣе всего находится въ Парижѣ — въ Королевской Библіотекѣ, много въ Ватиканѣ и, относительно народовъ славянскихъ, въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ и др. Были предпринимаемы попытки издать ихъ, но полныхъ хорошихъ собраній доселѣ не было. Во Франціи Гизо предпринялъ изданіе всѣхъ французскихъ лѣтописцевъ, начиная отъ Григорія Турскаго и до средины XIII вѣка; но это изданіе еще до сихъ поръ не вышло. Далское «Обще-

ство» издало нѣсколько сагъ и эддъ норманскихъ, объясняющихъ начало сѣверной исторіи.

Сверхъ всѣхъ указанныхъ источниковъ, важны для среднихъ вѣковъ, относительно духа времени, жизни частной, сочиненія, относящіяся не прямо къ исторіи; какъ-то: частныя біографіи, извѣстія о состояніяхъ тогдашнихъ искусствъ, ремеслъ, наукъ и проч.

Сюда можно включить также созданія поэтическія, выражающія вѣрно минувшій бытъ народный: историческія баллады, народныя пѣсни, которыми особенно богата христіанская Испанія, Шотландія, народы славянскіе, — народы, терпѣвшіе большія потрясенія и не имѣвшіе гражданскаго образованія. Сюда можно отнесть памятники и развалины временъ феодальныхъ, которыхъ множество находится по Рейну, Дунаю, въ Испаніи, Италіи, Франціи и вообще въ государствахъ, гдѣ жизнь и начала образованности гражданской долго боролись съ неукротимымъ невѣжествомъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I.

Взглядъ на состояніе римской имперіи въ послѣднее время ея существованія и на причины, произведшія разрушеніе ея.

Всѣ извѣстные народы и земли къ концу древняго міра были совокуплены въ одну монархію — римскую. Ее составляли греки, сиріяне, египтяне, карфагене, всѣ еллинскіе и малоазійскіе и другіе народы, давно утратившіе свою національность и свой прежній образъ въ политическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, и народы, еще не начинавшіе образованной и политической жизни, — народы европейскіе: галлы, бритты и другіе. Политическія тѣла, образованныя этими націями, составляли: 1) придворные, преданные интригамъ, неразлучнымъ съ серальнымъ правленіемъ государства, 2) честолюбивые и корыстолюбивые правители провинцій, поступавшіе съ ними какъ съ арендами, 3) люди,

занятые торговлей, всемірные граждане, равнодушные къ выгодамъ націи, 4) ученые и философы, погруженные въ занятія, совершенно отвлеченныя отъ жизни, 5) сибариты, равнодушные ко всему кромѣ своихъ чувственныхъ наслажденій и жизни совершенно частной, 6) народъ, почти вездѣ находившійся въ состояніи рабства подъ деспотизмомъ сатраповъ, вовсе не входившій въ связь государственную. Словомъ, ничто не обнаруживало въ нихъ здравой политической связи и прочной государственной жизни. Изъ такихъ частей составилась римская имперія. Всѣ эти части, не имѣя въ себѣ ничего цѣлаго, никакой связи, тѣмъ менѣе могли составить во взаимномъ соединеніи общее цѣлое.

Націю преобладающую составляли римляне,—народъ, проведшій суровую воинственную жизнь, съ простыми республиканскими, грубыми и мужественными доблестями, еще не имѣвшій времени и не достигшій развитія жизни гражданственной. Все, что заимствовалъ онъ у побѣжденныхъ народовъ, было блестящее и наружное — роскошь, безъ утонченнаго образа мыслей, понятій и жизни этихъ народовъ. Онъ сократилъ свой собственный переходъ и, не испытавъ мужества, прямо изъ юношескаго состоянія перешелъ къ старости. Отсюда — жадность къ богатству, къ мѣстамъ и почестямъ, доставлявшимъ богатство; спорящіе правители провинцій, консулы, сражающіеся за богатыя земли и верховную власть въ республикѣ; наконецъ совершенная невозможность республиканской формы правленія.

Управленіе такою имперіею могло быть только въ рукѣ одного, и съ оружіемъ въ рукахъ. Это было осуществлено императоромъ Августомъ. Осторожный и опытный умъ его ввелъ правленіе совершенно военное: увеличилъ войска, установилъ префектовъ съ правомъ давать высшій судъ въ городахъ, которые имѣли свою представляемость и продолжали управляться своими магистратами; провелъ военныя дороги, разставилъ войска во всѣхъ мѣстахъ имперіи, завелъ четыре флота: равенскій, мизненскій, понтійскій и юліевъ, и такимъ образомъ облекъ имперію въ самовластное и твердое управленіе. Слабость, недостатокъ душевной твердости послѣдующихъ кесарей, оглушенныхъ приливомъ роскоши и страшнаго изобилія имперіи, ихъ серальная жизнь была причиною, что образъ правленія Августа обратился

въ деспотизмъ. Начальники преторіанскаго войска увидѣли наконецъ, что имѣютъ власть низводить и свергать императоровъ. Императоры для утвержденія своего стали употреблять два опасныя средства—льстить войску и усыплять чернь зрѣлищами и раздачею денегъ. Отсюда ввелась въ Римъ ужасная праздность, искоренившая всѣ правила въ народѣ, жажда къ наслажденіямъ настоящимъ, начиная отъ двора до низшихъ сословій. Правители богатыхъ провинцій, восточныхъ, африканскихъ, европейскихъ, думали только о своемъ обогащеніи: эгоизмъ сдѣлался всеобщимъ, и жизнь эпикурейская стала выраженіемъ всего общества. Политеизмъ обезсиленный, давно сокрушенный въ своихъ началахъ, исполнялся только наружно. Философія лишилась практическаго примѣненія къ жизни, обременилась терминами, сухими изложеніями и осталась въ школахъ. Мистицизмъ, суевѣріе и даже колдовство воцарились въ нѣдрѣ этого странно-смѣшаннаго общества. Весь міръ римскій обратился въ какое-то усыпленіе, жизнь, преданную настоящему, не означавшуюся никакими сильными порывами. Отнятіе оружія у гражданъ имперіи отняло у нихъ все самочувствіе и унизило духъ ихъ. Уже войска не набирались изъ южныхъ изнѣженныхъ провинцій; но ограничивались Галліей, Испаніей и вообще сѣверной Европой.

Христіанство произвело сильное внутреннее движеніе и потрясло многосложный составъ имперіи. Христіанство было принято низшимъ сословіемъ, угнетеннымъ, безотвѣтнымъ. Принявшіе его имѣли другія обязанности, другую власть и вовсе отдѣлились отъ языческаго правительства, и такимъ образомъ положено было начало разъединенію государственныхъ стихій; гоненія еще болѣе усилили это разъединеніе. Между тѣмъ правленіе, чѣмъ далѣе, становилось менѣе исполненнымъ твердости и связи: уничтоженіе престолонаслѣдованія, быстрыя перемѣны императоровъ и безсильная ничтожная жизнь ихъ,—словомъ, всѣ элементы, означающіе паденіе; и если что спасало всемірную имперію, то это неизмѣримая ея огромность и недостатокъ внѣшнихъ силъ, могущихъ дѣйствовать наступательно.

Между тѣмъ изъ-за Рейна и Дуная начинались уже небольшія нападенія на границы, — нападенія народовъ, нѣкогда трепетавшихъ римскаго оружія. Эти нападенія заставили римскихъ императоровъ почти всѣ войска изъ внутри

государства; обратить на границы. Потребность безопасности и охраненія границъ такого необъятнаго государства требовала увеличенія войскъ. Увеличеніе войскъ произвело непомѣрные налоги и подати. Механизмъ правленія становился сложнѣе и сложнѣе. Императоръ Константинъ наконецъ рѣшился произвести сильный переворотъ; переворотъ въ образѣ мыслей—торжественнымъ принятіемъ христіанства; переворотъ въ правленіи—преобразованіемъ имперіи въ четыре великія провинціи: восточную, иллирійскую, гальскую, итальянскую, подъ начальствомъ четырехъ префектовъ съ властью почти неограниченною (безъ апелляцій); переворотъ въ состояніи государства—установленіемъ другой столицы, въ Византіи. Принятіе христіанства, спасительное для всего міра, производитъ въ Римѣ противоположное дѣйствіе: языческій, эпикурейскій, изнѣженный образъ мыслей римлянъ, не постигшій высокихъ правилъ христіанства, произвелъ безконечные споры, занявшіе все государство, образовавшіеся въ партіи, равнодушныя къ жизни и выгодамъ государственнымъ.

Установленіе четырехъ неограниченныхъ префектовъ отдаляетъ провинціи отъ непосредственной зависимости императора и вручаетъ ихъ болѣе власти правителей. Установленіе другой столицы и пребываніе въ ней императора поселяетъ незамѣтное начало политическаго раздѣла между восточными и западными провинціями. Гоненія, воздвигнутыя на язычниковъ, пробудили усыпленную жизнь внутри государства и взаимное сильное ожесточеніе между гражданами и заставили Константина вызвать войска, находившіяся на границахъ, и размѣстить ихъ во внутрь государства для прекращенія мятежей. И такимъ образомъ границы имперіи остались открытыми для нападеній. Императоръ Юліанъ новымъ переворотомъ увеличилъ всеобщее разстройство. Ненависть къ прежнему правительству, утѣснявшему его въ юности, заставляла его дѣйствовать совершенно противоположно. Введеніемъ язычества онъ ожесточилъ еще болѣе внутреннюю борьбу уже слишкомъ потрясенной монархіи. Стремленіе европейскихъ варваровъ, накопившихся вслѣдствіе разныхъ переворотовъ еще въ большемъ количествѣ, становится сильнѣе; правленіе такимъ обширнымъ тѣломъ—рѣшительно невозможнымъ при такихъ обстоятельствахъ. И Ѳеодосій, твердымъ характеромъ правленія своего

сдержавшій на время его существованіе, рѣшился передъ смертію произвесть новый переворотъ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную, — раздѣленіемъ, давшимъ новое средство и силы европейскимъ варварамъ ее разрушить. Но слѣдуетъ теперь обратиться къ народамъ, причинившимъ ея паденіе.

II.

О движеніяхъ народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе западной римской имперіи.

Вся неримская Европа заселена двумя великими семействами народовъ: германскимъ и славянскимъ. Народы германскіе занимали западъ, народы славянскіе — востокъ. Эти двѣ части Европы совершенно противоположны одна другой: восточная — вся изъ равнинъ и большею частію открытыхъ пространствъ; западная пересѣкается множествомъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ, вся состоитъ изъ рубежей. Это имѣло разительное вліяніе на образованіе двухъ великихъ поколѣній народовъ.

Восточно-славянская половина долго оставалась неузнанною для римлянъ, давшихъ ей имя Сарматіи. Западно-германская половина, близостью границъ къ Риму, стала узнаваться ранѣе и наконецъ обратила къ себѣ всю дѣятельность римлянъ. Римляне уже различали разныя наименованія племенъ. По Дунаю они встрѣчали гермундуровъ, квадовъ, маркоманновъ, по Рейну, отъ устья и до впаденія его въ море: вангіоновъ, трибоковъ, неметовъ, матіаковъ, убіевъ, тенктеровъ, узипетровъ и наконецъ батавовъ и фризовъ, въ срединѣ Германіи: хатовъ, херусковъ (обитателей Гарца), фозовъ, сигамбровъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и на востокѣ, въ пограничности съ Европой славянской, свевовъ. Это были племена германскія, которыхъ можно привесть въ одно подъ именемъ обожателей Туиста или Тевта, сына Герты.

Племена по морю Балтійскому сдѣлались извѣстными римлянамъ уже послѣ. Ихъ можно назвать племенами Одиновыми, по имени чтимаго ими героя. Они были: саксоны, кимвры (голштины), готы, ругіи, бургунды, ломбарды и герулы. Гдѣ же Европа славянская граничила съ германскою, находились племена, носившія въ себѣ смѣсь двухъ поко-

лѣній. Такимъ образомъ въ вандалахъ, ругіяхъ, свевахъ замѣтно много славянскаго.

Всѣ эти германскія племена имѣли фамильное между собою сходство и рѣзко отличались физическимъ образованіемъ своимъ отъ народовъ южныхъ. Они были хорошо сложены, имѣли свѣтлые глаза и волосы и атлетическую крѣпость членовъ. Всѣ они находились на грубой степени нравственнаго развитія и пребывали долго въ одинаковомъ положеніи по причинѣ дикости страны, отсутствія образованныхъ сосѣдей, образа жизни и занятій.

Жили они разсѣянно, племенами. Иногда племена соединялись въ конфедеративныя общества, но безъ всякаго пожертвованія свободою или имуществомъ. Вся связь состояла въ собраніяхъ при новолуніи или полнолуніи, предсѣдаемыхъ старѣйшинами, жрецами и бардами. Вожди имѣли только власть во время войны; одна личная храбрость возводила его въ это достоинство, оставшееся потомъ навсегда въ его фамиліи; власть его состояла въ исполненіи всеобщаго желанія, доходы—подарки, которые изъ уваженія къ его храбрости присылали ему племена.

Дикое положеніе Европы съ лѣсами и суровымъ климатомъ должны были вдохнуть имъ склонность къ войнѣ. Эта склонность была велика. Подвиги, сила и искусство владѣть оружіемъ были единственною ихъ цѣлію. Храбраго окружали всегда дружины, которыя составлялись иногда въ значительномъ количествѣ и почти никогда не бросали оружія. Время безъ войны посвящалось звѣриной охотѣ и праздности. Поля обработывались рабами и не обращались въ постоянную собственность; но каждый годъ бросаемый жребій перемѣнялъ владѣльцевъ.

Жилища ихъ были землянки, или хижины изъ высушенной на солнцѣ грязи, обыкновенно на берегу рѣки или на рубежѣ лѣса; одежда—звѣриныя кожи. Ихъ пиршества вокругъ пылающихъ дубовъ, на которыхъ они опивались своимъ ячменнымъ напиткомъ или римскимъ виномъ, оканчивались междоусобными бранями и нападеніями на сосѣдей. Азартная игра, въ которую проигрывали они себя и семейства свои, показывала слѣпую стремительность воли ихъ дикой природы. Преступленія у нихъ были трусость и пороки, происходившіе отъ слабости души.

Религія ихъ, какъ народа не вполнѣ осѣдлаго, была одно-

сложна. Прославившійся битвами получалъ по смерти божескую почесть, и первый вождь ихъ Тевтъ, сынъ Герты, былъ главное божество. Будущая жизнь въ Валгалѣ составляла продолженіе битвъ и подвиговъ; нѣкоторыя божества были потомъ переняты отъ римлянъ.

Такое воинственное развитіе германскихъ племенъ было очень опасно Риму, гдѣ обиліе роскоши, доставленной насильственнымъ образованіемъ, произвело уже слишкомъ сильное разслабленіе нравственное и физическое. Въ продолженіе четырехъ вѣковъ римляне употребляли разныя средства защищенія: ссорили между собою германскихъ вождей, подкупали ихъ, дѣйствовали оружіемъ и хитростью. Адріянъ, Маркъ Аврелій и Каракалла силою оружія потѣснили ихъ далѣе за Рейнъ и Дунай. Эти пораженія заставили племена и отдѣльныя дружины вождей германскихъ соединяться въ большіе союзы, изъ которыхъ прежде показалось соединеніе племенъ придунайскихъ подъ именемъ алемановъ, потомъ прирейнскихъ подъ именемъ франковъ. Съ этихъ поръ движенія ихъ имѣли болѣе единства, а потѣсненіе съ сѣвера сдѣлало нападенія ихъ еще стремительнѣе.

Потрясеніе, произведшее первое большое движеніе народовъ, было сдѣлано племенами Одиноваго происхожденія и прежде всего готами, долго, до того времени, безпокойно блуждавшими въ странахъ Скандинавіи, прибалтійскихъ и финскихъ. Подъ предводительствомъ вождей своихъ они поворотили на востокъ, вытѣснивъ прежде вандаловъ и свевовъ, и вступили въ обширныя равнины Европы славянской; неудерживаемые преградами мѣстоположенія ни упорствомъ славянскихъ племенъ, они распространились по всему славянскому востоку и утвердили власть отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Тревожили римско-дунайскія провинціи, пиратствовали на Черномъ морѣ и Босфорѣ и опустошали Малую Азію. Ихъ было три отдѣленія: на востокъ отъ Днѣпра—остроготы, на западъ—визиготы и еще западнѣе—гепиды, тоже готская вѣтвь. Это переселеніе произвело то, что многія племена прибалтійскія показались въ срединѣ Европы, и римляне уже изъ нихъ начали принимать на жалованье въ свои войска, а между тѣмъ франки опустошили части Галліи.

Новый переворотъ произвелъ новое движеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Переворотъ этотъ произведенъ уже силою

азіатскою. Гунны, народъ монголо-калмыцкаго образованія, вслѣдствіе разныхъ переворотовъ въ Средней Азіи, изгнаны къ Каспійскому морю и откочевываютъ оттуда въ славянскую Европу. Сильною конницею, новостью и дикостью своихъ нападеній ниспровергли обширную власть готовъ и столѣтняго короля ихъ Германриха, утвердивъ на ихъ земляхъ свое владычество. Большая часть визиготовъ съ вождями своими, не желая покориться, выпросили позволенія императора Валенса перейти Дунай съ условіемъ принять аріанство. Они поселились въ двухъ Мизіяхъ, но, недовольные поступками императорскихъ намѣстниковъ, опустошительно прошли владѣніе императора до Адріанополя и умертвили его. Тогда же были сдѣланы нападенія на имперію западную отъ алеманъ и другихъ племенъ, сдвинутыхъ съ мѣстъ своихъ.

Необходимость защиты противъ гунновъ, противъ бунтовавшихъ правителей, противъ императоровъ-самозванцевъ, были причиною, что Имперія терпѣла въ нѣдрѣ своемъ эти дикія орды, давала имъ привилегіи и употребляла въ войска.

Въ это время произошло важное событіе собственно въ римскомъ мірѣ. Императоръ Ѳеодосій, благоразуміемъ и твердостью характера поддержавшій во все время своего царствованія угрожаемую со всѣхъ сторонъ Имперію, наконецъ раздѣлилъ ее между двумя несовершеннолѣтними сыновьями. Восточная, съ греческимъ населеніемъ, утонченною роскошью, ученостью и теологическими спорами досталась старшему — Аркадію; западная, съ преобладаніемъ римскаго населенія, уже мѣшавшимся съ народами варварскими, видѣвшая въ границахъ своихъ когорты германскихъ народовъ,—Гоморію. Верховный надзоръ былъ порученъ Стиликону, зятю императора, происхожденіемъ вандалу, но обладавшему большими достоинствами правителя и полководца. Воспитатель Аркадія Руфимъ, подъ именемъ слабаго государя своего, управлялъ востокомъ: жадностью, скупостью, тиранствомъ и отвлеченіемъ Аркадія отъ верховнаго попечителя Стиликона, жившаго въ Римѣ, онъ вызвалъ его на мщеніе и былъ по тайному его приказанію умерщвленъ. Безсильнаго Аркадія окружили другіе любимцы, разстроившіе Имперію, и открыли поле дѣйствія визиготамъ и честолюбивому вождю ихъ Алариху, который съ толпами своими опустошилъ Ѳракію, Македонію, разрушилъ многіе віотійскіе и пелопоннезскіе города,

но былъ разбитъ пришедшимъ на помощь Стиликономъ, обратился на Эпиръ и оттуда заставилъ устрашеннаго императора избрать себя начальникомъ имъ же ограбленныхъ провинцій съ титломъ военачальника иллирійской префектуры. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ вестготы провозгласили его своимъ королемъ.

Облеченный этою двойственною властью, тайно вспомоществуемый византійскимъ дворомъ, Аларихъ обратился на Италію,—Италію, выставившую всѣ войска свои подъ начальствомъ Стиликона защищать Ретію отъ нападенія алемановъ. Онъ безпрепятственно опустошилъ итальянскія провинціи и осадилъ Гонорія въ Миланѣ и потомъ въ Асти, куда императоръ бѣжалъ изъ Милана. Прибывшій Стиликонъ освободилъ своего государя, разбилъ Алариха при Поленціи (403); хитростью, угрозами и снисхожденіемъ заставилъ его удалиться изъ Италіи съ титломъ генерала Гоноріева. Съ этого времени Римъ былъ оставленъ императорами. Гонорій для безопасности перенесъ резиденцію свою въ Равенну, снабженную выгоднымъ портомъ, укрѣпленіями и неприступными болотами.

Между тѣмъ племена свевовъ, а съ ними вандаловъ и другихъ народовъ, предводимые вождемъ своимъ Родогастомъ, перешли тирольскія Альпы и ринулись въ Италію, но, отраженные Стиликономъ, остановились на время между Дунаемъ и Альпами, и, усилившись племенами аланъ и бургундовъ, устремились на Галлію, опрокинули союзныхъ Риму рипуарскихъ франковъ, ограбили Майнцъ, опустошили Галлію, гдѣ бунтовали римскіе правители, и прошли Испанію, наполнивъ ея цвѣтущія провинціи дикими своими толпами. Такимъ образомъ, Испанія населилась свевами, вандалами, аланами. Въ это время Имперія лишилась послѣдней своей защиты: обвиняемый въ честолюбивыхъ видахъ на императорскую корону, Стиликонъ былъ умерщвленъ по повелѣнію слабодушнаго Гонорія. Этимъ скоро воспользовался Аларихъ и вступилъ съ своими визиготами снова въ Италію, взялъ голодомъ Римъ, провозгласилъ городового префекта Приска Отала императоромъ; но, склоненный льстивыми обѣщаніями Гонорія, свергъ Отала. Раздраженный вѣроломствомъ Гонорія, взялъ въ третій разъ всемірную столицу, обратилъ цѣлыя толпы жителей въ рабовъ и уже располагалъ отплыть въ Африку для завладѣнія богатыми римскими провинціями,

но на этомъ намѣреніи постигла его смерть (въ 411). Гонорій и равенскій дворъ льстивыми обѣщаніями, отдачею руки дочери Ѳеодосія и сестры Гонорія Плацидіи, умѣли преклонить новаго предводителя визиготовъ Атольфа и отправить его въ Галлію противъ возставшихъ одинъ за другимъ похитителей (Константина, потомъ Іовина), которымъ не въ силахъ былъ противиться храбрый Констансъ. Партія цезарей-самозванцевъ была уничтожена Атольфомъ, и Констансъ искусно умѣлъ избавиться его вліянія, направивъ силы его въ Испанію противъ свевовъ, аланъ и вандаловъ. Тамъ началась долгая борьба между варварскими народами, въ продолженіе которой сильно опустошены римскіе города въ Испаніи, совершенно истреблены алане, прогнаны въ горы астуріи и свевы, сильно прижаты къ морю вандалы, а король визиготовъ Валлія, провозглашенный послѣ убитаго Атольфа, простеръ свои владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: въ южной Франціи и сѣверовосточной Испаніи, между тѣмъ какъ Констансъ съ согласія императора позволилъ бургундамъ (въ 415) поселиться въ земляхъ въ юговосточной части Франціи и южной Германіи.

При такомъ положеніи дѣлъ умеръ Гонорій. Плацидія, дочь Ѳеодосія, прежде супруга Атольфа, потомъ Констансова, вступила въ правленіе подъ именемъ малолѣтняго императора Валентіяна III, своего сына, раздѣляя попечительную власть свою съ двумя сенаторами: патриціемъ Аэціемъ, начальникомъ войскъ, и Бонифаціемъ, правителемъ Африки,—людьми исполненными достоинствъ и вмѣстѣ личной ненависти другъ къ другу. Проникнувъ намѣреніе Аэція сокрушить его власть и не имѣя силъ противустать, Бонифацій призвалъ въ Африку испанскихъ вандаловъ подъ начальствомъ предпріимчиваго вождя ихъ Гензериха. Кочевыя племена независимыхъ мавровъ усилили его войска и помогли ему произвести ужасное грабительство богатыхъ африканскихъ провинцій. Раскаявшійся Бонифацій рѣшился противиться; восточная и западная имперія выслали въ одно время свои флоты противъ этихъ варваровъ, но ихъ силы были разсѣяны: вандальскій вождь обратилъ Карѳагенъ въ свою столицу, непросвѣщенныя толпы сдѣлалъ обладателями опустошенныхъ городовъ, и Африка погибла для Рима безвозвратно.

Лишившись Африки, западная имперія лишилась житницы,

снабдѣвавшей продовольствіемъ разоренныя провинціи Италіи, и пріобрѣла страшнаго сосѣда. Гензерихъ покрылъ Средиземное море своими кораблями, захватилъ острова Балеарскіе, Сицилію, Корсику, Сардинію и пиратствами своими преграждалъ всякое плаваніе. Еще болѣе могъ онъ грозить и содержать въ страхѣ обѣ имперіи своимъ союзомъ съ остроготами и визиготами, а потомъ съ Аттилою, предводителемъ гунновъ. Но обратимся къ гуннамъ.

Въ славянской Европѣ произошло много перемѣнъ. Покорители ея, гунны, мало были связаны съ покоренными народами: кочевали отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими племенами, довольствуясь ихъ данью. Но власть ихъ стала обширнѣе, когда предводителемъ ихъ явился Аттила. Проницательный, несмотря на варварскую свою природу и наружность, онъ въ малое время оружіемъ и переговорами успѣлъ покорить всѣ сопредѣльные народы съ славянами, даже татаръ и азіатскія орды до Китая и тѣмъ составляетъ огромное собраніе кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ; обратилъ независимыхъ королей и князей въ исполнителей своихъ намѣреній и придворныхъ; заставилъ вѣрить войска въ неотразимость своего оружія, собиралъ дань съ греческаго императора и грозился потопить его владѣніе несмѣтными силами. Заговоры византійскаго двора и покушенія на жизнь его не имѣли успѣха. Только оружіе Марціана на время отразило его. Отказъ руки сестры императора Валентіяна и тайное приглашеніе Гензериха обратили силу его на западъ. Римлянъ обманулъ онъ извѣстіемъ, что идетъ на вестготовъ, но начальникъ римскихъ войскъ Аэцій проникнулъ его намѣреніе, собралъ послѣдніе остатки войскъ въ Галліи, наемниковъ въ Италіи и союзно съ вестготами, франками и бургундами поражаетъ его при Шалонѣ на Марнѣ (451). Обладатель полуміра отступилъ съ своими королями, данниками и ордами; чрезъ годъ мстительно ворвался въ Италію, разорилъ Аквилею, обратилъ въ прахъ Падуу, Верону, Веченцу, заставивъ убѣжавшихъ жителей основать въ болотахъ при Адріатическомъ морѣ Венецію, но склоненный св. папою Львомъ Великимъ, подарками и обѣщаніями императора, оставилъ Италію. Смерть (453) избавила римлянъ отъ сего опаснаго сосѣда.

Связь, содержавшая вмѣстѣ покоренныя племена, разрушилась съ его смертью. Славяне, остроготы, гепиды возвра-

тили свою независимость; кочевой остатокъ гунновъ снова перешелъ въ Азію, предводимый (455) Ирнакомъ, юнѣйшимъ изъ сыновей Аттилы.

А между тѣмъ императоръ Валентіянъ самъ своею рукою убилъ единственнаго защитника имперіи Аэція, и имѣлъ такую же участь отъ оскорбленнаго имъ патриція Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и женился на вдовѣ его; но мстительная императрица тайно пригласила Гензериха. Вандальскій пиратъ прибылъ съ своимъ флотомъ—и все, что было пощажено Аларихомъ и Аттилою, было предано наконецъ совершенному разрушенію. Все, что можно было взять, Гензерихъ увезъ вмѣстѣ съ толпами невольниковъ въ Африку. Ограбленная Италія уже вовсе не была похожа на государство. Нѣсколько римскихъ сенаторовъ и предводителей наемныхъ войскъ провозглашались императорами и свергались, но это уже не имѣло почти никакого вліянія и даже было незамѣтно. Бывшій при Аттилѣ сенаторъ Орестъ свергнулъ Іюлія Непоса, поставленнаго дворомъ византійскимъ, и доставилъ императорство сыну своему Ромулу Момулу, прозванному за малолѣтство Августуломъ; но, не имѣя чѣмъ заплатить небольшому наемному войску, состоявшему изъ геруловъ, ругіевъ, турцелинговъ, и, отказавъ имъ въ 3-ей части итальянскихъ земель, былъ убитъ предводителемъ ихъ Одоакромъ, который сослалъ въ заточеніе малолѣтняго Ромула, корону императорскую и регаліи отправилъ въ Константинополь и, испросивъ отъ восточнаго императора титло римскаго патриція, управлялъ въ качествѣ короля поселившимися на итальянской землѣ варварскими войсками. Такъ (476) окончилась западная римская имперія, существовавшая только по имени.

III.

Взглядъ на земли западной имперіи по занятіи ихъ народами германскими. Отношенія германцевъ къ оставшимся римлянамъ и первыя стихіи новой жизни.

Опустошительныя наводненія варварскихъ народовъ совершенно измѣнили видъ земель, составлявшихъ западную римскую имперію. Цвѣтущія римскія деревни, загородные дома, жилища римскихъ патриціевъ были истреблены. Все высшее

сословіе, составлявшее классъ privilegii, большею частію выселилось въ разныя времена въ Византію, провинціи восточныя или отчасти вступило въ число обитателей городовъ. Весь низшій классъ былъ или истребленъ, или проданъ и обращенъ въ рабство, или тоже поступилъ въ число обитателей городовъ. Итакъ, единственные остатки римской гражданственности находились въ городахъ, пользовавшихся вначалѣ своимъ городовымъ правленіемъ съ правами республиканскихъ кантоновъ въ отношеніи къ внутреннему бытію, избиравшихъ изъ себя правителей: дуумвировъ, квадруумвировъ, преторовъ, эдилловъ, потомъ ограниченныхъ въ своей власти, зависящихъ совершенно отъ префектовъ провинцій, потомъ утѣсненныхъ контрибуціями, сильно ограбленныхъ римскими и варварскими войсками и, наконецъ, оставленныхъ на произволъ и возвратившихъ вновь свое старое правленіе. Болѣе сохранилась римская образованность въ трехъ главныхъ городахъ Италіи: Римѣ, Неаполѣ и Равеннѣ, въ городахъ по Рейну и близъ него: Вормсѣ, Майнцѣ, Спирѣ, Страсбургѣ, также въ Тулузѣ, Сарагоссѣ и другихъ городахъ Испаніи. Образованность эта была на низшей степени. Ученые, художники, даже высшія ремесла удалились въ Константинополь; только духовенство было уважено германскими завоевателями, уже принимавшими христіанство. Пребываніе епископовъ въ городахъ доставило покровительство городамъ и обитателямъ ихъ.

По разрушеніи западной имперіи, земли ея являются въ такомъ видѣ: Испанія была занята вестготами, захватившими южную половину Франціи. Свевы удержали сѣверо-западный уголъ Испаніи; Франція была занята въ срединѣ еще оставшимися римскими обитателями и войсками, на юго-востокѣ — бургундами, на сѣверо-востокѣ — франками, на сѣверо-западѣ — арморикаными; бургундское королевство занимало Швейцарію и часть юго-восточной Франціи, отъ Базеля и до самаго моря; аллеманы или швабы составляли королевство отъ Базеля вдоль до Кёльна. Бавары занимали земли на римской сторонѣ Дуная; остроготы—въ Паннониі и Норикѣ, перешедшіе оттуда въ Италію; къ Нѣмецкому морю — фризы и саксоны. Славяне, ворвавшіеся въ пространство отъ Дуная до Балтійскаго моря и занимавшіе безчисленными племенами всплошь всю юго-восточную Еврону.

Въ концѣ V вѣка уже во всѣхъ земляхъ прежней римской имперіи была христіанская вѣра.

Занявши земли, бродящіе воины сдѣлались осѣдлыми и обладателями помѣстьевъ, ихъ вожди — королями. Земли вездѣ почти были раздѣлены поровну и розданы по жребію. Оттуда произошло названіе аллодіальныхъ земель, отъ слова loos — жребій (оттуда alod). Прежнимъ жителямъ были оставлены нѣкоторыя части земель, хотя не вездѣ въ одинаково равномъ количествѣ: визиготы и бургунды завладѣли двумя третями земель, половиною лѣсовъ, садовъ, домовъ и третьею частію рабовъ; остроготы и герулы—одною третью; англосаксы раздѣлились съ бриттами поровну. Жители городовъ были почти свободны, состоя въ управленіи епископовъ, и только платили небольшія дани королямъ. Занявши земли, германскія племена не перемѣнили своихъ обычаевъ: занимались только охотою и праздностію. Земледѣльцами были покоренные оружіемъ прежніе рабы или римляне, доставшіеся въ рабство.

Механизмъ правленія почти нигдѣ еще не образовался. Всѣ аллодіальные владѣтели были совершенно независимы, не связаны никакими обязанностями и общественными повинностями и только собирались попрежнему на совѣщанія національныя одинъ разъ въ годъ, въ началѣ весны. Короли имѣли власть во время военныхъ предпріятій и никакой власти надъ имѣніемъ каждаго. Они довольствовались подарками во время годичныхъ собраній и продовольствіемъ во время пребыванія своего въ провинціяхъ. Но власти имъ много прибавляло титло патриція и намѣстниковъ восточныхъ императоровъ, которыхъ они жадно искали для приданія себѣ болѣе значенія между племенами. Увеличенію власти короля способствовало желаніе сохранить свои владѣнія отъ нападеній, и уже при самомъ началѣ ввелись конфискаціи имѣній въ пользу короля. Римскія земли, занятыя германскими племенами, были раздѣлены, хотя безпорядочно, на провинціи, которыя подраздѣлились на графства, у иныхъ даже на сотни и десятки. Каждая провинція имѣла свои частныя собранія всякій мѣсяцъ для совѣщанія, произнесенія суда и рѣшенія частныхъ споровъ. Въ провинціяхъ предсѣдали герцоги, въ графствѣ—графы и такъ далѣе. Они вмѣстѣ и предсѣдали на собраніяхъ, и вели на войну. Всеобщія національныя собранія бывали разъ

въ годъ и состояли изъ всѣхъ сословій народа, гдѣ предсѣдательствовали старѣйшіе герцоги и графы, а вмѣсто прежнихъ друидовъ и жрецовъ — епископы, положившіе такимъ образомъ начало своего сильнаго вліянія.

Законодательство носило въ себѣ прежніе обычаи германцевъ. Искъ оканчивался штрафомъ или примиреніемъ. Денежный штрафъ былъ положенъ на всѣ преступленія; убійство каралось попрежнему наслѣдственнымъ мщеніемъ, но исполнялось во всей силѣ только у бургундовъ; у другихъ оно замѣнилось платою weregild. Плата соразмѣрялась достоинству убитаго: былъ ли онъ епископъ, король, герцогъ, графъ, вольный, рабъ. Вообще нація побѣдительная имѣла преимущество надъ побѣжденными. Перемѣна жизни, владѣніе землями и множество происшедшихъ оттуда новыхъ отношеній сдѣлали уже совершенно невозможнымъ прежнее немногосложное управленіе и простоту германскихъ обычаевъ. И потому многіе короли рѣшились составить небольшіе письменные кодексы, взятые большею частію изъ кодекса Ѳеодосіева и примѣненные къ національнымъ обычаямъ довольно безпорядочно. Самыя древнѣйшія собранія были: законы салическіе, законы бургундовъ и аллемановъ.

Всеобщее смѣшеніе римлянъ съ народами преобладавшими, несмотря на родъ занятій, совершенно отдѣлявшій двѣ стихіи, произвело, однакожъ, смѣсь въ обычаяхъ и въ языкѣ: вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, они приняли и латинскій языкъ въ церковнослуженіяхъ и даже въ законы. Такое соединеніе римскаго съ преобладающимъ тевтоническимъ произвело испорченное смѣшеніе нарѣчія, названное простонароднымъ или деревенскимъ (rustique), а впослѣдствіи романскимъ, изъ котораго уже произошли всѣ европейскіе языки.

Но разсмотримъ порознь прежнія провинціи римской имперіи и жизнь новыхъ, на лицѣ ихъ образовавшихся, націй до времени, когда Карлъ Великій соединилъ ихъ воедино подъ громкимъ названіемъ «западной имперіи».

IV.

Состояніе Италіи подъ владычествомъ готовъ, греческаго экзархата, ломбардовъ; ихъ вліянія и отношенія къ римлянамъ.

Италія послѣ всѣхъ означенныхъ переворотовъ явилась къ концу V вѣка опустошенною, лишенною почти всѣхъ

средствъ существованія для небольшого числа обѣднѣвшихъ ея жителей. Одоакръ роздалъ своимъ войскамъ третью часть земель; для правленія составилъ сенатъ изъ одиннадцати сенаторовъ и въ продолженіе 14 лѣтъ былъ королемъ геруловъ, отражая на сѣверѣ Италіи небольшіе отряды безпокойныхъ племенъ. Между тѣмъ на Востокѣ императоръ Зенонъ, желая избавиться отъ новыхъ сосѣдей своихъ, остроготовъ, установившихся въ Панноніи, еще съ позволенія Марціана, для защиты Дуная, въ 455, обратилъ предводителя ихъ Ѳеодорика на Италію съ правомъ завоевать ее. Вспомоществуемый вестготами, личнымъ искусствомъ и храбростью, онъ овладѣлъ Вероной, Римомъ, разбилъ при рѣкѣ Адижѣ Одоакра, осадилъ его въ Равеннѣ, согласился съ нимъ на миръ и половинный раздѣлъ земель, потомъ умертвилъ его и провозгласилъ себя обладателемъ Италіи. Его успѣхи и слава доставили ему въ одинъ годъ Иллирію, Панноній, Норикъ, Ретію. Баварцы сдѣлались его данниками, у бургундовъ отнялъ часть Нарбонна, у вестготовъ Провансъ и часть Септиманіи. Резиденція его была въ Равеннѣ. Остроготы получили третью часть земель и единственное право нести службу военную; мѣста гражданскія были предоставлены римлянамъ. Въ городахъ были римскіе префекты, въ округахъ и провинціяхъ готскіе графы. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ было замѣтно различіе между двумя націями, римскою и готскою; различіе исповѣданій еще болѣе увеличило раздѣлъ: римская нація была католическая, готская — аріанская. Оттого Италія во все пребываніе готовъ состояла изъ двухъ несливщихся стихій, и ничего готскаго не вошло въ смѣшеніе, составившее итальянскую націю. Ѳеодорикъ строгимъ безпристрастіемъ содержалъ въ согласіи обѣ націи, несмотря на свой аріанизмъ. Воспитанный при дворѣ греческомъ, онъ окружилъ себя просвѣщенными римлянами и запретилъ просвѣщеніе готамъ; былъ возродителемъ исчезнувшей въ Италіи образованности; исправилъ разрушавшіеся памятники. Ученый Боэцій, префектъ Кассіодоръ, Симмахъ, епископъ Эннодій были его сподвижники. Его умъ и слава дали ему значительный перевѣсъ надъ всею Европою. Государи новыхъ королевствъ искали его союза и покорялись его вліянію. Тридцать четыре года правилъ онъ готами и, очернивъ послѣдніе дни свои подозрительностію и гоненіемъ прежнихъ

друзей своихъ, умеръ въ Равеннѣ 28-го августа 526. Италія давно не наслаждалась такимъ спокойствіемъ. Ссоры въ его фамиліи, интриги и убійства, ослабившія готовъ, дали средство императору Юстиніану воспользоваться такимъ состояніемъ Италіи для присоединенія ея къ восточной имперіи. Полководецъ его Велизарій, разрушившій въ Африкѣ царство вандаловъ, прибылъ съ войскомъ въ Италію. Король Витигесъ, а послѣ него Тотила сильно отстаивали владѣнія остроготовъ, но все было разсѣяно или разбито. Евнухъ Нарцесъ послѣ битвы при Лентагіо окончилъ покореніе Италіи. Вся Италія была обращена въ провинцію восточной римской имперіи подъ именемъ экзархата. Власть императора восточнаго признавалась во всѣхъ городахъ, его имя упоминалось при церковнослуженіяхъ, изображеніе его было въ правительственныхъ мѣстахъ, его монеты обращались по всей Италіи. Экзархъ представлялъ собою вице-императора и имѣлъ власть почти неограниченную: утверждалъ папу, назначалъ герцоговъ въ города; Равенна была его резиденція. Нарцесъ, первый экзархъ, управлялъ 15 лѣтъ и, наконецъ, раздраженный немилостью византійскаго двора, тайно пригласилъ въ Италію ломбардовъ, занявшихъ со времени Юстиніана прежнія жилища остроготовъ въ Панноніи. Предводителемъ націи былъ тогда Албоинъ, побѣдитель гепидовъ. При вступленіи ломбардовъ въ Италію неукрѣпленные города сдавались почти добровольно, и скоро болѣе половины земель было въ ихъ власти. Равенну спасли неприступныя болота, Римъ—мужество префектовъ. Албоинъ установилъ свою столицу въ Павіи. 36 первыхъ сподвижниковъ его раздѣлили завоеванныя земли на 36 герцогствъ, изъ которыхъ значительнѣе были Сполето, Фріуль и Беневентъ. Отношенія къ туземнымъ жителямъ остались въ тѣхъ же правахъ, какъ и при готахъ. Такимъ образомъ, они владѣніями своими разорвали надвое владѣнія греческихъ императоровъ. Экзархи удержали пространство Италіи отъ устья По до Арно: Равенну съ городами Генуей, Кремоной и другими, а на другомъ концѣ Италіи Римъ, Неаполь съ окружностями и берегами Кампаніи и Луканіи. По смерти Албоина въ земляхъ ломбардскихъ произошла аристократическая анархія: 30 герцоговъ, обратившихъ свое достоинство въ наслѣдственное, тиранствовали каждый въ своей провинціи, окружили себя военными дружинами

своихъ соотечественниковъ, установили въ большихъ городахъ, на мѣсто римскихъ префектовъ, ломбардскихъ графовъ, въ малыхъ—капеляновъ, и въ 10 лѣтъ такого правленія опустошили города, возстановленные Ѳеодорикомъ, и разогнали множество христіанскихъ жителей въ Сицилію и Корсику. Когда одна половина Италіи страдала подъ игомъ ломбардскимъ, другая, составлявшая владѣніе императора греческаго, съ отвращеніемъ покорялась угнетительному правленію экзарховъ, означившихъ себя жадностію, корыстолюбіемъ, скупостію и пренебрежительнымъ обращеніемъ съ римлянами. Положеніе ея становилось еще тягостнѣе отъ безпрестанно тревожившихъ ее бозпокойныхъ сосѣдей — ломбардскихъ герцоговъ. Наконецъ, императоръ Константъ II рѣшился освободить итальянскія владѣнія свои отъ ломбардовъ, но, разбитый ими, вмѣсто того ограбилъ Римъ и другіе города и съ похищенными сокровищами искусствъ и художествъ отплылъ изъ Италіи. Жестокость Юстиніана II и другихъ императоровъ становила съ каждымъ годомъ нестерпимымъ ихъ правленіе.

Ломбардскіе герцоги, наскучивъ безпорядочностію своей аристократіи, избрали, наконецъ, короля Отариса. При Агилульфѣ начался переходъ ломбардовъ къ нѣкоторой образованности: была принята христіанская вѣра — событіе, послужившее къ тѣснѣйшему слитію націй римской и ломбардской; показалась всеобщая наклонность къ земледѣлію. Король Ротарисъ уже выдалъ свой кодексъ законамъ на собраніи въ Павіи (643), умноженный потомъ Гримуальдомъ и Луитпрандомъ. Луитпрандъ сильно увеличилъ владѣнія и власть ломбардцевъ. Ломбарды совершенно прикрѣпились къ итальянской землѣ постоянными занятіями и земледѣліемъ. Развалины древней Италіи покрылись пажитями, особенно въ сосѣдствѣ монастырей Монтъ-кассина, Новалеза и Нонантула. Ломбардскіе нравы и обычаи пустили глубокіе корни въ составъ итальянской націи. Луитпрандъ былъ слишкомъ опасенъ для греческаго экзархата своимъ благоразуміемъ, своими союзами и честолюбивыми предпріятіями. Но увеличивавшіяся неудовольствія итальянцевъ противъ императора дали значительный перевѣсъ ломбардамъ, и король Астольфъ, вступившій въ Равенну (въ 752), почти добровольно отворившую ему ворота, окончилъ существованіе греческаго экзархата. Послѣдній

экзархъ Евтихій убѣжалъ въ Неаполь, и съ тѣхъ поръ императорскіе герцоги подъ слабою зависимостію сицилійскаго патриція правили Неаполемъ, Гаетою, Амальфи и другими городами, составившими область подъ именемъ Калабріи. Между тѣмъ Астольфъ, а послѣ него Дидіеръ стремились простереть владычество свое и на Римъ, но были остановлены могуществомъ франкскихъ королей, утвердившихъ свое верховное владычество въ Италіи.

V.

Взглядъ на состояніе Рима и начало духовной и свѣтской власти папъ.

Римъ, прежняя столица всего древняго міра, совершенно опустѣлъ. Пребываніе главнаго епископа, стеченіе пилигримовъ, приходившихъ поклониться гробу апостоловъ Петра и Павла, очень мало и медленно споспѣшествовали къ возобновленію ограбленныхъ дворцовъ его и храмовъ. Вліяніе римскаго первосвященника, избираемаго епископами, уже съ самаго начала было сильнѣе, нежели герцога, поставленнаго экзархомъ. Нѣсколько епископовъ святостію своею и примѣрною жизнію увеличили это вліяніе. Григорій Святой и Великій, которому первому приписываютъ принятіе имени папы, ревностью къ вѣрѣ, краснорѣчивыми поученіями, которыя слушала вся Италія, обращеніемъ въ христіанство ломбардовъ, миссіями къ англо-саксамъ и другимъ племенамъ распространилъ духовную власть римскихъ епископовъ. Нѣсколько императоровъ, принявшихъ разныя ереси, встрѣтили оппозицію въ римскихъ папахъ. Ихъ гоненія и жестокіе поступки, мученическая смерть папы Мартына—все это мало-по-малу возрастило нерасположеніе къ нимъ папъ, а утѣсненіе герцоговъ предало ихъ покровительству народъ, ожидавшій только случая отложиться отъ императора. Наконецъ, истребленіе иконъ, произведенное императоромъ Леономъ III, вспомоществуемымъ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ, возстановило уже явно противъ него папу Григорія II (726), за нимъ весь Римъ и всю Италію. Римляне изгнали изъ города императорскихъ чиновниковъ, установили правленіе, похожее на древнее республиканское, и главою республики провозгласили папу. Такимъ образомъ римскій первосвященникъ сдѣлался одинъ правителемъ Рима съ правомъ независимаго герцога, и произошло совершен-

ное отдѣленіе западной церкви. Только опасеніе слишкомъ возросшей власти ломбардовъ заставляло папъ признавать по имени владычество императоровъ; но когда византійскій дворъ не въ силахъ былъ доставить никакого вспомоществованія, тогда папа Захарій, а послѣ него Стефанъ II обратились къ власти болѣе сильнѣйшей — къ королю франковъ.

VI.

Состояніе франковъ подъ начальствомъ королей-предводителей. Ихъ отношенія къ завоеваннымъ провинціямъ. Анархія при неимѣющихъ власти королях и владычество меровъ.

Племена германскія, составившія союзъ франковъ, вслѣдствіе опасеній безпрерывныхъ нападеній еще неустановившихся народовъ, слились совершенно въ одну націю. Всѣ имѣли королей-предводителей изъ одной царственной линіи (Меровинговъ) и до Кловиса находились почти постоянно въ границахъ, назначенныхъ имъ императоромъ Іуліаномъ для защиты Рейна; при Кловисѣ сдѣлали нападеніе (486) въ расторгнутую по частямъ Галлію. Тогда сѣверо-западною частью Галліи владѣли арморикане и бретоны, прежніе данники римлянъ; средина Галліи, между Сеной и Лоарой, гдѣ замѣтны были остатки римской цивилизаціи, занята была римляно-галлами и войсками подъ начальствомъ римскаго генерала Сіагрія, правившаго въ качествѣ намѣстника восточнаго императора; бургунды занимали сѣверо-восточную часть отъ устья Лоары до Альпъ; вестготы—юго-западную, собственно три Аквитаніи и часть Нарбонна. Изъ такихъ разнородныхъ началъ составилось впослѣдствіи французское государство.

Франки, подъ начальствомъ Кловиса, разбили Сіагрія при Соассонѣ (486), а потомъ при Толбіакѣ аллемановъ, напавшихъ на земли франковъ рипуарскихъ, и приняли вмѣстѣ съ вождемъ своимъ христіанскую вѣру. Это облегчило Кловису завоеваніе римскихъ городовъ и приклонило на его сторону духовенство. Нѣсколько разъ поразилъ онъ бургундовъ и, наконецъ, подъ предлогомъ религіозной ревности, повелъ франковъ на аріанъ вестготовъ, отнялъ у нихъ три Аквитаніи, оставивъ имъ только Септиманію. Побѣжденныя націи остались почти на прежнихъ правахъ, но салическіе

законы, принесенные Кловисомъ, давали во всемъ преимущество франкамъ предъ римлянами; римляне аквитанскіе пользовались большею независимостью, нежели обитатели Сены и Лоары, гдѣ Кловисъ установилъ центръ своей власти. Безпрерывное начальство надъ войсками и рядъ блестящихъ побѣдъ дали ему средство сохранить власть гораздо болѣе, нежели сколько имѣли ее короли у франковъ. Желая сдѣлать неограниченнѣе эту власть, онъ истребилъ родственниковъ своихъ, получившихъ при раздѣлѣ богатыя земли, и испросилъ у восточнаго императора титло патриція, увеличившее достоинство его въ глазахъ народа и давшее ему право раздѣлить впослѣдствіи Францію между четырьмя своими сыновьями: Тьери царствовалъ въ Мецѣ, въ землѣ восточныхъ франковъ (въ Остразіи), Клодомиръ въ Орлеанѣ, Шильдебертъ въ Парижѣ, Клотарь въ Соассонѣ. Сыновья распространили покореніе: Тьери завоевалъ Турингію и присоединилъ ее къ Остразіи, другіе три соединенными силами покорили и присоединили Бургундію, оставивъ въ ней прежнее правленіе, законы и обычаи; воевали съ вестготами и остроготами и смертью своею доставили Клотарю одному всю власть надъ Франціей (558). Онъ присоединилъ еще нѣсколько земель къ Бургундіи, покорилъ часть южной Саксоніи и раздѣлилъ земли франковъ вновь между четырьмя сыновьями (561): Зижебертъ былъ король Остразіи, Шильперикъ—Соассона, Кариберть—Парижа, Контранъ—Орлеана и Бургундіи. Раздѣленіе было чрезвычайно безпорядочно: земли были черезполосныя, и даже самые города были раздѣлены пополамъ. Это было впослѣдствіи причиною междоусобныхъ войнъ. Смерть Кариберта произвела новое раздѣленіе; вся Франція тогда состояла изъ трехъ частей: Остразіи, принадлежавшей Зижеберту, Нейстріи—Шильперику и Бургундіи—Контрану.

Жены двухъ королей, Зижебертова Брунгильда и Шильперикова Фредегонда, личною ненавистію своею произвели междоусобную народную войну, продолжавшуюся 40 лѣтъ, которую попеременно возжигали неспокойные подданные, любимецъ Брунгильды, римлянинъ Протадіусъ, желавшій унизить франкскихъ аллодіаловъ, и мелочныя распри полудикихъ завоевателей Франціи. Въ продолженіе этой войны было перерѣзано и отравлено происками обѣихъ королевъ множество лицъ королевской фамиліи и сильно увеличили

власть свою аллодіалы. Война кончилась перевѣсомъ аристократической, или франкской, партіи,—партіи вассаловъ Остразіи, надъ римско-галльскою, или гото-римскою.—И престарѣлая Брунгильда, преданная остразійскими вассалами сыну Фредегонды Клотарю II, была привязана къ дикой лошади и пущена въ поле.

Клотарь II, склонившій на свою сторону остразійскихъ вассаловъ, сдѣлался правителемъ всей Франціи (613). Но уже прежніе аллодіалы много усилили власть свою добытыми на войнѣ и жалованными землями королей. Клотарь для большаго привлеченія къ себѣ далъ и вассаламъ Нейстріи почти такія же права. Все это вело къ тому, что власть королей видимо ослабѣла, а между тѣмъ избираемые во время малолѣтства ихъ попечители или министры двора изъ знатнѣйшихъ левдовъ, или вассаловъ, называвшіеся палатными мерами (majordomes), нечувствительно заняли ихъ мѣсто, предсѣдали въ судилищахъ во время мира и предводили войсками на войнѣ. Короли со времени Дагоберта I, называемые праздналюбцами, почти были невидимы для народа. Одинъ только разъ въ годъ показывались они на всеобщемъ національномъ собраніи, пріѣзжая туда въ германской колесницѣ, запряженной быками, украшенные длинными волосами и бородой, единственными знаками ихъ королевскаго достоинства. Дѣятельность меровъ сдѣлала власть ихъ необходимою. Палатный меръ Эброинъ долго боролся съ левдами Остразіи, желая ограничить ихъ независимость. Пипинъ Геристаль, происходившій изъ знаменитаго епископскаго дома въ Мецѣ, умѣлъ достоинство мера оставить въ своей фамиліи наслѣдственно. Военныя доблести побочнаго сына его Карла Мартела, его побѣды надъ сарацинами (въ долинахъ между Пуатье и Туромъ), надъ фризами и саксонами прибавили значительность мерскому достоинству. Сынъ его, Пипинъ Короткій, меръ Остразіи, а впослѣдствіи и Нейстріи, исполненный личной храбрости, дальновидности и честолюбія, привлекшій на свою сторону папу Захарія, духовенство и сильныхъ вассаловъ, заставилъ себя провозгласить королемъ въ національномъ собраніи на Мартовскомъ полѣ (752) и вывелъ вмѣстѣ съ собою новую династію Карлоинговъ. Послѣдній Меровингъ Шильдерикъ III окончилъ дни свои въ монастырѣ, но отпрыски царственной фамиліи его сохранились донынѣ въ домѣ Монтескю. Призванный

папою Стефаномъ II, Пипинъ явился въ Италіи, побѣдами своими усмирилъ короля ломбардскаго Астольфа и принудилъ уступить захваченныя земли папѣ, и когда Астольфъ отступился отъ своего слова, онъ явился во второй разъ въ Италіи и оставилъ для безопасности своихъ комиссаровъ. Послѣ этого отнялъ у одного изъ потомковъ Кловиса, Вефра, Аквитанію (769). Пользуясь несогласіемъ арабовъ въ Испаніи, присоединилъ къ Франціи Септиманію (759). Для увеличенія власти своей раздробилъ нѣкоторыя массивныя владѣнія: въ Бургундіи замѣстилъ древнихъ герцоговъ и патриціевъ графами; въ землѣ аллеманновъ уничтожилъ единство герцога. Честолюбивыхъ дѣйствій его некому было остановить: начинавшіе образовываться владѣтели земель были чужды дѣйствіямъ государственнымъ. Епископы тоже вели жизнь частныхъ франковъ, были заняты небольшими войнами, охотою, домашними отношеніями. Такимъ образомъ Пипинъ оставилъ сыновьямъ своимъ, Карлу и Карломану, такое пространство земель и власти, какого никогда не имѣли Меровинги.

VII.

Состояніе королевства вестготовъ въ Испаніи и завоеваніе ея арабами.

Испанія издавна отличалась смѣшеніемъ націй, разнообразіемъ колоній, трудолюбіемъ жителей, изобиліемъ блестящихъ талантовъ даже во время упадка имперіи. Христіанство, окруженное язычниками и жидами, отличалось стремительною ревностію. Послѣ нѣсколькихъ годовъ гражданственной тишины, она вдругъ наводнилась вандалами, свевами и аланами, опустошившими ея провинціи, несмотря на самое упорное сопротивленіе жителей. Готы мужествомъ своихъ предводителей и великимъ соединеніемъ силы получили послѣ долгихъ битвъ преобладаніе надъ Испаніей. Вандалы были вытѣснены въ Африку, аланы истреблены, свевы выдвинуты къ сѣверо-западной приморской сторонѣ Испаніи. Король Валлія, первый испано-вестготскій король, имѣлъ владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: почти всю Испанію и южную Галлію. Тулуза была столицею. Но, по взятіи франками Аквитаніи, она была перенесена въ Толедо. Вестготы взяли отъ туземныхъ жителей двѣ трети земель; законы, организмъ правленія, обычаи остались тѣ

же, и обѣ націи пользовались равными правами. Король Аларихъ II (506) поручилъ составить двумъ юрисконсультамъ—одному римскому, другому готскому—кодексъ законовъ (сбивчивый, неудовлетворительный); но, несмотря на это, двѣ націи долго не могли ужиться, и католическіе христіане не могли сносить терпѣливо владычество аріанъ. Король Леовигильдъ, отнявшій у свевовъ послѣднія земли, не могъ совершенно принудить покориться своихъ римскихъ подданныхъ, пока, наконецъ, Рекаредъ не принялъ католической вѣры (527). Тогда епископы получили значительный перевѣсъ въ правленіи, и католики съ энтузіазмомъ начали преслѣдовать аріанъ, жидовъ и язычниковъ, убѣжавшихъ въ горы Астуріи, гдѣ издревле укрывались непокорившіяся банды туземцевъ, христіане, язычники, изгнанники, анахореты. Государство вестготовъ было нестройно, безпорядочно и не составляло политическаго тѣла. Короли были низвергаемы и убиваемы, дворъ исполненъ интригъ. Законы были передѣлываемы нѣсколько разъ при Бернудо II и Бернудо III, подъ вліяніемъ епископовъ; исполнены нетерпимости, сильнаго вліянія духовенства, отозвавшагося впослѣдствіи инквизиціею. Часто дѣла государственныя были рѣшаемы на епископскихъ соборахъ. Безпечность вестготскихъ вассаловъ и графовъ, покоренныхъ жаркимъ испанскимъ климатомъ, изобиліемъ страны, были причиною, что владѣнія вестготовъ не образовывали связаннаго политическаго тѣла и менѣе всего могли представить сильный отпоръ предпріимчивому покорителю. Графъ Юліанъ, правитель города Цеуты, оскорбленный королемъ Родригомъ, похитителемъ престола, и убійствомъ короля Витицы, соединился противъ него съ сыновьями прежняго короля и епископомъ севильскимъ и призвалъ съ запада на помощь аравитянъ. Намѣстникъ эмира Музы Тарикъ прибылъ въ Испанію съ войсками изъ арабовъ, мавровъ и другихъ африканскихъ племенъ и, приставши къ Кальпской скалѣ, далъ ей свое имя: Гибралтаръ, и, несмотря на все упорство, оказанное религіозною ревностію христіанъ и мужествомъ Родрига, разбилъ совершенно готовъ при Ксересѣ и Гвадалетѣ (713); взялъ Толедо и въ качествѣ намѣстника эмировъ африканскихъ правилъ Испаніей. Арабы завели колоніи на опустѣлыхъ земляхъ. Покоренные оружіемъ вестготы должны были платить пятую часть своихъ доходовъ, а покорившіеся добровольно

десятину. Несмотря на такое неотяготительное положеніе владычество магометанъ казалось христіанамъ невыносимымъ. Часть вестготовъ, не хотѣвшая покориться, отступила съ оружіемъ въ рукахъ къ горамъ астурійскимъ, скрывалась долго въ пещерахъ нотрдамскихъ и кабадонгскихъ, превратилась въ горскихъ наѣздниковъ, подъ предводительствомъ Пелагія и другихъ безпрестанно тревожила владѣнія мусульманъ. Религіозный фанатизмъ положилъ совершенное раздѣленіе между двумя націями. Бандитская и вмѣстѣ пустынническая жизнь, исполненная безпрерывныхъ приключеній, оставила глубокіе слѣды въ характерѣ испанской націи.

VIII.

Состояніе Европы неримской и народовъ, основавшихся на земляхъ, не принадлежавшихъ римской имперіи.

Половина европейскихъ народовъ за Рейномъ и Дунаемъ была еще въ грубомъ и хаосномъ состояніи, почти не показывала признаковъ своего образованія въ политическія тѣла, и причина была та, что они занимали земли, на которыхъ не было никогда еще гражданственной жизни. Изъ германскихъ племенъ сильнѣйшія были остававшіеся въ сосѣдствѣ франковъ при Нѣмецкомъ морѣ—саксоны, фризы, и въ срединѣ Германіи — бавары. Саксоны были многочисленнѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ. Всѣ стремительныя страсти прежнихъ германцевъ сохранились въ нихъ долго вмѣстѣ съ прежнею вѣрою въ Одена. Звѣриная, рыбная ловля и пиратство были ихъ занятія. Въ половинѣ V вѣка часть саксоновъ и англовъ съ нѣсколькими вождями переселились въ Англію, основали нѣсколько королевствъ и показали признаки образованности, но саксоны, остававшіеся въ Германіи, долго оставались въ первобытной дикости. Въ половинѣ VIII столѣтія германскій апостолъ англичанинъ Винфридъ, извѣстный подъ именемъ святого Бонифація, проповѣдывалъ между саксонами, фризами и баварами христіанство и установилъ для того свое епископство въ Майнцѣ, бывшемъ почти на границѣ саксонскихъ и франкскихъ земель; но обращеніе въ христіанство, особенно между саксонами, было чрезвычайно медленно, и онъ былъ умерщвленъ упорными язычниками.

Славяне. Славяне были самые древніе обитатели восточной Европы. Доказательство этого въ ихъ религіи, довольно многосложной, порожденной долгою осѣдлостію. Разсѣянная жизнь, открытыя пространства Россіи, неимѣніе никакихъ союзовъ и взаимной связи между племенами были причиною ихъ безпрерывныхъ покореній многочисленными націями, умѣвшими повиноваться одному вождю. Въ продолженіе двухъ или трехъ столѣтій безпрестанно перемѣнялись властители славянъ, совершенно скрывавшіе ихъ отъ Европы преобладаніемъ своихъ націй. По уничтоженіи гунновъ, когда уже всѣ почти племена германскія ворвались въ предѣлы прежней западной имперіи, племена славянскія постепенно занимали мѣста, оставляемыя германскими, и наполнили Европу отъ Рагузы до Балтійскаго моря и Даніи. Ихъ можно раздѣлить на западныхъ, восточныхъ и южныхъ. Сѣверо-западные или венедскіе—между Эльбою и Балтійскимъ моремъ. Первоначальныя ихъ племена: ободриты въ Мекленбургіи, померяне или вильцы отъ Одера до Вислы, зорбы въ Верхней Саксоніи и лузиціане. Далѣе слѣдуютъ племена юго-западныя: ляхи или поляци въ нынѣшней Польшѣ, чехи—въ землѣ маркомановъ. Южные славяне находились большею частію по Дунаю и назывались антами и дунайскими славянами. Восточные славяне, которыхъ можно раздѣлить на южныхъ, уже занимавшихся земледѣліемъ и стадами, имѣвшихъ религію, занесенную изъ древней языческой Греціи, отличавшихся кроткими нравами и называвшихся разными именами отъ рѣкъ и мѣстъ жительствъ, составившихъ Малую Россію, и сѣверныхъ, ведшихъ суровую жизнь въ срединѣ лѣсовъ, занимавшихся звѣриной ловлей, уже смѣшанныхъ съ племенами финскими, образовавшихъ Великую Россію...

Въ такомъ положеніи находились славяне до того времени, покамѣстъ новый народъ татарскаго или турецкаго происхожденія—авары не вступили въ Европу. Вторженіе ихъ въ срединѣ VI вѣка подвергло славянъ юго-восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ, а также и болгаръ, ихъ владычеству. Ханъ ихъ Баянъ, которому платили дань всѣ означенныя племена, покорилъ гепидовъ, тревожилъ греческаго императора безпрестанными нападеніями и, наконецъ, былъ имъ разбитъ подъ стѣнами Константинополя въ 626 году. По смерти Баяна начались раздоры между аварскими вож-

дями; тогда многія славянскія племена начали отдѣляться и въ томъ числѣ славяне дунайскіе или анты получили отъ императора Ираклія позволеніе поселиться въ Иллиріи и съ этихъ поръ начали называться славянами иллирійскими. Такимъ образомъ произошло начало древнихъ королевствъ или банатовъ Кроаціи, Далмаціи, Славоніи, Босніи и Сербіи. Иллирійскіе славяне пиратствовали по морю Адріатическому и въ Архипелагѣ; славяне венедскіе хищническими нападеніями тревожили владѣнія франковъ; восточные не простирали своихъ дѣйствій внѣ земель своихъ и скоро были вновь покорены народомъ турецкаго происхожденія— козарами.

IX.

Состояніе восточной римской имперіи во время религіозныхъ споровъ, битвъ съ персами и завладѣній арабовъ.

Въ римской восточной имперіи сохранилась еще образованность древняго міра, умноженная выходцами, бѣжавшими изъ западныхъ земель. Верховное величество императора, многолюдный дворъ, проконсулы провинцій, полномочные императорскіе любимцы, цирки, всенародныя зрѣлища, многолюдство черни, непомѣрное богатство и совершенная бѣдность напоминали римскій міръ и представляли рѣзкую противуположность полудикой и младенческой жизни государствъ, основавшихся на земляхъ прежней западной имперіи.

Восточную имперію составляли три счастливые берега трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки съ теплымъ и роскошнымъ климатомъ. Азія, великая и малая, доставляла всѣ нѣжныя произведенія людямъ, клонившимся къ утонченной роскоши; кромѣ того, она доставляла искусныхъ ристальщиковъ, художниковъ, комедіантовъ и все, что могло удовлетворить прихоти того вѣка; ея верховная митрополія была Антіохія, первая зиждительница христіанства. Египетъ доставлялъ самую нужную потребность для всей имперіи: хлѣбъ; его митрополія была Александрія, самый шумный и дѣятельный городъ, бывшій издавна узломъ торговли, прибѣжищемъ сектъ и разнородныхъ мнѣній, школъ, ученыхъ, кладовая всей имперіи. Греческая Европа была только потребительницею всѣхъ этихъ богатствъ. Городъ Аѳины былъ воспитателемъ и разсадникомъ всего юношества римско-гре-

ческаго. Константинополь былъ жилищемъ придворныхъ, императорскихъ охранительныхъ войскъ, праздной черни, увеселеній и празднествъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на жизнь и мысли, занимавшія общество имперіи. Съ востока, отъ странъ персидскихъ и индѣйскихъ, нечувствительно наносились мнѣнія гностиковъ, втѣснявшіяся въ тогдашнее христіанство, уже положившія начало сектъ. Споры и пренія становились любопытнѣе и заманчивѣе. Каждый патріархъ производилъ какое-нибудь измѣненіе въ догмахъ, имѣлъ жаркихъ противниковъ и защитниковъ. Эта область споровъ невольно заняла мысли и занятія высшаго класса. Низшій классъ народа обратилъ всю жизнь свою на ристалища и кровавыя представленія со всею силою пристрастія.

Опасные непріятели въ восточной римской имперіи были: съ востока—персы, отдѣленные почти открытыми, не защищенными землями, а съ сѣверной или римской стороны—европейскіе варвары, поперемѣнно занимавшіе земли Паннониі и Дакіи.

Таково было состояніе имперіи восточной римской, когда Аркадій, слабый и безхарактерный, началъ собою рядъ императоровъ византійскихъ. Воспитатель его Руфимъ, начальникъ войскъ готъ Кайнасъ и евнухъ Эвтропій, одинъ за другимъ, правили имперіей, производя всеобщій ропотъ жадростію, корыстолюбіемъ и деспотизмомъ. Супруга его Евдокія превратила дворъ въ жилище забавъ и разврата. Іоаннъ Златоустъ, вооружившійся громомъ краснорѣчія противъ всеобщаго развращенія двора, заплатилъ изгнаніемъ и заточеніемъ. Аркадій оставилъ престолъ также слабому сыну Ѳеодосію II (408), бывшему все время подъ опекою евнуховъ-любимцевъ и впослѣдствіи умной сестры своей Пульхеріи. Составленные при немъ законы юрисконсультомъ Антіохомъ, подъ именемъ Ѳеодосіева кодекса, были приняты въ обѣихъ имперіяхъ и распространены между варварскими народами. Духовное преніе и споры приняли жаркое направленіе по поводу новаго мнѣнія патріарха константинопольскаго Несторія, дерзко отвергавшаго божественность Дѣвы Маріи; это вооружило сильную оппозицію, предводимую св. Кирилломъ, патріархомъ Александрійскимъ. Соборъ, созванный Ѳеодосіемъ въ Ефесѣ, ниспровергъ Несторія, но скоро новый ересеначальникъ Евтихій провозгласилъ новое

ученіе, отстранявшее два естества въ Іисусѣ, вооружилъ снова противъ себя могущественную партію православныхъ, но искусно увернулся на второмъ ефесскомъ соборѣ, прозванномъ соборомъ разбойниковъ. Среди этихъ преній, угрожаемый съ сѣвера нападеніями Аттилы, умеръ Ѳеодосій. Сестра его Пульхерія, предложивъ руку свою храброму генералу Марціану, возвела его на престолъ кесарей. Твердостію своею онъ отразилъ Аттилу и халкидонскимъ соборомъ ниспровергнулъ Евтихія. Съ его смертію прервалась Ѳеодосіева линія на востокѣ и на западѣ. Сынъ ѳракійскаго мясника, дослужившійся почестей съ помощію Аспара, начальника войскъ, провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Леона I-го, и вооруженіемъ огромнаго флота противъ вандаловъ, стоившаго несмѣтныхъ суммъ и разбитаго Гензерихомъ, нанесъ сильный уронъ имперіи. Послѣ ничѣмъ не замѣчательнаго Зенона вступилъ (491) Анастасій, ѳеологъ и покровитель еретиковъ. Низверженіе православнаго патріарха Македонія и принятіе стороны Евтихіевой усилило ожесточеніе между сектами до того, что уже принимались за оружіе, и битвы между гражданами происходили даже въ улицахъ Константинополя. Уничтоживши кровавыя зрѣлища и сраженія звѣрей, Анастасій далъ мѣсто циркамъ и бѣгамъ на колесницахъ, къ которымъ устремилась вся жизнь общественная. Участіе, принятое въ двухъ спорящихъ ристателяхъ, было такъ сильно, что цвѣтъ платьевъ ихъ, голубого и зеленаго, сдѣлался девизомъ двухъ партій, къ которымъ присоединились и религіозныя причины. Партію голубыхъ большею частію составляли православные; на сторонѣ зеленыхъ были еретики. А между тѣмъ персы, управляемые царями Сассанидами (свергнувшими въ 223 году владычество Парѳовъ-Арзасидовъ), уже начинали вторгаться въ римскую Арменію, тогда какъ съ сѣвера вторгались славяне въ Иллирію и Ѳракію. Противъ персовъ Анастасій употребилъ войска, противъ славянъ выстроилъ стѣну между Мраморнымъ и Чернымъ моремъ. Послѣ него Юстинъ Ѳракіянинъ, необразованный солдатъ, сдѣлавшись государственнымъ казначеемъ, купилъ престолъ на похищенныя изъ казны деньги у евнуха и завѣщалъ государство племяннику своему Юстиніану, государю честолюбивому, получившему блестящее воспитаніе, тщеславному, исполненному мыслей о величіи кесарскаго достоинства. Вступивши на престолъ

онъ велѣлъ собрать воедино всѣ законы и постановленія прежнихъ августовъ. Квесторъ Трибоніанъ съ помощію другихъ юрисконсультовъ составилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ: *Кодексъ*—собраніе постановленій всѣхъ императоровъ (528), *Институціи*—сокращеніе римскихъ законовъ для преподаванія въ школахъ (533), *Пандекты или дигесты* (50 кн.), вмѣщавшіе всѣ прежнія собранія законовъ: Грегоріяново, Ѳеодосіево, Гермогеново, и 2000 трактатовъ разныхъ юрисконсультовъ; *Новеллы*—собственно Юстиніановы постановленія. Разстроенное состояніе варварскихъ государствъ, занявшихъ земли западной имперіи, дали ему мысль о возвращеніи ихъ снова подъ владычество августовъ. Велизарій, уже прославившійся храбрымъ защищеніемъ восточныхъ провинцій противъ персовъ, былъ отправленъ съ 50-ю кораблями и войскомъ, не болѣе 5000, въ Африку для завоеванія царства вандаловъ. Изнеможеніе вандаловъ подъ вліяніемъ африканскаго климата, неимѣніе укрѣпленныхъ городовъ и личное искусство и распоряженіе Велизарія дали ему средства овладѣть Африкой и начать покореніе остроготовъ, оконченное Нарцесомъ. Африка и Италія составили провинцію восточнаго императора, все Средиземное море очутилось вновь во владѣніи римскомъ. Между тѣмъ императоръ рѣшилъ прекратить партіи сектъ, уже составившихъ жизнь государства, остріемъ оружія и силою законовъ, но истощилъ свои собственные и обезлюдилъ провинціи. Принятое имъ покровительство въ циркѣ партіи голубыхъ, дало имъ всю дерзость производить разбойничества и притѣсненія. Зеленые, лишенные покровительства законовъ, составили ожесточенную оппозицію уже противъ самого императора и правительства. Бунтъ и сраженіе, произведенное ожесточеніемъ партій, страшно опустошили Константинополь, истребивъ около 30 тысячъ жителей и обративъ въ пепелъ лучшія зданія въ городѣ. Начавшіяся оборонительныя войны противъ персидскаго Хозроя и на сѣверѣ противъ болгаръ и славянъ такъ истощили казну, что Юстиніанъ долженъ былъ приняться за налоги, несправедливости, и законодатель-императоръ издалъ нѣсколько безчестныхъ законовъ. Взятая имъ изъ театра супруга Ѳеодора еще болѣе усилила несправедливости развратнымъ поведеніемъ своимъ и вмѣшательствомъ въ дѣла правленія. Дряхлый Юстиніанъ, покрытый славою и без-

славіемъ, умеръ въ 565 году. Его расточительность, страсть къ нововведеніямъ, постройкамъ, перемѣнамъ, слабое, подозрительное и часто жестокое правленіе оставило въ совершенномъ разстройствѣ имперію. При племянникѣ его, Юстинѣ, ломбарды отняли большую часть Италіи, персы опустошительнѣе стали вторгаться въ Сирію. Вступившій послѣ него императоръ Тиберій съ помощію храбрыхъ генераловъ Маврикія и Юстиніана отразилъ персовъ и далъ на время правильное теченіе внутреннему управленію, вновь возмущенному нападеніемъ персовъ при Маврикіѣ и бунтомъ войскъ, возведшихъ похитителя Фоку, котораго низвергъ Ираклій (610) въ то самое время, какъ Хозрой II наводнилъ войсками Сирію и предалъ пламени Антіохію, Дамаскъ, Іерусалимъ и грозилъ ввести на мѣсто христіанства религію маговъ. Послѣ перемѣнъ счастія и многихъ потерь Ираклій перешелъ за Тавръ; соединившись съ хозарами, два раза разбилъ Хозроя при Иссѣ и Моссулѣ и предписалъ сыну его Сирою миръ (628). Этимъ миромъ навсегда окончились брани съ персами. Но скоро новый непріятель, несравненно опаснѣйшій, сталъ на восточныхъ границахъ имперіи. Въ 632 году вступили въ Сирію войска аравитянъ, предводимыя двумя Абубекровыми полководцами: Абу-Обеидахомъ и Каледомъ. Жители, занятые сектами и преніями, облегчили имъ входъ; измѣна намѣстниковъ предала имъ лучшіе города. Многочисленное войско, высланное устрашеннымъ Ираклiемъ, подъ начальствомъ Мануила, все было разбито. Ираклій, лишенный средствъ отразить ихъ, видѣлъ, какъ взята была Антіохія и вся Сирія. Аравитскіе завоеватели перешли въ Африку, взяли Александрію, гдѣ ожесточеніе сектъ было такъ велико, что многіе перешли на сторону непріятелей. Ираклій однимъ годомъ пережилъ ея паденіе и умеръ въ 641 году. Имперія осталась безъ Африки, питавшей все ея народонаселеніе, безъ Александріи, разливавшей дѣятельность и промышленность во всѣ направленія ея, безъ Сиріи и Антіохіи, безъ денегъ, безъ доходовъ и заключалась только въ одной Европѣ да на берегахъ мало-азійскихъ. Два императора изъ Ираклiевой фамиліи въ тотъ же годъ были возведены и умерщвлены. Юстинъ II удержался на престолѣ. Вмѣсто того, чтобы отнять завоеванныя арабами провинціи, онъ съ помощію тягостныхъ налоговъ соорудилъ флотъ и отправился съ нимъ

въ Италію, не приносившую никакихъ почти доходовъ, съ намѣреніемъ очистить ее отъ ломбардовъ и даже перенести столицу свою въ Римъ изъ боязни къ мятежному Константинополю; но, разбитый ломбардами, онъ ограбилъ итальянскія провинціи; награбленная добыча вмѣстѣ съ флотомъ досталась арабамъ, и самъ онъ умеръ вдали Константинополя, убитый въ Сиракузахъ возмутившимся войскомъ. При сынѣ его Константинѣ Погонатѣ уже арабскія суда показались подъ стѣнами Константинополя; но огонь, принесенный Калиникомъ, спасъ его. Юстиніанъ II безразсудною жестокостью довершалъ внутреннее разстройство имперіи. Филиппъ Варданъ, умертвившій его (711), былъ въ свою очередь свергнутъ тогда же. Арабы овладѣли уже и послѣднею, вандальскою, Африкою. Анастасій-Артемій (713) хотѣлъ еще употребить всѣ силы противъ похитителей-арабовъ, но былъ убитъ войсками, возведшими простого гражданина Ѳеодосія III. Аравитяне вновь съ несравненно большимъ флотомъ показались подъ стѣнами Константинополя и осадили его; храбрый полководецъ Леонъ въ продолженіе двухъ лѣтъ выдерживалъ осаду: чума и голодъ истребили около 300.000 жителей въ имперіи, но осада была выдержана, арабы отражены, и храбрый Леонъ III провозглашенъ былъ императоромъ. Несмотря на всѣ достоинства свои, онъ произвелъ слишкомъ сильное потрясеніе въ изнеможенномъ государствѣ истребленіемъ иконъ. Прежнія пренія были вытѣснены новыми, все государство раздѣлилось на двѣ стороны. Манихеяне, евтихіянцы, несторіяне, яковиты перестали быть дѣйствователями, были только партіи за иконы и противъ иконъ: православные принадлежали къ первой, еретики держались второй, а Леонъ противъ воли сдѣлался сподвижникомъ еретиковъ. Сынъ его Константинъ V Копронимъ даже уничтожилъ было монастыри. Гоненіе противъ иконъ продолжалось и при наслѣдникѣ его, Леонѣ IV, и было причиною совершеннаго уничтоженія власти императоровъ въ Италіи и раздѣла церквей латинской, греческой. Наконецъ, съ восшествіемъ на престоръ императрицы Ирины (747), открывшей себѣ путь злодѣяніями и привлеченіемъ на сторону свою монаховъ, было прекращено это гоненіе и обращено на противную партію. Такимъ образомъ къ концу этого времени въ Константинополѣ образовалось совершенно духовное го-

сударство: монахи засѣдали въ совѣтахъ и вмѣсто важныхъ гражданскихъ дѣлъ были предлагаемы пренія о предметахъ религіозныхъ, отлученія и проскрипціи.

X.

Первобытная жизнь арабовъ. Переворотъ на образованіе націи, произведенный Магометомъ, и завоеванія ихъ.

На образованіе арабовъ произвели глубокое вліяніе почва и климатъ страны. Полуостровъ аравійскій представляетъ сліяніе двухъ сильныхъ противоположностей: растительной и губящей силъ природы. Безводіе, кипящіе пески, каменныя пустыни, смертоносный вѣтеръ самумъ дѣлаютъ почти три четверти земель его вовсе необитаемыми. Оазы очень рѣдки и своимъ небольшимъ пространствомъ земли могли только служить временнымъ убѣжищемъ. Берега Краснаго моря, королевство Іеменъ, берега Персидскаго моря удобны для жизни. Главное произведеніе: ладанъ, кассія, финиковая пальма, кофе, бальзамовое дерево. Рука завоевателя не могла здѣсь найти пищи, и только одна торговля въ отдаленной древности пролагала незамѣтный путь чрезъ пустынный полуостровъ. Уже давно находились города: Саака, или Сааба, Мока, Ятребъ и, среди пустынь, Мекка.

Жители Аравіи отличались рѣзкою особенностію. Они были стройны, худощавы, оливковаго цвѣта, съ глазами и волосами угольной черноты. Прерываемая пустынями и необитаемыми мѣстами земля должна была создать разсѣянную и бродящую жизнь. Обитатели были двухъ родовъ: жители городовъ въ Іеменѣ и вообще въ южной Аравіи, называемые хадрами, и пустынные, бродящіе: бедеви, или бедуины. Арабы жили отдѣльными племенами подъ начальствомъ своихъ шейковъ, избираемыхъ изъ благородныхъ фамилій. Иногда нѣсколько шейковъ съ ихъ племенами признавали надъ собою власть одного независимаго эмира. Взаимной связи между ними было мало. Наслѣдственное мщеніе, подъ тропическимъ вліяніемъ климата, достигало высшей степени; брани были часто съ ожесточеніями, и часто многія племена, боясь мести, удалялись изъ полуострова. Такъ населилась арабами часть Сиріи, а въ Египтѣ Абиссинія. Ихъ отличительныя чѣрты: быстрая воспламеняемость, велико-

душіе, гостепріимство, заглушаемыя мщеніемъ и жадностію къ корысти, гордость, и чувство независимости, вдохнутое необозримымъ пространствомъ пустынь, наконецъ, сильное воображеніе, можетъ-быть, воздвигнутое рѣзкою противуположностію страны.

Религія. Единства религіи не было въ Аравіи. Гоненія и нетерпимость были причиною множества изгнанниковъ разныхъ сектъ, поселившихся въ Аравіи. Эти изгнанныя религіи были: сабеяне, или древніе халдеи, почитавшіе семь боговъ, или ангеловъ, правящихъ семью планетами, производящими вліяніе на міръ; маги, послѣдователи Зороастра; іудеи, имѣвшіе въ нѣкоторыхъ городахъ свои синагоги, и, наконецъ, христіане, состоявшіе изъ разныхъ угнетенныхъ сектъ: марціонитовъ, манихеянъ, яковитовъ, несторіанъ и др. Всякій арабъ слѣдовалъ своему произволу въ принятіи вѣры. Въ городахъ и южныхъ плодотворныхъ странахъ болѣе преобладала идолопоклонническая, въ пустыняхъ болѣе духовная. Храмъ Кааба въ Меккѣ, гдѣ находился знаменитый черный камень, былъ во всеобщемъ уваженіи и привлекалъ толпы поклонниковъ. Надзоръ надъ нимъ былъ порученъ знаменитой фамиліи шейковъ Корейшитовъ, древнихъ правителей Мекки. Таково было состояніе религіи народа до Магомета, произведшаго всеобщій переворотъ и преобразовавшаго всю Аравію въ одну націю.

Магометъ былъ изъ знаменитой фамиліи Корейшитовъ (род. въ Меккѣ 571), его дѣдъ Гашемъ былъ стражемъ камня Каабы. До 40 лѣтъ своего возраста онъ былъ бѣденъ, путешествовалъ съ чужими караванами. Попеременно обращаясь съ христіанами, іудеями, магами, находясь то въ городахъ сирійскихъ среди людной греческой жизни, то въ раскаленныхъ пустыняхъ Аравіи, склонный къ мечтательности, онъ получилъ идею о преобразованіи религіи, видя съ соболѣзнованіемъ слабое вліяніе ея надъ арабами и раздробленіе ихъ націи. Онъ началъ проповѣдывать о единствѣ Бога, о своемъ посланничествѣ на земли, проповѣдывалъ имъ правила, занятыя у христіанъ, сабеянъ, маговъ, іудеевъ, смѣшанныя съ собственными мечтаніями. Желая сильнѣе дѣйствовать на пламенную, чувственную природу арабовъ, обѣщалъ рай, облеченный всею роскошью восточныхъ красокъ, и сопровождалъ все это рѣчами, исполненными энтузіазма, и звучными стихами. Ему вѣрили сначала жена

его Кадиша, невольникъ его Саитъ и двоюродный братъ его 15-лѣтній Али, впослѣдствіи Абубекеръ, одинъ изъ уважаемыхъ гражданъ Мекки, наконецъ, множество народа. Всѣ почти Корейшиты вооружились противъ нововводителя, но Магометъ избѣгнулъ смерти бѣгствомъ въ Ятребъ (Медину), положившимъ начало магометанской эры. Медина, соперница и непріятельница Мекки, приняла его съ восторгомъ. Послѣдователи возросли. Тогда пророкъ взялъ въ руки оружіе и повелъ новыхъ почитателей Мослима на непризнававшую его Мекку. Послѣ многихъ битвъ, гдѣ Корейшиты употребляли всѣ силы противустать ему, Магометъ получилъ верхъ. Король іеменскій отдался ему добровольно; многіе шейки и эмиры подчинили себя его власти, и Аравія увидѣла надъ собою одного повелителя. Пророкъ умеръ (на 63 году), но нація осталась послѣ него соединенною силою религіи и энтузіазма.

Толпы родственниковъ Магометовыхъ изъявляли притязаніе занять его мѣсто. Ближе всѣхъ былъ Али, женатый на дочери его, Фатимѣ, первый изъ правовѣрныхъ и самый жаркій его послѣдователь; но множество противниковъ и вліяніе послѣдней супруги Магомета, Аеши, было причиною, что шейки и эмиры провозгласили мудраго Абубекера калифомъ, или намѣстникомъ пророка. Абубекеръ собралъ всѣ мысли и правила Магомета, его стихи, мечтанія, видѣнія, записанныя въ разное время учениками, въ одну книгу, называемую «Коранъ».

Главныя положенія Корана были: Богъ единъ, безъ всякаго раздѣленія власти; Его министры, исполнители воли— ангелы и небесныя силы; власть Его проявлялась въ мірѣ чудесами и видѣніями; возвѣстители Его воли на землѣ— пророки, изъ которыхъ главнѣйшіе четыре: Авраамъ, Моисей, Іисусъ и Магометъ, послѣдующій былъ выше предыдущаго. Должно было вѣрить въ безсмертіе души, въ воскресеніе, послѣдній судъ, въ наказаніе добрыхъ и злыхъ. Правила, приспособленныя къ жизни и климату, полагались для всякаго правовѣрнаго слѣдующія: молитва пять разъ на день, милостыня, омовеніе, обрѣзаніе, постъ рамадана, воздержаніе крѣпкихъ напитковъ и нѣкоторыхъ мясъ. Алкоранъ состоялъ изъ двухъ частей; къ нимъ послѣ прибавлены сказанія и анекдоты о Магометѣ, составившіе третью часть, подъ именемъ Сунны; это произвело двѣ секты: принявшіе

всѣ три назывались суннитами, принявшіе только двѣ первыя—шіитами.

Смерть пророка усилила энтузіазмъ и желаніе распространить защищаемую имъ вѣру. Полководцы Абубекера Абу-Обеидахъ и Каледъ, «Божій Мечъ», вступили въ Сирію и начали покореніе взятіемъ города Бостры. Изнѣженность жителей Сиріи, занимавшія ихъ секты, пренія и партіи, измѣна и малодушіе намѣстниковъ открыли свободное поле ихъ дѣйствіямъ. Абубекеръ умеръ; Али опять былъ отстраненъ, взошелъ Омаръ, также тесть Магомета (634). Каледъ окончилъ завоеваніе Сиріи. Дамаскъ, Антіохія были взяты, Омаръ вступилъ во Іерусалимъ и заложилъ мечеть. Другой полководецъ его, Амру, перешелъ въ Африку и осадилъ Александрію, занятую ожесточенными преніями и партіями. Копты и яковиты, преслѣдуемые дворомъ византійскимъ, приняли его сторону. Многочисленное народонаселеніе, необыкновенные источники богатства и морской силы дали возможность Александріи безъ помощи императора выдержать 14-мѣсячную осаду, послѣ чего она была взята (640), и весь Египетъ призналъ власть калифа. Третій полководецъ Омара Заидъ вступилъ въ Персію, разбилъ войска визиря Рустана, разрушилъ столицу Ктезифонъ и основалъ города Куфу и Бассору. Арабы ниспровергали всѣ идолы, статуи, образа, храмы, разрушили 4000 церквей, взяли 36000 городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Послѣ Омара опять былъ отстраненъ Али, несмотря на множество приверженцевъ, и провозглашенъ калифомъ слабый и престарѣлый Отманъ, но фанатизмъ придавалъ силу аравитянамъ. Полководецъ Абдала продолжалъ завоеванія въ западной Африкѣ взятіемъ Триполи; другой эмиръ, Моавія, изъ рода Омміадовъ, покорилъ Нубію, овладѣлъ частью Архипелажскихъ острововъ и разрушилъ колоссъ Родосскій. Покореніе Персіи продолжалось. Персидскій царь Ездежертъ долженъ былъ бѣжать изъ столицы своей Истакара (Персеполя). Персія обратилась въ область калифа. Персы приняли исламизмъ, и арабы, преимущественно партизаны Али, поселились во множествѣ на персидской почвѣ. Отманъ былъ убитъ. Партія Али сдѣлалась уже слишкомъ сильною и возвела его въ званіе калифа. Исканіе честолюбиваго Моавіи и множество противниковъ возобновили старую вражду. Али былъ умерщвленъ тайно. Моавія провозглашенъ былъ на-

мѣстникомъ пророка. Мученическая смерть Али и сыновей его, почитаемыхъ за истинно правовѣрныхъ, произвела множество новыхъ энтузіастовъ; всѣ шіиты приняли сторону Али. Фамилія Али осталась въ сильномъ уваженіи: многіе искали родства съ ними, чтобы имѣть право на уваженіе и на престолъ. Зеленый цвѣтъ былъ отличительнымъ ихъ девизомъ.

Моавія началъ собою рядъ калифовъ Омміадскихъ и перенесъ столицу изъ пустынной Аравіи въ Дамаскъ: отселѣ начало перехода арабовъ къ новой гражданственности. На новой почвѣ, подъ новымъ небомъ, Моавія уже началъ оставлять суровую жизнь прежнихъ калифовъ. Доселѣ калифы даже среди цвѣтущихъ покоренныхъ странъ сохраняли простые обычаи: калифъ на расходы получалъ всего пять золотыхъ монетъ, хотя всѣ родственники Магометовы получали на содержаніе большія суммы; остатокъ доходовъ раздавалъ онъ добродѣтельнѣйшимъ людямъ въ государствѣ и нищимъ. Власть калифа была велика, потому что соединяла въ себѣ власть религіозную и свѣтскую: калифъ былъ папа и государь вмѣстѣ. Власть его не была ограничена ни національными собраніями, ни вліяніемъ дворянства, ни привилегіями духовенства, ни конституціями вольныхъ городовъ. Несмотря на разбросанность владѣній арабовъ и отдаленность эмировъ, строгое исполненіе законовъ Корана давало единство далеко раскинутому государству и утверждало верховность калифа. Арабы, принявши во владѣніе земли восточной имперіи, означили ихъ совершеннымъ преобразованіемъ, разрушеніемъ многихъ старыхъ городовъ и постройкою новыхъ въ аравійскомъ вкусѣ. Всѣ туземцы платили арабамъ только десятую долю своихъ доходовъ. Внутреннее правленіе въ городахъ, законы, обычаи и религія остались неприкосновенными; гоненіе арабовъ было только противъ жидовъ. Просвѣщеніе покоренныхъ провинцій произвело глубокое впечатлѣніе на побѣдителей, и они мало-по-малу входили въ жизнь подданныхъ прежней греческой имперіи и начали узнавать языкъ и обычаи ихъ. Моавія въ началѣ царствованія долженъ былъ бороться съ партіей Али; между тѣмъ въ Африкѣ взятъ былъ Карѳагенъ, и эмиръ Акбахъ, доходившій до Атлантическаго океана, построилъ Каироанъ, оставшійся метрополіей западной Африки. Корабли арабовъ подступали подъ Константинополь, но были

отражены. При калифѣ Валидѣ Муза окончилъ покореніе Африки; посланный отъ него намѣстникъ Тарикъ покорилъ Испанію, и только мужество Карла Мартела остановило разлитіе арабскаго владычества въ западной Европѣ. Между тѣмъ покоренія продолжались на востокѣ: эмиръ Котаибъ прошелъ Транзоксіану, оттуда въ Туркестанъ и установилъ резиденцію свою въ Самаркандѣ, въ сосѣдствѣ владѣній императора китайскаго; Казимъ, намѣстникъ Котаиба, вторгнулся въ Индію и овладѣлъ правымъ берегомъ рѣки Инда. Въ Малой Азіи арабы встрѣчали болѣе сопротивленія, и покореніе ея было медленно отъ гористыхъ мѣстоположеній и мужественныхъ жителей; однакожъ, арабы остались обладателями горы Тавра и части Арменіи, сосѣдственной съ Кавказомъ. Всѣ покушенія противъ Константинополя были тщетны, и сильный, многочисленный флотъ калифа Солимана былъ совершенно разбитъ греческимъ огнемъ и храбростью Леона Изаврянина. Царственный домъ Омміадовъ былъ ненавидимъ и почитаемъ за похитителей калифскаго престола; кромѣ партіи Али усилилась еще партія Аббассидовъ, приверженная къ поколѣнію Аббаса, одного изъ дядей пророка. Притязанія Аббассидовъ на престолъ произвели внутреннюю борьбу и частыя брани между черными и бѣлыми, т. е. между Аббассидами и Омміадами, кончившіяся совершеннымъ истребленіемъ Омміадовъ. Только одинъ изъ нихъ, Абдерамъ, убѣжалъ въ Африку, сыскалъ тамъ себѣ приверженцевъ и, пользуясь раздорами испанскихъ арабовъ, утвердилъ тамъ свою власть, отдѣливъ это государство вовсе отъ калифата. Домъ Омміадовъ, продолжавшійся 90 лѣтъ, окончился убіеніемъ 14-го калифа Мервана II. Аббу-Аббасъ-Абдалахъ-Эль-Сафахъ началъ рядъ калифовъ Аббассидовъ. Послѣдовавшій ему братъ его Абу-Джафаръ-Алъ-Мансоръ построилъ Багдадъ и перенесъ туда столицу свою изъ Дамаска, обширнаго своего калифата, и вліяніемъ своимъ сильно двинулъ гражданственное развитіе арабовъ.

АЛЬФРЕДЪ.

НАЧАЛО ТРАГЕДІИ ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРІИ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Народъ *толпится по набережной.*

Одинъ изъ народа. Ай, что ты такъ тѣснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой изъ народа. Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? Ну, море, вода—больше ничего. Что, не видѣлъ (развѣ) никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

[Туркилъ]. Ну, теперь, какъ Богъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ датчанъ?

[Другой]. Ты откудова, братъ?

[Туркилъ]. Изъ графства Гертингаль, Томсъ Туркилъ, сеорлъ.

[Другой]. Не знаю.

[Туркилъ]. Бѣжалъ изъ Колдингама.

[Другой]. Знаю—гдѣ монахинь сожгли. Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіанства и отъ жидовъ, что распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы. А что же тамъ было?

[Другой]. А вотъ что. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть немного смазлива... дѣло женское... ну, понимаешь... такъ игу-

менья,—вотъ святая, такъ, точно, святая,—уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И какъ увидѣли эти звѣри—нѣтъ хорошихъ лицъ, то его не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ. Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ. Эхъ, англосаксы!

Другой. Сильный народъ, проклятый! конечно, нечистая сила.

[Третій]. Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

[Первый]. Что, въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

[Третій]. Какъ?

[Первый]. Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчой не сыщешь.

[Другой]. Отъ датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякій такъ подличаетъ съ датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь сеорлъ, чтобъ убѣжать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то ужъ лучше своему, чѣмъ чужому,—еще хуже: такъ закабалятъ его, что и бретонъ такого рабства не знаетъ.

[Третій]. Ну, наконецъ, мы пріободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало,—мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

[Третій]. Отчего-жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

[Другой]. А гдѣ это—за моремъ?

[Первый]. Въ городѣ, въ Римѣ.

[Третій]. Зачѣмъ же тамъ онъ?

[Первый]. Тамъ онъ обучался, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, (онъ тамъ) всему, всему, что ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

[Первый]. Римъ.

[Другой]. Не знаю.

[Первый]. Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

[Третій]. Да что это Римъ? Тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

Первый. Ну, да. Пресвятая Дѣва! если бы мнѣ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты: выше ужъ нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что, какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

[Первый]. Вонъ, слышишь ли? кто-то говоритъ, что видѣлъ папу.

Голосъ народа *на другой сторонѣ.* Ты видѣлъ папу?

Брифрикъ (*изъ толпы*). Видѣлъ.

[Голоса народа]. Гдѣ-жъ ты его видѣлъ?

[Брифрикъ]. Въ самомъ Римѣ.

[Голоса народа]. Ну, какъ же? Что онъ? Какой?

(Народъ сталкивается въ ту сторону).

Голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? Не слышали разсказовъ глупыхъ?

Брифрикъ. Я разскажу по порядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину hydes земли. Такъ я сказалъ себѣ: «Зачѣмъ тебѣ, Брифрикъ, сынъ Квикельма, обработывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести?» Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Славный народъ! Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія-жъ, какъ и у насъ, только не всѣ желѣзныя: въ одномъ мѣстѣ—смотришь—рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ есть и серебряныя. Мечъ при каждомъ, стрѣлъ нѣтъ, только копья. Топоръ больше чѣмъ въ полпуда,—о, куда больше! А желѣзо такое... фи! то, что у стараго Вульфинга на бердышѣ, ни къ чорту не годится?

Вульфингъ (*изъ толпы*). Знай себя!

[Брифрикъ]. Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а дома и храмы Божіи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье, а вотъ круглыя совсѣмъ такъ, какъ бы натянутый лукъ, и шпицовъ совсѣмъ нѣтъ. А столпы вездѣ, и такъ много и рѣзьбы, и золота... великолѣпіе такое—такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь насчетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, нѣмецъ Арнуль, славный

воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ славно играетъ... «Хочешь», говоритъ, «видѣть папу?» — «Ну, хочу». — «Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить». Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ—Боже ты мой! Больше, чѣмъ здѣсь. Римлянки и римляне въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, если бы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ (платьяхъ), и какъ вышли они— такъ и ослѣпили глаза. (А ходъ-то весь) для всѣхъ былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ, вотъ какъ кровь... Ей-Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Если-бъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантію, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, что съ каменьемъ и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кеифусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга и еще коня въ придачу— ей-Богу, отдалъ бы за эту мантію! Красная, красная, какъ огонь...

Голосъ въ народѣ. Чортъ знаетъ что! Ты разсказывай о папѣ, а какая нужда до твоихъ мантій!

Вульфингъ *(изъ толпы)*. Хвастунъ! расхвастался!

Брифрикъ. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ— какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ, какъ наши таны, или бароны въ рясахъ, имя не помню, шепелявое какое-то имя,—то эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли, такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ — такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ-то все серебряное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

Голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль! ей-Богу, корабль! *(Всѣ бросаются, Брифрикъ первый, и тѣснятся гуще около набережной).*

Голоса въ толпѣ. Да ну, стой, ради Бога!—Задавили!— Да дайте хоть назадъ выбраться.

Голосъ женщины. Ай, ай! косолапый медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропусти! Кто въ Христа вѣруетъ, пропустите!

Брифрикъ (*оборачиваясь*). Чего лѣзешь на плечи? Развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ-жъ король? Гдѣ-жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого!

[Голосъ изъ толпы]. Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

[Голосъ въ народѣ]. Да кто же? ты говорилъ!

[Голосъ изъ толпы]. И не думалъ.

[Голоса въ народѣ]. Да кто-жъ сказалъ, что король?—Джонъ Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ.—Эй, Шпингъ, зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

[Шпингъ]. Ей-Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

[Брифрикъ]. Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

Старуха (*пробуя впередъ*). Нашли, чего толпиться! И куда? Вѣдь никого нѣтъ.

[Брифрикъ]. А, Кудредъ! Откудова, пріятель?

[Кудредъ]. Изъ дому.

[Брифрикъ]. Короля видѣть пришелъ?

[Кудредъ]. И побольше чѣмъ видѣть.

[Брифрикъ]. А что еще.

[Кудредъ]. Жалобу прямо самому королю.

[Брифрикъ]. На кого.

[Кудредъ]. На королевскаго тана Этельбальда.

[Брифрикъ]. Ты шутишь, братецъ?

[Кудредъ]. Нѣтъ, не шучу.

Голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется!—Онъ сошелъ съ ума.—Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ.—Войска и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Эгбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты и простой сеорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать.

Кисса. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ... А я разскажу королю, что ты жидъ, а не христіанинъ, язычникъ скверный, что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не...

Брифрикъ. За что-жъ жалуешься?

[Кудредъ]. За что?—Этельбальдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда датчане ворвались въ Вессексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что зачѣмъ ему бы обижать меня. Я обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ, какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ благородныхъ, возить фашинникъ? А теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Гексганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то; а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ пѣсчанику за кладбищемъ. «Вотъ тебѣ», говоритъ, «земля!» Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный, я сеорлъ. Я, если-бъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два hydes земли, да выстроилъ церковь и домъ,— я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

[Брифрикъ]. Да ходилъ ли ты съ жалобою въ нашъ ширгемотъ?

[Кудредъ]. Подлецы! всѣ держатъ его сторону.

[Брифрикъ]. Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

[Кудредъ]. Вотъ, на тебѣ бумагу, если ты прочтешь.

[Брифрикъ]. Что ты? Такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь, ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и [во всемъ] Вестъ-Вессексѣ, ни одинъ ширъ, ни алдерманъ не умѣетъ писать. Вишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть А В С, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Туркилъ *(Вульфингу)*. Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо.

[Вульфингъ]. Попы все-таки прочтутъ.

Брифрикъ *(обращаясь къ Киссѣ)*. Высокородный танъ, прочти-ка; ты, вѣрно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! я тебѣ не попъ.

Гунтингъ. Давай, я прочту.

Туркилъ. Кто онъ?

Вульфингъ. Не знаю.

Голосъ. Это, видишь, тотъ, что былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь датчане разорили школу.

[Гунтингъ] *читаетъ.* «Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герефортъ, во время царствованія Этельреда, гдѣ...»

[Голосъ]. А, при покойномъ королѣ! Храбрый былъ король, всю жизнь бился съ этими мерзкими датчанами.

[Гунтингъ] *(продолжаетъ).* «...гдѣ засѣдали: Дунстанъ, епископъ, Кеолрикъ, алдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Туркилъ-косоглазый, какъ комиссары короля, засѣдали...»

Вульфингъ. Слышишь, Туркилъ? это ты!

Туркилъ. Развѣ я косоглазый?

[Гунтингъ] *(продолжаетъ).* «...въ присутствіи Бриннига, шерифа, Агельварда де-Фрома, Леофина де-Фрома чернаго, Годрига де-Штока и всѣхъ тановъ графства Герефорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ, представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевства въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него, высокороднаго графа Этельбальда...»

Въ народѣ *крикъ и давка.* Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться?—Батюшки, батюшки, тресну! Со всѣхъ сторонъ придавили!

Высокій *(болтаетъ вверху руками).* Что эти бабы лѣзутъ? Желалъ...

Брифрикъ. Чего народъ лѣзетъ? *(Продирается).*

[Кто-то въ толпѣ]. Да взбѣленился, просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ опять пронесъ, что корабль показался...

Кричитъ **Кудредъ.** Бумагу, бумагу, бумагу дай!.. Экій трусъ, изорвалъ!

Кисса. Да кто сказалъ, что король ѣдетъ?

[Голоса]. Я не говорилъ.—Я не говорилъ.—Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не ворошилъ.

Брифрикъ. Ей-Богу, глупый народъ! Ну, что, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ. А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифрикъ. Что-жъ? только посмотрѣть.

Одинъ изъ народа. Вотъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь *на лошади.* Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись!

[Эгбертъ]. Кому дорогу?

[Рыцарь]. Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу ..... королевскому тану Этельбальду!

Эгбертъ. Отнеси ему эту пощечину. *(Бьетъ его и убѣгаетъ).*

Рыцарь *(кричитъ).* Мы увидимся, проклятый длиннорукій чортъ!

[Вульфингъ]. Вонъ поѣхалъ графъ Эдвигъ. Видѣлъ?

[Туркилъ]. Видѣлъ. Славное вооруженіе.

[Вульфингъ]. Вонъ Этельбальдъ. Гляди, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Эхъ, какъ одѣты славно! Какія кирасы, щиты! Ей-Богу, если-бъ хотѣли, побили датчанъ.

[Туркилъ]. Отчего-жъ не хотятъ?

[Вульфингъ]. А такъ; сами держатъ руку непріятелей.

[Туркилъ]. Ну, вотъ!

[Вульфингъ]. Почему-жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ саксоновъ и англовъ, то однихъ всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Іорка; а датчанъ всѣхъ-на-всѣхъ трехъ тысячъ не будетъ.

[Туркилъ]. Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

[Вульфингъ]. Вульфингъ.

[Туркилъ]. Такъ будемъ пріятелями.

[Вульфингъ]. Вотъ тебѣ рука моя.

[Туркилъ]. Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ — начнетъ выть, какъ волкъ. Наши всадники давно бы совладали съ ними... Народъ опять стѣснился, да и сами таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король, наконецъ, ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Туркилъ. Опять пошла тѣснота.

Голоса. Корабль съ тремя вѣтрилами! — Зачѣмъ деришься?—Не лѣзь впередъ!

[Вульфингъ]. Вотъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

[Туркилъ]. А что-жъ не видно короля?

[Вульфингъ]. Гдѣ-жъ теперь его увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

[Туркилъ]. Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы: вонъ какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ!

[Вульфингъ]. Это долженъ быть, что блеститъ, танъ.

[Туркилъ]. Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство.

[Вульфингъ]. Это все тѣ таны, что поѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

[Туркилъ]. Гдѣ-жъ король? Вѣдь король въ коронѣ?

Вульфингъ. Да еще не короновался.

[Туркилъ]. А вонъ снялъ шляпу... Таны машутъ... Виватъ, король!

Весь берегъ кричитъ: Виватъ, король! Здравствуй, король!

Воины вновь машутъ.

[Туркилъ]. Здравствуй, король!

Народъ. Здравствуй, король!

Всадникъ на лошади. Разступись, народъ! *(Машетъ алебардой).*

Народъ пятится. Прижатые кричатъ: Что онъ такъ кричитъ? Кто это?

[Туркилъ]. Танъ Кенульфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Мидльсекса, славный воинъ.

(Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ видны только головы).

Альфредъ *(сходя съ корабля).* Здравствуйте, добрые мои подданные!

[Народъ]. Здравствуй, король! Виватъ!

(Король и свита подымаются на лошадяхъ въ народъ).

Народъ. Виватъ, виватъ, король!

Альфредъ. Благодарю, благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не менѣе радъ видѣть васъ и мою отцовскую землю Англосаксію.

Эгбертъ. Слышишь? Англосаксію! Онъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ ужъ не наши.

(Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ).

[Вульфингъ]. Молодецъ король — видный, рослый, лучше всѣхъ! Какъ онъ славно выступалъ, славно... Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ твоя жизнь.

[Эгбертъ]. Пойдемъ, посмотримъ.

[Туркилъ]. Постой, зачѣмъ же итти? Намъ за ними не

угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Іоркъ.

[Вульфингъ]. Отчего же не въ Лондонъ?

[Туркилъ]. Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все, какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и онъ поѣдетъ.

Эгбертъ *(возвращаясь)*. Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Sith, ситкундменовъ. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графъ Эдвигъ, Кенульфъ, не говоря ужъ о собакѣ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, рыжебородый Киль,—почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Киля, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

Кисса. Дьяволъ ему на шею! Я радъ, по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. Датчанъ — опять за море, завоюемъ опять Эсть-Англъ, Мерси и Нортумберландъ также: хоть и разоренная страна, однакоже, есть добрыя земли для скота и для пашенъ.

[Эгбертъ]. Мнѣ король понравился — добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда привожу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человѣкъ?—вонъ, гляди, сколько рубцовъ у меня!» Пойдемъ, Кисса, вышьемъ его здоровье. Эй, Кудредъ! тебѣ обидно на Этельбальда. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

Кудредъ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немного тановъ.

[Вульфингъ]. Да что-жъ король? Вѣдь король не можетъ сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю». Что скажетъ витенагемотъ?

[Кудредъ]. Да безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Что ни скажетъ, а все будетъ лучше. По крайней мѣрѣ, можно будетъ по дорогѣ пройти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

[Вульфингъ]. Одинъ hydes земли держу отъ тана.

[Кудредъ]. (Платишь хлѣбомъ?)

[Вульфингъ]. Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ.

[Кудредъ]. Кто-жъ ты?

[Вульфингъ]. Пастухъ. Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь, пришлецъ, отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Вессексѣ. А завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Гляди: чего народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

[Вульфингъ]. Въ самомъ дѣлѣ корабль! Что-жъ это? Вѣрно, тоже королевская свита?

Туркилъ. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсѣмъ не такъ сдѣланы. Постой, разсмотрѣть поближе: и народъ какъ будто не такъ одѣтъ.

Одинъ *изъ толпы, всплескивая руками*. Саксонцы! убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ. Что такое?

[Туркилъ]. Морской король!

[Кудредъ]. Нѣтъ, что ты?

Туркилъ. Какъ христіанинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій корабль?

Народъ. Ай, народъ, точно—датчане! Вонъ машутъ, чтобы остались! Да, какъ бы не такъ! Бѣжимъ, друзья!

(Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ).

(Корабль виденъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ).

Голосъ Губбо. Перекидай канатъ.

Руальдъ *(сверху)*. Кормщикъ, бери ниже: тамъ мель.

(Нормандъ плыветъ съ канатомъ въ зубахъ).

Руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А, народъ проклятый! весь разбѣжался. Теперь прямо. Нормандъ, хватай крюкомъ.

[Нормандъ]. Стой!

Губбо *(выходитъ съ корабля)*. Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ. *(Вытаскиваютъ лодку).*

Губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью саксонцевъ, а?

[Воины]. Наши копья готовы!

[Руальдъ]. Не лучше ли, король мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

[Губбо]. Это ты, Руальдъ, говоришь? Тебя, вѣрно, не море пеленало. За эти слова тебя стоитъ вышвырнуть въ море. «Какой храбрый, когда спрашиваетъ о числѣ?» говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

[Руальдъ]. Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вмѣстѣ съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя предъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? Развѣ платье мое на мачтѣ сушилось, а не на мнѣ?

[Губбо]. Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились, други, храбраго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... наши платья, и морскія брызги насъ... Капли сыпались на лицо наше... Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Завидная участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: «А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?»—«Ранъ 17 и 4», отвѣчаетъ ему Гримуальдъ, «сильный воинъ».—«Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ серебро, шерстью! Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ».—Слушай, Стемидъ, теперь [не] время; но когда будемъ пировать на покрытыхъ пылью саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣсню?—такую, чтобы въ груди все встрепенулось—отвага, самое бѣшеное веселье, и руки схватились за рукоятки мечей. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что мы будемъ дѣлать. Англія—земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландіи и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши, жители бѣдны; но здѣсь жилища, а болѣе всего церкви очень богаты, и золота въ нихъ много. Каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ тутъ себѣ выбрать любые мечи и копья, и все вооруженіе. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мнѣ, и вамъ: это англосаксонскія дѣвы, бѣлизною лица, какъ наши скандинавскіе снѣга, окропленные алою кровью

молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи: въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Оденъ никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіане. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападемъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой.

[Одинъ изъ воиновъ]. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ. Я себѣ отвоюю лучшій замокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

[Одинъ изъ воиновъ]. Что, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

[Губбо]. Есть.

[Одинъ изъ воиновъ]. И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы совсѣмъ не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою, Элгадъ, пустимся потомъ далѣе, — скучно долго жить на одномъ мѣстѣ,—чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь всей моей сбруей, пріѣдемъ оттуда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантія, и вся будетъ убрана дорогими каменьями; шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ пріѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: «Прекрасная царевна, я король, пришелъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и пріѣхалъ король Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой».

[Воины]. Виватъ, король Губбо!

[Губбо]. Виватъ и вы, товарищи! Теперь идемъ. Вы два, Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть!...

Альфредъ *(окруженный танами и графами королевства)*. Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете, съ своей стороны, мнѣ всякую помощь, разогнать варварство и невѣжество,

въ которомъ тяготѣетъ англосаксская нація.

Графъ Эдвигъ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Графъ Этельбальдъ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежитъ тебѣ, государь мой.

Сифредъ. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать...

[Альфредъ]. Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи я требовалъ отъ васъ, на которую, конечно, имѣю всегда право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ научить англосаксовъ, искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

(*Тѣни въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что это значитъ*).

Эдвигъ. Какъ же, государь, ты говоришь, что англы и саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

Альфредъ. Ну, противъ этого мнѣ ничего не остается говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны и думать ни о чемъ не хочетъ. Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

[Эдвигъ]. Видѣлъ, государь.

[Альфредъ]. Что-жъ, какъ нашелъ его?

[Эдвигъ]. Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ.

[Альфредъ]. Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время свое какъ сквозь сонъ помню. Вѣдь тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы[строенныя] близъ Іорка римлянами?

[Эдвигъ]. Не знаю, государь, о какихъ ты римлянахъ говоришь.

[Альфредъ]. Римляне—народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны бритты.

[Эдвигъ]. Бритты были, это правда; а римлянъ, государь, никакихъ не было.

[Альфредъ]. Ты не знаешь, потому что не читалъ. Рим-

ляне были народъ великій; они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ бриттовъ.

[Эдвигъ]. Воля твоя, король, римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было,—и тѣ говорятъ, что были здѣсь только бритты.

[Альфредъ]. Ну, объ этомъ тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчетъ объ нынѣшнемъ положеніи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не безпокойтесь; отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ витенагемотѣ, разскажи мнѣ подробно все.

[Этельбальдъ]. Все хорошо, государь; со стороны датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Іорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскія твои латы, щиты отцовскіе и добытые покойнымъ братомъ твоимъ Этельредомъ я сохранилъ въ исправности.

[Эдвигъ]. Вретъ, старый медвѣдь: лучшее копье стянулъ себѣ.

[Альфредъ]. Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя разсказать, какъ государство, въ какомъ положеніи?

Графъ Эдвигъ. Въ гадкомъ положеніи государство; сеорлы и бретонскіе рабы ничего не выплачиваютъ, поля очень опустошены датчанами; не на что вооружить рыцаря, лошади—мерзость.

[Альфредъ]. Зачѣмъ вы позволили датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англію?

[Эдвигъ]. Что же дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да сильнѣе перетянула сила. Они знаются съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

[Альфредъ]. Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному сакоонцу; но вы были виною; непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ. Если-бъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англіи или Мерси, я бы защищалъ ее моею рукою и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

Альфредъ. Да умѣли ли вы свои защитить? Отчего по всей дорогѣ, которой мы ѣхали, пустыя нажити и двѣ развалившіяся церкви? Малолюдный гирдъ датчанъ издѣвался надъ вами, а вы, хорошо вооруженные и христіане, могли вынести это?

[Окружающіе]. Браво, король! Вотъ король! Прозорливъ, какъ горный орелъ! Такого намъ нужно короля!

[Сифредъ]. Я никогда не былъ безчестнымъ и всегда готовъ, и если бы графъ Мидльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ датчанъ: и Вессексъ, и его бы владѣнія спасъ.

[Альфредъ]. И виною вы же, вы черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе; Богъ знаетъ, что такое! Всякій управляетъ, какъ ему хочется, высшему не повинуются, между собою несогласны. [Въ] государствѣ должно быть такъ, какъ въ римской имперіи: государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ (*потупляетъ глаза*). Гм! я что-то не вполнѣ понялъ это. Вѣдь англосакскій всякій танъ—вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

[Альфредъ]. Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

[Одонъ]. Епископъ вессекскій убитъ во время войны съ датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

[Альфредъ]. И никто не позаботился о томъ, чтобы избрать на мѣсто!

Арвальдъ. Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо.

[Альфредъ]. Будто ужъ въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвульфомъ заведена была коллегія.

[Сифредъ]. Коллегіи давно ужъ нѣтъ.

[Альфредъ]. Гдѣ же она?

[Сифредъ]. Сожжена датчанами.

[Альфредъ]. Опять датчане! Да что это за бичъ такой—датчане? Или Англія состоитъ вся изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ датчане... (*Входитъ вѣстникъ*). Что это за человѣкъ? Что ты?

[Вѣстникъ]. Король!

[Альфредъ]. Что?

[Вѣстникъ]. Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король *(въ изумленіи)*. Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

[Эдвигъ]. Я готовъ; всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбальдъ. Для тебя, государь, все радъ принесть.

Арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. *(Уходитъ)*.

[Альфредъ]. Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же и вы всѣ, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанамъ!

[Таны]. Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

[Альфредъ]. Идемъ и сейчасъ на коней! Но прежде я хочу осмотрѣть войска ваши. Ну, король, яви теперь дѣятельность души. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ государства, глядящихъ лѣснымъ [звѣремъ]; а вдобавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! *(Уходитъ)*.

Цеолинъ. Какъ мнѣ нравится король!

Эдринъ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, (а не человѣкъ).

Эдринъ. Что, Кедовалла, у тебя всѣ вооружены?

[Кедовалла]. Всѣ.

[Эдвигъ]. Что, король? Вѣдь, кажется, молодецъ?

[Кедовалла]. Да, кажется, храбръ; да что-то такъ...

[Эдвигъ]. Что?

Кедовалла. Мудреный что-то.

ДѢЙСТВІЕ II.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ и Кедовалла *(съ толпою воиновъ, входятъ на сцену)*.

Альфредъ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобы мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не болѣе, — и передъ этой шайкой не могли устоять пятнадцать тысячъ всадниковъ и цвѣтъ саксонской націи, и 90 тысячъ пѣшихъ. — Что скажете вы на это, столпы этой націи, благородные таны?

Графъ Эдвигъ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ своего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

[Альфредъ]. Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возрастимъ гордость непріятельскую; клянусь, мы имъ дадимъ и увѣренность въ ихъ непобѣдимости — и тогда, кто противъ нихъ? Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ — и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голіаѳъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать о жизни. Съ этими же самыми силами обратимъ отступленіе въ нападеніе, покамѣстъ не узнала о нашемъ пораженіи нація.

[Кедовалла]. Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

[Альфредъ]. Какое черное невѣжество вѣетъ отъ Кедовалла!.. Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа (зачерствѣла) въ старой корѣ. Но, таны, какъ видно, что недавно приняли христіанскую вѣру и не смыслите ничего въ ней! Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что на свѣтѣ больше христіанскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устремл[еннымъ] копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди,—а отчего? потому что призывали поминутно языческаго бога ихъ Одена, который пыль и прахъ предъ Богомъ христіанскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіане? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва... *(Король идетъ).* Ни двухъ шаговъ земли датчанамъ!

Часть народа и всадниковъ *(бѣжитъ).* Король, датчане гонятся!

[Альфредъ]. Стой! Всѣ таны, ни съ мѣста! Далеко датчане?

[Часть народа и всадниковъ]. По пятамъ нашимъ (летятъ).

[Альфредъ]. Во имя Святой Маріи, не подавайся, какъ кельданскія скалы!

(Врывается на сцену дружина датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ копьями. Начинается сѣча).

Губбо. Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если не сокрушимъ англосаксовъ.

[Альфредъ]. Англосаксы! не забывайте: съ нами Христосъ и Марія!

Губбо. Ринальдъ, Ринальдъ! тихо гремитъ твой мечъ! Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ!

Ринальдъ. Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

Альфредъ. Христіане, крѣпитесь! Святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

Губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ринальдъ, Ринальдъ! зачѣмъ избитъ шлемъ твой?.. Не дрожатъ ли твои перси?

[Ринальдъ]. Еще станетъ, король мой Губбо!.. Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ череновъ на пиршественныя чаши.

[Альфредъ]. За Марію, за Христа, англосаксы!

[Губбо]. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

[Ринальдъ]. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ!

[Эдвигъ]. Вотъ тебѣ, собака датчанинъ! *(Протыкаетъ ему голову копьемъ).*

Альфредъ. Англосаксы! побѣда за нами!

Губбо. О... не будетъ тебѣ, Альфредъ, по конхъ поръ мечъ играетъ въ рукахъ моихъ!

Альфредъ. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо. Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

[Альфредъ]. Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю и на два слова, Губбо... *(Обѣ стороны опускаютъ копья.)*

[Альфредъ]. Я готовъ заключить съ тобою [миръ] и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же, немедля, отправлялся за море, принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

[Губбо]. Король Альфредъ, я соглашаюсь.

[Альфредъ]. И такъ, храбрый, произнеси клятву.

[Губбо]. Клянусь самимъ Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! И когда не выполню моей клятвы, да будемъ желты, какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

Альфредъ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ,—ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо. Пойдемъ, товарищи! Намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня—завтра, не здѣсь—въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ, носящимъ золотое убранство!

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЮЮ ИСТОРІЮ.

[ОТРЫВОКЪ].

Всеобщая исторія есть полное изображеніе жизни человѣчества во всѣ времена, во всѣхъ концахъ земли, отъ первоначальнаго его младенчества до нашихъ временъ.

Болѣе семи тысячъ лѣтъ прошло отъ созданія первыхъ двухъ человѣковъ и около половины этихъ лѣтъ совершенно потеряно для исторіи. Только съ появленіемъ первыхъ обществъ (слишкомъ за 2000 до Р. Х.) получаются начальныя свѣдѣнія о человѣчествѣ.

Исторія его заключается вся въ двухъ великихъ отдѣленіяхъ: въ первомъ—міръ древній, во второмъ—новый.

Оба они имѣли свое младенчество и полное развитіе. Для древняго міра младенчествомъ была эпоха восточнаго человѣчества, а зрѣлостью — собственно древній міръ, т. е. міръ грековъ и римлянъ. Для новаго младенчествомъ были времена рыцарства (иначе среднія), а зрѣлостью собственно новый міръ, т. е. три послѣднія столѣтія.

Новый міръ имѣетъ разительное отличіе отъ древняго: другая религія, другіе законы, другіе нравы, другіе народы,—все это отдѣляетъ его совершенно отъ древняго.

Древній міръ даже и во время совершеннаго образованія своего не стигнулъ того просвѣщенія, до котораго досягнулъ новый.

Народы древняго міра всѣ помѣщались вокругъ Средиземнаго моря; имъ извѣстна была только половина Европы, пятая часть Азіи и едва ли четвертая—Африки; а народы новаго міра наполняютъ теперь весь земной шаръ и владѣютъ землею въ двадцать разъ болѣе извѣстной прежде древнимъ народамъ.

Всю исторію древняго міра можно представить въ пяти періодахъ.

Въ первомъ помѣщается предъисторія или разсмотрѣніе міра до первыхъ обществъ; второй заключаетъ въ себѣ самыя древнія восточныя царства до установленія во всемъ древнемъ мірѣ первой всемірной монархіи — персидской; третій отъ первой всемірной монархіи персидской до второй всемірной монархіи — македонской; четвертый отъ второй всемірной монархіи до третьей всемірной монархіи — римской; пятый отъ установленія третьей всемірной монархіи— римской до паденія западной ея части и нашествія новыхъ, еще дикихъ народовъ.

I. Наброски изъ древней исторіи (1835 г.).

1. Мидія.

Мидія страна выше Персіи. Мидяне назывались всѣ племена, [жившія] за Тигромъ въ этой странѣ. Изъ книги Зендавеста видно, что въ южной ихъ части уже давно существовало образованное государство. Характеръ жителей, поня(тія), черты горцевъ ..... по Геродоту изъ 6 племенъ. Между ними маги составили особенное. Арбакомъ, своимъ сатрапомъ, освобождаются отъ Ассиріи и составляютъ государство. При Дейокѣ (657+) имѣютъ новую столицу: Экбатану; при Фріортѣ покоря(ютъ) Персію (660); Ціаксаромъ обучаются въ военномъ искусствѣ, воюютъ съ лидянами, покоряютъ ассиріянъ, отражаютъ нападенія скиѳовъ и кимеріанъ и [полагаютъ границею] часть Евфрата. Наконецъ Астіагомъ оканчиваютъ свое существованіе и покоряются персами.

2. Вавилонъ.

Вавилонъ покоряетъ ассиріянъ, потомъ захватывается халдеями, воинами-пастухами. Навуходоносоръ возноситъ за-

воеваніями свою вавилоно-халдейскую монархію и даетъ ей блестящій вѣкъ, завоев(ываетъ) Финикію и разрушаетъ Тиръ, около 590 г. разоряетъ Іерусалимъ и уводитъ въ плѣнъ іудеевъ; опустошаетъ Египетъ, строитъ зданія и роетъ каналы [въ Вавилонѣ]. Послѣ него-[то] начинается время упаданія (sic) этого государства при Евильмеродахѣ-Тиглассарѣ-Лабосоаршадѣ, наконецъ покоряется Киромъ при Набонидѣ (Валтасарѣ) 532.

3. Малая Азія.

Малая Азія различнымъ мѣстоположеніемъ и окруженіемъ со всѣхъ сторонъ моремъ (sic) [наполнялась различными народами]: племена ѳракскія [преобладаютъ] сѣверною частью, на западѣ греческія, и (на) югѣ: въ серединѣ до Галиса — фригій(скія), за Галисомъ — сирокаппадокійскія. До Кира только три государства имѣютъ исторію. Два государства извѣстны въ глубокой древности: небольшое государство Троя, обязанная извѣстно(стью) чрезъ разрушеніе грековъ. Цари: Тейцеръ, Дарданъ, Ерихонъ, Трой, Илъ, Лаомедонъ, Гераклъ и Фриксъ управляли царствомъ [гордіевымъ и мидами] до покоренія Крезомъ.

Но сильнѣе ихъ всѣхъ и замѣчательнѣе лидійцы, вѣтвь карійцевъ. Воюютъ при Гигѣ (680) съ греческими колоніями, терпятъ отъ кимеріянъ при Садіаттѣ и Аліаттѣ, покоряютъ Смирну, при Крезѣ завоев(ываютъ) Эфесъ, распространяются по всей передней Азіи до [Галиса] и составляютъ богатѣйшее государство, покамѣтъ не покоряется Киромъ.

4. Финикіяне.

Положеніе земли и береговое плаваніе дѣлаетъ ихъ рыбаками; ... сильныхъ сосѣдей, заставляетъ искать другихъ земель, живетъ [въ морѣ], раждаетъ предпріимчивость и возражда(етъ) охоту къ странствіямъ. Она не составляетъ государст(ва), но множество независимыхъ городовъ, связанныхъ конфедеративно. Тиръ выгодностью положенія... привлекало богатство, а богатствомъ и древностью существованія первенство надъ другими городами. Цари только— верховные начальники республики: [.....] къ аристократіямъ сильныхъ фамилій, какъ во всѣхъ купеческихъ государства(хъ). Посредствомъ [колоній] распространяются по

берегамъ Средиземнаго моря. Колоніи образуются изъ необходимости укрѣпить свою торговлю. Онѣ умножаются отъ множества (sic) бѣдняковъ, отъ которыхъ желаютъ избавиться аристократы, отъ политическихъ изгнанниковъ. Колоніи въ древнія времена ихъ на Архипелагѣ; но оттуда [вытѣсняются] греческими: онѣ укрѣпляются въ южной Испаніи. Тартесъ, Кадесъ, Картея, въ части сѣверной Африки; на западѣ, въ Малой Сиртѣ, заводятъ Утику, Карѳагенъ, Адруметъ; въ сѣверовосточной части Сициліи: Панормусъ, Лилибеумъ. Предполагаютъ ихъ даже на заливѣ Персидскомъ, на островахъ Багарейнскихъ: Тилосѣ и Арадусѣ. Множество новыхъ произведеній въ новооткрытыхъ земляхъ даютъ финикіанамъ монополію европейск(ой) торговли и расширяютъ этимъ самымъ и торговлю ихъ.

Но разсмотримъ торговлю азіатскую. Она производится между образованными и необразованными, (между) благородными и невоздѣланными матеріалами, между Сиріей и Малою Азіей, отдаленною Индіею и Китаемъ съ [.....] военно-купеческими, и центромъ ея служитъ Вавилонъ. Эта торговля двигается и пресѣ(кается) по причинѣ большихъ азіатскихъ переворотовъ: одно госуд(арство) обнимало другія; остальныя не имѣли правильнаго теченія. Предметомъ товаровъ ея было золото, какъ матеріалъ, бывшій въ гораздо большемъ употребленіи, нежели во времена новыя. Его источникъ—Лидія, богатая золотымъ пескомъ изъ горъ на восточныхъ границахъ Бухаріи. На недостаточность его при такомъ употребленіи указываетъ другой источникъ—сѣверъ: Карпатъ, Алтай, Сибирь, облеченный миѳами и баснословіями массагетовъ и аримасповъ, кравшихъ золото у грифовъ. Серебро въ [маломъ] употребленіи получается изъ западной страны Кавказа, Халиба; рудокопни въ Бактріи.

Употребленіе драгоцѣнныхъ камней было чрезвычайною принадлежностью востока: конныя сбруи, военныя украш(енія), [царскихъ] сатраповъ: камни, сарды, ониксы, сародониксы (sic), смарагды и сафиры извлекаются изъ горъ на границахъ Малой Бухаріи. *Жемчугъ*, какъ необходимое (царское) украшеніе; (нить его) изъ Цейлона и Индіи.

Одежды большею бумажныя и шерстяныя. Хлопчатая бумага — изъ Индіи. Множество тонкой козьей шерсти, верблюжьей, было въ Тибетѣ, въ горахъ сѣверной Индіи, въ

странѣ Белужской или въ сосѣдствѣ кашемирскихъ овецъ. Верблюды вездѣ; ковры, шали; пестрые и яркіе цвѣта.

Наконецъ [третья] одна изъ важныхъ статей — ароматы, по всеобщей употребительности на жертвоприношенія (ладанъ, смирна, муро, корица, гвоздика) — и на убранство и наряды (Индія и Аравія).

Хлѣбъ въ торговлю поступалъ на время, въ экстренныхъ случаяхъ голода; по громоздкости оставался больше въ неподвижномъ состояніи. Изобиліе его въ берегахъ Евфрата въ Малой Азіи, но болѣ(е) всего въ Африкѣ: въ Египтѣ и (въ) Варваріи. Вино совершало небольшой кругъ торговли. Масло имѣло обширный кругъ по всеобщему употребленію и обычаю (свѣтильни, — уборка головы) — и по незнанью коровьяго—въ пищу (деревянное).

Итакъ, позади Финикіи находилась Азія, плодоносная, уже роскошная и изобрѣтательная, впереди — Европа, еще грубая, съ произведеніями нетронутыми.

Такова (была) торговля и ея обращеніе; (но) незначительный уголокъ Сирійскій, Финикія, мало могъ внести [дани] въ общую торговлю своихъ произведеній; но онѣ, безпрестанно [открывая] новыя и новыя произведенія Европы, даютъ ему всѣ средства, и онъ вдвинулъ въ Азію присредиземно-морскую Европу и Африку. Они вносятъ бездну серебра испанскаго, англійскаго олова, балтійскаго янтаря и наконецъ пурпуръ, сдѣлавшійся.... по всеобщей употребительности роскошнымъ Востокомъ багряницъ. Этими произведеніями своими они противопоставляютъ Востоку равно стоящія..... торговлю въ Тирѣ, дѣлаетъ ее несравненно обширнѣе старыхъ, почти новую половину міра, и быстрымъ морскимъ распространеніемъ на западѣ получаютъ предпріимчивость распространиться на востокъ и, несмотря на всѣ неудобства сухопутной торговли, проникаютъ всюду, какъ жиды въ [новыя] времена, даже входятъ въ неприступный Египетъ, и уже въ древности въ Мемфисѣ находится цѣлый кварталъ, заселенный финикіанами. Пользуясь безпечностью азіатскихъ народовъ и неподвижностью ихъ, захватываютъ совершенно монополію всей торговли и превращаются совершенно массой всей своей націи въ купцовъ. Ихъ отечественную землю опустошаетъ Навуходоносоръ, сноситъ до тла ихъ (городъ) Тиръ. Ихъ облагаютъ данью египетскіе фараоны. Но все это по-

чувствуется въ колоніяхъ, едва чувствуясь въ жителяхъ, которыхъ влечетъ въ торговлю и отдаленная колонія. Города ихъ строятся и вновь и мгновенно получаютъ прежній блескъ. Богатство матеріаловъ зараждаю(тъ) фабрики финикійскія тканей, одѣвающихъ весь древній міръ. Совершенно практическое устремленіе жизни производитъ множест(во) изобрѣтеній, относящихся къ жизни практической. Вѣсъ, монеты, счетъ, всѣ улучшенія торговли и мореплаванія букваль(но) принадлежали имъ. Они первые зародили движеніе и вовлекли въ сообщеніе востокъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Блистательный характеръ съ эстетическою душою. Окружалъ себя щедростью, чтобы ослѣпить чернь. Искрененъ какъ ровный съ друзьями; веселый предсѣдатель пиршествъ — для тщеславія, чтобы слышать дивящихся его остротѣ, веселости, уму и непринужденности. Въ отношеніи къ поступкамъ своимъ, сначала — строгъ, и ученъ съ мудрымъ. Словомъ, во всемъ и надо всѣмъ хотѣлъ онъ быть царемъ. Ненасыщаемая жажда быть хвалиму, властвовать разомъ — надъ міромъ вакхическихъ блюдъ за чашей, надъ стоиками, надъ чернью, въ кругу поэтовъ.

Называя себя богомъ, для того, чтобы скорѣе заставить покориться всѣ народы, дорожилъ дружбою аѳинянъ, писалъ самъ письма ко всѣмъ друзьямъ своимъ.

Великое намѣреніе — соединить тѣснѣе міръ и разнесть вездѣ греческое просвѣщеніе; завязать сильнѣе торговлю и устремить со всѣхъ сторонъ въ одно мѣсто народы (для этого—Александрія); если не изгладить, то уменьшить разность въ нравахъ между персами и греками, мирить европеизмъ съ востокомъ: отсюда утрата національности; пламенная религіозность исчезла и вмѣсто ея—одни суевѣрія, шаткая философія, начало схоластизма.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Редакція, напечатанная въ „Миргородѣ“ (1835 г.).

I.

«А поворотись, сынку! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?»

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно вышущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

«Постойте, постойте, дѣти», продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: «какія же длинныя на васъ свитки*)! Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?»

«Не смѣйся, не смѣйся, батьку!» сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

«Фу, ты какой пышный! а отчего-жъ бы не смѣяться?»

«Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей-Богу, поколочу!»

*) Свиткой называется верхняя одежда у малороссіянъ.

«Ахъ, ты сякой, такой сынъ! Какъ! батька?» сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

«Да хоть и батька. За обиду — не посмотрю и не уважу никого».

«Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?»

«Да ужъ на чемъ бы то ни было».

«Ну, давай на кулаки!» говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

«Вотъ это сдурѣлъ старый!» говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. «Ей-Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ, Богъ знаетъ что: биться на-кулачки!»

«Да онъ славно бьется!» говорилъ Бульба, остановившись. «Ей-Богу, хорошо!.. такъ-таки», продолжалъ онъ, немного оправляясь: «хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здоровъ, сынку! почеломкаемся!» И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. «Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка виситъ? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ?» говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. «Что-жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?»

«Вотъ еще выдумалъ что!» говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. «И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било родного отца? Притомъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ биться!»

«Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!» говорилъ Бульба. «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь, вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, — все это *ка зна що*, я плевать на все это!» Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить. «Я васъ на той

же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа вотъ тамъ только наберетесь разуму!»

«И только всего одну недѣлю быть имъ дома?» говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. «И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!»

«Полно, полно, старуха! Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что̀ ни есть, на столъ. Пампушекъ, маковиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горѣлки, чтобы горѣлки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горѣлки, настоящей, такой, чтобы шипѣла, какъ бѣсъ!»

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монистахъ, увидѣвши пріѣхавшихъ паничей, которые не любили спускать никому. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только-что начинала рождаться мысль объ уніи. Все было чисто вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки венеціанской, турецкой и черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями чрезъ третьи и четвертыя руки, что̀ было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разъѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ, — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, — приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій козакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

«Ну, сынки, прежде всего выпьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурменовъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что̀ противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что̀, хороша горѣлка? А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ бишь того звали, что̀ латинскія вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню; Горацій, кажется?»

«Вишь какой батька!» подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: «все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается».

«Я думаю, архимандритъ», продолжалъ Бульба: «не давалъ вамъ и понюхать горѣлки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ суботки, драли васъ и по середамъ, и по четвергамъ?»

«Нечего, батько, вспоминать», говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ: «что̀ было, то уже прошло».

«Теперь мы можемъ росписать всякаго», говорилъ Андрій: «саблями да списами. Вотъ пусть только попадется татарва».

«Добре, сынку! ей-Богу, добре! Да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что̀, я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я козакъ. Я не хочу! Такъ что̀ же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей-Богу, ѣду!» И старый Бульба мало-по-малу горячился и, наконецъ, разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногою. «Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что̀ намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что̀ эти горшки?» При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка-жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услышавши о такомъ

страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука, и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ Востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй—все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и козацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну и польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ, въ собраніи всѣхъ, сложилъ съ себя свое достоинство и сказалъ: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы.»

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовалъ его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. «Ну, дѣти, что и какъ? Кого и за что нужно бить?» обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства, и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ слу-

чаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла ихъ скотъ, или отрѣзывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣивались надъ православною вѣрою—въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и козачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядового козака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслью о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!» Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны—представитъ своимъ сотоварищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостью заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему асаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблей, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто,—какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и

подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ Чортомъ.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ».

Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣльку мнѣ поглядѣть на васъ!» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго, страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно ма-

теринское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей беруть отъ нея, беруть для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ-быть, при первой битвѣ, татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружающій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ; ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

«Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ стара?» (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). «Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!»

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; козакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго,

какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!» произнесъ, наконецъ, Бульба. «Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть».

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей. Минуту продолжалось общее молчаніе.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!» сказалъ Бульба. «Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую *), чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ».

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. «Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ»... далѣе она не могла продолжать.

«Ну, пойдемъ, дѣти!» сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ козака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ

*) Рыцарскую.

нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые козаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ-будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; однѣ только вершины деревъ, — деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, — тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни своей, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую козачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощью своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла.—Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ козакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей; онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кіевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣ-

сколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, — все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ,— все это, соединившись, рождало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ

дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, пороли самихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, но никакъ не избавлялся отъ неумолимыхъ розогъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ—обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтателенъ, нежели его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощью изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о по-

милованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но, вмѣстѣ съ нею, душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философическіе диспуты, видѣлъ ее поминутно, свѣжую, черноокую, нѣжную. Предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне и домы были выстроены съ нѣкоторою прихотливостью.

Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ престрашными усами, хлыснулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостью схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, онѣ рванули—и Андрій, къ счастью успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, какъ не знаю что, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ: онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая кучею, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго

молодого бандуриста; но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостью, онъ пролѣзъ черезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣтвями, упиравшими въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и чрезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнесть ни одного слова; но когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностью дитяти, которою отличаются вѣтреныя полячки, и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще бо́льшее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи.

Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывести его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его.

Послѣ этого проходить возлѣ дома было очень опасно,

потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костелѣ. Она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и, вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо.

Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только козачьи черныя шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

«Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли?» сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: «какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!»

И козаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы, жадныя воли.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь Югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ, откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воз-

духъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники на нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ десяти козаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ или коржи; пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія,—потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ,—и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темнозелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, козаки ложились спать, пустивши на травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слы-

шали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, краканье — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему преставлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали то темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши: «Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!»

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что козаковъ было тринадцать человѣкъ.

«А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! И не пробуйте; вовѣки вѣковъ не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта».

Однакожъ, Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Чрезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его

острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевозчиками. Козаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

«Эхъ, какъ важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура!» говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая; запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ, для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія.

Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстье Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчу, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они минули предмѣстье и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора или тѣхъ низенькихъ домиковъ, съ

навѣсами, на тоненькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Нѣбольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» отвѣчали запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣча! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которой отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: «Живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горѣлки православнымъ христіанамъ!» И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому приставшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четыре старыхъ вырабатывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ-присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чѣмъ далѣе, росла: къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе козачка.

Тарасъ Бульба крякнулъ отъ нетерпѣнія, и досадуя, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Черезчуръ дряхлые, присло-

нившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступниковъ, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли притти въ голову человѣку въ разгульѣ веселья, раздавались на свободѣ.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ?» И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ.—Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «Добрые были козаки!»

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ и искусныхъ наѣздниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьѣ не было никакого теоретическаго изученія или какихъ-нибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ немъ однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которыя оттого были почти безпрерывны. Промежутки же между ними козаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какой-нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ—признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то безпрерывное пиршество,—балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но бо́льшая часть гуляла съ утра до вечера, особливо, если въ карманѣ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ

что-то околдовывающее. Это не было какое-нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя: это было, просто, какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходившій сюда, позабывалъ и бросалъ все, что̀ дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разсказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смѣяться отъ всей души. Это не былъ какой-нибудь пьяный кабакъ, гдѣ безсмысленно, мрачно, искаженными чертами веселья забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ, на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были не охраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ, въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильственной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у, которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копѣйки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что̀ такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому

что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ польскихъ войскъ. Впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина.

Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй! Чтò, во Христа вѣруешь?»—«Вѣрую», отвѣчалъ приходившій.—«И въ Троицу Святую вѣруешь?»—«Вѣрую».—«И въ церковь ходишь?»—«Хожу».—«А, ну, перекрестись!»—Пришедшій крестился.—«Ну, хорошо», отвѣчалъ кошевой: «ступай же въ который самъ знаешь курень». Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстью жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣча, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостью юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и домъ отцовскій, и все, чтò тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни.

Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ,

какъ бы скорѣе затѣять какое-нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности.

«Что, кошевой», сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ атаману: «можетъ-быть, пора бы погулять запорожцамъ?»

«Негдѣ погулять», отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

«Какъ негдѣ? Можно пойти въ Турецину или на Татарву».

«Не можно ни въ Турецину, ни въ Татарву», отвѣчалъ кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

«Какъ не можно?»

«Такъ: мы обѣщали султану миръ».

«Да онъ вѣдь бусурменъ: и Богъ, и святое писаніе велитъ бить бусурменовъ».

«Не имѣемъ права. Если-бъ мы не клялись нашею вѣрою, то, можетъ-быть, какъ-нибудь еще и можно было».

«Какъ же это, кошевой? Какъ же ты говоришь, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди: имъ нужно пріучиться и узнать, что такое война, а ты говоришь, что запорожцамъ не нужно на войну итти».

«Что-жъ дѣлать?» отвѣчалъ кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ: «нужно подождать».

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ отправились на площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада и стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, несмотря на то, страшно заспаннымъ.

«Кто смѣетъ бить въ литавры?» закричалъ онъ.

«Молчи! возьми свои палки да и колоти, когда тебѣ велятъ!» отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули—и скоро на площадь, какъ шмели, начали собираться черныя кучи запорожцевъ.

За кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

«Не бойся ничего!» сказали вышедшіе къ нему навстрѣчу

старшины. «Говори міру рѣчь, когда хочешь, чтобы не было худого,—говори рѣчь объ томъ, чтобы итти запорожцамъ на войну противъ бусурмановъ».

Кошевой, увидѣвши, что дѣло не на шутку, вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ: «Панове запорожцы, добрые молодцы! позволитъ ли господарство ваше рѣчь держать?»

«Говори, говори!» зашумѣли запорожцы.

«Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство, — да вы, можетъ-быть, и сами лучше это знаете, — что многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Притомъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлощевъ, которые еще и въ глаза не видали, что̀ такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожецъ изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурмана?»

«Вишь, онъ хорошо говоритъ», сказалъ писарь, толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

«Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій—грѣхъ и сказать, что̀ такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣча, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренніе образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что̀ отказали въ духовной иные козаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами, ибо мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему».

«Вишь, проклятый! что̀ это онъ путаетъ такое?» сказалъ Бульба писарю.

«Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: честь лыцарская не велитъ. А по своему бѣдному разуму вотъ что̀ я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть немого пошарпаютъ берега Анатоліи. Какъ думаете, панове?»

«Веди, веди всѣхъ!» закричала со всѣхъ сторонъ толпа: «за вѣру мы готовы положить головы!»

Кошевой испугался. Онъ нимало не желалъ тревожить всего Запорожья. Притомъ ему все казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ. «Позвольте, панове, рѣчь держать!»

«Довольно!» кричали запорожцы: «лучшаго не скажешь»-

«Когда такъ, то пусть по-вашему, только для насъ будетъ еще бо́льшее раздолье. Вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы, вотъ видите, будемъ наготовѣ, и силы у насъ будутъ свѣжія. Притомъ же и татарва можетъ напасть во время нашей отлучки. Да, если сказать правду, то у насъ и челновъ нѣтъ въ запасѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли».

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаться, и рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей, подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ, всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу, занимавшему опасныя границы среди буйныхъ сосѣдей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. Притомъ, какъ можно было такимъ гулливымъ рыцарямъ и въ такой гулливый вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль безъ войны?

Молодежь бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились вмигъ съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкочленистые запорожцы, съ просѣдью въ усахъ, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человѣкъ было отправлено въ скарбницу на противоположный утесистый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенный, суровый видъ. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча состояла изъ козаковъ въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный костюмъ (у нихъ ничего не было, кромѣ рубашки и трубки) показывалъ, что они были слишкомъ угнетены бѣдою, или уже черезчуръ гуляли и прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый, лѣтъ пятидесяти человѣкъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

«Богъ въ помощь вамъ, панове запорожцы!»

«Здравствуйте!» отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, пріостановивъ свое занятіе.

«Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!»

«Говори!»

И толпа усѣяла и обступила весь берегъ.

«Слышали ли вы, что дѣлается на гетьманщинѣ?»

«А что?» произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

«Такія дѣла дѣлаются, что и разсказывать нечего».

«Какія же дѣла?»

«Что и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого», отвѣчалъ приземистый козакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной.

«Ну, ну, разсказывай, что такое!» кричала въ одинъ голосъ толпа.

«А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слыхали?»

«Нѣтъ, не слыхали».

«Какъ же это? Что-жъ, вы развѣ за горами живете, или татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши ваши?»

«Разсказывай! Полно толковать!» сказали нѣсколько старшинъ, стоявшихъ впереди.

«Такъ вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святыя, какъ шинки, на аренды?».

«Нѣтъ».

«Такъ вы не слышали и про то, что уже христіанину и пасхи не можно ѣсть, покамѣстъ разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою?»

«Ничего не слышали!» кричала толпа, подвигаясь ближе.

«И что ксендзы ѣздятъ изъ села въ село въ тарантайкахъ, въ которыхъ запряжены—пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христіане. Такъ вы,

можетъ-быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ, чтобъ мы кинули и вѣру нашу христіанскую? Вы, можетъ-быть, не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки?»

«Стой, стой!» прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія. «Стой, и я скажу слово. А что-жъ вы, врагъ бы поколотилъ вашего батька, что-жъ вы? развѣ у васъ сабель не было, что-ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?»

«Э, какъ попустили такому беззаконію!» отвѣчалъ приземистый козакъ. «А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да еще къ тому и часть гетьманцевъ приняла ихъ вѣру».

«А гетьманъ вашъ, а полковники что дѣлали?»

«Э, гетьманъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетьманъ и полковники?»

«Гдѣ?»

«Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а гетьманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ».

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ; молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и, мигъ послѣ того, чувства, подавляемыя дотолѣ въ душѣ силою дюжаго характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей.

«Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая жидова! чтобы этакое дѣлать съ православными христіанами! чтобы такъ замучить нашихъ! да еще кого? полковниковъ и самого гетьмана! Да чтобы мы стерпѣли все это? Нѣтъ, этого не будетъ!» Такія слова перелетали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа.

Зашумѣли запорожцы и разомъ почувствовали свои силы. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе. Они раскалялись медленно, упорно, но за то раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

«Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну, паны братцы, перевѣшаемъ всю жидову! Чтобы и духу ея не

было!» произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей, и толпа ринулась на предмѣстье, съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ, но неумолимые, безпощадные мстители вездѣ ихъ находили.

«Ясневельможные паны!» кричалъ одинъ высокій и тощій жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ: «ясневельможные паны! мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!»

«Ну, пусть скажутъ!» сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

«Ясные паны!» произнесъ жидъ. «Такихъ пановъ еще никогда не видывано, — ей-Богу, еще никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ...» Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха.—«Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее. Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! ей-Богу, не наши! То совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что̀; то такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?»

«Ей-Богу, правда!» отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ яломкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

«Мы никогда еще», продолжалъ высокій жидъ: «не соглашались съ непріятелями. А католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами— какъ братья родные...»

«Какъ? чтобъ запорожцы были съ вами братья?» произнесъ одинъ изъ толпы. «Не дождетесь, проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!»

Эти слова были сигналомъ: жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: «Великій господинъ, ясневельможный

панъ! я зналъ и брата вашего покойнаго Дороша. Какой былъ славный воинъ! Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турковъ».

«Ты зналъ брата?» спросилъ Тарасъ.

«Ей-Богу, зналъ! Великодушный былъ панъ».

«А какъ тебя зовутъ?»

«Янкель».

«Хорошо, я тебя проведу». Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли козаки его. «Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида».

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что раздавшійся бой литавровъ возвѣстилъ собраніе рады. Несмотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украйнѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшимся широкимъ раздольемъ для подвиговъ, и притомъ для подвиговъ такихъ, которые представляли ему мученическій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣча, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы итти съ войскомъ прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло, — желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

И вся Сѣча вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ телѣгъ; все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа; это былъ неограниченный повелитель; это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гулливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ разстановкою, какъ глубоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненіе. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ.

Когда все запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы

всѣхъ обратились назадъ. «Прощай, наша мать!» сказали почти всѣ въ одно слово. «Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастія!»

Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣлъ съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-то кремешки и всякую дрянь. «Дурень, что ты здѣсь сидишь?» сказалъ онъ ему: «развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?»

«Молчите», отвѣчалъ жидъ: «я пойду за вами и войскомъ и буду продавать провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей-Богу, такъ! Вотъ увидите».

Бульба пожалъ плечами и отъѣхалъ къ своему отряду.

IV.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ запорожцевъ», сказалъ кошевой: «чтобы онъ ничего не боялся: это козаки еще только люльки раскуриваютъ». И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля.

Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его

голодомъ. Толпы вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе не могло прійти въ городъ, играли въ четъ и нечетъ, курили люльки и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и, несмотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ, ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія.—Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгорали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго дьва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ запорожцы спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюньская прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: со всѣхъ сторонъ, вблизи и вдали, были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванныя охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ дру-

гомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого всего иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ со строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присутствіе чего-то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто-то стоялъ. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и азіатская физіогномія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: такъ, это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенскаго воеводы. Онъ встрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь, и все минувшее, что было во глубинѣ ея, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ,—все это всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее; вся гордая сила, сила юности, зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпимаго и страстнаго. Вопросы потокомъ излились изъ его груди: «Откуда? какъ? гдѣ твоя панна? какъ ты явилась здѣсь? что это значитъ? Говори, не мучь меня!»

«Тише, ради Бога, тише!» говорила татарка, и закуталась въ козацкій кобенякъ, который было сбросила съ себя. «Панна узнала васъ между запорожцами. Она въ городѣ».

«Милосердый Іисусъ! она здѣсь? Что ты говоришь? Она въ городѣ?»

Татарка кивнула утвердительно головою.

«Что-жъ она? говори, говори! Что-жъ ты молчишь?»

«Она другой день уже ничего не ѣла».

«Какъ!»

«Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ ни куска хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю».

«Спаситель Іисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки?»

«Нельзя: запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоятъ ваши обозы, и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже вашъ. Панна приказала мнѣ все объявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей».

«Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О!.. когда бы мнѣ не умереть только до того часа!» Вся грудь его была проникнута самымъ пронзительнымъ остріемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился по угламъ шатра своего, началъ вытаскивать все, что только могъ найти съѣстного, и скоро два небольшіе мѣшка были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки татаркѣ, закуталъ ее плащомъ и приказалъ сказать панночкѣ, что онъ скоро будетъ самъ. Онъ велѣлъ татаркѣ, отнесши припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только, какъ бы безопаснѣе провести ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ, наполненнымъ военными снарядами. Къ счастію его, запорожцы, по обыкновенной своей безпечности, всѣ спали мертвецки. Тихо шелъ онъ съ нею рука объ руку и, желая обойти спящихъ, толкнулъ ее нечаянно локтемъ: кобенякъ слетѣлъ, и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ея бѣлое платье. «Спаситель, она открыта! Все пропало». Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою повелъ глазами вокругъ. Боже, какое счастіе! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ, спалъ, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобенякъ, полѣзла подъ телѣгу; небольшой четвероугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ воротился къ своему мѣсту, желая обсмотрѣть хорошенько, всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

«Андрій!» сказалъ въ это время, поднявши голову, старый Бульба: «какая это къ тебѣ татарка приходила?»

Если бы кто-нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

«Эй, смотри, сынъ! ей-Богу, отдѣлаю тебя батогомъ такъ,

что до преставленія свѣта будетъ болѣть спина! Бабы не доведутъ тебя до добра».

Сказавши это, Бульба, — или былъ утрученъ заботами, или занятъ какимъ-нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была изъ города, а признавъ ее за какую-нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, — какъ бы то ни было, только онъ поворотился на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ. Съ трепещущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ, гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои, и, во все продолженіе этого, сердце его млѣло, духъ занимался и, казалось, улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ осмотрѣлся онъ вокругъ, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра, и поползъ подъ телѣгу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось.

Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими ступени, идущія внизъ; кто-то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ, ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ.

«Теперь идите прямо», говорилъ ему голосъ: это была татарка.

Коридоръ шелъ подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ, онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ утренній вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стонами, которые не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный, поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ вслѣдъ за татаркою; онъ летѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастіе которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнату. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное страданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О, какъ замерло его сердце! Какъ замлѣлъ онъ весь, когда

оно ему сказало, что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидитъ!

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ ту, которая когда-то была беззаботна, весела, вѣтрена, шаловлива, которая когда-то надѣвала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, какъ крылья мотыльковъ, убранствами. Онъ опять увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ, подвернувши подъ себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была пронзительна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебеновыя брови, тонкія, прекрасныя, придавали что-то стремительное ея лицу, обдающему священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянувшаго на нее. Рѣсницы ея, длинныя какъ мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ.—Что это было за созданіе! И это созданіе, которое, казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казалось малою жертвою, это небесное созданіе терпѣло голодъ и все, что есть горькаго для жителей земли. Заплѣснѣвѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоцѣнность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣпство голода. Услышавши шумъ, она приподняла свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лицо ея съ перваго раза ему показалось какъ будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрасныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ... о, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, приникъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время слеза, какъ брильянтъ, повисла на ея рѣсницѣ.

«Царица!» сказалъ онъ: «что для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?»

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрылъ онъ ее поцѣлуями.

«Нѣтъ, я не пойду отъ тебя! Я умру возлѣ тебя! Пусть же у ногъ твоихъ, пожираемый голодомъ, я умру, какъ и

ты, моя панна! И за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!»

«А твои товарищи, а твой отецъ? Ты долженъ итти къ нимъ», говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ, и глаза ея, полные слезъ, не сводились съ него.

«Что ты говоришь!» произнесъ Андрій со всею силою и крѣпостью воли. «Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросить! Нѣтъ, моя панна! нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну,—все, что ни есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! я твой! Чего еще хочешь?»

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щёки, и лобзаніе,—у, какое лобзаніе!—слило уста ихъ, прикипѣвшія другъ къ другу.

V.

«Пане!» сказалъ жидъ Янкель, высунувъ свой яломокъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель, котораго онъ избавилъ отъ смерти и который теперь маркитанствовалъ и шпіонничалъ при запорожскомъ войскѣ. «Пане, знаете ли, что дѣлается?»

«А что?»

«Идетъ пятнадцать тысячъ войска польскаго и пушки везутъ».

«Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать!» отвѣчалъ Бульба.

«А знаете ли, еще что дѣлается?»

«А что?»

«Вашъ сынъ Андрій, ой, вей миръ, что это за славный рыцарь!..»

«Ну?»

«Онъ теперь держитъ сторону Польши».

«Какъ!» подхватилъ Бульба, вскочивши: «чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... Да я тебя убью, проклятый жидъ! Врешь ты, чортово племя!»

«Ай, ай! какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру!»

«Какъ! чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнулъ на такое дѣло!»

«Далибугъ, ей же Богу, такъ!»

«Чтобы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну!»

«Далибугъ, такъ. Я его видѣлъ самъ собственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесятъ червонныхъ стоятъ однѣ латы... богатыя латы: всѣ въ золотѣ. А если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами!»

Тарасъ Бульба былъ пораженъ, какъ громомъ. «Ты путаешь, проклятый Іуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Если бы онъ былъ турокъ или нечистый жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! ей-Богу, не можетъ!»

Но, однакоже, онъ вспомнилъ, что уже два дня, какъ его не видалъ; онъ вспомнилъ про татарку, появившуюся въ его ставкѣ, и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ. «Вишь, чортова дѣтина, ты таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ, на позоръ всему роду».

Съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сѣдлать коней.

Между тѣмъ кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и не позволять никакимъ образомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимися польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было, однакоже, болѣе нежели пятнадцать тысячъ. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линію, которая обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ противоположной стороны города ослабѣла, и хотя польскія войска были отбиты съ перваго раза, и притомъ съ большимъ урономъ, но отрядъ, остававшійся въ городѣ, рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія, и, дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волоса съ досады, что уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую непроломную стѣну: маневръ, всегда доставлявшій имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла азіатскую стремительность съ европейскою крѣпостью. Непріятель, несмотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ

въ силахъ удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ начальствъ, и три коронные полка, не въ состояніи будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, повидимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какія наставленія Остапу, какъ продолжать дѣло, а самъ, съ небольшимъ числомъ, бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ, спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ; но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъестественнымъ стремленіемъ, что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ-нибудь сравнить. Шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя, и чубъ, какъ змѣя, раскидывался по воздуху; бѣшеный конь его грызъ и кусалъ коней непріятельскихъ, дорогой аксаметъ былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ и саблю, и ружье, и размахивалъ только одной ужасной, непомѣрной тяжести, булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство, чтобы извинить трусость Андрія, чувствовавшаго свою душу не совсѣмъ чистою. Блѣдный, онъ видѣлъ, какъ гибли и разсѣивались его поляки; онъ видѣлъ, какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать; онъ видѣлъ, какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья. «Спасите!» кричалъ онъ, отчаянно простирая руки: «куда бѣжите вы? Глядите: онъ одинъ!»

Опомнившіеся воины на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши, что ихъ гонитъ только одинъ съ тремя утомленными козаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли.

«Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня!» кричалъ Тарасъ, настигая бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ.

Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно:

ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его, всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

«Что, сынку?» сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи.

Андрій былъ безотвѣтенъ.

«Что, сынку?» повторилъ Тарасъ: «помогли тебѣ твои ляхи?»

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

«Такъ продать, продать вѣру? Проклятъ тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!»

Сказавши это, онъ глянулъ съ какимъ-то изступленно-сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

«Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ!»

Андрій, блѣдный какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя; но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился выстрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ: предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сыромахи-волки растащили и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?

Въ это время подъѣхалъ Остапъ. «Батько!» сказалъ онъ.

Тарасъ не слышалъ.

«Батько, это ты убилъ его?»

«Я, сынку!»

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрекъ. Онъ бросился обнимать своего товарища и спутника, съ которымъ двадцать лѣтъ они росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

«Полно, сынку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ!» сказалъ Тарасъ, который въ то время сжалъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство.

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ, стоявшій въ тылу запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарасъ оставилъ копье и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты.

«Чѣмъ бы не козакъ былъ?» сказалъ Тарасъ: «и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою—пропалъ! пропалъ безъ славы!..»

Трупъ опустили, засыпали землею, и черезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница была въ томъ только, что онъ теперь бился съ большимъ изступленіемъ, сгорая желаніемъ отомстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ, наконецъ, узналъ, кто былъ виною отступничества его сына, и положилъ, во что бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это: свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ; онъ бы вытащилъ изъ замка ее своею желѣзною рукою, ее, обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинные, обольстительные волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ея голубинаго горла... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило его на пути непримиримой мести.

VI.

Въ запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣча взята, разорена татарами и большая часть остававшихся запорожцевъ забрана въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно козаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу, потому что, тремя недѣлями позже, уже этого сдѣлать было невозможно, и плѣнные козаки могли вдругъ очутиться на рынкахъ Великой Азіи. Кошевой положилъ, и мнѣніе его подкрѣпили прочіе чины, итти на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за измѣну полякамъ и смерть гетмановъ, и

что опустошенныя поля будутъ помнить, какъ гостили на нихъ запорожцы.

На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ вьючить коней и мазать телѣги, какъ вдругъ остановился и сказалъ: «Я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, атаманъ! Вѣдь, кажется, въ непріятельскомъ войскѣ есть нашихъ человѣкъ тридцать въ плѣну?»

«Я посылалъ просить размѣна,—не соглашаются».

«Такъ мы, стало-быть, ихъ и оставимъ такъ?»

«Что-жъ дѣлать?».

«Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?»

«А что-жъ дѣлать?» отвѣчалъ кошевой: «вѣдь помочь нельзя; мы, хоть и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: татарва не станетъ ожидать насъ».

«Такъ, стало-быть, пусть еретичное поганство, какъ хочетъ, такъ и ругается надъ христіанскою кровью?»

Кошевой пожалъ плечами.

«А мнѣ кажется, атаманъ, такъ не бывать этому».

«А отчего-жъ бы не бывать?»

«Да такъ: я уже знаю».

«Ова, какъ важно!» сказалъ кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

«Слышали ли вы, панове, что кошевой хочетъ сдѣлать?» сказалъ Бульба, выходя отъ кошевого и обращаясь къ запорожцамъ. «Онъ хочетъ, чтобы мы теперь же отправились на Сѣчу, а товарищей, тѣхъ, что попались въ плѣнъ непріятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?»

«Не послушаемъ мы кошевого!» сказала въ одинъ голосъ часть запорожцевъ, отдѣлилась и стала на сторонѣ. Ихъ было около тысячи человѣкъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неугомонный Бульба.

«Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы такой гвалтъ?» закричалъ онъ грозно.

«Мы не хотимъ итти на Сѣчу! Мы остаемся здѣсь!» кричала толпа.

«Что вы? сдурѣли? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!»

«Какую онъ можетъ имѣть власть?» сказалъ Тарасъ, обращаясь къ запорожцамъ: «мы—вольные козаки!»

«А что-жъ? мы вольные козаки!» говорили запорожцы.

«Дамъ я вамъ вольныхъ!. Вы гдѣ вольные? — на Сѣчѣ; вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы можете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, что хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право?— А ты что тутъ заводишь бунтъ?» сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

«Нѣтъ, я не бунтъ чиню, а исполняю долгъ христіанскій!» хладнокровно отвѣчалъ Тарасъ. «Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христіанскую кровь».

«Я тебя, старый чортъ, присмыкну къ обозу».

«А ну, попробуй!»

«Слушайте, пане-братцы!» сказалъ кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь. «За что же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на Сѣчѣ забрала татарва въ полонъ? Или вы думаете, что татары поступятъ лучше, чѣмъ ляхи?»

«То татарва, а то ляхи—другое дѣло», отвѣчалъ Бульба. «Еще у бусурмана есть совѣсть и страхъ Божій, а у католичества и не было, и не будетъ. Постойте, хлопцы, и я скажу: что, если бы вы попались въ плѣнъ, да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу или жарить на сковрадахъ,— что бы вы тогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, что должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ бы не захотѣлъ подать руку помощи,—что бы вы тогда сказали?»

«А что бы сказали?» произнесли нѣкоторые: «сказали бы: вы помои, а не запорожцы!» Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

«Стойте, хлопьята, и я скажу!» кричалъ атаманъ. «Ну, скажите, панове-браты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ вамъ управиться съ такимъ непріятелемъ? Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ-быть, двѣ. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!»

«Пропадать, такъ пропадать!» сказалъ Бульба.

«Оставайтесь же тутъ, если уже такъ захотѣли своей погибели! А тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда, въ дорогу!»

«Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое!» сказалъ Бульба.

Обѣ стороны неподвижно стали одна противъ другой и минуту сохраняли мертвое молчаніе.

Наконецъ, стоявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе запорожцы, утупивъ глаза въ землю, начали говорить: «Оно, конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь лыцарскую, и мы поступаемъ по лыцарскому обычаю. На то и живетъ чѣловѣкъ, чтобы защищать вѣру и обычай. Притомъ жизнь такое дѣло, что если о ней сожалѣть, то уже не знаешь, объ чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, что такое смерть. Вѣдь попробовали же всякой невзгоды въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны питать другъ противъ друга никакой непріязни. Мы всѣ запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные... Спрашиваемъ каждаго: не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?»

«Никакого! всегда были довольны!» закричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Ну, такъ пусть же на разставаньи... что будетъ впредь, то Богъ одинъ знаетъ; можетъ-быть, ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку, такъ поцѣлуемся всѣ».

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

«Ну, прощайте же, пане-браты, молодцы! Дай же, Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы разскажите про насъ, что такіе-то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы повѣдаемъ, чтобы знала вся Украйна, да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! Пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами, и съ нами!»

Обѣ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать непріятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ кошевымъ атаманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая непріятелемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи.

Стоявшій на высотѣ отрядъ польскаго войска не могъ не замѣтить нѣкотораго движенія въ войскахъ запорожскихъ и уже рѣшился было въ тотъ же часъ сдѣлать на-

паденіе, но французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, большой знатокъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: «Нѣтъ, нѣтъ, господа! Это не то, что вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этотъ народъ, запороги!» сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребиный носъ, при чемъ голосъ его, дотолѣ хриплый, пискнулъ дискантомъ: «этотъ народъ, запороги, хитеръ, какъ самъ чортъ, или какъ капитанъ-дьяволъ!»

«Ну, панове молодцы!» сказалъ Бульба по удаленіи войска: «теперь пришла намъ пора показать честь запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался вживѣ, чтобы всѣ, какъ добрые товарищи, покотомъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ, выпьемъ, пане-браты, горѣлки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякій человѣкъ».

Пятьдесятъ козаковъ отправились къ обозамъ и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпіевъ. Двѣ тысячи козаковъ подставили свои рукавицы.

«Прежде всего, пане-браты», сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу: «долгъ велитъ выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она и всѣ бусурмены подѣлались бы, наконецъ, христіанами! Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурменству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ другого лучше, одинъ другого лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ! Итакъ, панове-браты, чтобы такъ же весело, какъ эта горѣлка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, всѣ разомъ за вѣру!»

«За вѣру!» повторили громко ближніе ряды, поднявши вверхъ рукавицы. «За вѣру!» подхватили дальніе.

«За Сѣчь!» сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

«За Сѣчь!» грянули ближніе. «За Сѣчь!» отозвалось въ дальнихъ.

«За славу и за всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!»

«За славу и христіанъ!» повторили ближніе. «За славу и христіанъ!» повторили дальніе.

«Теперь на коней, хлопьята!»

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою, свыше естественной. Это не былъ дикій энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновеніе веселости, какой-то трепетъ величія ощущался въ сердцахъ этой гулливой и храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль выступали они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностью, какъ будто бы происходившею отъ того, что сердца ихъ и страсти били въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся; нигдѣ не разрывалась эта масса. Польскія войска, которыя было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать, пораженныя робостью и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать козакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ-то вдохновенно, не измѣняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки, и, позабывшись, билъ въ ладони, крича громко: «Браво, месье запороги!»

Около двухъ тысячъ человѣкъ непріятеля было убито и столько же разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы, съ своей стороны, не рѣшались итти далѣе. Въ виду самого непріятеля, взяли они оставленныя пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили такъ же страшно, въ такомъ же точно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благопріятство-

вало укрытію. Бульба пировалъ вмѣстѣ съ запорожцами послѣ такой славной битвы; но, когда осмотрѣлъ и перечелъ ряды свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи. Между тѣмъ новыя войска приходили безпрестанно на помощь, и если что̀ спасло его отъ непріятельскаго нападенія, такъ это глубокая догадка французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества запорожцевъ.

Между тѣмъ Бульба узналъ, что запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску, онъ началъ тайно готовиться къ отступленію. Цѣлый день козаки мазали дегтемъ свои телѣги, чтобы не скрипѣли; бо́льшую половину пушекъ закопали въ землю, чтобъ онѣ не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку изъ мушкетовъ. Часть запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду; изъ нея подѣлали чучелъ и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они тронулись, потянулись гужомъ со всѣмъ обозомъ, продирались около пяти верстъ и, наконецъ, пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріятеля. Запорожцы пріударили коней и понеслись. Еще полчаса времени—и они бы, вѣрно, встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ, они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстротѣ татарскихъ коней, можетъ-быть, Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ.

Но, какъ нарочно, польскія войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркое изъ козачьей дичи. Но глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали запорожцевъ, одни чучела. По всѣмъ признакамъ они видѣли, что запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человѣкъ

запальчивый, въ ту же минуту отдалъ приказъ устремиться на преслѣдованіе.

Если бы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и тѣмъ, можетъ-быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ подымавшуюся пыль отъ многочисленнаго, съ двухъ сторонъ шедшаго войска. «Вишь, чортъ побери! ляхи пронюхали», сказалъ онъ, выпустивъ изо рта люльку, которую уже началъ было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами запорожцевъ. Этотъ маневръ считался совершенствомъ козацкой тактики и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искусства. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ козаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя черезъ это ихъ рядовъ, тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе настигнуть, отправился налегкѣ. Войска польскія, всегда отличавшіяся нетерпѣливостью, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцевъ не облегчила ихъ.

Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостью и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мелкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопашную битву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ, и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднятъ нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и уведенъ въ толпу. Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ большею частью запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать от-

дѣльно, и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ ворочался, какъ молнія, на всѣ стороны, дѣйствуя и саблею, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ. И ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной польскими войсками.

VII.

«Долго же я спалъ!» говорилъ Бульба, осматривая углы избенки, въ которой онъ лежалъ, весь израненный и избитый. «Спалъ ли я это, или на-яву видѣлъ?»

«Да, чуть было ты навѣки не заснулъ!» отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачъ, лицо котораго одну минуту только блеснуло живостью и опять погрузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

«Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь, кажется, я совсѣмъ былъ подъ сабельными ударами, и что было далѣе, я уже ничего не помню...»

«Объ томъ нечего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся».

Товкачъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства. «А что же сынъ мой?.. Что Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?»

Товкачъ молчалъ.

«Что-жъ ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ полонъ нечестивые католики... И я не высвободилъ тебя, сынъ мой, Остапъ мой! Измѣнила, наконецъ, сила!»

Морщины сжались на лбу его, и раздумье крѣпко осѣнило лицо, покрытое рубцами.

«Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись: еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать».

«Зачѣмъ?»

«Затѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2000 червонцевъ?»

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача. «Сынъ мой, Остапъ мой!» говорилъ онъ: «я не высвободилъ тебя!»

И приливъ тоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ оставался цѣлый день въ избѣ; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственнаго Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ наподобіе койки, укрѣпилъ поперекъ сѣдла и пустился во всю прыть на татарскомъ бѣгунѣ. Пустынные овраги и непроходимыя мѣста видѣли его, летѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчъ и преслѣдованій, и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться запорожцы, но тогдашнія границы были такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьи, куда онъ теперь держалъ путь свой. Притомъ онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его.

Онъ, дѣйствительно, не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, несмотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самыя пиршества запорожцевъ казались ему чѣмъ-то ѣдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, — то время, когда онъ гулялъ со своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ,— и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ не колеблемомъ лицѣ, прорывалась раздирающая горесть, и онъ тихо, понуривъ голову, говорилъ: «Сынъ мой! Остапъ мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предавав-

шими мечу и огню цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровью поляхъ и плававшими у береговъ; она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и весело прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

* *

Когда жидъ Янкель,—который въ то время очутился въ городѣ Умани и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, — когда жидъ Янкель молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ савановъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

«Слушай, Янкель!» сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. «Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!»

Лицо жида нѣсколько поморщилось. «Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?»

«Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!»

«Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву?» сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

«Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву! Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово».

«Какъ можно такое говорить?» говорилъ жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ: «развѣ панъ не слышалъ, что уже...»

«Знаю, знаю все: за мою голову даютъ 2000 червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2000 сейчасъ!» (при этомъ Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана 2000 червонныхъ) «а остальные, какъ ворочусь».

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы. «Славная монета!» сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и пробуя на зубахъ.

«Я бы не просилъ тебя, я бы самъ, можетъ-быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы; вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!»

«А какъ же, вы думаете, мнѣ спрятать пана?»

«Да ужъ вы, жиды, знаете, какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что-нибудь другое».

«Какъ можно въ бочку! Всякъ подумаетъ, что горѣлка!»

«Ну, что-жъ! То и хорошо».

«Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно этакое говорить! Развѣ панъ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? Тамъ все такіе ласуны, что Боже упаси! А особливо военный народъ: будетъ бѣжать верстъ пять за бочкою, продолбитъ какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: «жидъ не повезетъ порожней бочки: вѣрно, тутъ есть что-нибудь».

«Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою».

«Охъ, вей миръ! не можно; ей-Богу, не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки; раскрадутъ, какъ ни береги, и пана нащупаютъ».

«Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!»

«Стойте, стойте! Теперь возятъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строятъ какія-то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый

и крѣпкій съ виду и потому ему ничего, что будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана».

«Дѣлай, какъ хочешь, только вези!»

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ яломка, по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади.

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частью для своего собственнаго удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главныя городскія ворота.

Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ коренномъ, запачканномъ пылью, рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома со множествомъ протянутыхъ изъ окошекъ жердей увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что было только у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ

возможныя удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна, тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и что хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

«Слушайте, жиды!» сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное. «Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ! Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ—я прибавлю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!

«О, нѣ можно, любезный панъ! не можно!» сказалъ со вздохомъ Янкель.

«Нѣтъ, не можно!» сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другого.

«А попробовать», сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ. «Можетъ-быть, Богъ дастъ».

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба какъ ни напрягалъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово «Мардохай», и больше ничего.

«Слушай, панъ!» сказалъ Янкель: «нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ и не впускай никого». Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ, въ концѣ ея, изъ-за одного дрянного дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ, и замелькали фалды полукафтанья. «А, Мардохай! Мардохай!» закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ.

Тощій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили разсказать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ, всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность; но, вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно».

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище. Толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство; душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, непоколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

«Что? удачно?» спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

«О, любезный панъ!» сказалъ Янкель: «теперь совсѣмъ не можно! ей-Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить».

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

«А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглаша-

ются и одинъ левентаръ обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья! Ой, вей миръ, что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонцевъ я далъ каждому, а левентару...»

«Хорошо. Веди меня къ нему!» произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ.

Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ, для Бульбы. Янкель легъ на полу, на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа.

Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ спросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

«Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!»

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку—и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему козаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли: оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди

пространной залы, или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ: «Это мы... Слышите, паны, это мы!»

«Ступайте!» говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ, узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу, съ маленькими окошками вверху.

«Кто идетъ?» закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. «Намъ никого не велѣно пускать».

«Это мы!» кричалъ Янкель: «ей-Богу, мы, ясные паны!» Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

«Панъ, это-жъ мы! Вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить».

«Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу»...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

«Это мы, это я, это свои!» говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

«А что, можно теперь?» спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

«Можно, только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой», отвѣчалъ часовой.

«Ай, ай!» произнесъ тихо жидъ. «Это скверно, любезный панъ!»

«Веди!» произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остріемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ

усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. «Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!»

«Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?»

«Вамъ, ясновельможный панъ».

«Гм... а я просто гайдукъ!» сказалъ трехъ-ярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

«А я, ей-Богу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай!..» При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. «Ай, какой важный видъ! Ей-Богу, полковникъ! совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!»

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

«Что за народъ военный!» продолжалъ жидъ: «охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнуречки, бляшечки... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!» Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

«Прошу пана оказать услугу!» произнесъ жидъ. «Вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на козаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что это за народъ козаки».

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы (Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи); и потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

«Я не знаю, ваша ясновельможность», говорилъ онъ: «зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ».

«Врешь ты, чортовъ сынъ!» сказалъ Бульба. «Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!»

«Эге, ге!» сказалъ гайдукъ: «а я знаю, пріятель, кто ты: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ».

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастью, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

«Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ козакъ? А если бы онъ былъ козакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?»

«Разсказывай себѣ!» И гайдукъ уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

«Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради Бога!» закричалъ Янкель. «Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца».

«Эге, два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ. Я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ!» Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. «А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!»

«И на что бы такъ много?» горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать. «Панъ! панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!» сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

«Что-жъ ты, чортовъ гайдукъ», сказалъ Бульба: «деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ правѣ теперь отказать».

«Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Уносите ноги, говорю я вамъ, скорѣе.

«Панъ! панъ! пойдемъ! ей-Богу, пойдемъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно!» кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

«И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему

и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!»

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

«Пойдемъ!» сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись: «пойдемъ на площадь! Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить».

«Ой, панъ, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже».

«Пойдемъ!» упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ, самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однакоже, случая полюбопытствовать. «Ахъ, какое мученье!» кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакожъ, простаивали иногда довольное время. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ, лѣзъ впередъ и желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу.

На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на

шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. «Вотъ это, душечка Юзыся», говорилъ онъ: «весь народъ, что вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы». И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перилы. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши снѣжною ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощью длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на-бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ.

Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: «Ведутъ! ведутъ!.. Козаки!»

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья,

изъ дорогого сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руки вверхъ и произнесъ громко: «Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! Чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!» Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки и... Я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія. Должно, однакожъ, сказать, что король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козачьей націи. Но король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли государственныхъ магнатовъ, которые непостижимою недальновидностью, дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностью, превратили сеймъ въ сатиру на правленіе.

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хрясъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда паненки отворотили глаза свои,—ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнуло.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми, однакожъ, глазами и одобрительно только говорилъ: «Добре, сынку, добре!»

Наконецъ, сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя адскія орудія казни, которыми готови-

лись вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. «Батько!» произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки: «батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?»

«Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался: тридцать тысячъ козацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не былъ какой-нибудь отрядъ, выступившій для добычи или своей отдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои, за униженную религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства гетмановъ своихъ и полковниковъ, за насилія жидовскихъ арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнетенный народъ.

Верховнымъ начальникомъ войскъ былъ гетманъ Остраница, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить утѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ государственныхъ магнатовъ, и очистить Украйну отъ жидовства, уніи и посторонняго сброда. Возлѣ него былъ виденъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алыхъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и горделиво. Восемь опытныхъ полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ.

Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба. Преклонныя лѣта, слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ совѣтѣ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ, и сѣдая голова его опредѣляла только огонь и висѣлицу.

Не буду описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличились козаки, ни постепеннаго хода всей великой кампаніи: это принадлежитъ исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды, какъ слабъ былъ коронный гетьманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные козацкіе полки, и какъ приведенный въ крайность польскій гетьманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлѣтвореніе во всемъ козакамъ, со стороны короля и государственныхъ чиновъ, и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но козаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы, и Потоцкій не красовался бы болѣе на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ панъ и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы священника-старца тронули козаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ королю. Гетьманъ и полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ козаковъ.

Но непреклонный Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабье малодушіе полковниковъ. «Не попущу, полковники, чтобы вы учинили такое дѣло» вскричалъ онъ твердо. Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ. «Эй, не вѣрьте, паны, ляхамъ!» повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ, помахивая нагайкою и хлеснувши ею по пушкѣ. Когда же полковой писарь подалъ уже написанное условіе подписать гетьману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: «Оставайтесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидите. Глядите, паны: вы вспомните меня!» И голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое. «Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать—увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, гетьманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣлѣетъ голова! Пропадете вы въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ

каменныя стѣны, если не сварятъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!»

«А вы, хлопцы, хотите умирать?» продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку: «умирать такъ, какъ умираютъ честные козаки? А, можетъ-быть, вы думаете еще пожить да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣстъ не приберетъ врагъ? Что-жъ лучше, спрашиваю я васъ, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила васъ жинка, и, напившись, пропасть гдѣ-нибудь подъ тыномъ, какъ собака, или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ, лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу навѣки?»

«За тобою, пане полковнику, за тобою всѣ!» отвѣчали передніе въ полку.—«Веди насъ! Ей-Богу, веди!»

«Добре, паны молодцы!» сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. «Вырѣжемъ все католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!»

Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь. Другіе козаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновеніе къ полковникамъ, бывшее всегдашнею ихъ добродѣтелью, препятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетманъ и полковники не остановили удалявшагося полка. Казалось, предсказаніе Тараса нѣсколько смутило ихъ,— по крайней мѣрѣ, они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро, однакоже, пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетьмана вздернута была на колъ вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Что же дѣлалъ Тарасъ со своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣ-

лилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми были означены разрушительныя его опустошенія. Ничто похожее на жалость не проникало въ это старое сердце, кипѣвшее только отмщеніемъ. Никому не оказалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери и молодыя жены и дѣвицы, изъ которыхъ иныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у алтарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу и растрепанные волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпые козаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ: «Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!» И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ, польское правительство увидѣло, что поступки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Тарасъ понялъ опасность и поворотилъ назадъ. Проселочными дорогами, ночью, скакалъ онъ со своими козаками во всю мочь, и одни только татарскіе кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неутомимостью и, наконецъ, настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшого роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такою страшною, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать саженъ внизъ шумѣлъ Днѣстръ. Здѣсь-то облегъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарасъ съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опустѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а козаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли, что онъ долженъ, наконецъ,

окончиться медленною смертью. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узенькой дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вмѣсто нея осталась стремнина.

Тарасъ рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости, и уже козаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ, остановившись и нагнувшись въ землю, сказалъ: «Стой, братцы! уронилъ люльку!» Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двинулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, почти-что не заплакавъ. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для бо́льшей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ виденъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы», кричалъ онъ: «занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, что̀ за лѣсомъ: туда не подступятъ они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что̀!» говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близъ него: «Хлопцы, къ берегу, къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоятъ челны, а за ними въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переворотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Козаки поворотили коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосягаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Козаки только одинъ мигъ ока остановившись, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился, но зацѣпился копытомъ и, привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности (онъ былъ братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальняго размышленія рѣшился повторить и себѣ то же и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшаго среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими козаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градъ пуль сыпался сверху на козаковъ, но они не обращали никакого вниманія и поспѣшно отчаливали отъ берега. «Прощайте, паны-браты товарищи!» говорилъ онъ имъ сверху: «вспоминайте иной часъ обо мнѣ! Объ участи же моей не заботьтесь! Я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимутъ по кускамъ, и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ — да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, пане-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на

слѣдующее лѣто опять, да погуляйте хорошенько!...» Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли что̀ на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? Не малая рѣка Днѣстръ; а какъ погонитъ вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самаго мѣсяца. Козаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно минали зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ, дружно и мѣрно ударяли веслами и говорили про своего атамана.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАПИСКИ.

1836 года.

I.

....Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ—здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву — нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Что̀ это за виды, что̀ за природа! Воздухъ продернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь-Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту-жъ минуту его прочь. Москва—старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, что̀ дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ—разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю

ночь то одинъ глазъ его свѣтится, до другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужескаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода; если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней—какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ средины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и бо́льшею частію на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изрядным капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнимъ ухабамъ, сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ

пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: «коли нужно покупщику—сыщетъ»; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «Ренскимъ погребомъ» и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва—большой гостиный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но—

«Дистанція огромнаго размѣра!..»

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще не слившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, англичане, нѣмцы, купцы—всѣ составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ,

тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько повыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другого мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провесть время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостиницею, этому виною какая-то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальностію даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалями, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя пріемлются всѣми классами. Театръ, концертъ— вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера—царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестящѣе, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая невольно высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы; что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія, строго обдуманная, производящая глубокостью своей ироніи смѣхъ,—не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою остротою, каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсіи и кар-

рикатурныя гримасы природы, но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, рождается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во французскомъ театрѣ, а на русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ являющихся въ русскихъ пьесахъ—каковы онѣ? А водевили?.. Давно уже пролѣзли водевили на русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и оригинальный? Русскій водевиль! право, немножко странно—странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной физіогноміи; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ... мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знавши на ногѣ своей ничего другого, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже нѣмцы—ну, кто бы могъ подумать, что нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ,—нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодыя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!.. Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ!

ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подъ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что вседневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключенія, что останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностью среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностью, чистая какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностью и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непремѣнно новое, непремѣнно странное, дотолѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ будто въ наши европейскіе фраки переодѣлись сыны палящей Африки! Палачи, яды—эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенія. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закатѣ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы,

какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или, лучше — календарь, въ которомъ записаны, съ календарною холодностью, всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумающій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Не удивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе спокойно.— Опера принимается у насъ очень жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ, музыку «Роберта». «Семирамида», на которую за пять лѣтъ передъ симъ равнодушно глядѣла публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время когда музыка Россини почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя», и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самихъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертѣ», «Нормѣ», «Фенеллѣ» и «Семирамидѣ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путе-

шествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, — возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украйна звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышитъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декорацій; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народные танцы являются въ разныхъ углахъ міра: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ, шотландецъ, какъ тѣньеровскій нѣмецъ, русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный руссъ не такъ пляшетъ, какъ малороссіянинъ, какъ славянинъ южный, какъ полякъ, какъ финнъ: у одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣ-

шеный, разгульный, у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, проведшій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостью, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочетъ, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ, пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ, танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ можетъ болѣе образнообразиться этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ—большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками подымающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехъэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-русскій герой, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дается въ нашихъ театрахъ?—какія-нибудь мелодрамы и водевили!... Сердитъ я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ—великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на какого-нибудь пейзана, театральнаго тирана, риѳмоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное, въ продолженіе сорока лѣтъ, на. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ, даже скажетъ: «Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человѣкъ! Какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!» Какъ будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»...

Досадно. Право, пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ, не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: «Да это, кажется, знакомый человѣкъ»,—только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся

порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство...

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится какъ вихорь съ ледяныхъ горъ, а другою превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ, и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скорлупами орѣховъ...

Спокоенъ и грозенъ Великій постъ. Кажется, слышенъ голосъ: «Стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою». На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ, прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомленный и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разговоромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехсотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіе поста въ петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается яснѣе. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборгской стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій проспектъ, упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. Покойный императоръ любилъ Англійскую набережную. Она, точно, прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчокъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ...

Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Великій постъ — какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь, наконецъ, займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я, наконецъ, то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля; не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже средина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ Гостиномъ дворѣ, и цѣлая галлерея вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловянныя обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ;— а я, и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ; уже суровѣе мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Льды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истаять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро выслало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шпицъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская набережная— все получило картинный видъ. Дымясь влетѣлъ первый пароходъ. Первыя лодки съ чиновниками, солдатами, старухами-нянъками, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевскаго и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я

пристани, передъ которою олестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестѣлъ одинъ только шпицъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается со своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ Сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ ясными, свѣтлыми днями Христова Воскресенія, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго объ руку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеніемъ, кажется, какъ будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы послѣ Свѣтлаго Воскресенія — больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ Великимъ постомъ или, лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены, въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаэтоны.

Книги читаются лѣнивѣе. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтнія фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Грецiя... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе дома...

РЕЦЕНЗІИ,

помѣщенныя въ

„СОВРЕМЕННИКѢ“ А. С. ПУШКИНА.

– Историческіе афоризмы Михайла Погодина. Москва Универс. тип. 1836 (8). VIII и 128 стр.

Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей литературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что «Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіе тысячелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ-быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки. Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего журнала; наконецъ, онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполнѣ, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали. Вотъ реестръ изданныхъ имъ сочиненій:

Изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, Іосифа Добровскаго.

О жилищахъ древнихъ руссовъ, собственное сочиненіе.

Критическія изслѣдованія, Эверса.
Начертаніе древней географіи, собств. соч.
Лекціи по Герену.
Начертаніе всеобщей исторіи, Бетигера.
Введеніе въ исторію для дѣтей А. Шлёцера.
Русская исторія для училищъ.
Карты Европы, Риттера.
Гецъ фонъ-Берлихингенъ, соч. Гёте.
Марѳа Посадница, драма.
Димитрій Самозванецъ, исторія въ лицахъ.
Славянская грамматика, Добровскаго, переведенная вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ.

Кромѣ того издавалъ онъ:
Московскій Вѣстникъ за 1827, 1828, 1829 и 1830 г.
Уранію, альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная увѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственною мыслію.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльныя мысли и замѣчанія, записанныя имъ въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

«Каждый человѣкъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи».

«Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣстъ искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять (restaurare), какъ статую, найденную въ развалинахъ Аѳинъ, какъ текстъ Виргиліевъ въ монастырскомъ спискѣ».

«Представьте себѣ (я требую возможнаго только въ во-

ображеніи), что человѣкъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобъ чувствовать и понимать ее, получаетъ партитуру какой-нибудь огромной ораторіи и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имъ видимыми (нотами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (exécution) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно, во-первыхъ, испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, перемѣтить ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, отыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго ариѳметическаго правила), узнать, такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною нотою изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч., и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія пройдутъ, пока, наконецъ, внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею».

«Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (лѣтописи, Несторы, Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая критика, Шлёцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (исторія, собранія дѣяній, Роллени), разобрать сіи кучи по родамъ исторіи (частныя исторіи религіи, торговли, Геренъ), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой-нибудь порядокъ, гармонія (Шлёцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно a priori (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ, найти ее и прочесть исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры».

Въ имперіи византійской г. Погодинъ видитъ продолженіе исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ.

Францію онъ пол[illegible]ъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго,—землей, гдѣ совершается

вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У франковъ, говоритъ онъ, прежде всего была принята христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный франкъ Карлъ Великій первый возвысилъ папу; отозвавши папу въ Авиньонъ, Франція была отчасти виною его паденія; во Франціи были первыя попытки противъ папской власти (альбійцы); рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; крестовый походъ былъ подвинутъ французомъ, аміенскимъ пустынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавіе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянные налоги и королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсіи истекла изъ войнъ итальянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейные домы, энциклопедія, языкъ, мода, карты—все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Франція остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго тѣснаго соединенія европейскихъ державъ между собою есть Франція и ея Наполеонъ.

Многіе афоризмы суть только сближенія сходныхъ и противоположныхъ происшествій, совершившихся въ разныхъ углахъ міра или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствіями, отозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительно. Другіе афоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь человѣка! обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышитъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: «какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится. Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить исторію? Гдѣ формы для нея? Исторію вполнѣ можно только чувствовать».

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ-быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ

котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностью за оживленныя въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать.

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, сочиненіе Я. Озерецковскаго. С.-П-бургъ, 1836, въ тип. Н. Греча, въ 12 д. л., 54 стр.

Нѣсколько занимательныхъ замѣчаній о сѣверной природѣ. Желательно было бы слышать болѣе о семъ угрюмомъ и знаменитомъ въ нашихъ лѣтописяхъ монастырѣ, гдѣ древле томились въ заточеніи наши опальные патріархи и святители.

Походныя записки артиллериста, съ 1812 по 1816 г., артиллеріи полковника И. Р... Москва, 1835—1836 г., въ 8 д. Четыре части. Стр. 296—348—354—375.

Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ разсказы всѣ безъ исключенія были занимательны; все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка; даже постой русскаго офицера на нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. Донынѣ, если бывшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просѣдью на головѣ, станетъ разсказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что случалось съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возьмите, напримѣръ, эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.

Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при россійскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Перевелъ съ англійскаго М. К. С.-П-бургъ,

въ тип. III отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, 1836, въ 8, стр. 128.

Книжка замѣчательная. Леди Рондо пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что занимательно для нея одной, но мимоходомъ задѣваетъ и исторію. Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ, прибавляютъ новыя черты къ ихъ портретамъ.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Гасмана, Дампьера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картере, Бугеньвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головнина, Партера, Коцебу, Фрейсине, Беллинсгаузена, Галля, Деперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ-Дюрвиля, Литке, Диллона, Лапласа, Мореля и пр., издано подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, капитана французскаго королевскаго флота, съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго г. Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ-Дюрвилемъ. Изданіе А. Плюшара. Часть первая, С.-П-бургъ, 1836, въ тип. А. Плюшара, въ 4.

Есть книги, пишущіяся для того общества, которое нужно, какъ дѣтей, заохочивать и принуждать къ чтенію. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе дѣйствовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропіей, составляютъ общества для распространенія нравственности, воздержанія и проч., издаютъ и распускаютъ по свѣту безденежно, или по чрезвычайно низкой цѣнѣ, множество полезныхъ книгъ для народа. Что изобрѣтетъ англичанинъ, то углубитъ, расширитъ и разнесетъ по всему свѣту французъ. Едва появилось во Франціи одно дешевое изданіе, какъ уже на другой годъ нахлынулъ потопъ дешевыхъ изданій. Еще не успѣетъ Европа получить одно, какъ является другое. Къ числу множества такихъ изданій принадлежитъ и вышеозначенное. Оно замѣчательнѣе другихъ потому, что полезнѣе. Это сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, статистическомъ и физическомъ состояніи, словомъ, книга, болѣе всего находящая себѣ читателей, потому что путешествіе и раз-

сказы путешествій болѣе всего дѣйствуютъ на развивающійся умъ. Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть-можетъ, слишкомъ взыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это разсказываетъ ему человѣкъ не существующій: свѣжесть впечатлѣній, сохраняемыхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима. Языкъ перевода ясенъ и живъ. Картинки очень хороши. Въ мѣсяцъ выходитъ довольно большая тетрадь въ 4, печатанная въ два столбца. Въ Москвѣ это же самое сочиненіе началъ переводить г. Полевой. Онъ выдалъ уже одинъ томъ; если выйдутъ остальные пять, то и его изданіе будетъ дешевое.

Атласъ космографіи, изд. Ободовскимъ. СПБ. 1836, въ 2, XVI чертежей.

Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года предъ симъ космографіи г. Ободовскаго.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. СПБ., въ тип. издателя, 296 стр.

Это альманахъ! Какое странное чувство находитъ, когда глядимъ на чего: кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ издавалъ благоуханный свой альманахъ! Въ немъ цвѣли имена Жуковскаго, князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи — подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней мѣрѣ въ нихъ все было ровнѣе, текучѣе, сочинители лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ!..

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гарриссона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшоке, Ф. Шаля и другихъ); изданы Николаемъ Надеждинымъ. Москва, въ типогр. Степанова, 1836, въ 12, двѣнадцать

частей, стр. 287—261—259—287—275—276—262—263—227—246—251—236.

Повѣсти, печатанныя въ разныхъ номерахъ «Телескопа». Издатель, выбравъ ихъ оттуда, выпустилъ отдѣльными книжками и хорошо сдѣлалъ. Здѣсь имъ лучше, нежели тамъ. Собравшись вмѣстѣ, онѣ представляютъ дѣйствительно что-то разнообразное. Ихъ развезутъ по первой зимней дорогѣ русскіе разносчики во всѣ отдаленные города и деревни; онѣ пріятно займутъ въ долгіе вечера и ночи нашихъ уѣздныхъ барышень, по крайней мѣрѣ, пріятнѣе, нежели наши самодѣльные романы.

РЕЦЕНЗІИ,

написанныя для

„СОВРЕМЕННИКА“ ПУШКИНА.

«Недовольные», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ 8, 147 стр.

Планъ задуманъ довольно слабо. Дѣйствія нѣтъ вовсе. (Стало-быть, условія сценическія не выполнены). Стихи (довольно легки) мѣстами хороши, вездѣ почти непринужденны, но комическаго [и это-то главное] почти нѣтъ. Лица не взяты съ природы.

Лѣтописи Русской славы со временъ воцаренія на русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ. С.-П-бургъ, 1835, въ тип. Хр. Гинце, въ 16, 87 стр. съ портретами.

Памятная книжка въ родѣ календаря, въ которыхъ подъ каждымъ числомъ каждаго мѣсяца означены случившіяся въ тотъ день сраженія и всѣ подвиги (русскаго) нашего побѣдоноснаго войска. При ней находятся портреты императоровъ и великихъ генераловъ.

Указатель губернскихъ и уѣздныхъ дорогъ въ Россійской имперіи, составленный по новѣйшему учрежденію почтовыхъ дорогъ и станцій г. Савинковымъ, съ приложеніемъ дорожной карты. С.-Пб., 1836, въ б. осьмушку, 36 грав. страницъ.

Книжка издана довольно укладисто для дороги, хотя бы можно издать еще укладистѣе. Карту не нужно особенно

и въ большомъ видѣ. Въ дорогѣ печего разворачивать— лучше придумать какъ-нибудь помѣстить ее въ страницахъ самой книги, хотя по частямъ, а еще лучше соединить (описаніе съ топографіею).

Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. Перевелъ съ англійскаго мореходный мастеръ Василій Берковъ. С.-Пбг., 1836 года, въ тип. Вингебера.

Довольно обстоятельное наставленіе въ строеніи пароходныхъ судовъ, (съ) небольшимъ взглядомъ на начало и усовершенствованіе этого искусства.

Дѣтскій Карамзинъ, или Русская исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево, Коммиссіонеромъ Общества Площренія художествъ, выходитъ тетрадями. С.-П-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ 8 д. листа.

Издается періодически, въ мѣсяцъ до двухъ тетрадей. Литографія незавидная, но для дѣтей годится.

Онъ и она. Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1835, въ 12, 4 части, 169—170, 183 стр.

Романы въ нашей литературѣ завелись теперь трехъ родовъ: романы пятнадцатирублевые, всегда почти толстые, длинные, солидные, въ 4-хъ частяхъ, по 300 страницъ въ каждой; другіе романы—средней руки, романы восьми- и шести-рублевые, тоже иногда въ четырехъ частяхъ, но бываютъ и въ двухъ: въ этихъ частяхъ бываетъ уже только по 160 страницъ, а иногда и меньше. Этого сорта дешевые романы пишутся обыкновенно людьми молодыми; въ нихъ много романтическаго, (сценическаго), не бываетъ недостатка въ восклицаніяхъ и чрезвычайно много точекъ.—Наконецъ, слѣдуютъ романы пяти и четырехрублевые: эти состоятъ большею частію изъ трехъ частей, иногда изъ двухъ; но эти части уже никакъ не бываютъ больше 60 или 90 страницъ, а иногда иная часть удается такъ странно, что въ ней всего бываетъ страницъ 35. Пишутъ большею частію люди пожилые, вовсе не должностные. Это русскій..... своего рода и предводитель сего послѣдняго инвалиднаго войска есть А. А. Орловъ, надъ которымъ очень любятъ подшучивать петербургскіе журналисты.

Разбираемый романъ принадлежитъ къ первому роду, то-есть къ романамъ пятнадцатирублевымъ, хотя авторъ, какъ видно изъ первыхъ страницъ, часто бываетъ очень

нетерпѣливъ и никакъ не посидитъ на мѣстѣ и не займется долго однимъ лицомъ. Ничего не осталось въ головѣ послѣ прочтенія половины первой части. Помнится только, что какой-то графъ и какой-то студентъ таскаются по улицамъ въ какомъ-то городѣ, чуть-ли не въ Москвѣ, берутъ Катю и увозятъ; потомъ опять берутъ Катю и, кажется, опять увозятъ. Впрочемъ, кто охотникъ, тотъ можетъ прочесть самъ и узнать, что дѣлается дальше...

Описаніе Прусскаго государства въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, составленное Ардаліономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ въ Императоскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. С.-Пб., въ тип. И. Глазунова. 1836, въ 8. Часть первая, стр. 201.

Книга въ родѣ тѣхъ географій, какихъ расходятся на Руси много, и по которымъ учатъ у насъ дѣтей. Кто захочетъ имѣть полное статистическое удовлетворительное понятіе о Пруссіи, тотъ его не отыщетъ въ этой книгѣ. Она что-то среднее: какъ книга для учащагося, она велика; для выучившагося (она) пахнетъ указкою.

Прекрасная Астраханка, или хижина на берегу Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Россійское сочиненіе. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 12, двѣ части, стр. IV и 42+76.

Не романъ, а развѣ романчикъ, потому что въ I-й части 42 страницы, а во II-й—76.

Русскіе классики. Часть I. Кантемиръ. 1836, С.-Пб., въ тип. Гинце.

Намѣреніе очень хорошее—издать Кантемира и другихъ старыхъ писателей нашихъ. Но издается это очень странно: въ мѣсяцъ выходитъ одинъ или два печатныхъ листа. За эти два листа и за обертку къ нимъ, въ которой читателю рѣшительно нѣтъ никакой надобности, читатель платитъ рубль—довольно дорого и неудобно: дорого, потому что небольшой томъ Кантемира будетъ стоить гораздо дороже десяти рублей; неудобно, потому что у насъ не привыкли къ такому мелкому разсчету, и всякій будетъ ожидать лучше всей книги, чтобы купить. На тетрадки обыкновенно разлагаются въ Европѣ огромныя изданія для того, чтобы облегчить взносъ денегъ для читателей, которые—NB всѣ почти люди бѣдные. Притомъ ливрезоны, выпускаемые французами, никогда не изда-

ются по одному листу, но за 1 рубль они представятъ такое количество буквъ, какого не составитъ весь Кантемиръ. Плюшаръ издаетъ «Путешестіе вокругъ свѣта» Дюмонъ Дюрвиля: въ мѣсяцъ выходитъ тетрадь изъ 10 печатныхъ листовъ довольно густой печати; при нихъ (болѣе) множество картинокъ,—и вся тетрадь обходится по два рубля. Это можно назвать у насъ дешевымъ.

Притомъ издатели очень длятъ это изданіе. Кантемиръ, котораго можно отпечатать всего въ двѣ недѣли, будетъ печататься полгода: кому охота каждый мѣсяцъ (ждать) одного печатнаго листа.

Увѣйственная встрѣча. Повѣсть Я. А. С.-Пб., 1836 года, въ тип. Артил. Департ. Воен. Мин., въ 8, 113 стр.

(Такъ какъ романы бываютъ у насъ разныхъ родовъ, такъ точно и повѣсти). Эта книжечка вышла, стало-быть, гдѣ-нибудь сидитъ же на бѣломъ свѣтѣ и читатель ея.

Полная ручная кухмистерская книга, выбранная изъ книжекъ: 1) Прибавленіе къ опытному повару; 2) Полный Кухмистеръ и кандитеръ (sic.), и 3) Приложеніе къ книгѣ Полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терминовъ, и рисунковъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собственныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ Универ. тип. 1835, въ 12, стр. VII и 310.

Если воспользоваться всѣми этими рецептами, наставленіями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVII столѣтіи Іеродіакономъ Троицкой Лавры. Изданно М. Коркуновымъ. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 8, стр. 39.

Путешествіе въ Іерусалимъ производитъ дѣйствіе магическое въ нашемъ народѣ. Это одна изъ тѣхъ книгъ, [которыя] больше всего и благоговѣйнѣе всего читаются. Почти такое производитъ на нихъ впечатлѣніе путешествіе въ Цареградъ,—какъ будто невольная признательная черта, сохранившаяся въ русскомъ элементѣ, за тотъ свѣтъ, который нѣкогда [истекалъ] оттуда. Нерѣдко русскій мѣщанинъ, промышленникъ, сколько-нибудь знающій, [бросалъ дѣла], отправлялся самъ въ Іерусалимъ и Царе-

градъ и даже издавалъ книгу, которую жадно покупали у разносчиковъ, пропуская множество картинъ, висящихъ на шнурочкѣ у него на плечахъ, несмотря на то, что многія изъ нихъ разрисованы всякими красками. Прочія книги русскій народъ (уже рѣшительно) читаетъ для того только, чтобы прочитать что-нибудь въ случаѣ показать себѣ и другимъ, что онъ можетъ прочесть по верхамъ то, что̀ другой читаетъ по складамъ,—безъ малѣйшаго вниманія къ содержанію книги. И потому для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтеніе.

Торговый Адресъ-Календарь, или Всеобщій Коммерческій указатель Россійскаго Государства на 1836 годъ, составленный Викентіемъ Жгерскимъ, чиновникомъ для особыхъ порученій въ Министерствѣ Финансовъ, разныхъ учебныхъ обществъ и иностранныхъ академій дѣйствительнымъ членомъ. Спб., 1836, въ тип. Вингебера, въ 8, стр. 128.

Торговый Адресъ-Календарь, какъ адресъ-календарь, очень (не полонъ) и неудовлетворительно составленъ. При этомъ сюда [вошли] статьи по части промышленности, представлены и даже проекты не безъ достоинствъ, но здѣсь представляющіеся совершенно отрывками, не показывающими именно плана въ изданіи. (Цѣна, 10 рублей, очень дорога для книжки, въ которой только 120 страницъ). Продается очень дорого по объему, [какой имѣетъ] книжка.

Исторія поэзіи. Чтеніе Адъюнкта Московскаго Университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ Исторію поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ Западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ 8, стр. 111—333.

Замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Въ первый разъ является у насъ въ Россіи оригинальный курсъ Исторіи всемірной поэзіи, — курсъ, написанный мыслящимъ, исполненнымъ практическаго ума писателемъ. Изъ всѣхъ доселѣ исключительно занимавшихся у насъ критикою писателей нашихъ безспорно Шевыревъ—первый, котораго имя останется въ лѣтописяхъ нашей литературы. Въ слѣдующемъ томѣ помѣстимъ обстоятельный разборъ этого важнаго сочиненія.

Основаніе Москвы, смерть боярина Степана Ивановича Кучки. Историческій романъ, взятый изъ временъ княженія Изяслава Мстиславовича. Сочиненіе Н.... К.....ва. С.П.Б., въ типографіи Вингебера. 1836. Четыре части, стр. VII и 189—149—168—162.

Одинъ изъ тѣхъ романовъ, въ родѣ которыхъ выходитъ очень много, и особенно въ Москвѣ. Сюжетъ ихъ обыкновенно взятъ изъ отечественной исторіи. Они обыкновенно бываютъ худенькіе, тоненькіе, но раздѣлены на четыре части; продаются очень дешево. Авторы ихъ— часто робкіе, молодые, ѣще не обжегшіеся на огнѣ писатели, и потому выставляютъ часто однѣ только заглавныя литеры своего имени и оканчиваютъ его точками. Авторъ обыкновенно заставляетъ говорить своихъ героевъ слогомъ русскихъ мужичковъ и купцовъ, потому что у насъ въ продолженіе десяти послѣднихъ лѣтъ, со времени появленія романовъ въ русскомъ кафтанѣ, возникла мысль, что наши историческія лица и вообще всѣ герои прошедшаго должны непремѣнно говорить языкомъ нынѣшняго простаго народа и отпускать какъ можно побольше пословицъ. Въ послѣдніе года два или три новая французская школа, выразившаяся у насъ во многихъ переводныхъ отрывкахъ и мелодрамахъ въ театрѣ, проявила замѣтноѐ свое вліяніе даже и на нихъ. Отъ этого произошло чрезвычайно много самыхъ странныхъ явленій въ нашихъ романахъ. Иногда русскій мужичекъ отпуститъ такую театральную штуку, что и римлянинъ не сдѣлаетъ. Подымется съ палатей или съ своей печки и выступитъ такимъ... Какой-нибудь Василій Углицкій или Степанъ Ивановичъ Кучка, (брякнувши чисто русскую поговорку), послѣ какой-нибудь русской замашки, отпустивши народную поговорку, закричитъ вдругъ: «смерть и адъ!»

Въ другомъ мѣстѣ читатель приготовленъ къ тому, что эти мужики засучатъ рукава и потузятъ другъ друга, но вмѣсто того видитъ, что они кинули одинъ на другаго мрачный взглядъ,—«и»... Тутъ обыкновено авторъ поставитъ нѣсколько точекъ и прибавитъ: «и поняли другъ друга». (А) иногда даже прибавитъ: «и въ этомъ безмолвіи произошла страшная драма», и тому подобное. Въ этомъ уже и упрекать нельзя, что лицо немного похоже

на испанца, или француза (или кого-нибудь): этого грѣха не могли избѣгнуть и большіе наши романы и... Общій характеръ этихъ маленькихъ романовъ, которые въ такомъ изобиліи и такъ скоро вырастаютъ на Руси, есть совершенная дѣтскость. Это будетъ очень несправедливо, еслибъ мы сказали, что въ нихъ видна глупость [одна], въ чемъ часто упрекаютъ ихъ наши журналисты. Совсѣмъ нѣтъ: не глупость, но созданіе самаго незрѣлаго дитяти, котораго и то занимаетъ, и другое; и того хочется ему, и другаго: никакой постоянности! Оттуда у него на одной страницѣ столько несообразностей, сколько у другого въ цѣломъ томѣ. Каждая строчка у него (или) ниже цѣлой октавой, или выше другой. У безталаннаго, но опытнаго человѣка, набившаго руку на писаньи, несообразности становятся явны по прочтеніи только многихъ страницъ; у безталаннаго, но неопытнаго и молодаго, ихъ въ одной страницѣ наберется столько, что читатель по нимъ можетъ вывести безошибочно мнѣніе обо всемъ сочиненіи.

Если бы мы привели въ примѣръ оттуда нѣсколько страницъ, онѣ могли бы заставить читателей усмѣхнуться; но зачѣмъ наполнять листокъ нашего журнала плохимъ тогда, когда можно занять мѣсто выпискою чего-нибудь хорошаго? Во всѣхъ этихъ книгахъ видно невинное желаніе написать непремѣнно какой-нибудь романчикъ. Да проститъ Богъ невольныя ихъ прегрѣшенія! Намъ нечего досадовать на нихъ и сердиться, что они неопрятно изданы и тому подобное. И здѣсь потому только почтено необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы (при) другомъ подобномъ романѣ имѣть случай не говорить о немъ вовсе и сослаться на сказанныя нами нынѣ слова.

Дѣтскій павильонъ. Книжка, содержащая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказочки и проч., составленная на 1836 годъ В. Федоровымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1835, въ 16, стр. 320.

Дѣтскій альманахъ, небольшой магазинъ, безъ сомнѣнія, очень пріятныхъ для нихъ вещей... В. М. Федоровъ—одинъ изъ старыхъ нашихъ литераторовъ: писалъ трагедіи, романы, писалъ и переводилъ стихотворенія во многихъ родахъ; но, наконецъ, почувствовавши, что все

на свѣтѣ суета и что нужно имѣть слишкомъ много, чтобы расшевелить взрослое наше поколѣніе, принялся издавать книжки для дѣтей. И изъ нашихъ писателей никто въ этомъ отношеніи не исполнялъ своего дѣла съ такимъ стараніемъ, какъ онъ: онъ издавалъ довольно исправно и постоянно дѣтскій журналъ, всегда къ новому году готовилъ намъ какой-нибудь подарокъ въ видѣ альманаха. Академія Россійская избрала его въ свои члены, хотя онъ и не написалъ такого ученаго разсужденія на шести страницахъ, въ которомъ говорится обыкновенно, что такой-то говоритъ вотъ то-то, такой-то вотъ то-то, а я полагаю, что этотъ предметъ требуетъ разъясненія. Но при всемъ томъ труды его были полезны и сочиненія его раскупались. Его имя не заслужило никакого упрека. Альманахъ его нынѣшній имѣетъ тѣ же (замѣчательныя) достоинства, какъ и предыдущіе, и дѣти могутъ всѣ изъ него составить себѣ пріятное чтеніе.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департ. Удѣловъ. С.-П-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Книжка замѣчательная во многихъ отношеніяхъ тѣмъ, что проливаетъ нѣкоторый статистическій свѣтъ на средніе губерніи нашей Россіи. (Книжка для статистики замѣчательна въ томъ отношеніи, что подаетъ нѣкоторую идею о земледѣліи въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и отчасти можетъ возродить вопросъ о причинахъ различнаго его положенія въ разныхъ полосахъ государства и, можетъ-быть, о средствахъ, какимъ образомъ эта статья должна разрабатываться). Всѣ удѣльныя имѣнія нынѣ округлены и заключены въ средней полосѣ; ихъ нѣтъ ни на югѣ, ни на сѣверѣ. Они большею частію начинаются узкимъ клиномъ отъ Москвы и тянутся на востокъ до Уральскаго хребта, захватывая земли губерній: московской, владимірской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской, пензенской, саратовской, вятской, пермской и оренбургской. — Кромѣ того (на западѣ отъ Москвы) есть еще удѣльныя имѣнія въ губерніяхъ остзейскихъ.

Упомянемъ слова два о почвѣ этой земли (какъ о

главной основѣ всей промышленности), какъ первыхъ естественныхъ законахъ организаціи государственнаго хозяйства. Центральныя земли, то-есть земли губерній московской, владимірской, отчасти земли костромской и нижегородской, содержатъ почву песчаную, глинистую, [пересѣкаемую] тундрами, [иломъ], кочками; черноземъ почти не встрѣчается,—земли, требующія болѣе всего воздѣлки. Далѣе на югъ-востокъ характеръ почвы измѣняется: южная часть имѣній костромской и нижегородской и сѣверная губерній казанской, симбирской и пензенской составляютъ другой отдѣлъ: въ почвѣ меньше глины, меньше тундръ, чаще черноземъ, и углубляется въ землю онъ несравненно далѣе, на шесть вершковъ. Эта почва менѣе требуетъ воздѣлки предыдущей. Южныя имѣнія губерній казанской, симбирской и пензенской и особенно вся саратовская составляютъ почти степныя пространства: почва уже чистый черноземъ, тучный, углубляющійся далеко въ землю; пески и солончаки уже исключенія и находятся только въ саратовской губерніи; земля производитъ почти безъ всякаго удобренія. Земли трехъ колоссальныхъ губерній: пермской, вятской и оренбургской представляютъ отличительный совершенно отдѣлъ почвы: въ пермской и вятской владычествуетъ лѣсъ, въ оренбургской сила растительной природы мечетъ дикія кормовыя травы по всему обоему огромному пространству. Близость Урала и [разрушающаяся] горная природа даютъ новыя силы растительности. Большое количество мергеля представляетъ средство для удобренія. Почва, при небольшихъ трудахъ, можетъ [превзойти] ожиданія.

Но разсматривая въ этой замѣчательной (книгѣ) работящія силы людей, мы видимъ еще глубокое младенческое состояніе земледѣлія, несмотря на средства, доставляемыя правительствомъ. Усилія рукъ безъ сравненія малы относительно пространства земли. Орудія еще много не облегчены; привычка и давность обыкновенія еще держитъ мѣсто испытующаго опыта. Плугъ еще донынѣ тяжелъ; лѣнивый, медленный серпъ, безсильный противъ такихъ огромныхъ пространствъ, еще не изгнанъ косою.

Усилія труда болѣе видны въ центральныхъ губер-

ніяхъ, гдѣ бѣднѣе почва; онѣ слабѣютъ, гдѣ почва богаче, и наконецъ почти не дѣйствуютъ въ губерніяхъ: пермской, вятской и оренбургской, гдѣ люда мало противъ земли, гдѣ дикая природа почвы кладетъ печать дикости и на [самого] человѣка.

Итакъ, что̀ причина такого состоянія земледѣлія? Эта причина заключается, *во-первыхъ*, въ землѣ,—не въ почвѣ земли, но въ необыкновенномъ пространствѣ ея, еще несоразмѣрно [пересиливающемъ] населеніе. На тѣсномъ уголкѣ земли, хотя бы почва была безплодна, земледѣліе возникаетъ и развивается быстро; вначалѣ, вслѣдствіе первой необходимости, оно въ возрастающей степени дѣлается необходимо: его развиваютъ потребности. Какъ и человѣкъ идетъ въ ровной прогрессіи, земля, пробуя всѣ силы его, образуетъ и утрояетъ его развитіе; человѣкъ, получая посредствомъ ея новыя (средства), находитъ безпрестанно средства обогащать его. Итакъ, естественное дѣло, что земледѣліе въ Россіи еще долго будетъ итти медленно, несмотря на всѣ введенныя мѣры правительства, потому что это дѣло вѣковъ...

Вторая главная причина заключается въ людяхъ. Что̀ же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго (sic) будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ, — и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живаго, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь земледѣльца — скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи, — однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи. Онъ способенъ перемѣнить [тотчасъ] свою жизнь, но только когда вокругъ его явятся улучшенія, а побывавши въ городѣ, русскій поселянинъ уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ, и

тутъ вдругъ развивается его дѣятельность и оказывается его живая, хлопотливая природа; съ помощью живости и смѣтливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачемъ. — Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ всей Руси, не укрѣпляясь ни въ какомъ мѣстѣ.

Итакъ, должно ли удивляться, что у насъ земледѣліе въ младенческомъ состояніи? Часто слышны вопросы: отъ чего у насъ хуже земледѣліе, нежели въ Европѣ, и [мнѣнія], какъ легко сравниться (въ этомъ скоро) съ Европой. Это легко сказать особливо тѣмъ, чей умъ не видитъ страшнаго преобладанія европейскаго населенія надъ землею и страшнаго преобладанія земли надъ жителями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью: оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе. Земледѣлъ — добрый, крѣпкій корень государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Купецъ человѣкъ продажный; всякій промышленникъ человѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльческій неподвижный элементъ государства. Одно изъ лучшихъ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи есть издаваемые отъ него результаты хозяйственныхъ отчетовъ, къ какимъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно причислить и эту книгу. Онѣ всегда ясно покажутъ дѣло и наведутъ на мысли, что̀ и какъ нужно предпринять для улучшенія дѣла.

Картины міра, или полезное и пріятное чтеніе для юношества. Часть 2. С.-Петербургъ, 1836 г. (?).

Заглавіе этой книги показываетъ, что она ошибкою попала въ [нынѣшнюю] литературу.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Руси, такъ же какъ и въ Европѣ, замѣтна была вообще охота къ чтеніямъ нравственнымъ, являвшимся въ видѣ длинныхъ разсужденій и трактатовъ. Психологическія сочиненія, печатавшіяся въ цѣлыхъ огромныхъ томахъ, имѣли значительный перевѣсъ надъ всѣмъ прочимъ. Читатели требовали назидательныхъ, питательныхъ сочиненій. Все прочее, все практическое, все легкое, взятое изъ жизни, считалось пустымъ и недостойнымъ. У насъ въ Россіи въ это время вышло чрезвычайное множество подобныхъ книгъ. Это былъ вѣкъ солидный. Впрочемъ замѣчательно

здѣсь то, что при всемъ этомъ нравственность этого вѣка была не очень чиста, и тѣ, которые читали питательныя книги, дѣлали подъ рукою такія шашни и проказы, которыя теперь бы слишкомъ бросились всѣмъ въ глаза. Замѣчательно, что въ одно время съ такимъ множествомъ нравственныхъ сочиненій появлялись такія безнравственныя, что теперь даже отважнѣйшіе изъ французскихъ писателей посовѣстились бы написать. Всѣ старики тогда читали душеспасительныя книги; вся молодежь напротивъ читала Фоблазовъ и другихъ, и при внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось даже, что едва ли старики не обгоняли молодежь въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Такой раздоръ теоріи съ практикою былъ явенъ, повсемѣстенъ въ концѣ 18 столѣтія. Въ 19 столѣтіи масонскія и другія секты, отвлеченныя мистицизмомъ, поддержали существованіе подобныхъ философскихъ сочиненій, разсужденій, увѣщаній и трактатовъ, хотя облеченныхъ уже въ другія формы. Они, можно сказать, были виною такого распространенія охоты къ чтенію въ нашемъ обществѣ, потому что требовали постоянства вниманія, нѣкотораго напряженія ума, и потому были удѣломъ немногихъ. Когда Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Оккенъ, какъ художники, обрабатывали науку, облекая ее точными опредѣлительными терминами, дробя, раздѣляя и соединяя въ единство великую область мышленія, ихъ мнѣнія распространялись только въ кругу небольшомъ ихъ слушателей, понимавшихъ трудный, немногословный, почти математическій языкъ ихъ. Но когда мысли ихъ начали [разсѣиваться], германскіе писатели, если можно такъ выразиться, средняго класса, люди бо́льшею частію довольно умные, но безъ орлиной мысли и таланта; когда начали они эти мысли плодить, одѣвать собственнымъ мѣриломъ пониманія; когда они облекли эти разсужденія краснорѣчивыми фразами, общеупотребительнымъ языкомъ, часто даже лирическимъ пыломъ души: то эти творенія ихъ распространились повсемѣстно между всѣмъ читающимъ кругомъ, и пріученные мистицизмомъ читатели брались охотно за эти книги. — Въ нашъ вѣкъ почти общимъ сочувствіемъ была признана необходимость воплощенія всякой мысли практически. Они (?) всегда должны торжествовать, какъ прекрасную эпоху, это на-

чинающееся соединеніе теоріи съ практикою, слѣдуя великой, но простой истинѣ, что дѣла болѣе значатъ, нежели слова. Живой примѣръ сильнѣе разсужденія, и никогда мысль не кажется намъ такъ высока, такъ поразительно высока, такъ оглушительна своимъ величіемъ, какъ когда облечена она (видимой формою, олицетворена), когда разрѣшается предъ нами живымъ, знакомымъ [міромъ], когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами изъ цѣлаго созданія поэта. Божественный Учитель и Спаситель нашъ первый открылъ (на землѣ) эту высокую тайну, облекши святыя, божественныя мысли свои въ притчи, которыя слушали и понимали тысячи народовъ. Итакъ, мы, сдѣлавши такіе великіе тысящелѣтніе (sic) обходы, наконецъ возвращаемся къ той истинѣ, которая была сказана еще въ глубинѣ младенческихъ сердецъ нашихъ. И вотъ уже исторія показываетъ усилія соединиться съ философіей и образуетъ великое зданіе. И вотъ уже вездѣ, во всѣхъ нынѣшнихъ попыткахъ романовъ и повѣстей, видно стремленіе осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность [бываетъ] виною, что изысканная и неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“.

1.

(Начальныя страницы, переписанныя самимъ Гоголемъ набѣло.)

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той серьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но сами они совсѣмъ не шутятъ и уже никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватитъ мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли... Долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль, долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную заботу каждаго лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ. — Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица,

актеръ долженъ въ такой силѣ исполниться ею самъ (чтобы) мысли и стремленія взятаго имъ лица и какъ бы усвоились ему самому и пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія пьесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много заботиться. Онѣ выйдутъ само собою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движенье, но не создавать цѣликомъ роли, — суть не болѣе какъ краски, которыя нужно класть уже тогда, когда рисунокъ сочиненъ и сдѣланъ вѣрно. Они — платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанья притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только (просто) желанье прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ купцовъ, замышлявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти заманчивыя блага жизни обуяли имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чутье слышать положенье и страданье другого. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ. Онъ даже помышляетъ когда-нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и (велика набившаяся привычка хватать все, не пропуская ничего).

Русскій человѣкъ — который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятье правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже не безъ одушевленія скажетъ иное слово. Можетъ-быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, если бы

увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность— требов...

2.

(полный черновой текстъ.)

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ больше простоты въ игрѣ, тѣмъ — — — — — Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выйдетъ смѣшнымъ. Въ серьезности всѣхъ лицъ, съ какимъ каждое изъ нихъ занято само, своимъ, сдѣлается... Прежде чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. (Прежде самаго характера лица) нужно разсмотрѣть призваніе, зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоитъ (sic!) заботы и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается, около чего именно ворочается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленья такъ, чтобы они были въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать. Онѣ выльются сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ серьезно и жарко тѣмъ самымъ дѣломъ, которымъ, не шутя, занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ-быть, и самъ не чувствуя, какъ, сдѣлался притѣснителемъ, потому что злобнаго жѣланія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желаніе прибирать въ руки все, что ни видятъ глаза. Онъ позабылъ, что отъ этого трещитъ спина у ближняго. Временами онъ однакожъ чувствуетъ, что грѣшенъ, молится, ходитъ въ церковь, думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ и думаетъ даже когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того, что плыветъ въ руки и велика набившаяся привычка. Его поразилъ распространившійся слухъ о ревизорѣ, еще болѣе

поразило его то, что этотъ ревизоръ—incognito, неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступитъ. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ свыше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было..., обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что ревизоръ въ его рукахъ, не страшенъ и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пированій, попоекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать въ переднихъ городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому-то внезапное объявленіе о пріѣздѣ настоящаго ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовой ударъ, и положеніе становится истинно трагическимъ.

Судья человѣкъ меньше грѣшный во взяткахъ. Онъ даже не охотникъ творить неправду, но (велика) страсть ко псовой охотѣ... что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... *Изъ-за нея* (?) онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно и потому только безбожникъ, что на этомъ поприщѣ просторъ ему выказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслажденье должно выражаться на лицѣ актера. Онъ говоритъ и въ то же время смотритъ, какой эффектъ производятъ на другихъ его слова. Онъ ищетъ — —

Земляника человѣкъ толстый, но плутъ тонкій. Несмотря на необъятную толщину свою, имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ, поступкахъ. На вопросъ Хлестакова, какъ называлась съѣденная рыба, онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, за тѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: «Лабарданъ-съ». Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, топить другихъ и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы, не принимая въ

отр... ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А умный актеръ не пропуститъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей, безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что; а потому боится, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о ревизорѣ, хотя не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій для препровожденія времени, которыя онъ начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв...*) Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна, Бобчинскій и Добчинскій (требуютъ особенно, чтобы) были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствованіемъ почтенья (всѣмъ до единаго) и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало — —... Страсть разсказать поглотила всякое другое занятіе. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленіемъ жизни. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе, когда, наконецъ, добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь разсказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему разсказать. Любопытны — отъ желанья имѣть о чемъ разсказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается (отъ желанія пересказать скорѣе). Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько съ приглаженными волосами. У Добчинскаго даже небольшая лысинка на серединѣ головы: видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ по

*) Не дописано.

причинѣ бо́льшей живости и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. (Всѣ мелкіе атрибуты долженъ) бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ.

Всѣ прочія лица: купцы, гостьи, полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящія предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ, умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣчахъ и ухваткахъ человѣка всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, несмотря на то, что эта роль значительнѣе прочихъ. Русскій слуга пожилыхъ лѣтъ,—который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекнувши, что баринъ щелкоперъ и дрянцо, и который любитъ себѣ самому читать нравоученье для барина, который молча плутъ, однако очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться,— извѣстенъ всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякій можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ.

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ ревизоръ. Всѣ заняты ревизоромъ. Около ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ надежда (на правосудіе), на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть наконецъ то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало-быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ за ревизора. Хлестаковъ самъ по себѣ ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему по-

прище для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность (для него самого). Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться, если ничто не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ государственный человѣкъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни — — . Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всѣми чувствами въ то, что говоритъ, и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанія надувать, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производилъ (о чемъ вретъ). Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, (и навела такой) страхъ (на всякаго) чиновника. Вотъ отчего, особенно въ то время, когда онъ разсказываетъ, какъ распекалъ всѣхъ до единаго въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Видя, какъ распекаютъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ [*это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ*]: онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе (распечь наконецъ и самому) другихъ, хотя въ (разсказахъ). Онъ бы и подальше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался больше годнымъ, по какой причинѣ чиновники нашлись принуждѣнными отвести его съ почтеньемъ и страхомъ на отведенный ночлегъ.

Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ напугалъ всѣхъ. Въ немъ попрежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ.

Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно... Просить денегъ, потому что это какъ-то само собой срывается съ языка и потому, что уже у перваго онъ попросилъ и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого-то повыше. Но если бы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать, что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался толчковъ и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно не долженъ упустить изъ виду это желаніе порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди и которое больше всего отразилось въ Хлестаковѣ, — желаніе ребяческое, но оно (бываетъ) у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на вѣку своемъ не случалось въ какомъ-либо дѣлѣ от — — его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя однѣ и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не будетъ въ силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтреность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову.

Послѣдняя сцена «Ревизора» должна быть особенно сыграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положеніе многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе городничаго всѣхъ разительнѣй. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ обманутымъ и притомъ пустѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькій, прочіе всѣ толсты),—быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обмануться такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщенье о пріѣздѣ, наконецъ, настоящаго ревизора для него

громовый ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновенье окаменѣвшую группу въ разныхъ положеніяхъ.

Вся сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ настоящаго ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою, и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ розовымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походить на автоматовъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ репетицій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже въ положеніе свое, данная поза ему усвоится, станетъ естественной, принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматовъ исчезнетъ, и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди у женщинъ при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная (переходить) въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это, которые меньше; другіе вдругъ — это тѣ, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя для того, чтобы видѣть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ: Посрединѣ городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбенѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ на лицѣ. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человѣкъ, который чѣмъ-то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы

говоря: «Вотъ тебѣ, бабушка, и»... За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши роть, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ: одна принимаетъ одно общее движеніе, (стараясь) заглянуть въ лицо городничаго. (Почти цѣлую минуту продолжается эта нѣмая сцена, покуда не опускается наконецъ занавѣсъ). Чтобы завязалась группа ловче и непринужденнѣй, всего лучше поручить (искусному) художнику, умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис...

Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько-нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія пьесы, то они выразятъ такъ же и въ этой нѣмой сценѣ положеніе разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся также холодны и натянуты, какъ здѣсь, съ тою разницею, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ

„РАЗВЯЗКѢ РЕВИЗОРА“.

Семенъ Семеновичъ. Что это, Михалъ Михалчъ, что вы говорите, какой душевный городъ?

Михалъ Михалчъ. Мнѣ такъ показалось. Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во всѣ глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящій ревизоръ, о которомъ одно возвѣщенье въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что этотъ вѣтреникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ, чиновникамъ — и потомъ пропадаетъ, такъ же какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотрадно-печальное окончаніе, отъ котораго такъ возмутился и потрясся зритель, предстало передъ меня въ напоминаніе, что и жизнь, которую привыкаемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею говоритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ вначалѣ взять того ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, и съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядѣть свою

душу и вооружиться такъ же противъ страстей, какъ вооружается государь противу продажныхъ чиновниковъ; потому что они такъ же крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянье государства, — съ настоящимъ ревизоромъ: потому что лицемѣрныя наши страсти, и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣетъ такъ искусно подъѣхать къ намъ и ловко передъ нами изворотиться, какъ не изворитились передъ Хлестаковымъ проныры-чиновники, такъ что готовъ даже принять ихъ за добродѣтели, готовъ даже похвастаться порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мысль того, что можешь остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ здѣсь вы нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью или настоящаго ревизора съ настоящею совѣстью? Николай Николаичъ! скажите мнѣ поистинѣ: находите вы здѣсь какое-нибудь сходство?

Николай Николаичъ. Признаюсь, никакого.

Семенъ Семенчъ. И я тоже; какъ ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Сознаюсь вамъ, Михалъ Михалчъ, откровенно: несмотря на то, мысль недурна и могла бы послужить даже предметомъ сочиненія художественнаго; но я не думаю, чтобы авторъ ее имѣлъ въ виду.

Николай Николаичъ (*ръшительно*). Вздоръ! Онъ и въ помышленіи этого не имѣлъ!

Михалъ Михалчъ. Да развѣ я вамъ говорю, что авторъ имѣлъ ее въ виду. Я вамъ впередъ сказалъ: «Авторъ не давалъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свой». Авторъ, если бы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно. Комедія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея выйти какая-нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь. Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ, — собрать въ кучку все, что есть похуже въ нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ кар-

тинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ проялъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти. Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напалъ на то, которое вамъ теперь разсказалъ.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученье всѣ,—нравоученье ближайшее, доступное всѣмъ, а не то отдаленное, которое можетъ вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожій на прочихъ человѣкъ. Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?

Николай Николаичъ *(тостшно).* Именно! вотъ настоящій вопросъ! Разрѣшите-ка прежде это: зачѣмъ одни вы это вывели, а не всѣ?

Семенъ Семенчъ. Да, Михалъ Михалчъ, зачѣмъ одни вы это вывели? Зачѣмъ одни вы это вывели?

Михалъ Михалчъ. Во-первыхъ, почему вы знаете, что это нравоученье вывелъ одинъ я? А во-вторыхъ, почему вы считаете его отдаленнымъ? Я думаю, напротивъ, ближе всего къ намъ собственная наша душа. Я имѣлъ тогда въ умѣ душу свою, думалъ о себѣ самомъ, потому и вывелъ это нравоученье. Если бы и другіе имѣли въ виду прежде себя, вѣроятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывелъ и я.—Но развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенію писателя, какъ пчела къ цвѣтку?—затѣмъ чтобъ извлечь изъ него нужное себѣ. Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья *другимъ*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли затѣмъ, чтобы посмѣяться, и всякій изъ этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ, и

онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: «да развѣ у меня рожа крива?»

Семенъ Семенычъ. Михалъ Михалчъ, я говорю не въ томъ смыслѣ.

Михалъ Михалчъ (*прерывая*). Позвольте, Семенъ Семенчъ! Вы человѣкъ благородный, человѣкъ истинно-русскій въ душѣ, человѣкъ, наконецъ, который глядитъ уже глазами христіанина на жизнь—зачѣмъ вы произносите рѣчи, противныя вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачѣмъ вы всякій разъ позабываете, что предметъ комедіи и вообще сатиры не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ; что чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмутила и привела отъ него въ содроганье зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое значеніе. Зачѣмъ вы всякій разъ это позабываете и всякій разъ хотите сатирѣ навязать предметы, приличные трагедіи? Зачѣмъ не взглянете на произведенье писателя также глазами христіанина? Нѣтъ, кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ его себѣ; кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что нужно, тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ; тотъ увидитъ, что съ бо́льшей силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемѣрія. Нѣтъ, оставьте сатиру въ покоѣ: она дѣло свое дѣлаетъ. Дурного не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно ни было. Но если хотите ужъ поступать христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и приложите всякую комедію [къ самому себѣ], прежде чѣмъ замѣчать отношеніе ея къ цѣлому обществу. Ужъ ежели дѣйствовать по-христіански, такъ всякое сочиненіе, гдѣ ни поражается дурное, слѣдуетъ лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нѣтъ порока, замѣченнаго нами въ другомъ, котораго хотя отраженья не присутствовало бы и въ насъ самихъ — не въ такомъ объемѣ, въ другомъ видѣ, въ другомъ платьѣ, поприличнѣй и поблагообразнѣй, принарядившись, какъ Хлестаковъ. Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба! Сами это знаемъ, а знать не хочемъ! Кипитъ душа страстями, говоримъ всякій день, а гнать не хотимъ. И бичъ въ рукахъ, данный на то, чтобы гнать ихъ.

[Семенъ Семенычъ]. Да гдѣ-жъ бичъ? Какой бичъ?

[Михалъ Михалчъ]. А смѣхъ развѣ не бичъ? Или, думаете, даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится! Значитъ, онъ данъ на доброе дѣло. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ, за тѣмъ ли, чтобы такъ, попусту смѣяться? Если онъ данъ намъ на то, чтобы поражать имъ все, позорящее высокую красоту человѣка, зачѣмъ же прежде всего не поразимъ мы то, что порочитъ красоту собственной души каждаго изъ насъ? Зачѣмъ не обратимъ его во внутрь самихъ себя—изъ государства не изгоняемъ собственныхъ нашихъ взяточниковъ? Зачѣмъ одинъ намекъ о томъ, что вы надъ собой смѣетесь, можетъ привести во гнѣвъ? Какъ бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая наклонность наша все-таки хочетъ сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только подъ этой личиной пробирается намъ въ душу, потому что благородна наша природа и не допуститъ ее къ себѣ въ безстыдной наготѣ. Но, повѣрьте, когда выставишь передъ самимъ собой ее на смѣхъ и, не пощадя ничего, поразишь такъ, что отъ стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое,—тогда эта страсть не посмѣетъ остаться въ душѣ нашей и убѣжитъ, такъ что и слѣда ея не отыщешь.

Семенъ Семенчъ. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противъ собственнаго [лица]?

Петръ Петровичъ. Я думаю только, что это возможно для человѣка, который почувствовалъ благородство природы и омерзѣніе къ своимъ недостаткамъ.

Михалъ Михалчъ. Я думаю только, что если онъ сверхъ [того] и русскій въ душѣ, тогда ему возможнѣй. Согласитесь: смѣхъ у насъ есть у всѣхъ; свойство какого-то безпощаднаго сарказма разнеслось у насъ даже у простого народа. Есть также у насъ и отвага оторваться отъ самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало-быть, у насъ однихъ только можетъ быть возможенъ поворотъ смѣха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мнѣ, что я лгу; уничтожьте, разрушьте убѣжденіе мое, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушьте уже и меня, бѣднаго скомороха, который живетъ этимъ убѣжденьемъ, которое испробовалъ на соб-

ственномъ своемъ тѣлѣ. Семенъ Семенычъ, развѣ у меня не такая же русская кровь, какъ и у васъ? Развѣ я могу почувствовать въ мои высшія минуты иное что̀, какъ не то же, что̀ способны почувствовать и вы въ такія? Развѣ я не стою теперь передъ вами въ мою высшую минуту? Служба моя кончилась; я схожу съ театра, на которомъ служилъ 20 лѣтъ. Вы сами меня увѣнчали вѣнками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что̀ я теперь сказалъ. Смотрите: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ—теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго Государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Николай Николаичъ! Ѳедоръ Ѳедорычъ! Семенъ Семенычъ и вы всѣ товарищи, съ которыми дѣлилъ я время труда, время наставительныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ я многому поучился и съ которыми разстаюсь теперь! Друзья! публика любила талантъ мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите послѣ меня этотъ смѣхъ,—отнимите у тѣхъ, которые обратили его въ кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Говорю вамъ: вѣрьте этимъ словамъ... Онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собой, а не надъ другимъ. И въ комъ ужъ нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться!.. Дастъ онъ за него отвѣтъ!..

НОЧИ НА ВИЛЛѢ.

Ночь 1-я.

Онѣ были сладки и томительны, эти безсонныя ночи. Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! Онъ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже! съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И если-бъ моя смерть могла возвратить его къ здоровью, съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!

Я не былъ у него эту ночь. Я рѣшился, наконецъ, заснуть ее у себя. О! какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, несмотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ. Мнѣ онъ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онъ увидѣлъ меня, лежащій въ постели. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку. Пожалъ ее любовно. «Измѣнникъ!» сказалъ онъ мнѣ: «ты измѣнилъ мнѣ». — «Ангелъ мой!» сказалъ я ему: «прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданіемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ: прости меня!» Кроткій! онъ по-

жалъ мою руку! Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью! — «Голова моя тяжела», сказалъ онъ. Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра. «Ахъ! какъ свѣжо и хорошо!» говорилъ онъ. Его слова были тогда... что они были!.. Что бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ... нѣтъ! о нихъ не стоитъ говорить! Ты, кому попадутся, — если только попадутся, — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищъ и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою-бъ злостью растопталъ и подавилъ все, что сыплется отъ могучаго скиптра полночнаго царя, если-бъ только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе, на лицѣ его!

«Что ты приготовилъ для меня такой дурной май?» сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій за стеклами оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣтшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листками розъ.

Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдохнуть немного и приготовить ему, чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе скуки выражалось на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ. Слегка махнулъ рукой. «Спаситель ты мой!» сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова. «Ангелъ ты мой! ты скучалъ?» — «О, какъ скучалъ!» отвѣчалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались; онъ все еще жалъ мою руку.

Ночь 8-я.

Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее поло-

женіе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постели. Душенька мой! Его уставшій взглядъ, его теплый пестрый сюртукъ, медленное движеніе шаговъ его — все это я вижу, все это передо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель: «Теперь я пропавшій человѣкъ». — «Мы всего только полчаса останемся въ постели», сказалъ я ему: «потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла». Я глядѣлъ на тебя, мой милый нѣжный цвѣтъ! Во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постели и въ креслахъ, я слѣдилъ твои движенія и твои мгновенья, прикованный непостижимою къ тебѣ силою.

Какъ странно-нова была тогда моя жизнь и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! Но, мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ, мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя. И всѣ эти чувства, сладкія, молодыя, свѣжія, — увы! жители невозвратимаго міра, — всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ бо́льшую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе я увидѣлъ исчезающую мою жизнь? Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобы потомъ скрыться навѣки.

НАВРОСКИ, ВЫПИСКИ, ОТРЫВКИ.

I.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебряное сіяніе и въ (теплое) роскошное дыханіе Юга.

(Освѣтить) Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестершимаго блеска!

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удалившихся вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ, козачкомъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ силы и свободы, и въ ужасный, дышащій дикимъ мщеніемъ порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное, дикое и нечеловѣческивеликодушное.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

Отвѣчаетъ сравн[еніемъ], иносказательно: «Правда, случается, что волъ падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать ножъ; но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи».

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ, о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ.

ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ.—«Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сноровка бунтовать—такъ, чтобы не побунтовать, не можетъ проклятый народъ: такъ вотъ у него рука чешется; дармоѣдничаетъ да повѣсничаетъ по шинкамъ да по улицамъ».

Разсказываютъ про клады и сокровища запорожцевъ. «Уйду на Запорожье, здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ».

Монахинямъ такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

Демьянъ превращается въ кашевара, Самко въ.....

Мужики.

Разговоръ между мужиками. «Вздорожало все, дорого. За землю, ей-Богу, не длиннѣе вотъ этого пальца — 20 четвериковъ, 4 пары цыплятъ, къ Духову дню да къ Пасхѣ — пару гусей, да 10 съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ дѣтъ третьяго вола».

Улицы древней Варшавы.

Въ Старомъ мѣстѣ было домовъ 39.
Улица Новомiейская домовъ 12.
На Кривомъ Колѣ 18.
Улица S. Яна 6.
Гродская.

Рыцарскiе.

Не поединки, а раздѣлываются драками; набравши съ собою, сколько можно больше, слугъ и выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ.

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь! любишь ли ты меня? Попрежнему ли ты глядишь на своего любимца, не измѣнившагося ни годами, ни тратами, и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ? Ты такъ же ли, попрежнему ли смѣешься, мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! Такiе ли звуки, такiе снуются и дрожатъ въ тебѣ? (Я) Клянусь, я слышалъ эти звуки, я

слышалъ ихъ одинъ въ то время, когда я передъ окномъ: на груди рубашка раздернута и грудь, и шея моя — навстрѣчу освѣтительному ночному вѣтру. Какой божественный, какой чудесный и обновляющій, утомительный, дышащій нѣгой и благовоніемъ, рай и небеса — вѣтеръ ночной, дышащій радостнымъ холодомъ вѣтеръ урывками обнималъ меня и обхватывалъ своими объятіями и убѣгалъ, и вновь возвращался обнимать меня, а черныя, угрюмыя массы лѣса, нагнувшись, издали глядѣли и... стоялъ торжественно несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О, небеса! Какъ загорѣлось все! какъ вспыхнуло! У, какой громъ!... А мѣсяцъ, мѣсяцъ!... Отдайте, возвратите мнѣ, возвратите юность мою, молодую крѣпость силъ моихъ, меня, меня свѣжаго, того, который былъ! О, невозвратимо все, что ни есть на свѣтѣ!

Сказавши монологъ, долго кричитъ. Выходитъ мать. «Дочь, А тебя болитъ голова», и прочее.

«Нѣтъ, не голова. Болѣю я вся: болятъ мои руки, болятъ мои..., болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ. Воды, мать моя, матушка, мамуся! Дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята моя злодѣйка, и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ сво, что кричали! Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ нечистой водѣ искупала[сь], въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проползла гадина.

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. «Бѣгите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ». Въ этомъ положеніи находя... Укладывается старушка, плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

«Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что вокругъ меня».

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ рисуется прежнее счастіе и богатство, которое могло. Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями, со всѣмъ и строгое покореніе судьбѣ. Обѣты, и какъ будетъ молиться, какъ припадать къ иконѣ: «и все буду плакать, и ничего, никакой пищи бѣдному сердцу, не порадую его никакимъ воспоминаніемъ».

И вдругъ... Здѣсь встрѣча съ соперницей въ уничтоженномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Потоки упрековъ и злобная радость. Потомъ опомнивается и вспоминаетъ объ обѣтахъ, бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто-козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не значитъ, что нужно склонить полковниковъ. Народъ обступаетъ ихъ дома и вынуждаютъ... И сказать, какимъ же образомъ...

II.

Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти.

Дѣвицы Чабловы, дочери бѣдныхъ родителей, вышли вмѣстѣ изъ института въ одно время и вдругъ очутились среди свѣта, огромнаго, великаго, со страхомъ и робостью въ душѣ. Онѣ были умны. Какимъ образомъ онѣ сдѣлались умны, никто не зналъ. Можетъ-быть, это было внушено имъ отъ рожденія, какъ инстинктъ, или, можетъ-быть, онѣ умѣли извлечь крупицы опытности и здраваго сужденія изъ книгъ, которыя имъ удавалось читать, изъ которыхъ не всякій умѣетъ извлекать что-либо. Дѣло въ томъ, что онѣ задумались о своемъ существованіи и,—въ то время, когда вѣтреная и малодушная бросается на свѣтъ безъ разсмотрѣнія, какъ бабочка на свѣчу,—онѣ уже захотѣли сдѣлать для себя планъ жизни и предначертать заранѣе для самихъ себя правила, въ законахъ которыхъ обращалась бы ихъ жизнь,—вещь, совершенно необыкновенная въ дѣвицахъ осьмнадцатилѣтнихъ.

III.

Начало неоконченной повѣсти.

Можно биться объ закладъ, что читатель, если ему случится только проѣзжать заштатный городишко Погаръ, увидитъ, что изъ окна одного деревяннаго, весьма крѣпкаго, дома съ высокою крышею и двумя бѣлыми трубами, глядитъ весьма полное и безъ всякихъ рябинъ лицо, цвѣтомъ нѣсколько похожее на свѣжую, еще не поношенную подошву. Это—Семенъ Семеновичъ Батюшекъ, помѣщикъ, дворянинъ, губернскій секретарь. Онъ завелъ обыкновеніе глядѣть изъ окна рѣшительно на все, что̀ ни есть на улицѣ. Ѣдетъ ли проѣзжій какой-нибудь дворянинъ, можетъ-быть, тоже губернскій секретарь, а можетъ-быть и повыше, въ коляскѣ покойной, глубокой какъ арбузъ, изъ которой смотрятъ хлѣбъ, няньки, подушки, или просто жидъ-извозчикъ на облучкѣ рогожаной..... *), съ узкою длинной бородой, въ которой оставили весьма немного волосъ разные господа, одѣтые въ военныя и партикулярныя платья; или пронесется вихремъ на тройкѣ разбойникъ и б...унъ ремонтеръ,—онъ все это разсмотритъ. Если-жъ и никто не проѣдетъ — ничего: это не бѣда,—Семеновичъ посмотритъ и на курицу, и на гусыню, которая пробѣжитъ передъ окномъ,—и весьма внимательно,—отъ головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, онъ изъ окна, тутъ же, подастъ благоразумные совѣты: кому податься впередъ, кому [назадъ], и первому проходящему прикажетъ помочь. Если одинъ изъ очень быстрыхъ его глазъ завидитъ, что мальчишка лѣзетъ черезъ заборъ въ чужой огородъ или начкаетъ угленъ на стѣнѣ неприличную фигуру, онъ подзываетъ очень ласковымъ голоскомъ къ себѣ, велитъ потомъ подвинуться ему ближе къ окну, потомъ еще ближе, потомъ, протянувши руку, хвать его за ухо и отдеретъ этого бѣднаго такимъ образомъ за ухо, что тотъ унесетъ его домой висящее на одной ниточкѣ, какъ нерадиво пришитая пуговица къ сюртуку. Если подерутся два мужика, то онъ сію-жъ минуту, тутъ же изъ окна, надъ ними судъ: допроситъ, чьи они, велитъ позвать Петрушку и Павлушку,—повара и комнатнаго лакея въ узкой сѣрой курткѣ, неизвѣстно по какой причинѣ съ военнымъ

*) Пропущено какое-то слово, вѣроятно: «кибитки».

воротникомъ, — и тутъ же высѣчетъ обоихъ мужиковъ, а другимъ еще прикажетъ придерживать: ему нѣтъ нужды, что не его люди.

Только на два часа въ день прячется это лицо. Это случается во время и послѣ обѣда, когда онъ имѣетъ обыкновеніе отдыхать. Но и тутъ, случись только какое-нибудь происшествіе на улицѣ, Семеновичъ, какъ паукъ, къ которому попадается въ паутину муха, вдругъ выбѣжитъ изъ своего угла, и уже такъ знакомое заштатному городишкѣ лицо, цвѣта еще не ношенной подошвы, торчитъ у окна.

Объявленіе о выѣздѣ.

Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, ищетъ попутчика до Вѣны, имѣющаго собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ; на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя*).

Черновой текстъ того же объявленія.

*) «Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто—человѣкъ смирный и незаносчивый—не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Погодина, Ник. Вас. Гоголя.

НАЧАЛО РЕЦЕНЗІИ,

НАПЕЧАТАННОЙ ВЪ «МОСКВИТЯНИНѢ».

Утренняя Заря, альманахъ на 1842 г., изданный В. Владиславлевымъ. С.-Петербургъ. Въ типогр. III отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи. 1842 г., въ 16-ю, 369 стр.

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Александровны занимаетъ первое мѣсто. Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно русскій наканунѣ Новаго года всмотрится въ нихъ внимательнѣе, какъ во что-то свѣтлое, пророческое. И всѣ прочіе портреты прекрасны; не безъ тайной внутренней гордости разсматриваешь ихъ, видя, что едва ли красавицы Сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами, украшающими европейскіе кипсеки. Портретъ графини Елены Михайловны Завадовской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая ясность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ. Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгденъ. Наконецъ, типъ чисто-славянской красоты виденъ въ профилѣ княжны Маріи Ивановны Барятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи, куда едва доходятъ слухи о столицѣ, и не одинъ, одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ, полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты,

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать «Утреннюю Зарю».

Жаль подвергнуть это блестящее издѣліе строгому перу суровой критики. Она передъ нимъ остановится, какъ передъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ, боясь дуновеніемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтеніе красавицы. Свѣтскій слогъ, гладкость языка, строгое приличіе во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ, словомъ — это сіяющая игрушка.

МЕРИМЕ.

Мериме безспорно замѣчательный писатель 19-го вѣка французской литературы. Пушкинъ уважалъ его много. Онъ называлъ его остроумнымъ и оригинальнымъ писателемъ, а сочиненія—замѣчательными въ нынѣшнемъ униженномъ, жалкомъ упадкѣ французской литературы (смотри: *Сочиненія Пушкина*, томъ IV, въ предисловіи къ «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ»). Имя Мериме не было такъ часто на устахъ Европы, какъ другихъ, менѣе награжденныхъ дарами генія, но болѣе плодовитыхъ писателей, которые мѣтили на эффектъ и желаніе изумить, во что бы ни стало. Немного произведеній вышло изъ-подъ пера Мериме; но всѣ они носятъ яркую печать таланта. Много правды, много вѣрности и въ бѣглыхъ и, такъ сказать, мимоходомъ разбросанныхъ замѣткахъ, много познаній и опыта. Драматическія сцены, вышедшія подъ названіемъ «Театра Клары Газюль», блестятъ поэтическими чертами. Многое изъ среднихъ вѣковъ въ нихъ придвинуто чрезвычайно близко и почти рисуется передъ глазами. Вездѣ заключена мысль, и является что-нибудь изъ сильныхъ и отличительныхъ движеній тогдашнихъ характеровъ.

Нынѣ (вышедшее) въ переводѣ: «Души въ чистилищѣ», безъ всякаго сомнѣнія, поразитъ читателя прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ сюжета, живымъ, быстрымъ, увлекательнымъ разсказомъ, свѣжими красками Испаніи, тонкими наблюденіями, острыми и смѣлыми замѣчаніями. И сколько разсыпано ума на этихъ немногихъ страницахъ.

Мериме, какъ очень легко можно видѣть изъ всѣхъ .... , вовсе не былъ занятъ тѣмъ, чтобы угождать вкусу публики; онъ шелъ какъ-то совершенно въ сторонѣ; даже предметы избиралъ не тѣ, которыхъ требовала модная потребность (sic) читателей. Кажется, его не занимали покупатели и слава, какъ будто бы въ однѣ только минуты отдыха отъ жизни и бездѣльно-дѣловаго теченія дней ея писалъ онъ свои произведенія. И сама жизнь его какъ-то не сходится съ общею жизнію Европы. Его имя не попало въ современную политическую сферу; его не слышно въ палатѣ перовъ. Онъ не публицистъ; нѣтъ ни одной рѣчи, имъ произнесенной. Онъ взялъ себѣ должность инспектора памятниковъ и древностей, разсѣянныхъ по Франціи: ихъ обсматривать, доносить о состояніи ихъ, изслѣдовать и поддерживать—вотъ что опредѣлилъ онъ своимъ дѣйствіемъ. Мериме обладаетъ кромѣ того той способностью, которая не дается французу,—именно способностью схватывать вѣрно мѣстныя краски, чувствовать народность и передать ее и даже поддѣлаться подъ нее. Всѣмъ извѣстно выданное имъ собраніе славянскихъ пѣсенъ, подъ именемъ: «Гусли». Собраніемъ ихъ онъ поддѣлъ даже самого Пушкина, который принялъ ихъ за подлинныя и съ такою вѣрною простотою передалъ ихъ въ полновѣсныхъ стихахъ своихъ. Почувствовать и угадать духъ славянскій—это уже слишкомъ много и почти невозможно для француза: по природѣ своей эти двѣ націи не сходятся между собою въ характерахъ; къ тому же французу трудно забыть на минуту, что онъ французъ. Съ этой-то стороны Мериме является въ своихъ созданіяхъ далеко выше своихъ писателей-соотечественниковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

I.

Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. (1834—1842),

Программа лекцій среднихъ вѣковъ. Составлена передъ началомъ курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1834 г., куда Гоголь назначенъ былъ адъюнктомъ 24 іюля 1834 года; впервые напечатана, какъ и слѣдующіе труды Гоголя, относящіеся къ его университетскому преподаванію, въ десятомъ изданіи сочиненій Гоголя.

Библіографія среднихъ вѣковъ. Составлена приблизительно въ то же время, какъ и программа лекцій.

Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ. Лекціи эти были читаны Гоголемъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1834 и 1835 годахъ.

Альфредъ. Набросано въ первой половинѣ 1835 года.

Введеніе въ древнюю исторію — написано около 1834 года; впервые напечатано въ газетѣ «Новое Время» (1877, № 442, 24 мая).

Наброски изъ древней исторіи. Относятся, вѣроятно, къ 1835 году, когда Гоголь долженъ былъ принять на себя на короткое время чтеніе лекцій по древней исторіи; впервые напечатаны въ шестомъ томѣ десятаго изданія сочиненій Гоголя.

Александръ. Эта статейка напечатана впервые въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Тарасъ Бульба. См. примѣчанія къ этому произведенію въ первомъ томѣ настоящаго изданія.

Петербургскія записки 1836 года. Состоятъ изъ двухъ частей: первая написана въ концѣ 1835 года, вторая въ апрѣлѣ и маѣ 1836 года. Напечатаны были въ первый разъ въ «Современникѣ» Пушкина, изданномъ по смерти его, въ шестомъ томѣ, цензурное разрѣшеніе котораго помѣчено: «2 мая 1837 г.».

Рецензіи, помѣщенныя въ «Современникѣ» Пушкина. Начаты и кончены въ февралѣ—мартѣ 1836 года.

Рецензіи, написанныя для «Современника», принадлежатъ, очевидно, къ тому же времени, какъ и предыдущія, и набросаны рядомъ съ ними въ тѣхъ же самыхъ записныхъ тетрадяхъ, но въ «Современникѣ» напечатаны не были.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые хотѣли бы сыграть, какъ слѣдуетъ «Ревизора». Написано, вѣроятно, въ концѣ 1842 года.

Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора». Написано во второй половинѣ 1847 года.

Ночи на виллѣ. Набросано въ маѣ 1839 года.

Наброски, выписки, отрывки—относятся къ 1839 году.

Объявленіе о выѣздѣ. Написано въ 1840 г. и напечатано въ прибавленіи къ № 28 «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (6 апрѣля, второе отдѣленіе, объявленія частныя, № 90, стр. 426).

Начало рецензіи, напечатанной въ «Сосвитянинѣ», относится къ началу этого года.

Мериме. Впервые напечатано въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Оглавленіе

ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

I.

Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя".

	стр
Программа лекцій среднихъ вѣковъ	5
Библіографія среднихъ вѣковъ	11
Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ	15
Альфредъ (начало трагедіи изъ англ. исторіи)	53
Введеніе въ древнюю исторію	73
Наброски изъ древней исторіи	74
Александръ	78
Тарасъ Бульба (редакція, напечатанная въ «Миргородѣ».) (1835).	79
Петербургскія записки 1836 года	148
Рецензіи, помѣщенныя въ «Современникѣ» Пушкина	162
Рецензіи, написанныя для «Современника»	170
Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые хотѣли-бы сыграть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора»	183
Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора»	193
Ночи на виллѣ	199
Наброски, выписки, отрывки	202
Объявленіе о выѣздѣ	207
Начало рецензіи, напечатанной въ «Москвитянинѣ»	208
Мериме	210
Примѣчанія редактора	212

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографіею Н. В. Гоголя, составленною В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайлов. просп., 29.

СОЧИНЕНІЯ,

относящіяся ко второй половинѣ 40 годовъ,

изданныя послѣ смерти автора.

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ.

Проспектъ.

Въ двухъ большихъ томахъ: въ первомъ *часть поэтическая*, во второмъ—*часть прозаическая*. — Каждый томъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой половинѣ изложеніе правилъ, или теорія, во второй — примѣры. Первая половина, то-есть правила, должна быть напечатана большими четкими литерами всплошь (sic), не раздѣляя на столбцы, съ широкимъ бордюромъ вокругъ, дабы не слишкомъ велика была квадра,—съ пробѣлами и разстановками; вторая же половина, или примѣры, должна быть напечатана тѣсно въ два столбца мелкимъ шрифтомъ и вокругъ, вмѣсто бордюра, одна тоненькая линеечка или черта. Заглавія тѣ же и въ правилахъ и въ примѣрахъ, и должны быть занумерованы тѣми же номерами,—дабы вдругъ можно было, по прочтеніи правила, найти ему соотвѣтствующіе и принадлежащіе примѣры.

О наукѣ.

Наука у насъ еще не разработывается какъ полное цѣлое; еще не думаютъ о совокупленіи ея въ цѣльное крѣпкое ядро. Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются не переварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостиныхъ спорахъ и разговорахъ: всего нанесено и все не переварилось. А между тѣмъ

только въ одной русской головѣ (если только эта голова устоялась) возможно созданіе науки какъ науки, и русскій умъ войдетъ въ сокъ свой. Наука, окинутая русскимъ взглядомъ, всеозирающимъ, расторопнымъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ сторонніхъ вліяній...

Ибо русскій отрѣшился даже отъ самого себя, чего не случалось доселѣ ни съ однимъ народомъ. Нѣмцу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, не отрѣшиться отъ нѣмца; французу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, во всѣхъ его мнѣніяхъ и словахъ будетъ слышенъ французъ; англичанину и подавно болѣе всѣхъ нельзя отдѣлиться отъ своей природы. Стало-быть, полное безпристрастіе возможно только въ русскомъ умѣ, и всесторонность ума можетъ быть доступна одному только русскому, разумѣется, при его полномъ и совершенномъ воспитаніи. Къ этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малѣйшіе оттѣнки другихъ націй и, наконецъ, живое и мѣткое наше слово, не *описывающее*, но *отражающее*, какъ въ зеркалѣ, предметъ. Наука у насъ непремѣнно дойдетъ до своего высшаго значенія и поразитъ самымъ существомъ, а не краснобайствомъ преподавателя, его даромъ разсказывать, или же примѣненіями къ тому, что̀ интересуетъ [моду], и всякими другими нарумяниваніями и подслащиваніями, которыми стараются сдѣлать науку (заманчивою и) удобопроглотимою. Она поразитъ у (насъ всѣхъ) своимъ живымъ духомъ, изъ нея же исходящимъ, и симъ только станетъ доступною всѣмъ: и простолюд(ину), и не простолюдину (sic). Ея сила будетъ въ ея многозначительномъ краткословіи, а краткословья этого, сколько мнѣ кажется, не добыть никому изъ народовъ кромѣ русскаго, ибо сама природа наша требуетъ его. Намъ не нужно то постепенное, медленное развитіе мыслей, не прерывающійся исходъ и выводъ одного изъ другого, безъ котораго нѣмецъ не ступитъ шаг(а) и не пойдетъ по дорогѣ. У насъ, напротивъ, всякій скучаетъ, начиная отъ образованнаго до простолюдина, когда ему дается [слишкомъ] долгая инструкція, и толкуютъ то, что̀ онъ и самъ уже смекнулъ, и не можемъ итти шагъ за шагомъ, такъ, какъ идетъ нѣмецъ. Отсюда неуспѣхъ всякаго изложенія науки ходомъ нѣмецкой философіи. Прослѣди лучше нашъ ученый самъ въ себѣ науку, прежде чѣмъ сталъ ее проповѣдывать; проживи такъ въ бесѣдѣ съ нею, какъ монахъ

живетъ съ Богомъ, наложивъ молчаніе на уста свои. И когда уже совокупилась въ тебѣ самомъ наука въ одно крѣпкое ядро, и содержишь ее въ головѣ всю въ неразрушаемой связи; тогда можешь проповѣдывать ее. И нечего уже тогда [плестись]: не бойсь, нити не потеряешь, когда она въ головѣ. [Несись] ровными и мѣрными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, какъ добрый ямщикъ, который ни лошадей не горячитъ, ни самъ не горячится, несется не подлой рысцей, не во всю прыть, не сломя голову, а тѣмъ веселящимъ сердце летомъ, съ какимъ началъ дорогу, и прилетаетъ на станцію, не заморивъ коней, ни себя самого. Иной ѣзды мы не любимъ. Смѣло поступи, какъ нашъ сказочный конь: мелкіе кусты и терновникъ промежъ ногъ пропускаетъ. Помни, что (говоришь ты русскимъ: смекнуть)! Не заботься: тебя поймутъ,—смѣтливость—наше свойство, и у насъ давно живетъ пословица: «умный попъ хоть губами шевели, а мы, грѣшные, догадываемся».

Что такое слово и словесность?

Говорится все, записывается немногое, и только то, что нужно. Отсюда значительность литературы. Все, что должно быть передано отъ отцовъ къ сыновьямъ въ ученіе, а не то, что болтаетъ [модный людъ], то должно быть предметомъ словесности. Поэтому только тотъ, кто больше, глубже знаетъ [каждый] предметъ, кто имѣетъ сказать что-либо новое, тотъ только можетъ быть литераторомъ. Поэтому злоупотребленіе, если кто пишетъ безъ надобности или потребности внутренней передать свои (убѣжденія), кто пишетъ только затѣмъ, (чтобы писать). Поэтому для того, чтобы писать, нужно имѣть или очень много свѣдѣній и познаній не общихъ всѣмъ,—тогда писанья его будутъ принадлежать къ области науки; или же изобиліе ощущеній и опытности,—тогда онъ поэтъ, и его произведенія принадлежатъ области поэтической.

Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себѣ предметъ, о которомъ говоритъ.

Письменностью или словесностью называютъ сумму всего духовнаго образованія человѣка, которое передано было когда-либо словомъ или письмомъ. Но въ самомъ дѣлѣ словесность не есть сумма всѣхъ познаній человѣческихъ.

Она не есть также сама въ себѣ что-либо существенное. Она есть только *образъ*, которымъ передаетъ человѣкъ человѣку все имъ узнанное, найденное, почувствованное и открытое, какъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій, такъ и въ мірѣ явленій внутреннихъ, происходящихъ въ собственной душѣ его. Ея дѣло въ томъ, чтобы передать это въ видѣ яснѣйшемъ, живѣйшемъ, способномъ остаться навѣки въ памяти. Открытіемъ тайны такового живого передаванія занимается *наука словесности*. Но научить этой тайнѣ не можетъ наука словесности никого, такъ же какъ никакой наукѣ и никакому искусству нельзя научиться въ такой степени, чтобы быть мастеромъ, а не ремесленникомъ,—если не даны къ тому способности и орудія въ насъ самихъ. Но при всемъ томъ наука словесности (такъ же нужна), какъ для всякаго другого знанія нужна наука. Нужно для того, чтобы ввести въ сущность дѣла, показать, въ чемъ дѣло, дабы, если точно есть въ насъ способности, силы, — навести ихъ на путь, вдвинуть ихъ въ надлежащую колею; дабы, какъ по углаженной дорогѣ, быстрѣе устремилось бы (sic) ихъ развитіе. Если жъ нѣтъ способностей, то чтобы зналъ учащійся, чего требуетъ предметъ этотъ; — видѣлъ бы всю великость того, чего онъ требуетъ, и не отважился бы вслѣдъ за другими приниматься за ея роды высокіе, или же просто несвойственные его свойству (sic), а выбралъ бы оружіе по рукѣ. Ибо словесность обширна, объемлетъ все, и нѣтъ человѣка, который не былъ бы способенъ для какого-нибудь ея рода, если только есть въ головѣ его разсудокъ и можетъ онъ о чемъ-нибудь порядочно размыслить.

Есть два языка словесности, двѣ одежды слова, два слишкомъ отличныхъ рода выраженій: одинъ слишкомъ возвышенный, весь гармоническій, который не только живымъ, картиннымъ представленіемъ всякой мысли, самыми чудными сочетаніями звуковъ усиливаетъ силу (sic) выраженій и тѣмъ живѣй выдаетъ жизнь всего выражаемаго, родъ доступный весьма немногимъ и симъ даже немногимъ доступный только въ минуты глубоко растроганнаго состоянія душевнаго (и гармоническаго) настроенія чувствъ, называемый поэтическимъ, высшимъ языкомъ человѣческимъ, или, какъ называли всѣ народы, языкомъ боговъ;—и другой, простой, не ищущій слишкомъ живыхъ образовъ, картинности выраженія, ни согласныхъ сочетаній въ звукахъ, пре-

дающій(ся) естественному ходу мыслей своихъ въ самомъ покойномъ расположеніи духа, въ какомъ способенъ находиться всякій,—родъ прозаическій. Онъ всѣмъ доступный, хотя между тѣмъ можетъ непримѣтно возвыситься до поэтическаго состоянія и гармоніи, по мѣрѣ (того), какъ доведется къ такому растроганному настроенію душевному, до котораго также можетъ достигнуть всякій человѣкъ въ душевныя, истинныя минуты. Само собою разумѣется, что какъ въ томъ родѣ, такъ и въ этомъ есть тысячи оттѣнковъ и ступеней высшихъ и низшихъ, изъ которыхъ однѣ даются въ удѣлъ только необыкновеннымъ геніямъ, другія—счастливымъ талантамъ, и наконецъ третьи — почти всѣмъ сколько-нибудь способнымъ людямъ. Само собою также разумѣется, что иногда тотъ и другой родъ врываются въ предѣлы другъ друга, и то, что иногда поэзія можетъ снисходить почти до простоты прозаической и проза возвышаться до величія поэтическаго. Но тѣмъ не менѣе они(?) составляютъ два отдѣльные рода человѣческой рѣчи. Отдѣлъ этотъ слишкомъ явственъ и рѣзокъ. Слова поэзія и проза произносятся въ такомъ же противорѣчащемъ другъ другу значеніи, какъ слова день и ночь.

О поэзіи.

Родникъ поэзіи есть красота. При видѣ красоты возбуждается въ человѣкѣ чувство хвалить ее, пѣснословить и пѣть,—хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовалъ красоту имъ восхваляемаго. Поэтъ только тотъ, кто болѣе другихъ способенъ чувствовать красоту творенія. Потребность подѣлиться своими чувствами воспламеняетъ его и превращаетъ въ поэта. (Въ минуту же такого превращенія она освящаетъ и очищаетъ самую душу, потому что самое желаніе заставить и другихъ восчувствовать красоту Божьяго творенія есть уже желаніе высокое, воспряющее его и дающее (ему) силу. Двумя путями передаетъ онъ другимъ ощущенія: или отъ себя самого лично,—тогда поэзія его лирическая; или выводитъ другихъ людей и заставляетъ ихъ дѣйствовать въ живыхъ примѣрахъ,—тогда поэзія его драматическая и повѣствующая. Третій родъ — такъ-называемый описательный, или дидактическій,

можетъ входить равно въ оба рода, но не есть самъ по себѣ путь, которымъ передаетъ свои впечатлѣнія поэтъ.

О поэзіи лирической.

Поэзія лирическая есть портретъ, отраженіе и зеркало собственныхъ высшихъ движеній души поэта, его самонужнѣйшія замѣтки, біографія его восторгновеній. Она есть, начиная отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея родовъ, не что иное, какъ отчетъ ощущеній самого поэта. Гремитъ ли онъ въ одѣ, поетъ ли въ пѣснѣ, жалуется ли въ элегіи, или же повѣствуетъ въ балладѣ, повсюду высказываетъ личныя тайны собственной души поэта. Словомъ, она есть чистая личность самого поэта и чистая правда. Ложь въ лирической поэзіи опасна, ибо обличитъ себя вдругъ надутостью: тотъ, кто имѣетъ чутье поэта, въ мигъ ее услышитъ и называетъ лжецомъ надѣвшаго маску поэта. Она обширна и объемлетъ собою всю внутреннюю біографію человѣка, начиная отъ его высокихъ движеній, возвѣщающихъ (въ немъ небесное происхожденіе) въ одѣ (и до самыхъ обыкновенныхъ, обличающихъ его чувственное происхожденіе) въ пѣснѣ и въ мелкомъ антологическомъ сочиненіи, почти прозаическихъ и чувственныхъ въ мелкомъ антологическомъ стихотвореніи, въ которомъ онъ желаетъ отыскать сторону поэтическую.

Оды, гимны и лирическія воззванія.

Ода есть высочайшее, величественнѣйшее, полнѣйшее и стройнѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ созданій. Ея предметомъ можетъ послужить только одно высокое: ибо одно высокое можетъ только внушить душѣ то лирическое, торжественное настроеніе души, какое для нея нужно и безъ какого не произвесть оды поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ. Посему и предметъ одъ или самъ источникъ всего— Богъ, или то, что слишкомъ близко высотою чувствъ своихъ къ Божественному. Нужно слишкомъ быть проникнуту святыней предмета, нужно долго носить въ себѣ самомъ высокій предметъ, сродниться съ нимъ, облагоухаться имъ самому, — дабы быть въ силахъ произвести оду. Минутное же восторженіе святыней предмета можетъ произвесть гимнъ,

а не оду. Ода требуетъ высокаго торжественнаго спокойствія, а не порыва. Она не летитъ вверхъ какъ гимнъ, но какъ бы пребываетъ все на равной высотѣ, паря, а не улетая. И потому всегда въ равносильныхъ и равномѣрныхъ строфахъ и при свободѣ своей сохраняетъ въ себѣ строгій порядокъ. Гимнъ не имѣетъ тѣхъ качествъ. Онъ есть первое изліяніе чувствъ, которыя просятся изъ души въ наружу (sic). Онъ безпорядоченъ, какъ самыя сильно возбужденныя въ насъ чувства, которыя стремятся только поскорѣй выразиться, не думая о томъ, откуда и съ чего приличнѣе начать: и начинается онъ и оканчивается, гдѣ ему вздумается, имѣя вожатаемъ одно вдохновеніе, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство. Онъ рѣдко сдерживаетъ себя границами размѣренныхъ строфъ, но льется безстрофно, быстро, какъ ручьи возбужденныхъ чувствъ, и прекращается вдругъ, неожиданно, быстро. Поэтому это изліянье благодаренія душевнаго, чаще всего его предметъ, или же восхваленіе того, что возбудило въ немъ такое чувство. Гимнъ и восхваленье почти синонимы. Есть еще родъ лирическихъ стихотвореній, которыя составляютъ средину между одой и гимномъ; [только] пріобрѣтаютъ нѣкоторый порядокъ размѣренныя строфы и нѣкоторое спокойствіе,—хотя не имѣютъ еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежитъ одѣ. Тогда ихъ называютъ поэты стансами, то-есть просто строфами. Наконецъ есть родъ, уступающій всѣмъ тремъ въ полнотѣ, который можно назвать лирическими воззваніями, которыя заключаютъ въ себѣ какъ бы одинъ только кличъ, вопль, возгласъ, приглашеніе или крикъ, возбуждающій къ чему-либо другихъ. Онъ бываетъ быстръ, кратокъ, но тѣмъ не менѣе возвышенъ, иногда даже слишкомъ высокъ своею лаконическою силою, и чрезъ то имѣетъ право причисляться къ высокому лирическому роду, становясь на ряду съ одою.

Пѣсня.

Пѣсня составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у народовъ славянскихъ. Преобладаніе поэтическаго элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя уже

и вдревлѣ (sic), когда слова не записывались, и словесность, не переходя въ письменность, оставалась въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше достояніе. Впослѣдствіи, когда болѣе и болѣе наши поэты стали входить въ развитіе собственнаго поэтическаго духа, пѣсня явилась какъ необходимое выраженіе всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя обнимали душу самого поэта, пробуждали въ немъ лирическое чувство. Она сдѣлалась какъ бы исторіей поэтическихъ ощущеній поэта, которыя слишкомъ нѣжны для оды и не восходятъ до той превыспренности, — но зато ощущается гораздо чаще, нежели тѣ, которыя служатъ предметомъ оды. А потому рѣдкій изъ нашихъ поэтовъ не оставилъ прекрасныхъ образцовъ, не говоря уже о Пушкинѣ, который является какъ царь среди этой области и котораго всякое лирическое сочиненіе, какъ только появлялось въ свѣтъ, въ тотъ же мигъ перекладывалось на музыку и распѣвалось отъ необыкновеннаго обилія мелодіи въ звукахъ. Жуковскій, Батюшковъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Языковъ, Козловъ, Баратынскій, Туманскій, Лермонтовъ подарили поэзію нашу множествомъ самыхъ мелодическихъ пѣсенъ. Пѣсня обнимаетъ все: всѣ чувства и ощущенія жизни, и потому можетъ дѣлиться на множество разныхъ родовъ; можетъ изображать уединеніе, внутреннія движенія и поэтическія мечты поэта, можетъ выражать страсть и любовь, можетъ быть застольной, и выражать веселье души и грусть; можетъ изображать картину или состояніе другого, какъ въ романсѣ, переходя отъ диѳирамба до тихой элегической задумчивости. Словомъ, все, что ни приводитъ къ настроенному состоянію духъ, есть уже ея предметъ, — хотя это не есть та величавая, высокая восторженность, какъ въ одѣ, возвышенная уже самымъ величіемъ взятаго предмета. Въ пѣснѣ восторгъ какъ бы утишенный, — это ликованіе духа уже послѣ самаго дѣла, произведшаго великій восторгъ празднества во время отдыха. Какъ бы позабывъ самый предметъ своей радости, поющій хочетъ потеряться въ гармоническихъ звукахъ. Посему въ пѣснѣ почти музыкальная стройность строфъ, умѣстныя повторенія и счастливыя возвращенія къ тому же составляютъ необыкновенную прелесть пѣсни. Ея строфы гораздо короче, нежели строфы оды. Строфы длинныя или тяжеловѣсныя ей не приличны: чрезъ это пѣсня будетъ не удобна для пѣнья. Она никакъ

тоже не должна быть и длинна, потому, что и впечатлѣнья всѣ быстры.

Сочиняющій пѣсню долженъ какъ бы слышать въ то же время ея внутреннюю музыку, дающую тайный размѣръ и стихамъ и строфамъ. Лучшія пѣсни сочинялись въ самую минуту пляски, пиршества и вызывались ударомъ смычка, свистомъ волынки, звономъ стакановъ, мѣрнымъ ударомъ стопъ. Отъ этого онѣ получаютъ то невыразимо-мелодическое свойство звуковъ, составляющее такую прелесть въ пѣсняхъ народныхъ.

Самыя поэтическія мечты и нѣжные внутренніе изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны пѣсни, когда онѣ не мечтались въ его воображеніи, а какъ бы пѣлись въ самой душѣ поэта.

Элегія.

Элегія есть какъ бы покойное изложеніе чувствъ, постоянно въ насъ пребывающихъ, не тѣхъ великихъ и сильныхъ, которыя пробуждаются въ насъ мгновенно при возрѣніи на предметы великіе, не тѣхъ, которыя, подобно святынѣ, сохранно пребывая въ глубинѣ души, стремятъ на великіе подвиги человѣка, — но тихихъ, болѣе ежедневныхъ, болѣе дружныхъ съ обыкновеннымъ состояніемъ человѣка. Это сердечная исторія то же, что дружеское откровенное письмо, въ которомъ выказываются сами собою излучины и состоянія внутреннія души. Въ сравненіи съ одой и гимномъ она слишкомъ отступила далеко въ лиризмѣ. Лирическій свѣтъ ея передъ свѣтомъ гимна, что свѣтъ луны передъ солнцемъ. Ее бы можно было назвать дидактич(ескимъ) и описательнымъ сочиненіемъ, если бы она не была изліяніемъ умягченнаго и слишкомъ нѣжнаго состоянія души, подвигнутаго на тихую исповѣдь, которая не можетъ излиться безъ душевно(й) лирической теплоты. Все въ ней тихо. Что взываетъ какъ бы громомъ гремящаго оркестра въ одѣ, поется въ пѣснѣ, — въ ней произносится речитативомъ. Подобно сердечному письму, (она) можетъ быть и коротка и длинна, скупа на слова и неистощимоговорлива, можетъ обнимать одинъ предметъ и множество предметовъ, по мѣрѣ того, какъ близки эти предметы ея сердцу. Чаще всего носитъ она одежду меланхолическую,

чаще всего въ ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно въ такія минуты ищетъ сердце высказаться и бываетъ говорливо.

Дума.

Дума есть родъ стихотвореній не заимствованный ни откуда, но образовавшійся у славянъ. Пѣсни сѣверныхъ конунговъ имѣютъ съ ней нѣкоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержаніемъ избираются таинственныя поэтическія преданія, неясныя, шевелящія и пугающія воображеніе явленія. Въ ней ничего нѣтъ такого, что бы было не объясненно, неопредѣленно и заманивало бы самой поэтической своею неопредѣленностью. Напротивъ, въ ней все опредѣленно и ясно. Ея предметъ—происшествіе истинно историческое, дѣйствительно бывшее, или же преданіе, такъ живо хранящееся въ народѣ, что сама исторія внесла его въ свои страницы. Думы могутъ быть только объ однихъ историческихъ лицахъ. Этотъ родъ можно бы скорѣй причислить къ сочиненіямъ повѣствовательно-драматическимъ, если бы думы не распѣвались, подобно пѣснямъ, нашими старцами-слѣпцами, хотя и речитативомъ, и если бы не писались мѣрными строфами, среди которыхъ многія есть отзывныя и повторяющія, дающія гармоническое округленіе піесѣ — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть пѣсни.

Поэзія повѣствовательная или драматическая.

Поэзія повѣствовательная, въ противоположность лирической, есть живое изображеніе красоты предметовъ, движенія мыслей и чувствъ внѣ самого себя, отдѣльно отъ своей личности, до такой степени, что чѣмъ болѣе авторъ умѣетъ отдѣлиться отъ самого себя и скрыться самъ за лицами, имъ выведенными, тѣмъ больше успѣваетъ онъ, и становится сильнѣй и живѣй въ этой поэзіи; чѣмъ меньше умѣетъ скрыться и воздержаться отъ вмѣшиванья своей собственности, тѣмъ болѣе недостатковъ въ его твореніи, тѣмъ онъ безсильнѣй и вялѣе въ своихъ представленіяхъ. Значительность поэзіи повѣствовательной или драматической увеличивается по мѣрѣ того, какъ поэтъ стремится дока-

зать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призываетъ въ дѣйствіе живыя лица, изъ которыхъ каждое своей правдивостью и вѣрнымъ сколкомъ съ природы увлекаетъ вниманье читателя и, разыгрыва(я) роль свою, ему данную авторомъ, служитъ къ доказательству его мысли. По мѣр(ѣ) того, чѣмъ совершается это естественнѣй, и все происшествіе кажется живымъ, естественнымъ случаемъ, недавно случившимся, — между тѣмъ какъ внутренно двигнуто глубокимъ логическимъ выводомъ ума. Тогда сочиненіе живое, драматическое (и) кипящее предъ очами всѣхъ становится съ тѣмъ вмѣстѣ въ высшей степени дидактическое и есть верхъ творчества, доступнаго однимъ только великимъ геніямъ.

Значительность поэзіи драматической или повѣствовательной уменьшается по мѣрѣ того, какъ авторъ теряетъ изъ виду значительную и сильную мысль, подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сценъ, передъ нимъ происходящихъ, не приводя ихъ въ доказательство чего-нибудь такого, что нужно сказать свѣту. Тогда значительность самаго происшествія имъ управляетъ, и онъ получаетъ только отъ него свою значительность, хотя она и не въ немъ, но въ происшествіи, и достоинство его въ чутьѣ и умѣньѣ выбрать происшествіе.

Пространство и предѣлы этой поэзіи драматически-повѣствовательной велики. Она объемлетъ въ себѣ безчисленные роды, начиная съ самыхъ величайшихъ: эпопеи и драмы—до самыхъ мелкихъ: басни или притчи.

Эпопея.

Величайшее, полнѣйшее, огромнѣйшее и многостороннѣйшее изъ всѣхъ созданій драматическо-повѣствовательныхъ есть эпопея. Она избираетъ въ героѣ всегда лицо значительное, которое было въ связяхъ, въ отношеніяхъ и въ соприкосновеніи со множествомъ людей, событій и явленій, вокругъ котораго необходимо долженъ созидаться весь вѣкъ его, и время, въ которое онъ жилъ. Эпопея объемлетъ не нѣкоторыя черты, но всю эпоху времени, среди котораго дѣйствовалъ герой съ образомъ мыслей, вѣрованій и даже познаній, какія сдѣлало въ то время человѣчество. Весь міръ на великое пространство освѣщается вокругъ самого

героя, и не одно частное лицо, но весь народъ, а (и) часто и многіе народы совокупляются въ эпопею, оживаютъ на мигъ и возстаютъ точно въ такомъ видѣ передъ читателемъ, въ какомъ представляетъ только намеки и догадки исторія. Поэтому-то эпопея есть созданіе всемірное, принадлежащее всѣмъ народамъ и вѣкамъ, долговѣчнѣйшее, не старѣющееся и вѣчно живое, и потому вѣчно повторяющееся въ устахъ. — Высокое совершенство всѣхъ качествъ нужно соединить въ себѣ поэту сверхъ высочайшаго генія. Посему явленія эти слишкомъ рѣдки въ мірѣ и кромѣ одного Гомера, то-есть кромѣ двухъ эпопей «Иліады» и «Одиссеи», врядъ ли есть другія, вполнѣ вмѣщающія въ себѣ ту полноту, видимость и многосторонность, какой требуетъ эпопея. Сравнивая съ Гомеромъ всѣхъ другихъ эпиковъ, видимъ только, какъ входятъ они въ частности, и несмотря даже на явное желаніе захватить и объять много, стѣсняютъ предѣлы свое(го) значень(я): всемірное уходитъ у нихъ изъ вида, и эпопея превращается даже въ явленіе частное. Съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и та величавая безъискусственная простота, которая является у великаго патріарха всѣхъ поэтовъ, такъ что весь погаснувшій древній міръ является у него въ томъ же сіяніи, освѣщенный тѣмъ же солнцемъ, какъ бы не погасалъ вовсе, дабы сохраниться навѣки живымъ въ памяти всего человѣчества.

Меньшіе роды эпопеи.

Въ новые вѣки произошелъ родъ повѣствовательныхъ сочиненій, составляющихъ какъ бы средину между романомъ и эпопеей, героемъ котораго бываетъ хотя частное и невидное лицо, но однакоже значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой. Авторъ ведетъ его жизнь сквозь цѣпь приключеній и перемѣнъ, дабы представить съ тѣмъ вмѣстѣ живѣ вѣрную картину всего значительнаго въ чертахъ и нравахъ взятаго имъ времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатковъ, злоупотребленій, пороковъ и всего, что замѣтилъ онъ во взятой эпохѣ и времени, достойнаго привлечь взглядъ всякаго наблюдательнаго современника, ищущаго въ быломъ, прошедшемъ живыхъ уроковъ для настоящаго. Такія явленія отъ времени до времени появлялись (sic) у мно-

гихъ народовъ. Многія изъ нихъ хотя писаны и въ прозѣ, но тѣмъ не менѣе могутъ быть причислены къ созданіямъ поэтическимъ. Всемірности нѣтъ, но есть и бываетъ полный эпическій объемъ, замѣчательный частными явленіями; по мѣрѣ того, какъ они поэтически (sic), поэтъ становится (и въ образѣ поэта) облекаетъ въ стихи.

Такъ Аріостъ изобразилъ почти сказочную страсть къ приключеніямъ и къ чудесному, которымъ была занята на время вся эпоха, а Сервантесъ посмѣялся надъ охотой къ приключеніямъ, оставшимся, какъ рококо, въ нѣкоторыхъ людяхъ, въ то время, когда уже самый вѣкъ вокругъ ихъ перемѣнился, тотъ и другой сжились съ взятою ими мыслью. Она наполняла неотлучно умъ ихъ, и потому пріобрѣла обдуманную, строгую значительность, сквозитъ повсюду и даетъ ихъ сочиненіямъ малый видъ эпопеи, несмотря на шутливый тонъ, на легкость и даже на то, что одна изъ нихъ писана въ прозѣ.

Эклога и Идиллія.

Есть родъ драматическихъ описательныхъ произведеній, которымъ издавна уже дано имя эклогъ и идиллій и которыя вообще называются пастушескими. Эти два рода соединяютъ весьма несправедливо вмѣстѣ и еще несправедливѣй смѣшиваютъ одно съ другимъ. Чтобы видѣть существенное различіе между ними, поговоримъ о каждомъ родѣ отдѣльно: сначала объ эклогѣ, потомъ—объ идилліи.

Эклога.

Эклога есть слово греческое и значитъ просто: «избранная піеса». Тѣ сочиненія, которыя назвалъ Виргилій эклогами, имѣютъ только внѣшній видъ сельскихъ или пастушескихъ стихотвореній. Пастухи его препираются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи, и пѣснопѣнья такъ возвышенны, что пріемлютъ видъ одъ, гимновъ, ничуть не уступая въ возвышенности (содержанія) одамъ Горація, такъ что вслѣдствіе сего произвольно взятое имя эклога стало выражать въ нашихъ понятіяхъ состязаніе двухъ или многихъ между собою въ пѣснопѣніи или восхваленіи чего-либо. Словомъ, какъ бы это было лирическое произведеніе, но облеченное

въ драматическую форму. Лица берутся не для нихъ самихъ, но для того, что должны они разсказать. Ихъ собственное драматическое значеніе ничтожно. Они рисуютъ другъ другу, начертываютъ одинъ другому картину того, чего не захотѣлъ поэтъ сказать отъ себя собственно. Они не свои выражаютъ страсти, не сами дѣйствуютъ, но повѣствуютъ о событіяхъ другихъ, и восхваляютъ внѣ ихъ находящіеся предметы, иногда даже вовсе выходящіе изъ быта. Посему эклога есть скорѣй возвышенное стихотвореніе, чѣмъ скромное сельское. Эклогой можно назвать состязаніе Гомера съ Гезіодомъ, прекрасно передѣланное изъ Мильвуа Батюшковымъ. Эклогой можно назвать разговоръ двухъ шамановъ о завоеваніяхъ Ермака, Дмитріева. Эклогой можно назвать стихотворенія Катенина, гдѣ поэтъ грекъ и поэтъ славянинъ состязаются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи. Наконецъ эклогами можно назвать всѣ тѣ картинно-лирическія стихотворенія, которыя съ недавняго времени введены нашими поэтами, которыя имѣютъ наружный видъ препираній, разговоровъ и споровъ между предметами неодушевленными, но которыхъ, однакоже, поэтъ одушевляетъ и заставляетъ ихъ разсказывать другу другу въ картинномъ видѣ событіе, служащее къ проявленію той мысли, которая занимала самого поэта. Таковъ напримѣръ «Споръ» у Лермонтова: Машукъ (sic) съ Шатъ-горою (спорятъ) о будущей судьбѣ Кавказа. Таковы споры городовъ и рѣкъ, пріемлющихъ на время видъ одушевленныхъ лицъ, которыя теперь весьма часто являются у нашихъ поэтовъ.

Идиллія.

Хотя съ мыслью объ идилліи соединяютъ мысль о пастушескомъ и сельскомъ бытѣ; но предѣлы ея шире и могутъ обнимать бытъ многихъ людей, если только съ такимъ бытомъ неразлучны простота и скромный удѣлъ жизни. Она живописуетъ до мельчайшихъ подробностей этотъ бытъ, и какъ, повидимому, ни мелка ея область, не содержа въ себѣ ни высокаго лирическаго настроенія, ни драматическаго интереса, ни сильнаго потрясающаго событія; хотя, повидимому, она не что иное, какъ все первое попадающееся на глаза наши изъ обыкновенной жизни: но тотъ, однакожъ, ошибется, кто приметъ ее въ одномъ такомъ смыслѣ.

Поэтому почти всегда управляла (въ ней) какая-нибудь внутренняя мысль, слишкомъ близкая душѣ поэта, а быть и самую идиллію онъ употреблялъ какъ только удобнѣйшія формы. Лучшія идилліи имѣли какое-нибудь историческое значеніе и писались по какому-нибудь случаю. Такъ, Гнѣдича «Рыбаки» заключаетъ въ себѣ случай его собственной жизни, и въ баринѣ, о которомъ говоритъ рыбакъ, онъ изображаетъ русскаго вельможу, привѣтствовавшаго благосклонно первые труды поэта. Такъ, всякая идиллія Дельвига была писана по какому-нибудь поводу,—не говоря уже о прекрасной идилліи: «Изобрѣтеніе ваянія», которая съ перваго заглавія говоритъ о томъ. Идиллія «Купальницы» была написана по поводу понравившагося поэту эстампа, висѣвшаго въ его комнатѣ.

Идиллія не сказка и не повѣсть,—хотя и содержитъ въ себѣ что-то похожее на происшествіе, но живое представленіе тихаго, мирнаго быта, сцена, не имѣющая драматическаго движенія. Ее можно назвать въ истинномъ смыслѣ картиною; по предметамъ, ею избираемымъ, всегда простымъ,—картиной Фламандской.

Романъ.

Романъ, несмотря на то, что въ прозѣ, но можетъ быть высокимъ поэтическимъ созданіемъ. Романъ не есть эпопея. Его скорѣй можно назвать драмой. Подобно драмѣ, онъ есть сочиненіе слишкомъ условленное (sic). Онъ заключаетъ также въ себѣ строго и умно обдуманную завязку. Всѣ лица, долженствующія дѣйствовать, или, лучше, между которыми должно завязаться дѣло, должны быть взяты заранѣ(е) авторомъ; судьбою всякаго изъ нихъ озабоченъ авторъ и не можетъ ихъ пронести и передвигать быстро и во множествѣ, въ видѣ пролетающихъ мимо явленій. Всякій приходъ лица, вначалѣ, повидимому, не значительный, уже возвѣщаетъ о его участіи потомъ. Все, что ни является, является потому только, что связано слишкомъ съ судьбой самого героя. Здѣсь, какъ въ драмѣ, допускается одно только слишкомъ тѣсное соединеніе между собою лицъ; всякія же дальнія между ними отношенія, или же встрѣчи такого рода, безъ которыхъ можно бы обойтись, есть порокъ въ романѣ, дѣлаетъ его растянутымъ и скучнымъ. Оно (?) летитъ, какъ

драма, соединеннымъ живымъ интересомъ самыхъ лицъ главнаго происшествія, въ которое запутались дѣйствующі(я) лица, и которое кипящимъ ходомъ заставляетъ самыя дѣйствую(щія) лица развивать и обнаруживать сильнѣй и быстро свои характеры, увеличивая увлеченье. Потому всякое лицо требуетъ окончательнаго поприща. Романъ не беретъ всю жизнь, но замѣчательное происшествіе въ жизни, такое, которое заставило обнаружиться въ блестящемъ видѣ жизнь, несмотря на условленное пространство.

Повѣсть.

Повѣсть избираетъ своимъ предметомъ случаи, дѣйствительно бывшіе или могущіе случиться со всякимъ человѣкомъ, случай почему-нибудь замѣчательный въ отношеніи психологическомъ, иногда даже вовсе безъ желанія сказать нравоученіе, но только остановить вниманіе мыслящаго или наблюдателя. Повѣсть разнообразится чрезвычайно. Она можетъ быть даже совершенно поэтическою и получаетъ названіе поэмы, если происшествіе, случившееся само по себѣ, имѣетъ что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выраженіе отдаленностью времени, въ которое происшествіе случилось; или же самъ поэтъ взялъ его съ той поэтической стороны, съ какой можетъ взять только поэтъ, и которая только пребываетъ въ немъ. Такъ повѣсть «Бахчисарайскій Фонтанъ» есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, въ который съ начала до конца облекъ ее всю поэтъ. Она можетъ быть просто живой разсказъ, мастерски и живо разсказанный картинный случай, какова Жуковскаго «Матте(о) Фальк(оне)», Языкова «Сурминъ». Или же беретъ съ сатирической стороны какой-нибудь случай: тогда дѣлается значительнымъ созданіемъ, несмотря на мелочь взятаго случая; такова «Модная жена» (Дмитріева), «Графъ Нулинъ» Пушкина, который сверхъ того имѣлъ значительное выраженіе, какъ живая картина. Иногда даже само происшествіе не стоитъ вниманія и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдѣльную картину, живую, характеристическую черту условнаго времени, мѣста и нравовъ, а иногда и собственной фантазіи поэта.

Сказка.

Сказка можетъ быть созданіемъ высокимъ, когда служитъ аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживаетъ ощутительно и видимо даже простолюдину дѣло, доступное только мудрецу. Таковы отчасти двѣ повѣсти Жуковскаго о жизни человѣческой. Сказка можетъ быть созданье не высокое по своему содержанію, но въ высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэтъ, взявъ народный мотивъ, возлелѣетъ ее воображеніемъ своимъ и усвоитъ вполнѣ себѣ и разовьетъ какъ поэму, какъ напримѣръ «Русланъ и Людмила». Наконецъ сказка можетъ быть созданье значительное, когда содержаніе хотя создано все поэтомъ, но въ духѣ народномъ отгаданы духъ и время, какова Лермонтова: «Про купца Калашникова», и, наконецъ, сказка можетъ быть просто пересказъ почти слово въ слово народной сказки,—созданье менѣе всего значительное, которое выигрываетъ только отъ того, когда поэтъ сумѣетъ привести ее въ лучшій порядокъ, вычистить, удержавъ въ ней то, что̀ есть въ ней ея характерное, и отстранивъ то, что̀ прибавлено лишняго. Таковы сказки Жуковскаго (и) Пушкина о царѣ Султанѣ (sic), о царѣ Берендеѣ, и царѣ Салтанѣ, о Спящей царевнѣ и Семи братьяхъ.

Ученыя разсужденія и трактаты должны быть коротки и ясны, отнюдь не многословны. Нужно помнить, что наука для тѣхъ, которые еще не знаютъ ея. Въ послѣднее время стали писать разсужд(енія), начиная съ лединыхъ яицъ. Это большая погрѣшность. Думая через(ъ) это болѣе раскрыть дѣло, болѣе темнятъ. Терминовъ нужно держаться только тѣхъ, которые принадлежатъ міру той науки, о которой дѣло, а не общихъ философскихъ, въ которыхъ (умъ) блуждаетъ, какъ въ лабиринтѣ, и отдаляется отъ дѣла. Приступъ долженъ быть не великъ и съ перваго же раза показать, въ чемъ дѣло. Заключеніе должно повторить дѣло трактата и въ сокращеньи обнять его снова, чтобы читатель могъ повторить самому себѣ.

II.

Примѣры.

Оды.

«Вечернее размышленіе», Ломоносова.
«Водопадъ», Держ(авина).
«Гимнъ Богу», Дмит(ріева).
» » Капниста.
«Землетрясеніе», Языков(а).
«Пастырь» (?), Пушкина.
«Подражаніе Іову», Ломонос(ова).
«Вельможа», Державин(а).
«Геній», Языкова.
Ода Ломоносова: «На Возстановленіе Дома Романовыхъ въ лицѣ родившагося Имп(ератора) Павла I»*).
«Осень во время осады Очаков(а)», (Державина).
«Императ(ору) Никола(ю)», Пушки(на).
«Давидову», Языкова.
«На переходъ Альпійскихъ горъ», Держав(ина).
«Поэту», Языкова.
«Благодарность Фелицѣ», Державина.
«Россіи», Хомякова.
» Капниста.
«Пророкъ», Пушкина.
«Фелица», Державина.
«Подражаніе псалму CXXXVI», Языкова.
«Благодарность Фелицѣ», Державин(а).
«На смерть Мещерскаго», Держав(ина).
«На смерть Орлова», Державин(а).
«Клеветникамъ Россіи», Пушкин(а).
«Къ нерусскимъ», Языкова.
«Зубову», Державина.

*) *Выноска къ одѣ Ломоносова на рожденіе Императора Павла I* Рожденіе Императора Павла I было радостнѣйшимъ происшеств(іемъ) какое когда-либо запомнитъ Россія, по сказанію всѣхъ современниковъ. Всѣ единомысленно видѣли въ немъ возстановленіе Дому Романовыхъ, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимѣніемъ наслѣдниковъ мужского пола. Всѣ услышали, что родился тотъ, который упрочилъ надолго и домъ Царскій, подаривъ Россіи мужественное и сильное царское поколѣніе. Вотъ причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и онъ пророчитъ младенцу все, что только можно пожелать совершеннѣйшему Государю.

«Наполеонъ», Пушкина.
«Мой истуканъ», Державина.
«Пророкъ», Лермонтова.
«Къ XIX вѣку», Лермонтова.
«Къ » вѣку», М. Лихонина.
«Изображеніе Фелицы», Державина.
«Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы», Капниста.
«Елисаветѣ», Ломоносова.
«Лебедь», Державина.

Пѣсни.

«Уже со тьмою нощи», Капниста.
«У кого душевны силы», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецк(аго).
«Талисманъ», Пушкина.
«Венеціанская ночь», Козлова.
«Кудри, кудри шелковыя», Дельвига.
«Телѣга жизни», Пушкина.
«По дорогѣ зимней, скучной», Пушкина.
«Цѣпи», Державина.
Жуковскаго. «Отымаетъ наши радости».
«Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ», Батюшкова.
«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?» Языкова.
«Море близко; гулъ, удары», Языкова.
«Ночь». «*Померкла неба синева*», Языкова.
«Я взлелѣянъ югомъ, югомъ», В. Туманскаго.
«Ночь», Жуковскаго.
«Делибашъ», Пушкина.
Русская пѣсня: «*Гой, красна земля Володиміра*», Хомякова.
Дельвига, Пѣсня.
«Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны...», Пушкина.
«Ночной зефиръ струитъ эѳиръ», Пушкин(а).
«Пловецъ» («*Нелюдимо наше мдре*»), Языкова.
Козлова.
«Пѣснь Гаральда», Батюшкова.
«Мечта», Державина.
Двѣ вечернія думы, Хомякова:
1-я «Вчерашняя ночь была такъ свѣтла».
2-я «Сумракъ вечерній тихо взошелъ».
«Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.

Лермонтова. «Молитва» («*Одну молитву чудную*»).
Лермонтова. «Завѣщаніе» («*Наединѣ съ тобою, братъ*»).
«Зима» («Что ты, муза, такъ печальна?»), Державина.
«Мотылекъ и цвѣты». } Жуковскаго.
(Къ нарисованному изображенію того и друг(ого), }
«Два рыцаря передъ дѣвой», Испанск(ій) романс(ъ), Пушкина.
«Пѣсня пажа», Пушкина.
«Старость и младость», Капниста.
«Прости мнѣ дерзкое роптанье», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
Карикатура. «Сними съ меня завѣсу, сѣдая старина», Дмитріева.
«Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи моей?» } Мерзлякова.
(Тоска сельской дѣвушки). }
«Многи лѣта, многи лѣта» (народная пѣсня), Жуковскаго.
«Выйду я на рѣченьку», Нелединскаго-Мелецкаго.
«Ахъ, когда бъ я прежде знала», Дмитріева.
«Уныніе», Капниста.
«Дни отрады, гдѣ сокрылись?»
«Ангелъ» («По небу полуночи ангелъ летѣлъ»), Лермонтова.
«Таинственный посѣтитель», Жуковскаго.
«Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ», Богдановича.
«Когда веселій на крылахъ», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
«Къ младенцу», Дмитріева.
«Чувство въ разлукѣ» («Что не дѣвица въ теремѣ своемъ»), Мерзлякова.
«Къ востоку, все востоку», Жуковскаго.
«Полно льститься мнѣ слезами», Нелѣдинскаго-Мелецкаго.
«Донскому воинству». («Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою»), Шатрова.
«Съ Миленой позднею порою», Капниста.
«Къ мѣсяцу», Жуковскаго.
«Весеннее чувство», Жуковскаго.
«Сонъ» («Заснувъ на холмѣ луговомъ»), Жуковскаго.

Элегіи.

«Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ», Пушкина.
«Умирающій Тассъ», Батюшкова.

«На смерть королевы Виртембергск(ой)», Жуковскаго.
«На воспоминанье кн. Одоевск(аго)», Лермонтова.
«Пожаръ», Языкова.
«На развалинахъ замка въ Швеціи», Батюшкова.
«Финляндія», Баратынскаго.
«Элегія», Давыдова.
«Ненастный день потухъ. Туманной ночи мгла». } Пушкина.
«Второй переводъ Греевой (элегіи)», Жуковскаго.
«Я берегъ покидалъ туманный Альбіона», Батюшкова.
Элегія, А. Крылова.
«Черепъ», Баратынскаго.
«Лицейская годовщина», Пушкина.
«Минихъ», Плетнева.
Элегія, Баратынскаго.
Элегія («Тоска въ нѣмец(комъ) городкѣ»), Языкова.
Элегія, Пушкина.
» Пушкина.
«О сжальтесь надо мною, о дайте волю мнѣ», Хомякова.
«Арфа», Державина.
«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день», Пушкина.
«Зима. Что дѣлать мнѣ въ деревнѣ? я встрѣчаю», Пушкина.
«Вечеръ», Жуковскаго.

Эклоги:

«Гомеръ и Гезіодъ» Батюш(кова).
«Ермакъ», Дмитріева.
» Катенина.
«Споръ» (съ Шатъ-горой), Лермонтова.
«Олегъ», Языкова.

Идилліи:

«Рыбаки», Гнѣдича.
«Купальницы», Дельвига.
«Капризъ», Пушкина.
«Изобрѣтеніе ваянія», Дельвига,
Сцены изъ «Цыганъ», Пушкина.
Послѣднія стихот(воренія) Пушкина.
«Солдатъ», Дельвига.
«Сторожъ ночной», Жуковскаго.

Думы.

«Олегъ», Пушкина.
«Евпатій», Языкова.
«Острогожскъ», Рылѣева.

«Пиръ на Невѣ», Пушкина.
«Кудесникъ», Языкова.

Антологическія.

«Трудъ», Пушкина.
«Монастырь на Казбекѣ», Пушкина.
«Недугъ», Шевырева.
«Къ статуѣ Петра Великаго»: («Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды)» } Ломоносова.
«Пиръ Потемкина, данный Екатеринѣ», Державина.
«Домикъ поэта въ Обуховкѣ», Капниста.
«Красавица передъ зеркаломъ», Пушкина.
«Домовому», Пушкина.
«Буря», Языкова.
«Птичкѣ», Ѳ. Туманскаго.
«Нереида», Пушкина.
«Вдохновеніе» (сонетъ), Дельвига.
«Красавицѣ», Пушкина.
«На спускъ корабля Златоуста», Ломоносова.
«Весна», Языкова.
«Къ статуѣ играющаго въ бабки», Пушкин(а).
«На переводъ Иліады», Пушки(на).
«Сонетъ при посылкѣ книги, воспоминанье объ искусствѣ», Батюшкова.
«О милыхъ призракахъ», Жуковскаго.
«Поэту». Сонетъ, Пушкина.
«Къ портрету Жуковскаго», Пушкина.
«Нимфа», Баратынскаго.
«Черта къ біографіи Державина», Державина.
«Послѣдніе стихи», Веневитинова.
Послѣдніе стихи Державина.
«Элегія болѣвшаго ногами поэта», Языкова.
«Сафо», Пушкина.
«Доридѣ», Пушкина.
«Сожженное письмо», Пушкина.
«Рифма», Пушкина.
«Мой голосъ для тебя и ласковый и томный», Пушкина.
«Ты и вы», Пушкина.
«Къ портрету Жуковскаго», Пушкина.
«На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла», Пушкина.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ВЪ ОДНОЙ ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ РЕДАКЦІЙ).

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же выставлять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись, извиваясь, горныя возвышенія. Точно какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще уцѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь, въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и

кленъ, и груша, и низкорослый ракитникъ, и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмелемъ; тутъ... мелькали красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этой кучей деревъ и крышъ старинная церковь возносила своихъ пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золотые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпями прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали сверкало какъ бы на воздухѣ ни къ чему не прикрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревъ, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавалась въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, однѣ, стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ бы разсматривали это изображеніе, которымъ не могли налюбоваться во все продолженіе своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на равнины и отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель; у него захватывало въ груди, и онъ могъ только произнесть: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся. За лѣсами, сквозь мглистый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ мѣловыя горы, блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце *). Кое-гдѣ дымились по нимъ легкія туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ,—только вспыхивавшая, подобно искрѣ, золотая церковная маковка давала знать, что это было люд-

*) Словами «вѣчное солнце» оканчивается первый полулистъ рукописи, подклеенный къ ней позднѣе; съ слѣдующей страницы начинается, какъ мы замѣтили уже, текстъ болѣе первоначальной редакціи; первыя строки этого текста зачеркнуты, для приведенія въ связь съ послѣдними строками предшествующей страницы. Зачеркнутое ставимъ въ скобкахъ: «(поворотахъ. За лугами пески, за песками мѣловыя (отлогимъ рядомъ) горы, отдаленнымъ рядомъ лежавшія на отдаленномъ небосклонѣ, нестерпимо блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце). Кое-гдѣ». *Ред.*

ное, большое селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель, и, послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: «Силы небесъ, какъ здѣсь просторно!»

Кто-жъ былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны—полями, хлѣбами и, наконецъ, рѣдкой дубровой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома,— кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому, тридцатитрехлѣтнему господину, коллежскому секретарю, неженатому, холостому человѣку.

Что же за человѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ разспросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи отставныхъ штабъ-офицеровъ, брандеровъ, выражался о немъ лаконическимъ выраженьемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при...» Генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: «Да вѣдь чинишка на немъ — дрянь; а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Словомъ, общественное мнѣніе о немъ было скорѣй неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А, между тѣмъ, въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто—коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, коптящихъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, какъ на бѣду, были довольно маленькіе, и потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго. Во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся [illegible]мъ на кухню, потомъ вновь приходилъ,—баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ; этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ: «Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только».

«Ужъ тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло!» выкрикивала ничтожность или Перфильевна.

«Да вѣдь съ тобой никто не уживется: вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!» ревѣлъ Григорій.

«Да и приказчикъ—воръ такой же, какъ и ты!» выкрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно. «Вы оба піющіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? Вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ».

«Гдѣ баринъ?»

«Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ».

И, точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣшало, ба-

рину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно и, дѣйствительно, занятіе было, точно, серьезное. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе это долженствовало обнять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, большого объема. Но покуда все оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась, намѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофею съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ-одинёшенекъ въ цѣломъ [мірѣ] молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ, безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ—взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала читатель можетъ видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена—увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ—это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, разсказать исторію дѣтства и воспитанія Андрея Ивановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ или несчастливымъ случаемъ попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директо

ромъ человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, несмотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желанье загладить сдѣланную пакость и проступокъ. Толпа воспитанниковъ его была съ виду такъ шаловлива, развязна и жива, что можно было принять ее за необузданную вольницу; но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что̀ ни напроказилъ. Малѣйшее движенье ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе, — честолюбіе называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка,—безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе: въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. Онѣ были ему нужны затѣмъ, чтобы видѣть, что̀ такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временные припадки и сыпи, показывающіяся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, дабы узнать достовѣрно *), что̀ заключено внутри человѣка.

Учителей у него было немного: бо̀льшую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что̀ именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ онъ долженъ заняться преимущественнѣе.

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ

*) Шестая страница рукописи оканчивается на половинѣ этого слова: «досто»; съ слѣдующей страницы идетъ текстъ *позднѣйшаго* письма. *Ред.*

перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить: довольно съ нихъ, если пріучились быть терпѣливыми, работящими исполнителями, не пріобрѣтая заносчивости и всякихъ видовъ вдаль. «Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться», обыкновенно говорилъ онъ. И становился въ этомъ курсѣ совершенно другой Александръ Петровичъ и съ первыхъ же разъ возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простого ума, теперь потребуетъ ума высшаго,—не того ума, который умѣетъ подтрунить надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынесть всякое оскорбленіе, спустить дураку, не раздражиться. Здѣсь-то сталъ онъ требовать того, что другіе требуютъ отъ дѣтей. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ, — вотъ что называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе не радужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено; оттого ли, что уже въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ!* — это чудное словцо, производящее такія чудеса надъ русскимъ человѣкомъ, — то ли, другое ли, но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные

порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, бросили службу изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили вовсе, или же, не вѣдая ничего, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александ[ромъ Петровичемъ] не только не пошатнулись, но умудренные познаньемъ человѣка и души возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученья не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только-что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ,— вдругъ несчастіе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкій трепетъ, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ — оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведенье, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ: все было въ струнку днемъ, а по ночамъ—кутежи.

Въ большомъ курсѣ онъ тоже все переворотилъ вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями завелъ онъ всякія нововведенія—и все невпопадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ но

выхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованье за новыми открытіями, но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло навыворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженье къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями, директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами; завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, несмотря на строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу,—одну на восемь человѣкъ,—ни даже въ другихъ шалостяхъ, доходившихъ до кощунства и насмѣшекъ надъ самою религіей изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденья въ церковь. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ и химію, и философію правъ, и профессорскія углубленія во всѣ тонкости политическихъ наукъ, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ; но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце у него билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленье къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги». И, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки без-

цвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованья. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло — въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди *); а Тентѣтниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: «Писала сорока лапой, а не человѣкъ». Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, проведя два мѣсяца въ каллиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ, наконецъ, мѣсто списывателя бумагъ въ какомъ-то департаментѣ. Когда взошелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированными столами сидѣли пишущіе господа, шумя перьями и наклоня голову на-бокъ, и когда посадили его самого, предложа ему тутъ же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы сызнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ читали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались они самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленьи начальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятія ученьемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ занятіемъ! Какъ это учебное приготовленье къ службѣ казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мысляхъ, какъ живой, его, ни съ кѣмъ несравненный, чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники,

---

*) Словомъ: «государственные люди» оканчивается десятая страница; слѣдующій послѣ нея листъ (страницы 11—14) писанъ другимъ почеркомъ и заключаетъ въ себѣ текстъ болѣе ранней редакціи. Одиннадцатая страница и начинается зачеркнутыми строками этой редакціи: «нельзя попасть, не пріобрѣтя прежде порядочнаго, хорошаго, хорошаго подчерка». Слово «люди» переправлено, на стр. 10-й, въ «сов» (совѣтъ), но «государственныЕ» осталось безъ измѣненія при прежнемъ согласованіи съ словомъ «люди». *Ред.*

и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. «Нѣтъ», сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись: «примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается нигдѣ въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему лучшимъ распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича попалось два человѣка, которые были то, что называется, огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованья подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Николаичъ *) Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленья, въ ко-

*) Черезъ нѣсколько строкъ это лицо называется «Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ». *Ред.*

торомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезчуръ много сахару, когда говорилъ съ высшимъ, и тутъ же, оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. «Я бы ему простилъ», говорилъ Тѣнтѣтниковъ: «если бы эта перемѣна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ, и уксусъ въ одно и то же время!» Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ. Ему казалось, что и важничалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже черезчуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, даже мстилъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество разныхъ тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ напрашивался на это съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства — или просить извиненія, или выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій. «Ради самого Христа, помилуй, Андрей Ивановичъ! Что это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!.. Что-жъ это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!»

«Не въ томъ дѣло, дядюшка», сказалъ племянникъ. «Мнѣ не трудно попросить у него извиненья, тѣмъ болѣе, что я, точно, виноватъ: онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій — дуракъ. Государству утраты не много, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не запла-

тятъ податей. Я помѣщикъ: званіе это также не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работящихъ подданныхъ, — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?»

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: «Но всё же таки... но какъ же таки?.. какъ же запропастить себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь все-таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генералъ, или князь. Захочешь — и самъ пройдешь мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдешь взглянуть; а вѣдь тамъ, что̀ ни попадется, — все это или мужикъ, или баба. За что̀-жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?»

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генералъ, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержанье, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затеребить честолюбіе и подѣйствовать на воображеніе молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тентѣтниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоѣдать. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство.

Какъ стало все припоминаться, какъ забилось его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже вблизи отцовской деревни! Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ об-

хватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: «чей лѣсъ?» ему сказали: «Тѣнтѣтникова»; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мостами въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: «чьи луга и поёмныя мѣста?» отвѣчали: «Тѣнтѣтникова»; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности—съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирченныя избы мужиковъ и крытыя красными крышами господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало,— ощущенія и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, почти такими словами: «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, принцемъ, а я закабалилъ себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, просвѣтившись, сдѣлавши порядочный запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого что же? — переписываніе бумагъ, что можетъ несравненно лучше производить ничему не учившійся кантонистъ!» И еще разъ далъ себѣ названіе дурака Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населеніе всей деревни собралось къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя, какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли: «Кормилецъ, дождались мы тебя!» Бабы заголосили: «Золото, серебро ты сердечное!» Стоявшіе подалѣ даже подрались отъ усердія пробраться. Дряблая ста-

рушонка, похожая на сушеную грушу, проныгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: «Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная нѣмчура!» — «Пошла ты, баба!» закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ: «ишь куда полѣзла, корявая!» Кто-то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей. «Столько любви! и за что?» думалъ онъ въ себѣ. «За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами труды и занятія ваши! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша, — чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я, точно, былъ кормилецъ вашъ!»

И дѣйствительно, Тѣнтѣтниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ, что приказчикъ былъ, точно, баба и дуракъ со всѣми качествами дрянного приказчика, то-есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ и, въ прибавленіе ко всему, подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на жизнь свою. Дурака-приказчика онъ выгналъ, на мѣсто его выбралъ другого, бойкаго; оставилъ мелочи, обратилъ вниманіе на главныя части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работы на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наиотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ.

«Да онъ, вишь ты, востроногій!» стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долговременнаго бабьяго управленія они всѣ изрядно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хоть и прытокъ, и есть въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ какъ-то чрезчуръ грамотно и затѣйливо, мужику

не въ долбежъ и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей: сѣялось раньше, всходило позже. А работали, казалось, хорошо: онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгодѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли: по чапорухѣ водки приказали подать». Что было на это возражать? — «Да отчего-жъ теперь вышло скверно?» допрашивалъ баринъ. — «Кто его знаетъ! Видно, червь подъѣлъ снизу! Да и лѣто, вишь ты, какое: совсѣмъ дождей не было». Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ ней!» Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ! (Ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть). «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ подальше!» говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ и вослѣдъ за тѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба тутъ же, вы-

шедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, несмотря на свою хворость, такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ. Вздумалъ онъ было какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ, — лучше было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвеніе и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманія: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманье шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденье подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ—разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынъ, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперекъ въ носу, раздумывая, глотать или не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ виденъ былъ другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ; ему не было дѣла до того, лѣниво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью вдыхать запахъ полей, а слуху — поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ другу: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею, — точный звонъ серебряныхъ трубъ, — слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа—онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ, и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комна-

ты и пересталъ принимать къ себѣ даже съ докладами приказчика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему, бывало, отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращенье, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ именно, чтобы наговориться вдовольѣ, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи, онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «скотина!» другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто. Уединенье полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а мысль — обдумыванью большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель уже видѣлъ. День приходилъ и уходилъ однообразный и безцвѣтный. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты, новые книги и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и образованію всемірному, тайная, тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный заранѣ въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь, безъ упругости, безсильна его воля; что слишкомъ для нея рано умеръ (чудный) необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и поднять шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости (или слабую), немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ,—крикнулъ душѣ пробуждающее слово: *впередъ!* котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: *впередъ?* кто, зная всѣ силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тѣнтѣтникова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ-то свелось на ничего. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почесть какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ снови-

дѣньемъ (дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда),— и онъ рѣшительно ни на что не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Она была миловиднѣй, чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ; стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что подобнаго профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камеяхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ бывалъ у нея только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но какъ вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, если бы она увидѣла того самаго, на кого гнѣвалась, въ несчастіи! Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себѣ платье для перевязки, если-бъ онъ былъ раненъ! Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ во слѣдъ за собственными ея словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и— странный обманъ!—съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее, что случи-

лось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ-то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ не могъ бы никакъ разсказать, какъ это случилось, что съ перваго же дня онъ сталъ съ ней такъ, какъ бы знакомъ былъ вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновенье озарилась. Халатъ на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати, не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомойникомъ въ рукахъ. Растворялись окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленья. Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно, но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья, хотя въ то же время любилъ поговорить даже и о томъ, чего не зналъ вовсе. Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина: одна—вдова, другая—старая дѣвка, обѣ фрейлины прежнихъ временъ, отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностью своей, но, однакоже, имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ, и передъ которыми генералъ немножко даже подличалъ. Тѣнтѣтникову показалось, что, съ самаго дня пріѣзда ихъ, генералъ сталъ къ нему какъ-то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ или съ чиновникомъ, употребляемымъ для переписки, самымъ мелкимъ. Онъ говорилъ ему то *братецъ*, то *любезнѣйшій*, и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты*. Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри кипѣло: «Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше

расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамильярному между нами обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ; потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Байбакъ сызнова залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило сызнова на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ: половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ; панталоны заходили даже въ гостиную; на щеголеватомъ столѣ, передъ диваномъ, лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной, его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали домашнія куры. Безсильно чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телѣги, тройки, или же выписывалъ *Милостивый Государь!* съ восклицательнымъ знакомъ всѣми почерками и характерами. А иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкой прядью волосъ, упадавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ бы летѣвшую;—и въ изумленьи видѣлъ хозяинъ, что выходилъ портретъ той, съ которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще грустнѣе становилось ему потомъ, и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ во дворѣ движенье и нѣкоторую суету. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота, и въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ иль рисуютъ ихъ на тріум-

фальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подвязанный носовымъ платкомъ; за ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ необыкновенно приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе-то философы изъ гусаръ, да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго шута и масона, и карточнаго игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно обширной цѣлью—доставить счастіе всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась огромная, пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло—зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и прогресса сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. И теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы нѣсколько на-бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ о красотѣ мѣстъ,

объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картинностью мѣстоположенья его деревни; что, несмотря, однакоже, на картинность мѣстоположенья, онъ не дерзнулъ бы никакъ обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось что-то въ бричкѣ его, требующее (искусной) руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиноваго мячика.

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или даже предметы ископаемые. Онъ изъявилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ предметахъ и естественныхъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, изъ чего Тѣнтѣтниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключеніе всего, онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ: точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не

другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поустарѣлъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже, казалось, какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ,— хоть на именинный обѣдъ! Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ (развѣ только) слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью и круглотой ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами у стѣны, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны (старые и новые) подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака. (Жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью въ комодъ). Все это размѣстилось одинъ на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги со-

всѣмъ новые, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ,— такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шкатулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ — портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье (все) помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля помѣстилась также въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Та и другая комната приняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной: нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибюльной комнатѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни, и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенья были напрасны. Гость показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеньи (тоже) выразился весьма счастливо—именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ не много, но значительныхъ. Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати: во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда первый пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана

серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ зѣмная сфера обращается около своей оси, или же, просто, барабанилъ по ней пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни сё. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. «Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить», говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ. «Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, людей постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно прожить вѣкъ и не поссориться,—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ первый, единственный человѣкъ, котораго я вижу!» Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Что яркости въ зелени! Что свѣжести въ воздухѣ! Что птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ будто новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній (держась краевъ), въ виду разстилавшихся вдали долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ въ овраги, — гдѣ едва начинавшія убираться листьями, отягченныя птичьими гнѣздами дерева и узкая просинь чернѣли отъ перекрестнаго летанья, густыми стаями, воронъ, — оглушаемые карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями грачей *); или же спускался внизъ къ

*) Все это мѣсто въ рукописи перечеркнуто и не получило окончательной отдѣлки. Означая курсивомъ слова, написанныя позднѣе сверху строкъ, и заключая въ скобки зачеркнутыя, передаемъ это мѣсто въ близкомъ по возможности видѣ къ тому, какой оно имѣетъ въ рукописи: «или же вступая *въ гущи* въ лѣсныхъ овраги, *гдѣ* (едва начинавшихся) убираться листьями (лѣсовъ, усѣянные вороньи...) *дерева*,

поёмнымъ мѣстамъ и разорваннымъ плотинамъ — глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на мельничныя колеса; или же пробирался далѣ къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы— глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, или же какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена, ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Толковалъ и говорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ — что, и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и на сколько хлѣба продается, и что выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось, немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Тѣнтѣтникова: повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ въ себѣ: «Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ годового доходу!» И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ: «Рѣшительно скотина!» Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т.-е., разумѣется не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабёнка, можетъ-быть, даже изъ купеческаго сословія, впрочёмъ, однакоже, образованная и воспитанная такъ, какъ и дворянка, — чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же идти противъ общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-

---

отяченныя птичьими гнѣздами (дерева и узкая просинь черныла отъ перекрестнаго летанья густыми стаями воронъ, оглушая оглушенными карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями) грачей (перекрестными летаньями, помрачавшими небо)». *Ред.*

мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью или призракомъ,—чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему даже и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... И много приходило ему въ голову того, что такъ часто уноситъ человѣка отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ его и бываетъ ему любо даже и тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ, дѣло кончилось между ними самой тѣсной дружбой: дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было «Акулька»; въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ—кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ было трудно найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя; у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо

рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и далече за рѣкой отдавался вѣрный отголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что̀ съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки и движется онъ съ ними въ хороводѣ... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: «Проклятыя лѣзли дѣвки!»

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Засѣдателемъ, и самый чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: «подлецъ-лошадь», нашли пребываніе у Тѣнтѣтникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, фантазія вдругъ заржать, то можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Читатель, можетъ-быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета. Если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ. Тѣнтѣтниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — и отчего, и почему... «Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ другого конца?» Такъ думалъ Чичиковъ. Раздобарывая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ (скоро) послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: «У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только недостаетъ». — «Чего?» спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. — «Подруги жизни», сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ; тѣмъ разговоръ и

кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться». Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Иванычъ». И разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникова и заключилъ: «Да онъ, просто, круглый дуракъ!»

«Андрей Ивановичъ, помилуйте!» сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: «какое-жъ оскорбленіе? что-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*»

«Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго», сказалъ Тѣнтѣтниковъ: «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. *Ты!* — это значитъ: «помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что это значитъ!» Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

«Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ,—что-жъ тутъ такого?» сказалъ Чичиковъ.

«Какъ?» сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову: «вы хотите, чтобы [я] продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?»

«Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ про себя Тѣнтѣтниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ про себя Чичиковъ.

«Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?»

«Это другое дѣло», сказалъ Тѣнтѣтниковъ. «Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно».

«Онъ совсѣмъ дуракъ!» подумалъ про себя Чичиковъ. «Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» И, вслѣдъ за такимъ размышленьемъ, такъ возразилъ ему вслухъ: «Хорошо; положимъ, онъ васъ оскорбилъ, за то вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка,—помилуйте, на что же это похоже? Какъ же оставлять дѣло, которое только-что началось? Если уже избрана цѣль, такъ тутъ уже нужно идти на-проломъ. Что тутъ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человѣка въ свѣтѣ, который бы не плевался».

Тѣнтѣтниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думалъ про себя: «Престранный, однакожъ, человѣкъ этотъ Чичиковъ!»

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» думалъ между тѣмъ Чичиковъ. «Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло», сказалъ онъ вслухъ. «Я могу съѣздить къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанью людей и свѣта».

«Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!» сказалъ сильно Тѣнтѣтниковъ.

«Сохрани Богъ подличать!» сказалъ Чичиковъ и перекрестился. «Подѣйствовать словомъ увѣщанья, какъ благоразумный посредникъ, но подличать... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидалъ, чтобы слова принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!»

«Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ!» сказалъ тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативши признательно объ его руки. «Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!»

«Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины», сказалъ Чичиковъ.

«Зачѣмъ?» спросилъ Тѣнтѣтниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

«Засвидѣтельствовать почтенье», сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ Чичиковъ.

«Такъ какъ моя бричка», сказалъ Чичиковъ: «не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ, къ нему съѣздилъ».

«Помилуйте, что за просьба! Вы — полный господинъ, выбирайте, какой хотите, экипажъ: все въ вашемъ распоряженіи».

Они простились и разошлись спать, не безъ разсужденья о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу,—Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное хотѣнье! Мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить. Безуспѣшное стараніе. Отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. «Странное состоянье!» сказалъ онъ и придвинулся къ окну—глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дубровy, въ концѣ которой еще курилась, не успѣвшая улечься, пыль, подня-

тая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тѣнтѣтникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство—сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья, — и наконецъ, широкою аллеею раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню. Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво-великолѣпный рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь колоннъ съ коринѳскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою безпрерывно обновлялось все, ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеньемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ.

Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Открытый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ-называемая въ три этажа (въ три складки съ трещиной поперекъ), голосъ — басъ съ нѣкоторою охрипью, движенья генеральскія. Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ: самопожертвованье, великодушье, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому—изрядная подмѣсь себялюбья, честолюбья, самолюбья, мелочной щекотливости личной и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже

генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ ѳиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову набокъ, началъ онъ такъ: «Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству».

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движенье головою, онъ сказалъ: «Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?»

«Поприще службы моей», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не въ серединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: «началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство; дальнѣйшее же теченье оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣньемъ воспоенъ,

терпѣньемъ спеленатъ, и самъ, такъ сказать, не что̀ другое, какъ одно терпѣнье. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова̀, ни краски не сумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни своей, ищу уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...»

«У кого это?»

«У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство».

Генералъ поморщился.

«Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...»

«Къ чему уваженья?»

«Къ заслугамъ вашего превосходительства», сказалъ Чичиковъ. «Не находитъ словъ, (не знаетъ, какъ загладить проступокъ). Говоритъ: «Если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чему-нибудь... потому что, точно», говоритъ, «умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество...»

«Помилуйте, что̀-жъ онъ?.. Да вѣдь я не сержусь!» сказалъ смягчившійся генералъ. «Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ».

«Преполезный!» подхватилъ Чичиковъ: «обладаетъ даромъ слова и владѣетъ перомъ».

«Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки?»

«Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки...»

«Что̀-жъ такое?»

«Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство».

«Исторію! о чемъ исторію?»

«Исторію...» тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: «исторію о генералахъ, ваше превосходительство».

«Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?»

«Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, в общности... то-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ».

«Извините, я не очень понимаю... что̀-жъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?»

«Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!»

«Такъ что-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ».

«Не смѣетъ, ваше превосходительство».

«Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать».

«Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ», сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: «Генералы пришлись, однакоже, кстати; между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ сдуру».

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою. На обратной половинѣ растворенной двери, ухватившись чудесной ручкой за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ потолокъ, карнизъ и темные углы ея. Она казалась блистающаго роста. Это было обольщенье; происходило это отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенья между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было наброшено съ такимъ [вкусомъ], что, казалось, швеи столицъ совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собой; въ двухъ-трехъ мѣстахъ схватила неизрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барышни, одѣтыя по модѣ, всѣ казались бы передъ ней какими-то пеструшками. Несмотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ на нее, какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно — недостатокъ толщины.

«Рекомендую вамъ мою баловницу!» сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. «Однакожъ, я вашего имени и отчества до сихъ поръ не знаю».

«Впрочемъ, должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями?» сказалъ Чичиковъ.

«Все же, однакожъ, нужно знать...»

«Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство», проговорилъ Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на-бокъ.

«Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года».

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась. «Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ?» проговорила она быстро. «Это могъ думать развѣ одинъ только Виннепокромовъ, которому ты вѣришь, папа, который и пустой, и низкій человѣкъ!»

«Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда», сказалъ генералъ.

«Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ», подхватила живо Улинька. «Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ»...

«Да вѣдь это разсказываютъ только».

«Разсказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрѣйшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человѣка, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться».

«Душа моя! вѣдь мнѣ-жъ не прогнать его», сказалъ генералъ.

«Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!»

«А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство», сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы, съ пріятной улыбкой: «По христіанству, именно такихъ мы должны любить». И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой: «Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что такое—*«полюби насъ черненькими, а беленькими насъ всякій полюбитъ?»*

«Нѣтъ, не слыхалъ».

«А это преказусный анекдотъ», сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкой. «Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...»

«Не знаю».

«Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго, имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ, и они тоже полюбили, угощали. Вотъ какъ-то одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: «Что-жъ, господа, когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣнье къ князю». Говорятъ: «Пріѣдемъ». Скоро послѣ того случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать».

«Не знаю».

«Самого-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старику, графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу—въ карты. Самоваръ и пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: «Вы бы, господа, заѣхали къ княжому управителю-нѣмцу: онъ недалеко отсюда».—«А и въ самомъ дѣлѣ», говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги да къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только-что женился; женился на институткѣ, молоденькой, субтильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность). Сидятъ они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери—и ввалилось сонмище».

«Воображаю—хороши!» сказалъ генералъ, смѣясь.

«Управитель такъ и оторопѣлъ, говоритъ: «Что вамъ угодно?»—«А!» говорятъ, «такъ вотъ ты какъ!» И вдругъ, съ этимъ словомъ, перемѣна лицъ и физіогноміи... «За дѣломъ! Сколько вина выкуривается по имѣнью? Покажите книги!» Тотъ сюды-туды. «Эй, понятыхъ!» Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ».

«Вотъ на!» сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

«Жена—хлопотать!» продолжалъ Чичиковъ. «Ну, что-жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже разсѣлись, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: «Не стыдно ли тебѣ такъ поступить съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, *ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ*».

Генералъ расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

«Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться!» сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ прекрасный лобъ ея... «Безчестнѣйшій поступокъ, за который, я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать...»

«Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю», сказалъ генералъ: «но что-жъ дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь: «полюби насъ бѣленькими?..»

«Черненькими, ваше превосходительство», подхватилъ Чичиковъ.

«Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха, ха, ха, ха!» И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно, какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву *е*: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

«Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ!» говорилъ генералъ, продолжая смѣяться.

«Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу—тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились!» говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустилась въ кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ было подѣлиться негодованіемъ, сказала она: «Я не знаю, меня только беретъ одна досада».

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностью тѣ чувства, которыя происходили въ

сердцахъ троихъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость нѣмца; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что значитъ, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грѣшный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной (тяжелымъ) гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревенѣющую кору мерзостей, еще вопіющій: «Братъ, спаси» Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

«Я не знаю», говорила Улинька, отнимая отъ лица руку: «меня одна только досада береть».

«Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ», сказалъ генералъ. «Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?» сказалъ генералъ, вдругъ обратясь къ Чичикову.

«Если только ваше превосходительство...»

«Безъ церемоніи. Щи есть!»

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки: она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лоханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

«Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?» сказалъ генералъ, скидая халатъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

«Помилуйте, не только одѣваться, но можете совершать при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству», сказалъ Чичиковъ.

Генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

«Какъ вишь?» сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею: «полюби насъ бѣленькими?...»

«Черненькими, ваше превосходительство».

«Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо!»

Чичиковъ былъ въ духѣ необыкновенномъ; онъ чувствовалъ какое-то вдохновенье. «Ваше превосходительство!» сказалъ онъ.

«Что?» сказалъ генералъ.

«Есть еще одна исторія».

«Какая?»

«Исторія тоже смѣшная, но мнѣ-то отъ ней не смѣшно. Даже такъ, что если ваше превосходительство...»

«Какъ такъ?»

«Да вотъ, ваше превосходительство, какъ!..» Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и, увидя, что камердинеръ съ лоханкою вышелъ, началъ такъ: «Есть у меня дядя, дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ: «Я», говоритъ, «племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ, пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

«Какой дуракъ!»

«Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе...» Тутъ Чичиковъ, понизивши голосъ, сталъ говорить какъ бы по секрету: «У него въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ».

«Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего», сказалъ генералъ. «Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить».

«Я придумалъ вотъ что. Теперь, покуда новыя ревизскія сказки не поданы, у помѣщиковъ большихъ имѣній наберется не мало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ, если, напримѣръ, ваше превосходительство передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ бы они были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ, какъ ни вертись, а наслѣдство бы мнѣ отдалъ».

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ: какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла; голову забросилъ назадъ и чуть не захлеб-

нулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

«Папа, что съ тобой случилось?»

«Ничего, мой другъ. Ха, ха, ха! Ступай къ себѣ, мы сейчасъ явимся обѣдать. Ха, ха, ха!»

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покояхъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

«Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ дядя! Ха, ха, ха, ха!»

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи: тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

«Ваше превосходительство, вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы», сказалъ онъ.

«Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пятьсотъ тысячъ далъ за то только, чтобы посмотрѣть на твоего дядю въ то время, какъ ты поднесешь ему купчую на мертвыя души. Да что, онъ слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?»

«Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы...» Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на камердинера.

«Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ», сказалъ генералъ камердинеру. Усачъ удалился.

«Да, ваше превосходительство... Это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ подержать его въ секретѣ...»

«Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старикъ! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?»

«Держится, но съ трудомъ».

«Экой дуракъ! И зубы есть?»

«Два зуба всего, ваше превосходительство».

«Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ оселъ».

«Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно—оселъ». Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя. «Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...»

«Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! Ха, ха, ха, ха!» И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ*).

ГЛАВА III.

«Нѣтъ, я не такъ», говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ: «нѣтъ, я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поваръ, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородье»...—«Эй, ты дурачина!»

Селифанъ и Петрушка оглянулись оба съ козелъ.

«А куда ты ѣдешь?»

«Да какъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ,—къ полковнику Кошкареву», сказалъ Селифанъ.

«А дорогу разспросилъ?»

«Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго ко-

*) Послѣ этого значительный пропускъ.

Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ замѣтилъ: «Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву». Ср. ниже въ «Примѣчаніяхъ». *Ред.*

нюха только видѣлъ... А Петрушка разспрашивалъ у кучера».

«Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка—бревно».

«Вѣдь тутъ не мудрость какая», сказалъ Петрушка, глядя искоса: «окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять попрямѣй, ничего больше и нѣтъ».

«А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперь налимонился?»

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно.

«Въ колескѣ-съ хорошо-съ ѣхать», сказалъ Селифанъ, оборотившись.

«Что?»

«Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ колескѣ-де вашей милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ — не трясетъ».

«Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ».

Селифанъ хлыснулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ: «Слышь, мужика Коншарева, баринъ, одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмца; иоодаль и не разпознаешь, — выступаетъ по журавлиному, какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ повязютъ пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ такой, какъ нѣмки ходятъ, знашь, въ капорахъ,—такъ капоръ называется, знашь, капоръ—нѣмецкій такой капоръ».

«А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ капоръ!» сказалъ Петрушка, остря надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись. Но что за рожа вышла отъ этой усмѣшки! И подобья не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и силясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеніи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что тамъ дѣлается, и сказалъ: «Хорошъ! а еще воображаетъ, что красавецъ!» Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ былъ серьезно увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній временами позабывалъ, есть ли у него даже вовсе рожа.

«Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ: «чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлецъ-лошадь и помѣха».

«Пошелъ, пошелъ, не болтай!» сказалъ Чичиковъ и про себя подумалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался».

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подчасъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога шла лугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали мелькали пески, выступали картинно одна изъ-за другой осиновыя рощи; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударявшіе вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть, послышались крики — и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ, вокругъ деревня, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плавалъ проворно, кричалъ и хлопоталъ за всѣхъ человѣкъ, почти такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, круглый кругомъ, точный арбузъ. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть и какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды.

слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ и ртомъ пузыри.

«Этотъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотясь къ козелъ: «долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ».

«Отчего?»

«Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина».

Крики между тѣмъ становились явственнѣй. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузъ: «Передавай, передавай, Денисъ, Козьмѣ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Ѳома большой, напирай туды жа, гдѣ и Ѳома меньшой! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, чортъ васъ побери обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили, говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!»

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйствительно случилась непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

«Вишь ты», сказалъ Селифанъ Петрушкѣ: «потащили барина, какъ рыбу».

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ, запутавшись еще въ сѣтку. Боясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только впоперекъ веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Человѣкъ съ двадцать рыбаковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозной перчаткой,—взглянулъ вверхъ и увидѣлъ гостя, въ коляскѣ въѣзжавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чичиковъ снялъ картузъ и учтиво раскланялся съ коляски.

«Обѣдали?» закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же—на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

«Нѣтъ», сказалъ Чичиковъ.

«Ну, такъ благодарите же Бога».

«А что?» спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

«А вотъ что!» сказалъ баринъ, очутившійся на берегу вмѣстѣ съ карпами и карасями, которые бились у ногъ его и прыгали на аршинъ отъ земли. «Это ничего, не это не глядите а вотъ штука, вонъ гдѣ!... А покажите-ка, Ѳома большой, осетра». Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое-то чудовище. «Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!»

«Да это цѣлый князь!» сказалъ Чичиковъ.

«Вотъ то-то же. Поѣзжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, телепень Ѳома меньшой, сними перегородку. А я за вами—какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться».

«Полковникъ чудаковатъ», подумалъ [Чичиковъ], проѣхавши, наконецъ, безконечную плотину и подъѣзжая къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшаны были повсюду. Ѳома меньшой снялъ перегородку, коляска проѣхала огородомъ и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

«А вотъ я и здѣсь!» раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый, на дрожкахъ,—травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ кунидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ и только слышался голосъ: «Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ». Раздались снова голоса: «Ѳома большой да Ѳома меньшой! Козьма да Денисъ!» Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно накрестъ.

«Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ какого превосходительства?»

«Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича».

«Кто это Александръ Дмитріевичъ?»

«Генералъ Бетрищевъ», отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

«Не знаю-съ, незнакомъ».

Чичиковъ пришелъ еще въ бо́льшее изумленіе.

«Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?»

«Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ!» подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. «Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дурани», сказалъ онъ, оборотившись къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и вытучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски: «какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...»

«Ребята сдѣлали отлично!» сказалъ Петръ Петровичъ. «За это вамъ по чапорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!»

«Я сомнѣнусь», говорилъ Чичиковъ, раскланиваясь: «такая нежданная ошибка...»

«Не ошибка», живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ: «не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу», сказалъ [онъ], взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Чичиковъ, чинясь, проходилъ въ дверь бокомъ, чтобъ дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это было напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было только, какъ раздавались его рѣчи по двору: «Да что-жъ, Ѳома большой? Зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Емельянъ, бѣги къ повару-телепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей—въ соусъ. Да раки, раки! Ротозѣй Ѳома меньшой! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?!» И долго раздавались все—раки да раки.

«Ну, хозяинъ захлопотался», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

«А вотъ и я здѣсь», сказалъ, входя, хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно

ивовые хлысты, выглядывали ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

«Сыны мои, гимназисты. Пріѣхали на праздники. — Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною».

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки; что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъемцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

«А что, въ какомъ состояньи имѣніе вашего батюшки?» спросилъ Чичиковъ.

«Заложено», сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: «заложено!»

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движенье губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

«Зачѣмъ же вы заложили?» спросилъ онъ.

«Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отставать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же все жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ».

«Дуракъ, дуракъ!» думалъ Чичиковъ: «промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

«А вѣдь я знаю, что вы думаете», сказалъ Пѣтухъ.

«Что?» спросилъ Чичиковъ, смутившись.

«Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ».

«Батюшка, Платонъ Михалычъ ѣдетъ!» сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

«Верхомъ на гнѣдой лошади!» подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. «Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый хуже его?»

«Хуже не хуже, но выступка не такая».

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ — стройнаго

роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ вослѣдъ за нимъ.

«Обѣдали?» спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

«Обѣдалъ», сказалъ гость.

«Что-жъ, вы смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали?» сказалъ, сердясь, Пѣтухъ. «Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?»

«Впрочемъ, Петръ Петровичъ», сказалъ гость, усмѣхнувшись: «могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита».

«А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали».

«Даже завидно васъ слушать», сказалъ гость. «Научите меня быть такъ же веселымъ, какъ вы».

«Да отчего же скучать? помилуйте!» сказалъ хозяинъ.

«Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно».

«Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ».

«Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?»

«Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься — вѣдь нужно пить чай, а тутъ вѣдь приказчикъ, а тутъ и на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ, а послѣ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?»

Въ все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михалычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Парисъ вмѣстѣ: стройное сложенье, картинный ростъ, свѣжесть — все было собрано въ немъ. Пріятная усмѣшка, съ легкимъ выраженьемъ иронiи, какъ бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на все это, было въ немъ что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясенія не прорѣзали морщины на дѣвственное, свѣжее его лицо, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

«Признаюсь, я тоже», произнесъ Чичиковъ: «не могу понять, — если позволите такъ замѣтить, — не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненья отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть

иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь».

«Въ томъ-то [и дѣло], что ничего этого нѣтъ», сказалъ Платоновъ. «Повѣрите ли, что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненья, ну, хоть бы, просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно—да и только». (Вотъ и все).

«Не понимаю. Но, можетъ-быть, имѣнье у васъ недостаточное, малое количество душъ?»

«Ничуть: у насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ».

«И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ-быть, имѣнья въ безпорядкѣ? были неурожаи, много людей вымерло?»

«Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ».

«Не понимаю!» сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

«А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ», сказалъ хозяинъ. «Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ-жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?»

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ—икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новое принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были народъ хорошій и расторопный. Названья эти хозяинъ далъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ-то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ; самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ пряное. Впрочемъ, и люди за это не сердились.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». Съѣдалъ гость два—подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что-жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три — онъ ему: «Гдѣ-жъ бываетъ

телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строитъ избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была опять поговорка, на пять—тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого теленка!

«Два года воспитывалъ на молокѣ», сказалъ хозяинъ: «ухаживалъ, какъ за сыномъ!»

«Не могу!» сказалъ Чичиковъ.

«Да вы попробуйте, да потомъ скажите: *не могу!*»

«Не взойдетъ, нѣтъ мѣста».

«Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій—нашлось; а вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ — тотъ же городничій».

Попробовалъ Чичиковъ: дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

Съ винами была тоже исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ, то и дѣло, подливалъ да подливалъ; чего-жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмка за рюмкой, а встали изъ-за стола—какъ бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостьми было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ крѣслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ: черезъ открытый ротъ и носовыя ноздри началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все — и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

«Экъ его насвистываетъ!» сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

«Разумѣется, если этакъ пообѣдать», заговорилъ Платоновъ: «какъ тутъ притти скукѣ! тутъ сонъ придетъ».

«Да», говорилъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него

необыкновенно маленькіе. «А все-таки, однакожъ, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ».

«Какія же?»

«Да мало ли для молодого человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструмѣнтѣ.... а не то — жениться».

«На комъ? скажите».

«Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?»

«Да нѣтъ».

«Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить». Тутъ богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова; глаза его стали побольше. «Да вотъ прекрасное средство!» сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

«Какое?»

«Путешествіе».

«Куда-жъ ѣхать?»

«Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной», сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо; тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

«А вы куда ѣдете?»

«Да какъ сказать — куда? Ѣду я, покуда, не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники-родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука».

Платоновъ задумался.

Чичиковъ между тѣмъ такъ помышлялъ: «Право, было [бы] хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобы отправиться на его лошадяхъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, а въ дорогу взять его коляску».

«Что-жъ? почему-жъ не проѣздиться?» думалъ между тѣмъ Платоновъ: «авось-либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; сталобыть, разстройства никакого. Почему-жъ, въ самомъ дѣлѣ,

не проѣздиться?»—«А согласны ли вы», сказалъ онъ вслухъ: «погостить у брата денька два? Безъ этого онъ меня не отпуститъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три».

«Ну, если такъ — по рукамъ! Ѣдемъ!» сказалъ, оживясь, Платоновъ.

«Браво!» сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его: «ѣдемъ!»

«Куда? куда?» сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. «Нѣтъ, государи, и колеса приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михалычъ, отсюда теперь за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ».

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаевъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гуляньe на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами по обѣ стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли рыбы снастью. Еще до чаю [хозяинъ] успѣлъ раздѣться и выпрытнуть въ рѣку, гдѣ барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Ѳому большого и Козьму, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ (съ аппетитомъ) и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло; осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. Намѣсто рыбаковъ показались повсюду у береговъ группы купающихся ребятишекъ: хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ, и катеръ самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, запѣвалъ звонко одинъ, вырабатывая чистымъ голосомъ; пятеро подхватывало, шестеро выносило — и разливалась безпредѣльная, какъ Русь, пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ бы терялись сами пѣвцы въ ея безпредѣльности. Становилось

какъ-то льготно, и думалъ Чичиковъ: «Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!»—«Ну, что тутъ хорошаго», думалъ Платоновъ, «въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще бо́льшая тоска находитъ на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударяли впотьмахъ по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбаки уху, все изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы уже давно были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ уже давно улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья къ ухѣ. Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаянье собакъ своей деревни и отдаленное — чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и стали озаряться потемки; и все наконецъ озарилось — и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ виденъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга; пыль за ними — какъ отъ стада барановъ. «Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!» думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого-жъ не разогрѣетъ такой вечеръ?

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: «Барабанъ!» сказалъ: «никакой городничій не взойдетъ!»—Надобно же было такому стеченью обстоятельствъ: за стѣной былъ кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причвокивалъ. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!» А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой».

«Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязигу, въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого...»

«Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ».

«Да чтобы съ одного боку она, — понимаешь? — зарумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку — понимаешь? — пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту—какъ снѣгъ бы растаяла».

«Чортъ побери!» думалъ Чичиковъ, ворочаясь: «просто, не дастъ спать!»

«Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ. Положи въ середку кусочекъ льду, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ-то чтобы былъ побогаче! Обложи его раками да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршецомъ изъ сняточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздочковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ ли еще тамъ какого коренья?»

«Можно будетъ подпустить брюкву или свеклу звѣздочкой», сказалъ поваръ.

«Подпусти и брюкву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку...»

«Пропалъ совершенно сонъ!» сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, закуталъ голову въ подушки и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько». Заснулъ онъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ; жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

«Нѣтъ, это уже слишкомъ», сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. «Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михалычъ? Препокойная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости, сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія-то коробки!»

Платоновъ усмѣхнулся. «Это, я вамъ объясню», сказалъ онъ: «Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу».

«Точно такъ», сказалъ Петрушка, оборотясь съ козелъ: «приказано было все поставить въ коляску — пашкеты и пироги».

«Точно-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый: «очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда, — очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще и не было».

«Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ», сказалъ Платоновъ. «Однакоже, скажите просто: есть ли у васъ время, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой — весьма замѣчательный человѣкъ».

«По какой части?» спросилъ Чичиковъ.

«Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣсти тысячъ».

«А, почтенный человѣкъ! Вотъ этакого человѣка жизнь стоитъ того, чтобы быть переданной въ поученье людямъ! Очень, очень будетъ пріятно познакомиться. А какъ по фамиліи?»

«Скудронжогло».

«А имя и отчество».

«Константинъ Ѳедоровичъ».

«Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка». И Чичиковъ пустился въ разспросы о Скудронжоглѣ, и все, что онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было, точно, изумительно.

«Вотъ смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли», говорилъ Платоновъ, указывая на поля. «Вы увидите тотчасъ отличье отъ другихъ. Кучеръ, здѣсь возьмешь дорогу налѣво. Видите ли этотъ молодникъ-лѣсъ? Это — сѣянный. У другого въ пятьдесятъ лѣтъ не поднялся [бы] такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а черезъ пятьдесятъ десятинъ опять будетъ лѣсъ, тоже сѣянный, а тамъ опять. Смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другого».

«Вижу. Да какъ же онъ это дѣлаетъ?»

«Ну, разспросите у него, вы увидите, что ни ..... нѣтъ у него. Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ мало того, что знаетъ, какую почву что любитъ, знаетъ, какое сосѣдство для кого не нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ разсчитаетъ, насколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ: у него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ, а полю удобренье отъ листьевъ да отъ тѣни. И это во всемъ такъ».

«Изумительный человѣкъ!» сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ посматривалъ на поля.

Все было въ порядкѣ необыкновенномъ. Лѣса были обгороженные; попадались скотные дворы, тоже не безъ причины обстроенные, завидно содержимые; хлѣбныя клади росту великанскаго. Обильно и хлѣбно было повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, [увидѣли] на супротивной сторонѣ большую деревню, разсыпавшуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телѣга — телѣга была крѣпкая и новёшенькая; попадался ли конь — конь былъ откормленный и добрый; рогатый скотъ — какъ на отборъ, даже мужичья свинья глядѣла дворянином. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ; отъ избъ до господскаго двора потянулись рыбачьи дворы. На крышѣ большой фонарь, не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ, и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженьемъ, также красавица, но такъ же полусонная, какъ онъ. Кажется, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся, или оттого, что всепоглощающая дѣятельность ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то вполовину, на жизнь глядятъ въ-полглаза и, видя возмутитель

ныя тревоги и борьбы, говорятъ: «[Пусть] ихъ, дураки, бѣсятся! Имъ же хуже».

«Здравствуй, сестра!» сказалъ Платоновъ. «Гдѣ-жъ Константинъ?»

«Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался».

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ [вниманія]. Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновеннаго человѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ всѣ: думалъ онъ отыскать въ ней слѣды свойства самого хозяина,—какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно—просторны, и ничего больше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — словомъ, какъ-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ: какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена [была дверь въ кабинетъ хозяина]; но и тамъ было такъ же голо, — просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то, чтобы жить въ немъ; что для обдумыванья своихъ плановъ и мыслей ему [не] надобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грёзахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ: мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ они представлялись, и обращалась вдругъ въ дѣло, не имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

«А! вотъ онъ! Идетъ, идетъ!» сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое нижняго сословія, — шли, разговаривая и о чемъ-то съ [нимъ] толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ; другой, въ синей сибиркѣ, какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха.

«Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять!» говорилъ мужикъ, кланяясь.

«Да нѣтъ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ:

не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что дѣвать некуда».

«Да у васъ, батюшка Константинъ Ѳедоровичъ, весь пойдетъ въ дѣло. Ужъ этакого умнаго человѣка во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять».

«Мнѣ, братецъ, руки нужны; мнѣ работниковъ доставляй, а не матеріалъ».

«Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрою вамъ, ей-Богу, отслужили. У васъ всякому уму научишься, Константинъ Ѳедоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ».

«Да вѣдь ты и тогда говорилъ: *въ послѣдній разъ*, а вѣдь вотъ опять привезъ».

«Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять».

«Ну, слушай, этотъ разъ возьму, и то изъ сожалѣнія только, чтобы не провозилъ напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь—не возьму».

«Слушаю-съ, Константинъ Ѳедоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю». Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ, однакоже, привезетъ: *авось*—великое словцо.

«Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... посбавьте», говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

«Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что-жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать».

«Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять». Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи

пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гм», подумалъ Чичиковъ: «точно какъ бы носовой платокъ!»

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

«Ба, братъ, ты здѣсь!» сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Они обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣйно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣніе поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темны и густы, глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всякомъ выраженіи лица, и ужъ ничего не было въ немъ соннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего-то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденія. Есть много на Руси русскихъ не русскаго происхожденія, въ душѣ, однакоже, русскіе. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденіемъ, находя, что это нейдетъ въ дѣло; притомъ не зналъ и другого языка, кромѣ русскаго.

«Знаешь ли, Константинъ, что̀ я выдумалъ?» сказалъ Платоновъ.

«А что̀?»

«Выдумалъ я проѣздиться по разнымъ губерніямъ; авось-ли это вылѣчитъ отъ хандры».

«Что̀-жъ? это очень можетъ быть».

«Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ».

«Прекрасно! Въ какія же мѣста», спросилъ Скудронжогло, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: «предполагаете теперь ѣхать?»

«Признаюсь», сказалъ Чичиковъ, наклоня голову на-бокъ и взявшись рукою за ручку креселъ: «вѣдь я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отно-

шеніи, одно уже то, чтобъ увидать свѣтъ, коловращеніе людей... кто что̀ ни говори, есть, такъ сказать, живая книга, та же наука».

«Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ».

«Превосходно изволили замѣтить», отнесся Чичиковъ: «точно, не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ».

Скудронжогло смутился. «Чему же, однако?... чему научить? Я и самъ учился на мѣдныя деньги».

«Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ, подобно вамъ; подобно вамъ умѣть извлекать изъ него (не мечтательные, но) существенные доходы; пріобрѣсть, подобно вамъ, имущество не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ, исполня долгъ гражданина, заслужить уваженіе соотечественниковъ».

«Знаете ли что̀?» сказалъ Скудронжогло: «останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ».

«Братъ, оставайся этотъ день», сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

«Мнѣ все равно», произнесъ тотъ равнодушно: «какъ Павелъ Ивановичъ?»

«Я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство—нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ...»

«Да вѣдь онъ... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ».

«Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генералъ Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель... такъ уже какъ-то и неловко».

«Въ такомъ случаѣ знаете ли что̀», сказалъ [Скудронжогло]: «поѣзжайте къ нему теперь же. У меня стоятъ готовыя пролетки. Къ нему и десяти верстъ [нѣтъ], такъ вы слетаете духомъ. Вы даже раньше ужина возвратитесь назадъ».

Чичиковъ съ радостью воспользовался предложеньемъ.

Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полковнику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій*, на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, на третьемъ: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ*; *Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ;* словомъ, чортъ знаетъ, чего не было! Онъ думалъ, не въѣхалъ ли въ губернскій городъ. Самъ полковникъ былъ какой-то чопорный. Лицо какое-то чинное въ видѣ треугольника. Бакенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ — все какъ бы лежало дотолѣ подъ прессомъ. Началъ онъ говорить, какъ бы и дѣльный человѣкъ. Съ первыхъ начàлъ нàчалъ онъ ему жаловаться на необразованность окружающихъ помѣщиковъ, на великіе труды, которые ему предстоятъ *). Принялъ онъ Чичикова ласково и радушно, и ввелъ его совершенно въ довѣренность и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему трудовъ возвесть имѣнье до нынѣшняго **) благосостоянія; какъ трудно было дать понять простому мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, что есть искусство; сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобы одѣть его въ нѣмецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человѣка; что бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ

---

*) Сверху строкъ Гоголь написалъ новый текстъ этого мѣста: «не въѣхалъ ли онъ въ губернскій городъ. Всего непонятнѣй то, что самъ полковникъ вовсе не походилъ на сумасшедшаго человѣка. Онъ былъ на видъ пределикатный. Манеры и обхожденіе деликатное, какъ бы у поряч... Принялъ Чичикова» (не дописано). Передѣлка не была доведена до конца. Слова: «Манеры и обхожденіе деликатное», потомъ были зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписаны потомъ слова: «пределикатный и преобходительный человѣкъ».

**) Слова: «трудовъ возвесть имѣнье до нынѣш» представляютъ позднѣйшую прибавку; они приписаны въ концѣ 65-й страницы для связи послѣдней фразы, которая была недописана: «и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему.....» Для приписки конца оставлено пустое мѣсто.

до сихъ [поръ] не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано, говорила по-французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ разсказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей-помѣщиковъ; какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ; какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, конторъ, комиссіи и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить [отъ] всякой кражи и всякая вещь была бы извѣстна, чтобы писарь, управитель и бухгалтеръ образовались бы не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитаніе; что, несмотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, если бы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ.

На это Чичиковъ [подумалъ]: «Ну, врядъ ли выберется такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а «Графиня Лавальеръ» до сихъ поръ еще не прочитана».

«Ужасное невѣжество!» сказалъ въ заключенье полковникъ Кошкаревъ: «тьма среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь... Повѣрьте, нѣтъ! А я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство».

«Какое?»

«Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ, какъ по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи».

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: «Что-жъ? съ этимъ чиниться нечего». Не отлагая дѣла въ дальній ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

«Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?»

«Такъ точно».

«Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ комиссію всякихъ прошеній. Комиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ вся-

кія справки и выправки по этому дѣлу: Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положить свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано».

Чичиковъ оторопѣлъ. «Позвольте», сказалъ: «этакъ дѣло затянется».

«А!» сказалъ съ улыбкой полковникъ: «вотъ тутъ-то и выгода бумажнаго производства! Оно, точно, нѣсколько затянется, но зато уже ничто не ускользнетъ: всякая мелочь будетъ видна».

«Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя».

«Очень хорошо: Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя».

«Но вѣдь какъ же—мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя».

«Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно*, или *требуется, чтобы казалось, какъ бы живыя*».

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что̀ это за комиссіи и комитеты; и что̀ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятье. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе—разбирать пьяницу-приказчика со старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника—нигдѣ.

«Да гдѣ-жъ тутъ?.. да какъ добиться какого-нибудь толку?» сказалъ Чичиковъ своему сопутнику, чиновнику по особеннымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

«Да никакого толку не добьетесь», сказалъ проводникъ: «у насъ безтолковщина. У насъ всѣмъ, извольте видѣть, распоряжается комиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія (онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія). У насъ такъ заведено, что всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все-съ какъ слѣдуетъ, а вѣдь это названье только одно».

«Это, однакоже, нужно ему сказать», подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссія построеній воруетъ напропалую.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построеній самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы предсѣдатель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ комиссіи прошеній?

«Ну, пойдетъ кутерьма», подумалъ Чичиковъ, и началъ раскланиваться.

«Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, который только-что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что для васъ нужно—книги, бумага, перья, карандаши—все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ—вы господинъ».

Такъ говорилъ Кошкаревъ, отворяя дверь въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ—по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: «Свиноводство, какъ наука». Видя, что здѣсь все вещи непріятнаго препровожденія [времени], онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня — въ полымя: тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: «Философія, въ смыслѣ науки»; шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: «Предуготовительное вступленіе къ теоріи мышленія въ ихъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ (общества) обоюднаго раздвоенья общественной производительности». Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленье, развитье, абстрактъ, замкнутость* и *сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. «Нѣтъ, это (все) не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ

были книги все по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ [лѣтъ]. Говорятъ, что въ послѣднее время стали онѣ нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что-жъ дѣлать! пряные коренья любитъ человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую, въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

«Все сдѣлано, и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его — выше всѣхъ: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что онъ пишетъ...»

«Ну, слава те, Господи!» подумалъ Чичиковъ, и приготовился слушать.

«Приступая къ обдумыванью возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе: въ изъясненіи того, что требуются ревизскія души, постигнутыя всякими внезапностями, вставлены и умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не пріобрѣтаются. Что-жъ и пріобрѣтать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили...» Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ: «Въ этомъ мѣстѣ, плутъ... онъ немножко кольнулъ васъ. Но судите, однакоже, какое бойкое перо—статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побылъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса». Кошкаревъ продолжалъ: «...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко... ибо выразились о душахъ *умершія*, тогда какъ всякому, изучавшему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа безсмертна.—2) Оныхъ упомянутыхъ ревизскихъ душъ, пришлыхъ или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на-лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей

на душу, кромѣ небольшой деревни «Гурмайловка», находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ».

«Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали?» сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

«Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ-то и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все, какъ на ладони, оказалось ясно».

«Дуракъ ты, глупая скотина!» думалъ про-себя Чичиковъ. «Въ книгахъ копался, а чему выучился?» Мимо всякихъ учтивствъ и приличій, схватилъ онъ шапку—изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ и лошадей не откладывалъ: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція—выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, несмотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно учтивъ и деликатенъ. Онъ насильно пожалъ ему руку и прижалъ ее къ сердцу (уже въ то время, какъ тотъ садился), и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельскаго управленія заржавѣютъ и ослабѣютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіей наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

«Оселъ! дуракъ!» думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ѣхалъ онъ уже при звѣздахъ. Ночь была на небѣ. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

«Что это вы такъ запоздали?» сказалъ Скудронжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

«О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?» сказалъ Платоновъ.

«Уморилъ!» сказалъ Чичиковъ. «Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ».

«Это еще ничего!» сказалъ Скудронжогло. «Кошкаревъ—утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ

отражаются карикатурно и виднѣй глупости умныхъ людей. Завели конторы и присутствія, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ что такое, точно какъ будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и недостаетъ крестьянъ обработывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!»

«Да вѣдь и у тебя же есть фабрики», замѣтилъ Платоновъ.

«А кто ихъ заводилъ?—Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда, я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя; по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, напримѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куда ее дѣвать?—я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ».

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: «загребистая какая лапа!»

«Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ зданій съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбопашества ни за что не оторву; на фабрикахъ у меня работаютъ только въ голодный годъ, все пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, ты увидишь—всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!»

«Это изумительно», сказалъ Чичиковъ, исполнившись участья: «изумительно! изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ».

«Гм! да не только это!..» Рѣчи Скудронжогло не кончилъ: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей-помѣщиковъ. «Вонъ опять одинъ умникъ — что, вы думаете, у себя завелъ?—Богоугодныя заведенія, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло!... Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай всякому мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ христіанскаго долга. Помоги

сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ. Дай лучше ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай его: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ-Кихоты, просто, по всѣмъ частямъ!... Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!... Да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать!» Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеніемъ: онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла, и слова полились.

«А вотъ другой Донъ-Кихотъ просвѣщенія: завелъ школы! Ну, что, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знанье грамоты? А вѣдь какъ распорядился? Вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. «Что это», говорятъ: «батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ». Вѣдь вотъ что вышло!»

Чичикову тоже не было надобности до школъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ: «Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобны писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства».

«Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, что вамъ далось это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобы было у него время учиться по охотѣ своей, а не то, что съ палкой въ рукѣ говорить: «Учись!» Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ!.. Ну, послушайте: ну, вотъ я вамъ на судъ...» Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами—засунулъ палецъ въ петлю его фрака. «Ну, что можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣмъ, чтобы ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ же быть? въ чемъ же занятія крестьянина?—Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ:

«Изъ этого состоянія его можно вывести. Онъ ведетъ слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши». Что сами, благодаря этой роскоши, стали трянки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ, какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ ни одного осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да, хлѣбопашцы для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобы всѣ были хлѣбопашцы!»

«Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься?» спросилъ Чичиковъ.

«Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего—это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основаніе быта общественнаго, тамъ изобиліе и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю—сказано человѣку, трудись... что тутъ хитрить! Я говорю мужику: «Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись. Въ дѣятельности я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Всѣмъ, что нужно, готовъ тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздности: я затѣмъ надъ тобой, чтобы ты трудился». Гм! думаютъ увеличить доходы заведеніями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда ты и самъ будешь богатъ безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ [затѣй]».

«Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ Чичиковъ: «тѣмъ бо́льшее получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною: если бы, напримѣръ, я возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшней губерніи, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное [время] разбогатѣть, тѣмъ исполнивши, такъ сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?»

«Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ...» сказалъ Скудронжогло.

«Пойдемъ ужинать!» сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженьемъ, въ..... деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненье головы нѣсколько на-бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки; всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу, и началось хлебанье супа.

Отдѣлавши супъ и запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоглу: «Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться...»

. . . . . .*).

«Имѣнье, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ».

«Гм!» Чичиковъ задумался. «А отчего же вы сами», проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью: «не покупаете его?»

«Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ, у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеньями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло».

«Дворянство способно къ злословью!» сказалъ Чичиковъ.

«А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Вы не можете себѣ представить, что они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупердяемъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я», говоритъ, «конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я долженъ жить рос-

*) Послѣ этого утрачена изъ тетради одна четвертка, или двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе: «Здѣсь въ разговорѣ между Костанжогло и Чичиковымъ пропускъ. Должно полагать, что Костанжогло предложилъ Чичикову пріобрѣсти покупкою имѣнье сосѣда его, помѣщика Хлобуева». *Ред.*

кошно, чтобы промышленность поощрять; а этакъ, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такой свиньею, какъ Скудронжогло».—«Вѣдь вотъ какъ!»

«Желалъ бы я быть этакой свиньей!» сказалъ Чичиковъ.

«И вѣдь это все оттого, что не задаю обѣдовъ, да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ; а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ,—милости просимъ! Не даю денегъ взаймы—это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль,—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, а ему давай деньги взаймы!»...

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья, взволнованной желчи.

Чичиковъ выпилъ рюмку малиновки и сказалъ такъ: «Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...»

«Если вы хотите», подхватилъ сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенія духа: «разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашивая о времени, то разбогатѣете скоро».

«Вотъ оно какъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Да», сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова. «Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... Да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ

жизни его нѣтъ пустоты—все полнота. Нужно только разсмотрѣть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій—и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всему, что совершается въ твореньи. Еще не появилась весна, а ужъ зачинаются работы: подвозы и дровъ, и всего на время распутицы; подготовка сѣмянъ; переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленье новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки,—работы такъ вдругъ и закипятъ: тамъ нагрузки на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ работаетъ заступъ, въ поляхъ—соха и борона. И начинаются посѣвы — бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступило лѣто — покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбопашца, — бездѣлица! Пойдутъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ клади. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумна. Наступила осень—запашки и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ, чинка амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолотъ. Наступитъ зима — и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ риги въ амбары, по лѣсамъ рубка и пиленье дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весенніихъ построекъ. Да, просто, я и обнять всего не въ состояніи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь: и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумна; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ,—бездѣлица! Да для меня праздникъ, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ; я два часа готовъ передъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа! А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и разсказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгами,—но потому, что все это—дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего, и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденье?» сказалъ Скудронжогло, и

лицо поднялось кверху, всѣ морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ.— «Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь, подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее наслажденье, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченья дѣлъ. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!»

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

«Константинъ! пора вставать», сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя хотѣлось ему все сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку. Но голова его не была склонена привѣтливо на-бокъ, недоставало ловкости въ оборотахъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеньями.

«Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно», говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ», думалъ хозяинъ: «степененъ въ словахъ и не щелкоперъ». И, подумавши, сталъ онъ еще веселѣе, точно какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ [бы] празднуя, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, Чичикову одѣлалось такъ пріятно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершеніи всего, получилъ онъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей

людскихъ, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потомъ, навсегда и навѣки останется проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все, что тогда случилось и было, удержитъ вѣрная память: и кто присутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и что было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «Полно, не мучь его», и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттолѣ на нихъ глядѣла, облокотясь на вершины деревъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

«Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ», произнесъ Чичиковъ. «Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму».

Скудронжогло улыбнулся. «Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ, дѣйствительно, есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать—«умный человѣкъ», котораго я и подметки не стою».

«Кто это?» съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

«Это нашъ откупщикъ Муразовъ».

«Въ другой разъ уже про него' слышу!» вскрикнулъ Чичиковъ.

«Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика—цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ».

«Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ».

«Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ».

«Что вы говорите!» вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

«Всенепремѣнно. У него теперь приращенье должно итти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ только тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что ни захватитъ, такъ

вдвое и втрое противъ самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ: съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить».

Вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему. «Уму непостижимо!» сказалъ онъ, приходя немного въ себя: «каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваньи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, въ началѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?»

«Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами».

«Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Если-бъ это были тысячи, еще бы такъ, но милліоны... извините, не повѣрю».

«Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой-таки дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ».

«Уму непостижимо! И что всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось изъ копѣйки!»

«Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей», сказалъ Скудронжогло. «Кто воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ: у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: «Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю», я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не навѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать!»

«Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю», сказалъ Чичиковъ:

«потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего» Онъ разумѣлъ мертвыя души.

«Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать», сказала хозяйка: «а ты все болтаешь».

«И непремѣнно разбогатѣете», сказалъ Скудронжогло, не слушая хозяйки. «Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы».

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грёзъ и мечтаній. Закружились его мысли...

«Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать».

«Да что-жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось!» сказалъ хозяинъ и остановился: громко, по всей комнатѣ, раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ захрапѣлъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разбрелись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу, и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлать помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго им[illegible]. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно; возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно и такъ казалось свойственно самой его натурѣ, что началъ помышлять онъ серьезно о пріобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; онъ опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, пріобрѣсть помѣстье уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству... Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ, и подобно тому, [какъ] въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ

зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистаганъ да чистаганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное: доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Скудронжогло былъ первый. Чичиковъ понялъ и то, что съ этакимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ теперь другой прожектъ — купить имѣнье Хлобуева. Десять тысячъ у него было; другія десять тысячъ предполагалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому, желающему разбогатѣть и заняться хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться потомъ, по заложеніи душъ. Заложить всѣ накупленныя души еще нельзя было, потому что не было еще земель, на которыя слѣдовало переселить ихъ. Хотя [увѣрялъ] онъ, что въ Херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеніи. Предполагалось еще и скупить ихъ въ Х[illegible]онской губерніи, потому что онѣ тамъ продавались за б[illegible]ѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать, у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшатъ закладывать имѣнія и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, не заложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли поперемѣнно наполняли его голову и мѣшали ему [спать]. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко...

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ

нимъ имѣніе. Послѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ, сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревушку съ двумя домами: одинъ большой и новый, недостроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленькій и старенькій. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплата, а на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

«Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ!» вскрикнулъ онъ: «отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ— попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной! Что дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчивать? скажите».

«Пожалуйста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали за дѣломъ», сказалъ Скудронжогло. «Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ».

«Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку».

Чичиковъ далъ ему обѣ.

«Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить, вы обѣдали?»

«Обѣдали, обѣдали», сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться. «Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же».

«Въ такомъ случаѣ пойдемъ».

Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

«Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое», говорилъ Хлобуевъ. «Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы

нѣтъ въ домѣ,—до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто свиньей!»

Глубоко вздохнувъ и какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

«Трудно, Платонъ Михалычъ, трудно!» говорилъ Хлобуевъ Платонову. «Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей,—сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...»

Платонову стало жалко. «Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ?» спросилъ онъ.

«Какое поправитъ!» сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. «Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а затѣмъ для себя не останется и тысячи».

«Такъ что-жъ вы будете дѣлать?»

«А Богъ знаетъ», говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился. «Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?»

«Что-жъ предпринять?»

«Будто нѣтъ уже средствъ?»

«Никакихъ».

«Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто».

«Вѣдь я губернскій секретарь. Какое-жъ мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей».

«Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите въ управляющіе».

«Да кто-жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое».

«Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ, выхлопотать какую-нибудь должность».

«Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ», сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку: «не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница бо-

литѣ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! Что разорять казну! И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе: и безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ».

«Вотъ положеніе!» думалъ Платоновъ. «Это хуже моей спячки».

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ между собою говорили:

«Вонъ запустилъ какъ все!» говорилъ Скудронжогло. «Довелъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь: и мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница».

«Такъ, стало-быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать этакое имѣніе?» спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ бы хотѣлъ ему сказать: «Ты что за невѣжа! съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать?» — «Невыгодно! да черезъ три года я буду получать двадцать тысячъ годового дохода съ этого имѣнія, — вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ — бездѣлица! А земля-то какова? разглядите землю! Все поёмныя мѣста. Да я засѣю льну, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю — на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. Да этому имѣнью полтораста тысячъ, а не сорокъ».

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

«Вонъ сколько земли оставилъ впустѣ!» говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. «Хоть бы повѣстилъ впередъ, такъ набрели бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ, — огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда — бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и навѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бро-

дяжничеству!» Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело...

«Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ!» И, сказавши это, Скудронжогло простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

«Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ», говорилъ удивленный хозяинъ: «только-что пріѣхали—и назадъ!»

«Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома», сказалъ Скудронжогло, простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.—«Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ онъ. «Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленье. Вѣрите ли, что не могу, Павелъ Ивановичъ... что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать.— Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: «Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хоть каплю его въ мою глупую, хоть бы на то, чтобы сумѣлъ домъ свой держать! Ничего не умѣю, ничего не могу». Ахъ, Павелъ Ивановичъ, [возьмите] въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ. Чувствую, что не умѣлъ быть....., не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ! Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ-то устроенъ русскій человѣкъ, какъ-то не можетъ безъ покупателя... Такъ и задремлетъ, такъ и заплеснетъ».

«Вѣдь это, точно, странно», сказалъ Платоновъ: «отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?»

«Отъ недостатка просвѣщенія», замѣтилъ Чичиковъ.

«Ну, Богъ вѣсть отъ чего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ

лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ: вѣдь такъ и другіе товарищи. Можетъ-быть, два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что̀ портитъ здоровье, да и выманиваетъ деньги. Ей-Богу! Вѣдь приходили только затѣмъ, чтобы аплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенья-то мы все-таки выберемъ то, что̀ погаже; наружность его схватимъ, а его самого [не] возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другого, а отъ чего, ей-Богу, я не знаю».

«Причины должны быть», сказалъ Чичиковъ.

Вздохнулъ глубоко бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ: «Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоянство. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься за все, какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается, — право; и этакъ всѣ».

«Нужно въ запасѣ держать благоразуміе», сказалъ Чичиковъ: «ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру[жескую] бесѣду».

«Да что̀!» сказалъ Хлобуевъ. «Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, — не вѣрю я и тому: на старости и его чортъ попутаетъ—спуститъ потомъ все вдругъ! И всѣ у насъ такъ: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго, и выкупался

въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все обсмотрѣли Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится».

«Что-жъ и разсматривать ее!» сказалъ Чичиковъ.

«Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой». И они всѣ направили шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока... всѣхъ чертей. Какая-то философическая борода глядѣла съ равнодушіемъ стоическимъ изъ окошка на гнѣвъ пьяной бабы; другая борода зѣвала. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ (и на всемъ): крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. «Мое-то будущее достоянье — мужики», подумалъ Чичиковъ: «дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!» И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Словомъ, въ хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичикова нѣсколько поразило смѣшенье нищеты съ нѣкоторыми блестящими безділушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели — новенькія бронзы. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала какая-то ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ отрекомендовалъ имъ хозяйку-жену. Она была хоть куда; въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ [грязь]. Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, и что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣвочками и мальчиками. Ихъ было пятеро; шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики и дѣвочки — заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самаго было еще груст-

нѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они были уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхала гостья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покупщиковъ, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ: «Какая же будетъ ваша цѣна?»

«Видите ли что?» сказалъ Хлобуевъ. «Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, и пятидесяти нѣтъ на-лицо: прочіе или померли отъ эпидемической болѣзни, или отлучились безпаспортно, такъ что вы почитайте ихъ какъ бы умершими. Поэтому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ».

«Ну, вотъ — тридцать тысячъ! Имѣнье запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ».

«Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно затѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладкѣ была бы проволочка, надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ».

«Ну, да все-таки возьмите 25 тысячъ».

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова. «Покупайте, Павелъ Ивановичъ», сказалъ [онъ]. «За имѣнье можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ».

Чичиковъ испугался... «Хорошо!» сказалъ онъ: «даю 30 тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку даю вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальныя 20 тысячъ черезъ мѣсяцъ.

«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги, какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальныя никакъ не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли».

«Да нѣтъ пятнадцати тысячъ! Десять тысячъ у меня

всего теперь. Дайте соберу». То-есть, Чичиковъ лгалъ: у него было двадцать тысячъ.

«Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо нужны пятнадцать тысячъ».

«Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ откуда взять».

«Я вамъ займу», подхватилъ Михайловъ.

«Развѣ этакъ!» сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: «А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы: въ такомъ случаѣ завтра можно будетъ привезти». Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то-есть, обѣщано; предполагалось же привезти три; другія потомъ, денька черезъ два или три; а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ деньги. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы: вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его! «Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда».

«Гдѣ-жъ вы послѣ этого будете жить?» спросилъ Платоновъ Хлобуева. «Есть у васъ другая деревушка?»

«Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Все же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ нужны будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь этого въ деревнѣ нельзя достать!»

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочетъ учить танцованью!» подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» подумалъ Платоновъ.

«Что-жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку», сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго».

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!» подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался, сталъ уменъ и милъ:

остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанья людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ — и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

«Послушайте», сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку: «какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?»

«Средства-то есть», сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: «Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!» Почти всѣ прожекты основывались на потребности вдругъ достать откуда-нибудь сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: «Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ».

«Еще бы», подумалъ Чичиковъ: «этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!»

«Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка», сказалъ Хлобуевъ: «старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замѣчательная,—прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи и приживалки, и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: «Эй, малый!» Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право».

Платоновъ усмѣхнулся.

«А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ?» спросилъ Чичиковъ.

«Живетъ она у насъ же въ городѣ — Александра Ивановна Ханасарова».

«Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней?» сказалъ съ участьемъ Платоновъ. «Мнѣ кажется, если бы она только поближе вошла въ положенье вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга».

«Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайлычъ! Да къ тому-жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Такъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Приплелся ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ-быть, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подъѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется».

«Дуракъ!» подумалъ Чичиковъ. «Да я бы за этакой тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!»

«Что-жъ, вѣдь этакъ разговаривать сухо», сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго».

«Нѣтъ, нѣтъ, я больше не могу пить», сказалъ Платоновъ.

«Я также», сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

«Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ: 8-го іюня я даю маленькій обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ».

«Помилуйте!» вскрикнулъ Платоновъ. «Въ такомъ состояніи, разорившись совершенно—и еще обѣдъ».

«Что-жъ дѣлать? нельзя: это долгъ», сказалъ Хлобуевъ. «Они меня также угощали».

«Что съ нимъ дѣлать?» подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ, и обѣдъ, который задается, кажется, послѣдній; и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ—мудрецъ все еще держится на свѣтѣ; еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и такъ же задаетъ обѣдъ, и

всѣ думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если [бы] кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, неизвѣстный никому почти въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ и слезами исполнялись глаза его. И, — странное дѣло!—почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомая барыня, христолюбивая, великодушная душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно, благодарно признавалъ онъ въ это время необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и—вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

«Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ!» сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они выѣхали отъ него.

«Блудный сынъ!» сказалъ Чичиковъ. «О такихъ людяхъ и жалѣть нечего».

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ— потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупкою. Онъ исчислялъ, разсчитывалъ и соображалъ всѣ выгоды купленнаго имѣнія. И какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Попонжогла, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя [руби] имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжоглѣ денегъ, взятыхъ у него взаймы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивалъ онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, не въ воображеніи пребываемые, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ

не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенья, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: «Чего?» онъ отвѣчалъ: «Ничего».

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасною рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Аглицкій песъ, на высокихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

«Стой!» сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ навстрѣчу господина. Ярбъ уже успѣлъ облобызаться съ аглицкимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду живое лобызанье Азора (такъ назывался аглицкій песъ). Проворный песъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреніемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, побѣжалъ снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платонъ и господинъ, шедшій навстрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

«Помилуй, Платонъ! что это ты со мною дѣлаешь?» живо спросилъ господинъ.

«Какъ, что?» равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

«Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ», говоритъ, «съ какимъ-то бариномъ». Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!»

«Ну, что-жъ дѣлать? позабылъ», сказалъ Платоновъ. «Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичибова.—Павелъ Ивановичъ,—братъ Василій. Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня».

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?» думалъ братъ Василій. «Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что онъ за человѣкъ». И оглянулъ онъ Чичикова, насколько дозволяло приличіе. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши голову и сохранивъ пріятное выраженіе въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленія. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

«Знаешь ли, Василій, что я придумалъ?» сказалъ братъ Платонъ.

«Что?» спросилъ Василій.

«Проѣздиться по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ: авось-либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою».

«Какъ же такъ вдругъ рѣшился?..» началъ было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеньемъ, и чуть было не прибавилъ: «И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что!» И, полный недовѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова и увидѣлъ, что онъ держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же пріятное наклоненіе головы нѣсколько на-бокъ и почтительно-привѣтное выраженіе въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого рода былъ Чичиковъ.

Въ молчаніи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую руку которой находилась мелькавшая промежъ деревъ бѣлая каменная церковь, по правую—начинавшія показ[ыв]аться, также промежъ деревъ, строенія господскаго двора. Наконецъ показались и ворота. Они вступили на дворъ, гдѣ былъ старинный господскій домъ подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы, росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ, и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье цвѣтущихъ сиреней и черемухъ, которыя, нависши отовсюду

изъ сада въ дворъ черезъ миловидную березовую ограду, кругомъ его обходившую, казались цвѣтущею цѣпью или бисернымъ ожерельемъ, его коронованшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши предъ ними графины, онъ подошелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ вся дворня работала въ саду, всѣ слуги были садовники, или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что безъ слугъ можно даже и вовсе обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особаго сословія; что будто русскій человѣкъ по тѣхъ поръ только хоронитъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится по тѣхъ поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку и зипунъ, и что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ — и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ что. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ-то особенно щеголевато и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было далеко поискать.

«Не угодно ли вамъ прохладиться?» сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. «Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится домъ нашъ».

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно кипецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра лакъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ. «Нектаръ!» сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина—еще лучше.

«Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать?» спросилъ братъ Василій.

«Ѣду я», сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденіи легкаго покачиванія всего туловища

и пріятнаго наклона головы на-бокъ: «не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ извѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя, ибо— не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи,— видѣть свѣтъ и коловращеніе людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука».

Братъ Василій задумался. «Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его есть правда», думалъ [онъ].—«Брату моему Платону недостаетъ познанія людей, свѣта и жизни». Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ: «Знаешь ли что, Платонъ?—что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя душавная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается».

«Вольно-жъ принимать все близко къ сердцу!» сказалъ Платонъ. «Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги».

«Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?» сказалъ Василій. «Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ?—Захватилъ пустошь нашу, гдѣ красная горка».

«Не знаетъ, потому и захватилъ», сказалъ Платонъ: «человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать».

«Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью».

«Тебѣ нужно было съѣздить самому растолковать. Переговори съ нимъ самъ».

«Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты».

«Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть».

«Да если угодно, такъ я поѣду», сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: «Экой охотникъ ѣздить!»

«Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ», сказалъ Чичиковъ: «и въ чемъ дѣло».

«Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію, потому что одно изъясненіе съ такимъ человѣкомъ для меня уже непріятная комиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ простыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Задаетъ здѣсь тоны. Да у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ живетъ не глупый. Мода намъ не указъ, а Петербургъ—не церковь».

«Конечно», сказалъ Чичиковъ: «а дѣло въ чемъ?»

«А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли, — ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т.-е. онъ разсчитывалъ, что она не нужна, и о ней хозяева . . . . . , а у насъ, какъ нарочно, уже испоконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня—святыня».

«Стало-быть, вы готовы уступить ему другія земли?»

«То-есть, если бы онъ не такъ со мной поступилъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, посмотримъ, кто выиграетъ. Хоть на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ».

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «оба-то, какъ вижу, съ душкомъ». И сказалъ вслухъ: «А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбно. Все зависитъ отъ посредника. Письмен *) . . . . . .

. . . . . .

. . . . «что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевесть, напримѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія по сказкамъ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ, чтобы я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ бы эти души были живыя».

---

*) Здѣсь оканчивается 96-я страница рукописи; затѣмъ утрачены двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе: «Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался разсказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помѣщику Лѣницыну». *Ред.*

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Лѣницынъ: «это что-то престранное». И нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

«Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны», сказалъ Чичиковъ: «потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершено оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому».

(Что тутъ дѣлать?) Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленію на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ: помѣщики, все равно, заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало-быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого; разница въ томъ, что онѣ были бы въ однѣхъ рукахъ, а тогда были бы въ разныхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствію — правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: «Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться». Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенья и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ презатруднительномъ положеніи.

Но въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ всѣ петербургскія дамы, и одѣтая со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы! За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ, разумѣется, подошелъ тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ наклоненьемъ головы на-бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было разревѣлся; но, однакоже, Чичикову удалось словами: «Агу, агу, душенька!» прицел-

киваньемъ пальцевъ и сердоликовой печаткой отъ часовъ переманить его на руки къ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ онъ приподымать его кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обоихъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала: «Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ».

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новёшенькаго фрака былъ весь испорченъ. «Пострѣлъ бы тебя побралъ, чертенокъ проклятый!» пробормоталъ онъ въ-сердцахъ про себя.

Хозяинъ и хозяйка, и мамка—всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

«Ничего, ничего, совершенно ничего», говорилъ Чичиковъ. «Можетъ ли что-нибудь невинный ребенокъ?» И въ то же время думалъ про себя: «Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!» — «Золотой возрастъ!» сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли и пріятное выраженіе возвратилось на его лицѣ.

«А вѣдь точно», сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову, тоже съ пріятной улыбкой: «что можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ...»

«Состоянье, на которое можно сей же часъ помѣняться», сказалъ Чичиковъ.

«За глаза», сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали: предложи имъ такой обмѣнъ, они бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что за радость сидѣть у мамки на рукахъ да портить фраки!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому что и на немъ требовалось кое-что поправить: наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ (наградить).

Это, повидимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отказать такому пріятному, обходительному гостю, который столько ласкъ оказалъ его малюткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: «Почему-жъ, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?» .....

ГЛАВА...*).

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы, развалясь на диванѣ, торговался съ заѣзжимъ контрабандистомъ-кущомъ, жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная штука первѣйшаго голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на радзивиловской таможнѣ; оно имѣло, дѣйствительно, свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную), — въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

«На судъ вашего превосходительства представляю: каково полотно, и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещица!» При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

«Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ». Въ лицѣ его замѣтно было разстройство. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались [одни].

«Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять [лѣтъ]. Половина имѣнья отдается на монастырь, а другая—обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому».

Чичиковъ оторопѣлъ.

---

*) Въ рукописи нѣтъ надписанія: «Глава». Уже это обстоятельство указываетъ на то, что этотъ отдѣлъ представляетъ остатокъ одной изъ *первоначальныхъ редакцій* этой части второго тома «Мертвыхъ Душъ», написанной въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить, какая это будетъ глава по счету. Дѣйствительно, эта глава написана въ особой тетради, ярко отличающейся отъ всѣхъ остальныхъ и качествомъ бумаги, и желтыми чернилами, и даже самымъ характеромъ почерка. (См. «Примѣчанія»). *Ред.*

«Но это завѣщаніе—вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ».

«Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаніи, что имъ уничтожается первое».

«Это само собою разумѣется: послѣднее уничтожаетъ первое. Это вздоръ. Это первое завѣщаніе никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?»

«Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья Бурмиловъ и Хавановъ».

«Худо», подумалъ Чичиковъ: «Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ—старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ».—«Но вздоръ, вздоръ», сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. «Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично».

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія (хотя онъ и представить себѣ не могъ, чтобы дѣло было, какъ оно было дѣйствительно). Теперь укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича присягнуть на святомъ, но сказать это достало духа.

«Будьте покойны (и не заботьтесь ни о чемъ, я отправляюсь) и переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно».

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакъ нельзя было отрѣшить отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы, шесть разъ слѣдовало послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было воз-

вести явныхъ и доказанныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность (весьма) хорошимъ мебелямъ краснаго дерева, золотымъ часамъ подъ стекляннымъ колпакомъ, люстрѣ, сквозившей сквозь кисейный чехолъ, ее сохранявшій, и вообще всему, что было вокругъ и носило на себѣ яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеніемъ невѣрности всего земного и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руку.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наиприятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

«Позвольте вамъ вмѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло,—вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныхъ вещей на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе».

«Понимаю», подумалъ Чичиковъ и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, я, точно, хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ», — точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

«Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ», продолжалъ онъ весьма добродушно: «будьте всегда покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаивайтесь: нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спо-

койствіе мое неноколебимо». Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много.....

«Конечно, это первая вещь», сказалъ [онъ]. «Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такія дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ, и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе».

«Повѣрьте мнѣ, это малодушіе», отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. «Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенью, старайтесь— не то, чтобы оправдывать и защищать себя,—нѣтъ, просто спутать новыми вводными, и такъ.....»

«То-есть, чтобы...»

«Спутать, спутать — и ничего больше», отвѣчалъ философъ: «ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали [бы]. сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ—и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ!» повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

«Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу», сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

«Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться....., имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что, какъ только обстоятельства становятся критическія, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать,

такъ все перепутать, что никто ничего не поймет. Я почему спокоенъ?—Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свое — и губернатора, и вице-губернатора, и полицеймейстера, и казначея,— всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки. Всѣ только ждутъ, чтобы запутать». Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ Чичикову въ глаза опять съ тѣмъ наслажденьемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

«Нѣтъ, этотъ человѣкъ, точно, мудрецъ», подумалъ про себя Чичиковъ, и разстался съ юрисконсультомъ въ наиприятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски, приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей) и расположился, точь-въ-точь, какъ отставной гусарскій полковникъ или самъ Вишнепокромовъ, ловко подвернувши одну ножку подъ другую, обратя съ пріятностью ко встрѣчнымъ лицо, сіявшее изъ-[подъ] шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленіе къ гостиному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземные, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, были хоть пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, привѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась—съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

«Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!» говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытою головою, нѣмецкій сюртукъ московскаго шитья, съ шляпой въ рукѣ на отлетѣ, только чуть державшій круглый подбородокъ и выраженіе тонкости просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. «Покажите-ка мнѣ, любезнѣйшій, суконца».

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ отворявшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару и лицомъ къ покупателю. Ставши спиной къ товарамъ и лицомъ къ покупателю, купецъ, съ обнаженной головой и шляпой на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ такъ: «Какого рода суконъ-съ? англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?»

«Отечественной фабрикаціи», сказалъ Чичиковъ: «но только лучшаго сорта, который называется аглицкимъ».

«Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть?» вопросилъ купецъ, все такъ [же] пріятно колеблясь на двухъ, упершихся въ столъ, рукахъ.

«Цвѣтовъ темныхъ, оливковыхъ или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ», сказалъ Чичиковъ.

«Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, какое-съ можете въ обѣихъ столицахъ», говорилъ купецъ, полѣзши доставать сверху штуку; бросилъ ее ловко на столъ, разворотилъ съ другого конца и поднесъ къ свѣту. «Каковъ отливъ-съ! Самаго моднаго, послѣдняго вкуса!» Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что предъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ, и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

«Порядочное», сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. «Но знаете ли, почтеннѣйшій? покажите-ка мнѣ сразу то, что вы напослѣди показываете, да и цвѣту больше того... больше искрасна».

«Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой ноньче въ..... входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства».

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ бо́льшимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ и развернулъ точно шелковую матерію, поднесъ ее Чичикову такъ, что [тотъ] имѣлъ возможность не только разсмотрѣть его,

но даже понюхать, сказавши только: «Вотъ-съ сукно-съ! цвѣту наваринскаго дыму съ пламенемъ».

О цѣнѣ условились. Желѣзный аршинъ, подобный жезлу чародѣя, отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ [и] на панталоны. Сдѣлавши ножницами нарѣзку, купецъ произвелъ обѣими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину, при окончаніи котораго поклонился Чичикову съ наиобольстительнѣйшею пріятностью. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заверчено въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой. Чичиковъ хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясницы чьей-то весьма деликатной рукой, и уши его услышали: «Что вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?»

«А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча!» сказалъ Чичиковъ.

«Пріятное столкновеніе», сказалъ голосъ того же самаго, который окружилъ его поясницу. Это былъ Вишнепокромовъ.

«Готовился было пройти лавку безъ вниманія, вдругъ вижу знакомое лицо—какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія! Нечего сказать, сукна въ этомъ году несравненно лучше. Вѣдь это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ, бывало, отыскать... Я готовъ сорокъ рублей... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ, или имѣть вещь, которая бы, точно, была уже отличнѣйшая, или ужъ лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?»

«Совершенно такъ!» сказалъ Чичиковъ. «Зачѣмъ же трудишься, какъ не затѣмъ, чтобы, точно, имѣть хорошую вещь?»

«Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ», раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился: это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртучокъ былъ больно протертъ.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ—все васъ нѣтъ и нѣтъ».

«Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей-ей, нѣтъ времени». Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы отъ объясненія улизнуть, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. «Аѳанасій Васильевичъ! Ахъ, Боже мой!» сказалъ Чичиковъ: «вотъ пріятное столкновеніе!» И вслѣдъ за нимъ

повторилъ Вишнепокромовъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» [Хлобуевъ] повторилъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» И, наконецъ, благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы настолько, сколько могла рука, и, весь подавшись впередъ, произнесъ: «Афанасію Васильевичу, наше нижайшее почтеніе!» (У всѣхъ) на лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву: «Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побезпокоить. Если вамъ будетъ черезъ..... свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить».

Хлобуевъ сказалъ: «Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ».

И старикъ, раскланявшись снова со всѣми, вышелъ.

«У меня просто голова кружится», сказалъ Чичиковъ: «какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно».

«Противозаконная, однакожъ, вещь», сказалъ Вишнепокромовъ: «капиталы не должны быть въ однѣхъ [рукахъ]. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги,—ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ».

«Это я не могу понять», сказалъ Чичиковъ. «Десять милліоновъ—и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милліонами, чортъ знаетъ что, можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья».

«Да-съ», прибавилъ купецъ: «дѣйствительно, это непросвѣтительность. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ себѣ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужъ я за простого полковника — нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала, иначе ее не выдамъ. Что мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кондитеръ поставлять, а не то что кухарка...»

«Да что говорить! помилуйте!» сказалъ Вишнепокромовъ: «съ десятью милліонами чего не сдѣлать? Дайте мнѣ десять милліоновъ,—вы посмотрите, что я сдѣлаю!»

«Нѣтъ», подумалъ Чичиковъ: «ты-то не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ если бы мнѣ десять милліоновъ, я бы, точно, кое-что сдѣлалъ».

«Да, если бы мнѣ десять милліоновъ!» подумалъ Хлобуевъ: «я бы не такъ теперь поступилъ, какъ прежде,— не прожилъ бы такъ безумно. Послѣ такого страшнаго опыта узнаешь цѣну всякой копѣйки. Э, теперь бы я не такъ...» И потомъ, нѣсколько минутъ подумавши, спросилъ себя внутренно: «точно ли бы теперь умнѣй распорядился?» и, махнувши рукой, прибавилъ: «Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде», и вышедши изъ лавки, отправился къ Муразову, желая знать, что объявитъ ему Муразовъ.

«Васъ жду, Петръ Петровичъ!» сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. «Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку». И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

«Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что».

«Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...»

«Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?»

«Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше».

«Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?»

«Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей, потому что мнѣ самому ужъ не служить: я ужъ никуда не гожусь».

«А почему-жъ вы никуда не годитесь?»

«Да куда-жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ; я вѣдь не на хорошемъ счету. Я признаюсь вамъ: я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человѣкъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что хотите, но взятокъ брать я не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносовымъ, да Самосвитовымъ».

«Но все, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ итти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда челнъ не на водѣ? А вѣдь жизнь — путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ—нельзя, чтобъ не пришелъ; есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ».

«Повѣрьте мнѣ, Аѳанасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость....; но говорю вамъ, что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность; не вижу я, что могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ. Я чувствую, что я рѣшительно безполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество: помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человѣкъ не безъ вкуса и, знаю, во многомъ могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, никуда не гожусь, ровно никуда, говорю вамъ. На малѣйшее дѣло неспособенъ».

«Послушайте, Петръ [Петровичъ]! Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни

Утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымется».

«Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я это дѣлаю для спасенія души, потому что убѣжденъ, что этимъ хоть сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что какъ я ни (скверенъ самому себѣ) дуренъ, но смиренныя молитвы и нѣкоторое насиліе себя что-нибудь значатъ у Бога. Скажу вамъ, что я молюсь,—даже и безъ вѣры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть Господинъ, отъ Котораго все зависитъ, какъ лошадь и скотина домашняя слышитъ господина, имѣющаго право».

«Стало-быть, вы молитесь затѣмъ, чтобы угодить Тому, Которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это даетъ вамъ силы и заставляетъ васъ подыматься рано съ постели. Повѣрьте, что если вы взялись за должность свою такимъ образомъ, какъ бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у васъ бы появилась дѣятельность, и васъ никто изъ людей не въ силахъ охладить».

«Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ — это другое. Въ первомъ случаѣ я вижу, что я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь и самые тяжкіе, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я дѣлаю. Не мое дѣло разсуждать. Тамъ я увѣренъ, что взыщется [съ тѣхъ], которые заставили меня дѣлать; тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь».

«А зачѣмъ же такъ вы не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣта? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу, а не кому иному. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ, будучи увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Что-жъ другое всѣ способности и дары, которые розные у всякаго? Вѣдь это орудія моленья нашего: то—словами, а это дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя итти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство».

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

«Такъ вы полагаете, что если бы, напримѣръ, у [васъ] было двѣсти тысячъ, такъ вы [бы] могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?»

«То-есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно

будетъ сдѣлать, — займусь воспитаніемъ дѣтей, буду имѣть въ возможности доставить имъ хорошихъ учителей».

«А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года будете опять кругомъ въ долгахъ, какъ [въ] шнуркахъ?»

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою: «Однакожъ, послѣ этакихъ опытовъ»...

«Да что-жъ тутъ толковать!» сказалъ Муразовъ. «Вы человѣкъ съ доброй душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ взаймы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человѣка — вы захотите помочь; пріятный гость придетъ къ вамъ — захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенію, а расчетъ и позабываете. И позвольте вамъ, наконецъ, сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который ужъ самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю,—извините меня, Петръ Петровичъ,— не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!»

Хлобуевъ призадумался; онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и наконецъ почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

«Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это—дѣтей, дѣла; оставьте и семью вашу, и дѣтей: я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ уже на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?»

«И очень уважаю, даже несмотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ».

«Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкрутился — что-жъ дѣлать? — пошелъ въ приказчики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки ни къ чему не подымались. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать съ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: «Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, служу я теперь ужъ не себѣ, и для себя, а потому, что Богъ такъ... По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, по-

тому что Бога хочу слушаться, а не людей, и такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей только говоритъ. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы».—Вотъ что говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умнѣе меня».

«Аѳанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою... вашъ слуга и что хотите;. отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ, и говорю вамъ, что ни на что доброе не гожусь».

«Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу-съ [на] васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ [вотъ] вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не стаетъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку... вѣдь вы теперь простой человѣкъ, раоорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что-жъ тутъ чиниться? — да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ, и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословенье и шнуровую книгу, да и съ Богомъ».

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь, трястись на телѣгѣ! А вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

«Призадумались?» сказалъ Муразовъ. «Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую—мнѣ».

«Какую же вамъ?»

«А вотъ какую. Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, такъ вы узнаете-съ на мѣстѣ все: какъ тамъ живутъ мужички, гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всѣ. Скажу вамъ, что мужичковъ люблю оттого, можетъ-быть, что я и самъ изъ мужиковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, иные и противъ властей ихъ возстановляютъ, а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Что-жъ, будто трудно подстрекнуть человѣка, который, точно, терпитъ. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ—только ворамъ пожива. Вы — человѣкъ умный, вы разсмотрите, узнаете, гдѣ дѣй-

ствительно терпитъ человѣкъ отъ другихъ, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава, да и разскажете мнѣ потомъ все это. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе».

«Аѳанасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете», сказалъ Хлобуевъ: «святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ уже [умѣлъ] прощать другимъ».

«Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что можно-съ. Дѣло-то въ томъ, что вы все-таки пріѣдете съ большими познаніями тѣхъ мѣстъ, и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ никогда не столкнется съ лицомъ, да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому — и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ это по той причинѣ, что генералъ-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не безполезна будетъ ваша жизнь».

«Попробую, приложу старанья, сколько хватитъ силъ», сказалъ Хлобуевъ. И въ голосѣ его было замѣтно ободреніе, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. «Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумѣньемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей».

«Теперь позвольте васъ спросить», сказалъ Муразовъ: «что-жъ Чичиковъ и какого рода [дѣло]?»

«А [про] Чичикова я вамъ разскажу вещи неслыханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ»

«Что вы говорите? Да ложное-то завѣщаніе кто смастерилъ?»

«Въ томъ-то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ: Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ говорятъ, и генералъ-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысячи просьбъ поступило съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подъѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!»

«Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло, точно, не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный [человѣкъ]», сказалъ Муразовъ.

«Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ...»

«А мнѣ пусть ихъ всѣ передерутся», думалъ Хлобуевъ, выходя.—«Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученіе, вѣрно, обдумавши. Исполнить его — вотъ и все». Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: «Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!»

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали. Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ вогня; но помните, что тревожиться

никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила рѣшительно Чичикова. «Этотъ человѣкъ—рѣшительный геній», сказалъ онъ (по прочтеніи записки).

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Чичиковъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такія..... славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо́льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!» Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянулъ, выгнулся на перехватѣ, показавъ его ловкій перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на таліи. «Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы», повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. — «Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ; новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая, какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо—хорошо! Поворотился налѣво—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина, который такъ

чешетъ по-французски, что передъ нимъ самъ французничего, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя русскимъ словомъ, а выругаетъ по-французски. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня головку нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и упала на землю стклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...»

Какъ вдругъ въ передней—въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско. «Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!» (Вотъ тебѣ на!) Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, (страшило) грубо заговорило: «Приказано сей же часъ!» Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшило, взглянулъ въ окошко—и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! васъ князь уже ждетъ», сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наибѣшеннѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась предъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель!» сказалъ Чичиковъ. «Погубитъ онъ

мою душу» (и чуть не упалъ въ обморокъ): «зарѣжетъ, какъ волкъ агнца!»

«Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ». Губы князя дрожали отъ гнѣва.

«Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?» спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Женщина», произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: «женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку».

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. «Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги».

«Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ [выдумать] послѣдній лжецъ. Вы во всю свою жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...» Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

«Ваше сіятельство», вскрикнулъ Чичиковъ: «умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старуха-мать!»

«Врешь!» вскрикнулъ гнѣвно князь. «Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью!»

«Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй», сказалъ Чичиковъ голосомъ.... «Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства: но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить

уваженіе гражданъ и начальства... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Кровью, ваше сіятельство, кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была—точно судно среди волнъ морскихъ. Я—человѣкъ, ваше сіятельство!»

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ, во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, въ чудесно сшитыхъ штанахъ и причесанныхъ волосахъ, изливавшихъ запахъ одеколона.

«Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ!» сказалъ князь вошедшимъ.

«Ваше сіятельство!» кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганія пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

«Подите прочь, говорю вамъ!» сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

«Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости!» говорилъ [Чичиковъ], не выпуская, сжимая сапогъ князя къ груди и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу во фракѣ наваринскаго пламени и дыма.

«Подите, говорю вамъ!» говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ щеку, пріятно округленный подбородокъ и зубы; но онъ не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

«Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что съ вами?»

«Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...» Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашеный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзною рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [Чичиковъ], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ, въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги (чемоданъ, заключавшій гардеробъ). Бумаги, крѣпости на мертвыя [души] — все было теперь въ [рукахъ] чиновниковъ! Онъ повалился на землю и плотоядный червь грусти страшной, безнадежной обвился около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя (послѣ этого страшнаго состоянія) двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы терзаемому палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ бы не оживился такъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

«Спаситель мой!» сказалъ Чичиковъ, вдругъ схватившись съ полу, на который бросился въ разрывающей... печали, вдругъ его руку быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. «Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!»

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: «Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали?»

«Сдѣлалъ все, что свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я — дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка... тамъ деньги, тамъ все имущество, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ, — имущество, которое кровнымъ потомъ пріобрѣлъ...»

И, не въ силахъ будучи удерживать порыва вновь под-

ступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши (себя) рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

«Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ, вы должны проститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка».

«Самъ погубилъ самого себя, чувствую, что погубилъ — не умѣлъ во-время остановиться. Но за что же такая страшная [кара], Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и потомъ, кровавымъ потомъ добывалъ копѣйку. Зачѣмъ добывалъ копѣйку?—Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, непрожитое оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не спорю, покривилъ... что-жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся, А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи и не то, чтобы съ казны, — небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Аѳанасій Васильевичъ, я не блудничалъ, я не цьянствовалъ. [Я развѣ не выкупилъ?].... Да вѣдь сколько трудовъ, сколько желѣзнаго терпѣнья! Да я, можно сказать, выкупилъ всякую добытую копѣйку страданьями, страданьями! Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, что я! Вѣдь что вся жизнь моя?—Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что выработалъ, Аѳанасій Васильевичъ, того, что пріобрѣлъ такой борьбой...»

Онъ не договорилъ и зарыдалъ громко отъ нестернимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя и, запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленіи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить нестерпимую боль сердца.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ [Муразовъ], скорбно смотря на него и качая [головой]. «Я

все думаю о томъ, какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою и терпѣньемъ, да подвизались бы на добрый тр[удъ] и для лучшей [цѣли]! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки!... да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки!...»

«Аѳанасій Васильевичъ!» сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. «О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!»

«Что-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ,—онъ ни за что не отступитъ».

«Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что... я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка.. спасите!»

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою]: «какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!»

«Подумаю и о душѣ, но спасите!»

«Павелъ Ивановичъ!» сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. «Спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу стараньe, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянія, удастся, Павелъ Ивановичъ,—я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди

волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству (и, право, вы не пожалѣете потомъ). Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель».

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ-дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что..... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю.

«Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ!» вскричалъ онъ: «поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!»

«Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь», сказалъ Муразовъ, держа его руку.

«Отступился бы, можетъ-быть, если бы не такой страшный урокъ», сказалъ, вздохнувши, бѣдный Чичиковъ и прибавилъ: «Но урокъ тяжелъ; тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!»

«Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться». Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ: онъ успокоился.

«Нѣтъ, полно!» сказалъ онъ наконецъ: «другую, другую жизнь! Пора, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться порядочнымъ. О, если бы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселюсь вдали отъ... Если, однакожъ, получу назадъ бумаги... А купчія?...» Онъ подумалъ: «Что-жъ? зачѣмъ оставить это дѣло, столькимъ трудомъ пріобрѣтенное?... Больше не стану покупать, но заживить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтеніе это стоило трудовъ! Это

я заложу, заложу съ тѣмъ, чтобы купить на деньги помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго». И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ [у] Горбожогло, и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятіе помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

«Глупы мы, за суетой гоняемся!» сказалъ онъ наконецъ. «Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять. Чѣмъ не жизнь, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе, дѣйствительно, въ трудѣ. Горбожогло правъ. И ничего нѣтъ слаще, (точно,) какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ, и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? У меня есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, не отрываясь отъ того мѣста и угла, на которомъ онъ поставленъ».

И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и всѣхъ соблазновъ, которые отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ весь ужасъ своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый....., если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть. Но... одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвитовъ, эпикуреецъ, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть передъ носомъ у самого непріятеля пушку,—это его бы дѣло. Но, за неимѣніемъ военнаго поприща, подвизался на штатскомъ и, намѣсто подвиговъ, за которые былъ [бы] не даромъ украшенъ, онъ пакостилъ и гадилъ. Непостижимое

дѣло! съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ никому и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ...

«Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!» сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. «Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ будемъ работать за васъ и—ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше».

«Будто?» вскрикнулъ Чичиковъ: «и я буду совершенно оправданъ?»

«Кругомъ! еще и вознагражденіе получите за убытки».

«И за трудъ?...»

«Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ — и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю».

«Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...»

«Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что-ли?»

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

«Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа»,

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «понимаю—юрисконсульты!»

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ приставить еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова; связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія вещи:

вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и мирная жизнь стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ—опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, съ чувствомъ художника любуясь собственной крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью распоряженій и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. «Давно ты здѣсь стоишь?» — «Съ утра, ваше благородіе!» — «Долго до смѣны?» — «Три часа, ваше благородіе!» — «Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого».— «Слушаю, ваше благородіе!» И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, самъ нарядился жандармомъ, явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, схватилъ первую бабу, какая попалась, и сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: «Ступай къ мо . . . . . , меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.» Обмѣнился съ часовымъ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживающаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ,— и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносъ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ

дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званія, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики,—и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. «Пусть войдетъ», сказалъ князь. Старикъ взошелъ...

«Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится».

«Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло, (въ которомъ онъ попался)».

«Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!».

«Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова,—но вѣдь это—дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано».

«Улика: женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ». Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину,—(«которая взята»—сказалъ онъ вошедшему).

Муразовъ замолчалъ.

«Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!» сказалъ князь съ жаромъ.

«Вѣдь губернаторъ—наслѣдникъ; онъ имѣетъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...»

«Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!» сказалъ князь съ чувствомъ негодованія. «Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго; всѣ—мерзавцы!»

«Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ (свои) достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ».

«Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?»

«Ваше сіятельство», сказалъ Муразовъ: «кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, если онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость».

«Какъ!» воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ: «Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова».

«Какъ, развѣ я несправедливъ? преступленіе противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!...»

«Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если

юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла ровная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленія ихъ не равны».

«Ради Бога...» сказалъ князь съ замѣтнымъ волненіемъ: «вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи».

«Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить. Извините, мнѣ кажется по моему слабому разуму, слѣдовало бы тоже принять во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата—самъ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченіи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: а законъ».

Князь задумался. Въ это время вошелъ чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, который занимался дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его—это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что

не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза и обнаруживается настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато... *)

«...хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что̀ кому нужно. Да, если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладить[ся] съ ними миролюбно. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ».

«Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать, — всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ».

«Ваше сіятѣльство, ей-Богу, этакъ нельзя называть, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь—даже и не онъ».

«Но что̀ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...»

«Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что̀ [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?»

*) На этомъ словѣ обрывается 132 страница рукописи; затѣмъ значительный пропускъ. *Ред.*

«Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются».

«Не думаю-съ, ваше сіятельство. У [русскаго] человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ жидъ какой-нибудь, а не русскій. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что-жъ вамъ (ихъ бояться)? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь».

«Аѳанасій Васильевичъ», сказалъ князь въ-раздумьи: «я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ».

«А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить».

«Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ».

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

«Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеніи хорошемъ, — лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ,

изъ-за котораго спорятъ люди, и рѣжутъ другъ друга люди, точно, какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло] какъ слѣдуетъ. Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ».

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значеніе жизни опять показалось немаловажнымъ. «Муразовъ правъ», сказалъ онъ: «пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку..... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденію барина. «Ну, любезные», сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво: «нужно укладываться, да ѣхать».

«Покатимъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ. «Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы».

«Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ колиску на полозки», сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ] кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко,— тѣмъ болѣе, что' о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопристойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ (даже) всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ,

точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: «И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до (секретаря) титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, асессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе, — все ожидало съ любопытствомъ, не совсѣмъ спокойнымъ, выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: спокойной твердостью былъ вооруженъ его шагъ и взоръ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

«Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главная пружина, и чьимъ сокровеннымъ....., хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ

какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами] и наконецъ излишествомъ лживыхъ посторонних показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше».

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

«Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства».

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

«Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что-жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Итакъ, вы всѣ должны на меня глядѣть, [какъ] на безчувственное орудіе правосудія».

Содроганіе невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

«Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый бросается теперь къ ногамъ вашимъ, васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкорени-

лась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ итти противъ всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ,—я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ-быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать.....*) Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своей личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же,

*) Фраза не дописана. *Ред.*

какъ въ эпоху (всеобщаго) возстанія народовъ вооружался противъ....., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что̀ такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва...»

СТРАНИЦЫ, ПЕРЕДѢЛАННЫЯ АВТОРОМЪ ПО ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ ПЕРВАГО ТОМА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

1. Отрывки изъ седьмой главы.

Проснувшись, Чичиковъ и не вспомнилъ о помѣщикахъ. У него вылетѣли изъ головы всѣ эти странные образы, которые постепеннымъ появленьемъ, можетъ-быть, навели грусть на читателя. Въ головѣ его [ворочались] мужики, то-есть тѣ самыя фантастическія души, которыя онъ пріобрѣлъ. Онъ такъ былъ доволенъ пріобрѣтеньемъ, что отхваталъ по всей комнатѣ какой-то танецъ изъ мазурки и трепака на цыганскій образецъ (съ пришлепкой себя самого), весьма ловко пришлепывая себя самого пяткой собственной своей ноги. Скоро, однакожъ, почувствовалъ онъ, что дѣлаетъ дурачество, неприличное человѣку среднихъ лѣтъ; надѣлъ тотъ же часъ халатъ, узорчатые сафьянные сапоги изъ множества кусочковъ всѣхъ цвѣтовъ, которыми снабжаетъ городъ Торжокъ всю Русь; вынулъ изъ шкатулки списки всѣхъ пріобрѣтенныхъ мужиковъ, купчія, — словомъ, отработалъ всю канцелярскую часть, которую онъ зналъ и [...], чтобы поменьше платить въ судѣ. Ему хотѣлось, не откладывая, все кончить въ тотъ [же день]: совершить, занести, внести и потомъ вспрыснуть всю продѣлку шипучимъ подъ

серебряной головой, безъ которой Ѳемида не обходится. Но какъ разложилъ онъ передъ собою списки, какъ сталъ разсматрив(ать) весь этотъ народъ, который готовилъ укрѣпить за собой навсегда крѣпостями, чувство странное имъ овладѣло. Ему показалось на мигъ, какъ бы этотъ народъ дѣйствительно, къ довершенью очарованья, на спискѣ, сдѣланномъ Собакевичемъ . . . . . .

Половой поднесъ ему чай, [весь] изворот(ясь) съ подносомъ, подъ самымъ его носомъ [звеня] чашками. Чичиковъ сталъ пить чай надлежащимъ образомъ, какъ пьютъ по утрамъ: съ кренделям(и) и сливками, а все думалъ о крѣпо(стныхъ) мужик(ахъ). Сталъ потомъ бриться, но и подпирая языкомъ [лѣвую] щеку, все думалъ о крѣпостныхъ мужикахъ...

Но не мѣшаетъ увѣдоми(ть) читателя, что это размечтался не Чичиковъ. Сюда нѣсколько впутался самъ (авторъ) и, какъ весьма часто случается, вовсе не кстати. Чичиковъ, напротивъ, думалъ вотъ что: «Ну что, если бы эти мужики были, точно, живы. Бездѣлица! Тогда можно навсегда остаться въ деревнѣ. При тысячѣ душъ мож(но) получить тысячъ двадцать доходу,—впрочемъ, какова губернія иногда! Можно усовершенствовать, завести мануфактурность. Можно получать и до пятидесяти... быть въ почтеньи у всего дворянства, пустить его въ потомственное владѣнье, въ майоратъ, назвать его Павлушкино, Чичиково тожъ; — или же можно даже и такъ поступить: землю, по продажѣ душъ всѣхъ, заложить въ ломбардъ, а потомъ все имѣнье пожертвовать на заведенье кадетскаго корпуса и за великодушный поступокъ получить генеральскій чинъ!» Отъ честолюбивыхъ покушеній онъ, впрочемъ, тутъ же отказался, спохватясь, что души были мертвыя и что пора было отправляться въ судъ. Иначе дѣло могло и не кончиться въ тотъ [же день], ибо [власти] губерн(скаго) города NN соразмѣряли время сидѣнія съ требованьями желудка, который варилъ у всѣхъ скоро, хорошо. Бумаги были собраны, и туда же, въ карманъ, былъ засунутъ бумажникъ... Набросилъ шинель на медвѣд(яхъ), не затѣмъ, чтобы на дворѣ было холодно, но чтобы внушить страхъ канцелярской мелюзгѣ. Едва-только вышелъ онъ на улицу, какъ-вдругъ на встрѣчу человѣкъ, тоже въ медвѣдяхъ, картузъ съ ушами и назадъ откинутъ затыльникъ, какъ у [женщинъ], дели-

катныя перчатки на рукахъ и улыбка на устахъ. Улыбка раздвигалась болѣе, лицо засвѣтилось, глаза исчезнули [вовсе]; (раздалось) восклицанье: «Павелъ Ивановичъ!» Это былъ Маниловъ. Оба пріятеля такъ крѣпко поцѣловались, что у обоихъ болѣли весь (день) передніе зубы.

. . . . . .

Въ это время, когда происходила наша исторія, лакирова(нныхъ) столовъ и паркетовъ еще не было въ присутстві(яхъ): Ѳемида принимала гостей запросто, на распашку, чуть не въ халатѣ. Въ коридорахъ воняло сторожами, у которыхъ рубахи мылись три раза въ годъ. Во внутреннихъ чертогахъ было мало чѣмъ лучше. Стѣны приняли темноватый видъ — снизу отъ спинъ канцелярскихъ чиновник(овъ), сверху отъ паутины, отъ пыли. Бумаги безъ коробокъ: въ связкахъ одна на другой, какъ дрова; [....] служила только ширмой, куда заглядывалъ (чиновникъ), чтобы на себѣ что-нибудь поправить, если развязалось; вмѣсто чернильницъ иногда торчало дно разбитой бутылки. У иныхъ чиновниковъ даже и табакерокъ не было—табакъ держался просто въ бумажкѣ и засовывался куда-то подъ мышку. Взгляды у всѣхъ были какіе-то косые. Поджарыхъ было немного. Всѣ были большею частью изъ семинаріи, народъ дюжій, точно Бруты (?) римскихъ временъ, и у иного была такая губа, что можно изъ нея выкроить шесть нынѣшнихъ губъ. Обхожденіе было простое, прежнихъ временъ; слово: «изволили» не употреблялось; сотоварищъ сотоварищу говорилъ: «куда ты [затащилъ»...], а «чортъ ее (знаетъ!)» отвѣчалъ товарищъ. Голосъ начальника тоже раздавался сурово: «Вотъ я прикажу съ тебя сапоги снять!». Маниловъ, какъ человѣкъ деликатный и военный, оскорб(ился), а Чичиковъ, какъ человѣкъ штатскій, и не дивил(ся),... и достигнули залы присутствія, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, простор(нѣе): столъ, на немъ зерцало. Въ креслахъ предсѣдатель съ доброй и простой наружностью и возлѣ него плутъ Собакевичъ, совершенно закрывшись зерцаломъ.

. . . . . .

Потомъ засѣли въ вистъ. Играли, играли. Потомъ приняли(сь) за пуншъ, потомъ опять за вистъ. Потомъ вновь пили, потомъ вновь играли. Пили, пили, пили; играли. играли, играли. Давно и пѣтухи прокри(чали) и рынокъ отошелъ, нищіе и салопницы возвращались отъ ранней

обѣдни; народъ успѣлъ вновь опохмѣлиться въ кабакахъ. Низшіе чины [испивали] по мосту кругомъ и награждали [носы] паями березинскаго табака. А они все игра(ли). Еле-еле (около) осьми часовъ кончилось дѣло, и кучера развезли ихъ по домамъ...

2. Отрывки изъ восьмой главы.

Дамы находили, что Чичиковъ, какъ слѣдуетъ, — точно въ немъ была какая-то середина. (Въ немъ было) что-то и военное и штатское. Временами подлеталъ какъ-то этакъ, ловко подшаркнувши ножкой, встряхивался, какъ военный, или, по крайней (мѣрѣ), такой человѣкъ, у котораго чувству(ется), что у него стройн(ыя) ноги и штаны со штрипками. Временами же пріятнымъ наклоненьемъ голов(ы) на бокъ и мягкостью рѣчей подобился онъ штатскому хорошо воспитанному человѣку. Предметы разговоровъ его больше изъ 18 столѣтія, но образъ выраженія... нѣсколько къ 19 столѣтію; выходило попури, которое губернскимъ (дамамъ), особенно замужнимъ, очень нравилось. Притомъ надобно сказать, что ни заносчивости, ни насмѣшливости, не было совсѣмъ въ рѣчахъ: онѣ были совершенно безобидны и не могли [никакъ] поссорить... Извѣстно, что мужчинѣ придаетъ больше бодрости ободрительный отзывъ дамъ на счетъ красоты. Это возводитъ въ такое свѣтлое настроеніе духъ, что онъ дѣйствительно дѣлается красавцемъ; какъ извѣстно, утка турухтанъ, когда приходитъ время любви, расцвѣтаетъ вдругъ такими яркими цвѣтами, как(ихъ) прежде не был(о). Мина у Чичикова сдѣлалась гораздо пріят(нѣе), чѣмъ прежде, обороты и повороты развязнѣе и самые воротнички рубашки какъ-то бѣлѣе [на немъ] и тщательнѣе прилегали къ щекамъ. Явилась новая цѣпочка. Онъ сталъ соблазнителенъ.

«Кто что ни говори! а балы хорошая вещь!» думалъ Чичик(овъ). «Холодъ ли, неурожай, или какой иной случай, отъ которыхъ..., а какъ соберешься вмѣстѣ, позабудешь обо [всемъ]. Всѣмъ есть что-нибудь: танцы для молодыхъ, карты для почтенныхъ людей. Можно и на танцующихъ поглядѣть, и въ вистъ наиграться, и много значитъ этакъ общество, толпа. Все это веселит(ся), пестр(о). Притомъ и ужинъ: губернаторскій поваръ, я думаю, глядѣл(ъ). Будетъ

майонезъ съ рябчиками. Можетъ быть, еще холодныхъ двѣ осетринки (свѣжей) съ трюфелями, каперсами, кореньями и травкой и мелкой [крошкой] (?); потомъ зальемъ шипучкой, выстоявшейся на льду! Чортъ возьми, какъ въ жизни много есть всего! Люблю пріятное, безобидное общество!..

Всѣ жуки онъ хотѣлъ подобрать къ мотылькамъ. Продвинувшись сквозь эту черную тучу враговъ, онъ увидѣлъ передъ собой покой, (такъ) сверкающій изъ мотылькъ(овъ) всѣхъ цвѣтовъ, что на время прижмури(лъ) глаза отъ этого блеска, — почти какъ рисуютъ иногда на вывѣскахъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются и башмаки, и подвязки, и конфекты, и драгоцѣнн(ые) ка(мни). Точно то же было и здѣсь. Въ то время мотыльки въ губер(ніи) не разнуздались, какъ въ нынѣшнее разнузданное время, и только во время танцевъ мѣшались съ жуками. Отработавши дѣло ногами, каждый полъ отходилъ на свою сторону, и дамы всѣ строемъ лѣпили(сь) у одной стѣны. Къ нимъ подходи(лъ) только изрѣдка какой-нибудь служившій по особеннымъ порученьямъ мужчина, блиставшій благообразность(ю) лица, и ловкій, [рѣзвый] кавалеристъ, сіявшій побѣдоносны(ми) эполетами, и то къ такой только, которая уже очень хорошо говоритъ по-французски. Прочее все перешептывалось между собою и даже конфузилось, если приступалъ какой-нибудь жукъ. Жукъ тоже приступалъ не прежде, какъ, сочинивши и заготов(ивши) впередъ фразу, которая бросала въ потъ бѣдную неприготовленную даму: *отвѣта никакъ нельзя сочинить впередъ*, и потому все почти краснѣло и потѣло, имѣя надобность безпрерывную прохлаждаться мороженными и лимонадами. Которыя были поблагоразумнѣе, тѣ положили себѣ впередъ не отвѣчать ничего, а забира(ть) только усердно конфекты къ себѣ въ ридикюли.

Чичиковъ раскланялся [самымъ] ловкимъ образомъ: близко къ тому, какъ раскланивается пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяйкой, (Чичиковъ) обрати(лся) къ дамамъ, сидѣвшимъ впереди. Предсѣдательша, почтмей(стерша) и даже прокурорша съ нимъ заговорили, а прочія молча обратили глаза. Онъ думалъ, какъ бы узнать, которая изъ (нихъ) была сочинительница. Трудно: глаза у всѣхъ такъ были выразительны! При этомъ ему открылось такое множество круглыхъ плечей и полненькихъ рукъ (на многихъ изъ нихъ даже лопнули длин-

ныя перчатки), что почти невозможно было смотрѣть собственно въ одни глаза. А глаза всѣхъ были, точно, загадочны. Онъ оглянулъ еще разъ весь цвѣтникъ. Кажется, значительнѣе всѣхъ глядѣли предсѣдат(ельша), почтмейстерша и даже прокуроршa, а впрочемъ, Богъ вѣсть. Пахнетъ сильно резедой, фіалками и даже гвоздикой. Чичиковъ, поворотивъ, отправился было къ жукамъ, чтобы засѣсть за вистъ, какъ вдругъ передъ нимъ губернаторша и съ ней стройная дѣвица, лѣтъ шестнадцати, стройная, какъ молодой тростникъ. «Павелъ Ивановичъ!» сказала губернаторша съ пріятнымъ потряхиваньемъ головы. «Вотъ вамъ моя дочь, только-что изъ института и въ первый (разъ) является въ свѣтъ; прошу принять благосклон(но)». Чичиковъ, разумѣется, уже хотѣлъ подшаркнуть ножкой и отпустить ей самое поощритель(ное) и ласковое привѣтств(іе); но, взглянувши ей въ лицо, вдругъ остановился: предъ нимъ стояла та самая [дѣвчонка]. Опять то же странное чувство... Матовое бѣлое платьеце, тончайшее воздуха, обнимало одинъ ея станъ; руки же, грудь, не взволнованныя ни одни(мъ) вздохомъ, и голубиная шейка, которую обнимало простое тюлевое бѣлое ожерелье,—все было открыто и соста(вляло) что-то единое съ платьемъ. Онъ (оторопѣлъ и позабылъ все и остался) нѣсколько минутъ совершенно неподвиженъ. Было ли это чувство любви? Кажется, онъ до сихъ поръ на счетъ любви былъ не очень податливъ. Имѣлъ, по мѣрѣ надобности, обращеніе съ женщиною, но влюбиться не влюблял(ся). Было что-то разъ, когда-то, въ давней юности, что-то въ родѣ мгновен(ной) встрѣчи съ какой-то крѣпостной служанкой; но влюблять(ся) онъ не влюблял(ся): это была игра лѣтъ, молодой крови. Но теперь онъ коллежскій совѣтникъ. Ему почти за сорокъ. Два раза онъ уже наживался, два раза [проживался]... два раза былъ подъ судомъ, два раза «пострадал(ъ) за правду»; испытано и узнано имъ почти все. Все подвергалъ онъ благоразум(ному)... Что жъ это такое? Почему же онъ сталъ впервые истуканомъ? Или есть что-(то) въ чистомъ, ясномъ дѣвичествѣ еще не развившейся женщины что-то такое, что, мимо ума, мимо искусства, мимо всѣхъ качествъ, дѣйствуетъ на всѣхъ, даже (на) инвалидовъ, вооруженныхъ холодомъ безстрастія... и которыхъ никакая штука не своротитъ и не расшевелитъ. И больше всего обворожительна та, которая не знаетъ, что

она обворожительна, и сокрушительнѣй всѣхъ красавицъ та, которая еще не знаетъ, что она красавица. Что бы то ни было, но герой нашъ почти такъ же былъ пораженъ, какъ юноша.

Онъ видѣлъ, что ее умчалъ кавалерійскій франтъ, перет(янутый), какъ оса, съ усиками, съ тонкими, золотыми лепешками на плечахъ и рядомъ пуговицъ на круто выгнутой (груди)... и [небрежно] прочесанными волосами. Онъ видѣлъ, какъ она, чуть упираясь атласнымъ башмачкомъ, летала, и бѣлый пухъ ея эѳирной одежды леталъ вокругъ какъ бы кружилась она въ какомъ-то тонкомъ облакѣ, показывая всю себя, какъ выточенную игрушку, въ которой ни малѣйш(аго) недостатка. Во всемъ тѣлѣ—ножка, ручка, шея, всяка(я) кость, съ такой соразмѣрностью одн(а) къ другой и ко всему тѣлу, что, казалось, ел фигурка чуть не пѣла отъ согласной стройн ги. Гармонія летала въ виду всѣхъ. Всѣ женщины (сдѣлались передъ ней вдругъ какія-то) коровницы. Взглянулъ онъ нечаянно на другихъ женщи(нъ)...

На мѣсто ногъ и рукъ повсюду оказались ножищи, ручищи, плечища; [корсеты] у однѣхъ дамъ стали толстыя, выгнутыя безъ толку круто, подушки, у другихъ—неуклюжія доски, и почтмейстеръ понялъ это. Даже всѣ — и старые и толстые чиновники остановили глаза глядѣть, — не только почтмейстеръ, которы(й) былъ волокита, но делик(атный) прокуроръ пришелъ [поглядѣть] и моргалъ только бровью. Даже многіе женатые и почтенны(е) люди, которые были доселѣ увѣрены, что красивѣй ихъ женъ ничего не можетъ быть на свѣтѣ, стали находить, что жены ихъ какъ-то не такъ сложены, хорошо, какъ слѣдуетъ. Съ (ея) появленіемъ женщина(мъ) еще болѣе стало замѣтно бревно въ глазу. И рѣдкая не сказала: «какіе у насъ уроды въ губерніи!» — себя, разумѣется, выключила. Всякой показалось, что только (у) одной губернаторской дочки да у нея порядочныя руки и ноги, а у всѣхъ ручищи... Точно какъ будто бы (она) разомъ пролетѣла по залу, чтобы всѣ почувствовали, что такое стройность и кра(сота)...

Черезъ нѣсколько минутъ, однакожъ, чувство зависти стало входить въ серд(ца) всѣхъ, особенно когда увидали [именно], что все молодое, военное, что ни было лучшаго, поворотилось къ шестнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, и весь дамскій цвѣтникъ остался безъ всякаго нюханья. Почтмей-

стерша показала необыкновенное искусство въ танцахъ и, наклонивъ голову на бокъ, стар(алась) выразить [каплю] неземнаго чувства, но никто этого не замѣча(лъ). Всякъ, кто былъ получше, танцовалъ съ своей дамой, точно съ подуш(кой), и глазами, какъ подсолнечникъ къ солнцу, обращался къ той сторонѣ, гдѣ танцовала та, которая даже и не думала о томъ, что она хорошо танцуетъ, и кружилась такъ потому, что [ей было] пріятно кружиться, [какъ стрекозѣ поверхъ воды]. Онъ поскорѣй тотъ же часъ занялъ стулъ и помѣстил(ся) около нея. Но странное дѣло! не могъ завязать разговора; говорилъ много, но какъ-то не впалъ въ настоящую ноту: или выше, или ниже. Снача(ла) заговорилъ было о томъ, что Россія очень большое государство, что даже больше древней Римской Имперіи; но, замѣтивши, что (дѣвчонка) начинаетъ зѣвать, спустился на такой разговоръ, который годенъ для тѣхъ, которыя, только начали играть въ куклы. Извѣстно, что человѣкъ среднихъ лѣтъ и умѣющій занимать съ пріятностью дамъ не находится, что говорить съ дѣвицами. «Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто сталъ дураковать!» подумалъ Чичиковъ: «съ дамами могу говорить, даже съ пріятностью, и [далеко] не схожу въ карманъ [за словомъ], а теперь вотъ и голову ломаю и обдумываю, а что-то выходитъ похожее на глупость». Онъ не зналъ, что люди благонамѣренныхъ лѣтъ и благоразумнаго возраста не всегда бываютъ годны на разговоры съ дѣвицами и что на этомъ полѣ берутъ люди безумныхъ лѣтъ и безтолковаго образа мыслей.

Дамы на Чичикова разсердились. Надулась предсѣдательш(а), почтмейстерша и даже прокурорша. Онъ взглянулъ на (весь) цвѣтникъ: весь цвѣтникъ глядитъ на ихъ обо(ихъ), но уже въ глазахъ что-то похожее на негодованіе и нерасположеніе. «Вотъ еще Боже сохрани!» подумалъ со страхомъ Чичиковъ: «еще разсердятся, пожалуй. Это будетъ очень непріятно! Я, точно, въ [разсѣянности] поступилъ совсѣмъ неучтиво. Вотъ что значитъ на одинъ мигъ только увлечься и всѣ первѣйшія обязанности человѣка, отношенія—все позаб(удешь). Дѣйствительно, на меня сердиты,—это я вижу...» Только-что онъ сказалъ себѣ эти слова, какъ вдругъ видитъ — навстрѣчу валитъ къ нему Ноздревъ. Сердце его [точно] предчувствовало, что не

быть добру. Онъ хотѣлъ было [ускользнуть], но тотъ уже увид(алъ)...

Въ этотъ вечеръ всѣ дамскія приготовл(енія), всѣ вкусы, тонкія умѣнья одѣваться, все [встряхнуто] было на воздухъ; всѣ обдуманны(я) фразы, духи, помада, фіалка, гвоздика, резеда — всѣ пахнул(и) даромъ. Въ выигрышѣ остались однѣ только тѣ дамы, которыя, не думая ни о чемъ, набивали себѣ конфектами ридикюли. Стало-быть, въ этотъ вечеръ больше обыкновен(наго) отъ досады у многихъ первоклассныхъ дамъ пропалъ а(ппетитъ)...

3. Отрывокъ изъ конца восьмой главы.

...«Выдумали балы! Чортъ бы ихъ побралъ (и) тѣхъ, кто выдумалъ. На три часа сойдутся вмѣстѣ, а на три года пойдетъ потомъ сплетней. Никто [потомъ] дѣла не дѣлае(тъ), во всемъ... мужъ дуракъ въ присутствіи только [горюетъ](?) . . . . . или дуетъ въ карты до пѣтуховъ, а баба дура зѣваетъ передъ окномъ [весь день]. Ну, шила бы рубахи! по крайней мѣрѣ ткала бы ковры! Все бы не пришла дурь въ голову! Натуральн(о) отъ бездѣлья придутъ въ голову балы! Чортъ побери!» Такъ думалъ Чичиковъ, (говоря съ сердцовъ), точно какъ бы (и) самъ никогда не игралъ до пѣтуховъ.

«Балы! балы!.. Сколько на платье да тряпки денегъ усадятъ! Сколько мужъ ни дѣлаетъ каналь(ства), бездѣльничества и мерзостей, изъ-за того, чтобъ женѣ достать денегъ на нарядъ, а жена рядится затѣмъ, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы!.. Чортъ побери, такъ перепутались всѣ, что не знаешь теперь, кто съ кѣмъ и живетъ... Все стало родня! Балы!.. Подумаешь, человѣкъ разумное животное, и этакъ проводитъ время! Одѣнется, какъ прилично взрослому человѣку, а ногою дрыгъ, дрыгъ! (Видно, что весельчакъ!) Народъ, по крайней мѣрѣ, если веселится, то вскрикиваетъ и присѣдаетъ. Видно, что веселится! А здѣсь (точно идетъ въ присутствіе), выступ(аетъ) мелочно. Дуракъ! — глядитъ сова-совою, а ногою дрягъ, точно какъ будто блохи кусаютъ его за ногу! Говорятъ другъ съ другомъ о сурьезномъ, а ногою—дрягъ, дрягъ!.. Развѣ это веселость!.. Балы!.. На мѣсто, чтобъ сидѣть по деревня(мъ), (заботиться о крестьянахъ), объ обработыван(іи) земли,

разводить лѣсъ для (внуковъ), садъ воспитывать, крестьянъ учить, поучать народъ — они вонъ соберутся всѣ въ городѣ!.. Балы! Въ губерніи голодъ, а они — балы! Вѣдь имѣнья небось вѣдь (sic) или закладываетъ, или продаетъ! (Всякъ лѣзетъ въ чиновники, чтобы на счетъ всѣхъ жить, а не на свой, чтобы кутить да пьянствовать!» Такъ говорилъ Чичиковъ, какъ будто самъ былъ вовсе не охотникъ кутить и какъ будто тоже не хотѣлъ попить на счетъ другихъ).

Такъ бранилъ Чичиковъ съ досады балы.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ СТРАНИЦЫ ИЗЪ 2 ЧАСТИ „МЁРТВЫХЪ ДУШЪ".

...«Всѣмъ жить на счетъ казны, сдѣлать себѣ доходныя мѣста изъ службы, изъ государства обратить въ богадѣльню (sic), долженствующую ихъ всѣхъ кормить!.. Это устремленье въ ихъ ряды чиновниковъ и правителей, — вѣдь это(жъ, наконецъ, позвольте)!.. разсмотримъ же, кто же тогда останется въ рядахъ управляемыхъ? И станетъ ли средствъ управляемы(мъ) содержать громаду своихъ управляющихъ? Край (лишается) работающихъ рукъ. Земля не воздѣлыва(ется). Россія остается до сихъ поръ въ первоначальномъ пустынномъ видѣ. Нѣтъ, не возможно это — обратиться въ рыбарей и удить рыбу. Слѣдуетъ оставить заботу о частной и личной [жи́зни] и нужно вспомнить о бѣдной Россіи. Если мы сами не вспомнимъ, если мы сами дружнымъ усиліемъ не подымемъ... то никакія, геніальныя соображенія свыше... ни на какія средства и силы... Нѣтъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, откуда всему начало злу... Нѣтъ, слѣдуетъ, наконецъ, не шутя подумать о томъ, какъ повести простую жи(знь), которая... Всѣ видятъ, даже и слѣпые, что взятки изъ желанья жить получше, сколько-нибудь сообр(азно)..., пользоваться всѣми удобствами и просвѣщенными прихотями нынѣшнихъ... Изъ-за этого и кражи, изъ-за этого и всѣ побужденія установить мѣста, будто бы необходимыя, будто обмануть немудрено! [Какіе] были

представлены проекты объ установленіи новыхъ мѣстъ и какъ была ощутительно показана ихъ необходимость, что и я ихъ утвердилъ и представилъ на утверж(деніе), я употребилъ во зло довѣріе, и послѣ уже нескоро увидѣлъ, что (sic) обманулъ своего благодѣтеля Государя, и я сталъ обманщикомъ! Сколько этакихъ явленій на всякомъ шагу!..

Нѣтъ, нельзя! Нужно положить, наконецъ, это(му) конецъ (sic), нужно бросить этакую жизнь, [кото...] что, наконецъ, съ кражами и взятками не могутъ дойти до того, чтобы исполнить всѣ эти прихо(ти), условія, положенье свѣта. Ради несчастныхъ своихъ дочерей и со взятками и съ кражами вы теперь едва имѣете силы доставить это глупое несчастное воспитанье, котораго требуют(ъ) условія этой глупой жи(зни), которой никому изъ насъ не хочется бросить. Прежде всего обращаюсь къ богатымъ и состоятельны(мъ). Вамъ слѣдуетъ (показать) примѣръ. Уничтожьте мебели и всѣ прихоти. Заведите прост(о), хоть на нѣкоторое время, покуда не поправятся обстоятельства...—всѣ вы будете въ барышахъ; у васъ денегъ останется столько, что вы мог(ли) (бы) помочь и благотворить,—чего вы теперь, я знаю, не въ состояніи,—ни добраго дѣла не можете сдѣлать, потому что все [пошло на себя]. Что до меня, даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа и на сам(омъ) парад(номъ) гуля(ньѣ) не буду иначе являться, какъ на извозчикѣ, и жена не надѣн(етъ) другого, кромѣ самаго обыкновеннаго, и на дочеряхъ моихъ не будетъ никогда платья свыше десяти рублей ассигн(аціями) и будетъ ими носиться до сносу, какія (бы) ни являлись картинки, хотя бы мода выворотила все навыворотъ. А вамъ, Петръ Николаевичъ, поручаю завести клубъ вовсе другого рода, такой, чтобы, всѣмъ можно было войти [въ него], не разорившись. Объ этомъ посовѣтуйтесь съ Муразовымъ. Онъ найдетъ честнаго ресторана (sic). Стыдно въ провинціи, гдѣ припасы продаются на рынокъ за безцѣнокъ[...] обѣды со стола, чтобы не свыше... съ стола рубля ассигнаціями. Я очень знаю, что на эти деньги три, даже четыре блюда изъ свѣж(ей) провизіи изъ этого, что подъ рукой, безъ выписныхъ приправъ... А француза прошу выгнать вонъ. Это для него еще благодѣянье: если онъ поживетъ, онъ, дуракъ, обанкру(тится). Ему никто долговъ не заплотитъ. Самъ виноватъ—брать десятерную цѣну! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что ему

нужно составить капиталъ, на который можно ему будетъ потомъ хорошо (жить) въ Парижѣ. Онъ можетъ подкупать полицію..., но, какъ начальникъ, я этого не позволю, чтобъ это было на счетъ несчастной невоздержи(ости). Да и вообще прошу васъ употреб(лять) всѣ силы, чтобы дать возможность всѣмъ мастеров(ымъ) производить работы дешевле. Объ этомъ прошу васъ переговорить съ Муразовымъ. Онъ тепе(рь) особенно занятъ классомъ мѣщанъ и ремесленнико(въ), и многихъ уже образовалъ. Я увѣренъ, что если только уничтожить кое-какіе сборы, не позволить сборы, которые плотятъ въ полицію, то все будетъ гораздо... Не лучше, если полицейскіе, не дожидая(сь), ограничатъ свои поборы, потому что и къ нимъ теперь взываю, какъ русскимъ (по) сердцу, которымъ, полагаю, таки близка Россія. Жертва потребна общая отъ всѣхъ насъ, а не отъ одного кого-либо. Притомъ цѣны и дороговизна неминуемо д(олжны) упасть, стало быть, содержанье каждаго станетъ дешевле. Наконецъ, я умоляю прекращать всѣ тяж(бы) между (собою миромъ), не вмѣши(ва)ть правительства (и) не давать пищи ябедѣ, размноженію дѣлъ и вмѣстѣ съ ними новыхъ должностей и нов(ыхъ) чиновниковъ, которые, бѣдные, противъ воли должны быть чужеядными растеніями. Лучше прибѣгать, по старому русскому обычаю, къ простому третейскому суду и, выбравши изъ себя людей, извѣстныхъ честностью и справедливостью, предоставить на ихъ судъ, какъ они рѣшатъ теп(ерь),—тогда во всякомъ случаѣ даже и тотъ, кто проиграетъ, будетъ въ барышахъ, въ сравненіи съ тѣм(ъ), что онъ издержитъ по судамъ и всякимъ мытарс(твамъ), которыя могутъ проволочить его до глубокой старости и отравить на(вѣчно) всю его жизнь. Но я надѣюсь, что судъ будетъ безобиденъ. Если же въ затруднительномъ дѣлѣ,—то я вамъ совѣтую предоставить (дѣло) на судъ человѣка, котораго я не назову, но вы его угадаете,—чья безукоризненная жизнь и дѣятельность, полная добрыхъ подвиговъ, скажетъ самом... Очень можетъ быть, что мы этимъ нечувствит(ельно) достигнемъ до того, до чего нельзя достигнуть никакими мудрѣйшими распоряженіями правительства, то есть до уничтоженья всѣхъ этихъ временныхъ коммисій и комитетовъ, которые мы вся(кими) происками постарались обратить въ непремѣнные. По крайней мѣрѣ, это долгъ нашъ; мы должны объ (этомъ) всѣ ста-

раться до единаго, какъ сыны земли, какъ преданные и присягнувшіе именемъ Бога служить вѣрно землѣ. Очень можетъ быть, что и теперь, послѣ твердой нашей рѣшимости, уменьшится количество дѣлъ и всякихъ бумажныхъ производствъ. Но тѣмъ не менѣе прошу всѣхъ исполнить въ точности: въ свое время быть въ присутствіи и въ свое время выходить изъ присутствія. Только прошу всѣхъ правителей канцеляріи не заводить этого педантства, этого наружнаго лицемѣрства, то-есть, чтобы каждый *казался* занимающимся дѣломъ. Нѣтъ! достаточно, если онъ присутству(етъ). Нѣтъ, если нѣтъ дѣла, онъ можетъ читать полезную книгу и пусть это будетъ его ученый кабинетъ, пусть хоть здѣсь прочтутс(я) тѣ книги, которыя дѣлаютъ человѣка степеннымъ, разсудительнымъ, приготовляютъ изъ него будущаго государственна(го) мужа и сына земли своей. Съ завтрашня(го) же дни будетъ доставлено отъ меня во всѣ отдѣленія присутствія по экземпляру Библ(іи), по экземпляру русскихъ лѣтописей и три, четыре классика, первыхъ всемірныхъ поэт(овъ), вѣрныхъ лѣтописцевъ своей жизни. Я радъ, что имѣю сдѣлать это пожертвованье отъ себя насчетъ нѣкоторыхъ ограничен(ій). Чувствую, что это важно. Въ послѣднее время головы всѣхъ насъ вывѣтрились отъ это(го) пустого чтенія минутныхъ романовъ [и отъ] водевилей, (которое) извращало на изнанку жизнь, мысли, мнѣнья и понятья. Что, право, пора прочесть то, что прежде всего сл(ѣдуетъ). Къ стыду, у насъ, можетъ быть, едва отыщется чело(вѣкъ), который бы прочелъ Библію, тогда какъ эта книгда (существуетъ) затѣмъ, чтобы читаться вѣчно, — не въ какомъ-либо религіозномъ отношеніи, нѣтъ!—изъ любопыт(ства), какъ памятникъ народа, всѣхъ превзошедшаго въ мудрости, поэзіи, законодательствѣ, котор(ую) и невѣрующіе, и язычники считаютъ высш(имъ) созданьемъ ума, учителемъ жизни и мудрости. Какъ же намъ требовать еще, чтобы изъ насъ выходили мужи, способные дѣйств(овать) обдуманно и поступать! какъ удивляются, что безпрестанно выходятъ скороспѣлки, выскочки, непостоянные, легкіе люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, безсильные владѣтели страстей!..

Нѣтъ, я обращаюсь къ вамъ. Не о себѣ пожалѣемъ, но пожалѣемъ о дѣтяхъ, которыхъ мы, бросивъ въ [чужія] руки... и которыхъ знать не хотимъ, тогда какъ кто луч-

шимъ бы могъ быть воспитателемъ сына, какъ не отецъ? Да, ничего болѣе, кромѣ только разумное чтеніе съ ними этихъ книгъ, сочиненій, образующихъ уже измлада сильный характеръ, познанье жизни, познанье земли своей. Уже было (бы) въ нѣсколько разъ полезнѣе всей этой истрачиваемой кучи денегъ на учителей съ ра(з)ными взглядами... понятіями, со всѣхъ сторонъ загружающими до того голову, что онъ, наконецъ, не узнаетъ до поздней старости, было ли въ немъ какое-нибудь собственное мнѣ(ніе) или мысль, и готовъ, какъ послушная овца, послѣдов(ать) за первымъ крикуномъ, за первой необдуманной брошюр(ой). И будто бы уже отецъ, который самъ учился и (въ корпусѣ), и въ университ(етѣ), не могъ самъ приготов(ить) своего сына въ заведеніе, когда и программа и (все) напечатано повсюду, въ извѣстность... Времени нѣтъ! Но вѣдь для, каргъ есть у насъ время! Да въ два вечера посреди своей семьи безъ книги можно дать поня(тіе) о всей наукѣ, то есть все содерж(аніе), въ чемъ она состоитъ и для чего намъ нужна,— словомъ, дать ее почувствовать, такъ что и жена и дочери выслушаютъ, а въ сынѣ возродится жела(нье) и любопытство прочесть и пополнить самому... И ничего собствен(но) кромѣ собственнаго удовольствія и собственнаго на[шего] вразумленья не доставили бы намъ такіе вечера. Нѣтъ, мы... страшнымъ оскорбительнымъ упрекомъ оскорбитъ насъ негодующее потомство и праведный гнѣвъ пора(зитъ), что еще..., играя, какъ игрушкой, святымъ словомъ просвѣщенья, правились швеями, парикма(херами), модами, дерзали поставить выше мужественныхъ (предковъ). . . . . Я это говорю, потому что такъ чувствую и считаю долгомъ сказать вамъ все, что̀ чувству(ю). Въ минуту прощанія, которая все-таки торжественна,—можетъ быть, увидимся, а, можетъ быть, и не увидим(ся),—не слѣдуетъ говорить пустыхъ вещей. Могутъ надъ моимъ словомъ и надо мной посмѣяться, у кого дост(анетъ) духу посмѣяться. Но я знаю, что тѣ, которы(мъ) дорого счастье земли, которые еще русскіе въ глуб(инѣ) и не успѣли вывѣтриться,—тѣ согласятся со многи(мъ) изъ того, что̀ я говорю. Повторяю еще разъ: «я буду о всѣхъ хлопотать и всѣмъ до единаго буду старать(ся) испросить прощеніе»,—стало быть, я имѣю нѣкоторое право потребовать отъ васъ взвѣсить ихъ (?) хорошенько и подумать объ это(мъ).

Отрывокъ, касающійся второй части «Мертвыхъ Душъ».

(Изъ письма къ А. П. Толстому).

Васъ удивляетъ, почему я съ такимъ стараніемъ стараюсь (sic) опредѣлить всякую должность въ Россіи, почему я хочу узнать, въ чемъ ея существо? Говорю вамъ: мнѣ это нужно для моего сочиненья, для этихъ самыхъ «Мертвыхъ душъ», которыя начались мелочами и секретарями и должны кончить(ся) дѣлами покрупнѣе, и должностями повыше, и это познаніе точное и вѣрное должностей въ томъ... въ какомъ онѣ должны у насъ въ Россіи быть. Мнѣ бы не хотѣлось дать промаха и погрѣшить противъ правды, тѣмъ болѣе, (что) характер(ы) и люди въ остальныхъ двухъ частяхъ выходятъ покрупнѣе обыкновенныхъ и въ значительныхъ должностяхъ. Я васъ очень благодарю, что вы объяснили должности генералъ-губернатора; я только съ вашихъ словъ узналъ, въ чемъ она истинно можетъ быть важна и нужна въ Россіи. Прежде мнѣ казалось, что и безъ нея организмъ управленія губерніи совершенно полонъ. Кстати разсмотримъ этотъ организмъ, чтобы видѣть, такъ ли точно я его понимаю, какъ есть. Мнѣ кажется, что онъ очень умно соображенъ въ частяхъ, соотвѣтствуетъ духу земли и обнаружива(етъ) въ Государынѣ Екатеринѣ большое пониманье потребностей нашихъ...

РАЗМЫШЛЕНІЯ АВТОРА О НѢКОТОРЫХЪ ГЕРОЯХЪ ПЕРВАГО ТОМА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

...Онъ даже и не задалъ себ(ѣ) вопроса, зачѣмъ эти люди попал(и) ему на глаза, какъ вообще всѣ мы никогда не спрашиваемъ себя: «зачѣмъ насъ окружили такія-то обстоятельства, а не другія?» «зачѣмъ вокругъ насъ стали такіе-то люди, а не другіе»,—тогда какъ ни малѣйшее событіе въ жизни не [произошло] даромъ, и все вокругъ въ наше наученье и вразумленье. Но слова, что «свѣтъ есть живая книга» повторяются нами ужъ какъ-то особенно безтолково и глупо, такъ что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произноситъ... Онъ даже и не задумался надъ тѣмъ, отъ чего это такъ, что Маниловъ, по природѣ добрый, даже благородн(ый), безплодно прожилъ въ деревнѣ, ни на грошъ никому не доставилъ пользы, опошлѣлъ, сдѣлался приторнымъ своею добр(отою), а плутъ Собак(евичъ), ужъ вовсе не благородный по духу и чувствамъ, однакожъ, не разорилъ мужиковъ, не допустилъ ихъ быть ни пьяницами, ни праздношатайками? и отъ чего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книгъ никакихъ, кромѣ часослова, да и то еще съ грѣхомъ пополамъ, не выучась никаким(ъ) изящнымъ искусствамъ, кромѣ развѣ гаданія на картахъ, умѣла, однакожъ, наполнить рублевиками сундучки и коробочки, и сдѣлать это [такъ], что порядокъ, какой онъ тамъ себѣ ни былъ, на деревнѣ все-таки уцѣлѣлъ: души въ ломбардъ не заложены, а церков(ь), хоть и небогатая, была поддержана, и правились и

заутрени и обѣдни исправно, — тогда какъ иные, живущіе по столицамъ, даже и генералы по чину, образованные и начитанные, и тонкаго вкуса и [примѣрно] человѣколюб(ивые), безпрестанно заводящіе всякія филантропическія заведенія, требуютъ, однакожъ, отъ своихъ управителей все денегъ, не принима(я) никакихъ извиненій, что голодъ и неурожай,—и всѣ крестья(не) заложены въ ломбардъ и перезаложены, и во всѣ магазины до единаго и всѣмъ ростовщикамъ до послѣдняго въ городѣ должны. Такъ надъ эти(мъ) Чичиковъ не задумался, такъ же, какъ и многіе жители просвѣщенныхъ городовъ, которые обыкновенно любятъ въ этомъ случаѣ повторять извѣст(ное) изреченіе: «трудно даже и повѣрить, какіе у насъ живут(ъ) оригиналы во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ!» Помѣщики вылетѣли изъ головы Чичикова, даже и самъ Ноздревъ. Онъ позабылъ то, что наступилъ ему тотъ роковой возрастъ жизни, когда все становится лѣнивѣй въ человѣ(кѣ), когда нужно его будить, будить, чтобъ не заснулъ навѣки. Онъ не чувствовалъ того, что̀ еще не такъ страшно (для) молодого (ретивый пылъ юности, гибкость, не успѣвш(ей) застыть и окрѣпнуть природы, бурлятъ и не даютъ мельчать чувствамъ),—какъ начинающему старѣть, котораго нечувствительно обхватываютъ, совсѣмъ почти незамѣтно, пошлыя привычки свѣта, условія, приличія безъ дѣла движущагося обще(ства), которыя до того, наконецъ, всего опутаютъ и облекутъ челов(ѣка), что и не останется въ немъ его само(го), а только куча однѣ(хъ) принадлежащихъ свѣту условій и привычекъ. А какъ попробуешь добраться до души, ея уже и нѣтъ: окременѣвшій кусокъ и весь превратившійся человѣкъ въ страшнаго Плюшкина, у котораго если и выпороснетъ иногда что̀ похожее на чувство, то это похоже на послѣднее усиліе утопающаго человѣка...

1846 годъ.

Господи, благослови на сей грядущій годъ! Обрати его весь въ плодъ и въ трудъ многотворный и благотворный, весь на служенье Тебѣ, весь на спасенье душъ. Буди милостивъ и разрѣши руки и разумъ, осѣнивъ его свѣтомъ высшимъ Твоимъ и прозрѣньемъ пророческимъ великихъ чудесъ Твоихъ. Да Святый Духъ снидетъ на меня и движ-

нетъ устами моими и да освятитъ во мнѣ все, испепеливъ и уничтоживъ грѣховность и нечистоту и гнусность мою, и обративъ меня въ святой и чистый храмъ, достойный, Господи, Твоего пребыванія. Боже! Боже! не отлучайся отъ меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспѣть и восхвалить Тебя, и возвести всѣхъ къ хваленью Святаго Имени Твоего.

О сословіяхъ въ государствѣ.

Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разнаго рода правленіяхъ, и умные люди, обольщенные формами, бывшими у другихъ народовъ, горячо проповѣдывали: одни —совершенную демократію, другіе—монархію, третьи—аристократію, четвертые—смѣсь всего вмѣстѣ, пятые—потребность двухъ борющихся силъ въ государствѣ и на бореньи ихъ основывали ..... Наступило время, когда всякій болѣе или менѣе чувствуетъ, что правленіе не есть вещь, которая сочиняется въ головѣ нѣкоторыхъ, что она образуется нечувствительно, сама собой, изъ духа и свойствъ самого народа, изъ мѣстности—земли, на которой живетъ народъ, изъ исторіи самого народа, которая показыва(етъ) человѣку глубокомысленному, когда и въ какихъ случаяхъ успѣвалъ народъ и дѣйствовалъ хорошо и умно, и требуетъ—внимательно все это обсудить и взвѣсить.

Исторія государства Россіи начинается добровольнымъ приглашеньемъ верховной власти. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами»,—слова эти были произнесены людьми вольныхъ городовъ. Добровольнымъ разумнымъ сознаньемъ вольныхъ людей установленъ монархъ въ Россіи. Всѣ сословія, дружно требуя защиты отъ самихъ себя, а не отъ сосѣднихъ враговъ, утвердили надъ собой высшую власть съ тѣмъ, чтобы (нелицепріятно) разсудить самихъ себя—потребность чисто (естественная), понятная среди такого народа, въ которомъ никто не хочетъ уступить одинъ другому, и гдѣ только въ минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, все соединяется въ одинъ человѣкъ (sic) и дѣлается однимъ тѣломъ. Симъ опредѣлена высокая законность монарха-самодержца.

Итакъ въ самомъ началѣ, во время, когда не пробуждается еще потребность организаціи стройной, во время (еще) [неразвитости], когда легко ужиться съ безначаліемъ, уже все потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всѣхъ, не будучи связано личною выгодою ни съ какимъ сословіемъ преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждаго сословія въ государствѣ. Во всю исторію нашу прошла эта потребность третейской власти старцевъ, потребность суда посторонняго человѣка. Великій князь или, просто, умный князь уже требуется, какъ примиритель другихъ князей. Духовенство является какъ примиритель между князей или даже между народомъ, и самъ государь судится народомъ не иначе, какъ верховный примиритель между собою. Стало-быть, законность главы была признана всѣми единогласно.

Вопросъ: какія начала правленія слышатся и слышались въ исторіи народа?

Если правленіе переходило сколько-нибудь въ народное, это обнаруживалось совершенною анархіей и полнымъ отсутствіемъ всякаго правленія: ни одного человѣка не бывало согласнаго, все спорило между собою.

Если правленіе переходило совершенно въ монархическое, то-есть, въ правленіе чиновниковъ отъ короля, воснитавшихся на служебномъ письменномъ поприщѣ, государство наполнялось взяточниками, для ограниченья которыхъ требовались другіе чиновники; черезъ года два слѣдовало и тѣхъ ограничивать, и образовывалась необыкновенная сложность, тоже близкая къ анархіи.

Стало-быть, вопросъ: гдѣ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ допустить демократическое, народное участіе и гдѣ въ какихъ случаяхъ участвованіе короны и правительствующаго корпуса? То и другое въ рукахъ монарха—и аристократія и демократія; тому и другому онъ господинъ; та и другая ему равно близка. Каковы же и въ чемъ отношенія монарха къ подданнымъ? Это—лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь: онъ долженъ отрѣчься отъ себя и отъ своей собственности, какъ монахъ; его пищей должно быть одно благо его — счастіе всѣхъ до единаго въ государствѣ; его лицо не иначе, какъ священно. Гдѣ особенно и въ какихъ случаяхъ полезна мірская сходка? Тогда, когда уже рѣшенное [опредѣленіе] слѣдуетъ привести

въ исполненіе. Никто лучше міра не умѣетъ, какъ разложить и сколько на кого, потому что они знаютъ и свои состоянья и свои силы. Поэтому кто..... наложитъ на каждаго заплатить по рублю, будетъ несправедливъ; но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человѣка, — потребовать эту сумму со всего міра. Это можно примѣнить ко многому и въ другихъ сословіяхъ. Верховный совѣтъ государства предполагается состоящимъ изъ лицъ, знающихъ нужды своего государства, которыя достигнули этого званія не однимъ письменнымъ понрищемъ и повышеньемъ за выслугу лѣтъ, но имѣя по службѣ, на многихъ поприщахъ внутри государства, случай стоять лицомъ (къ тому), какъ тамъ происходитъ внутри государства. Стало-быть, опредѣленья такого совѣта относительно всего государства могутъ быть менѣе всѣхъ другихъ ошибочны.

Опредѣленіе расходится по лицу Россіи; его требуется исполнить и примѣнить (къ) дѣлу. Вотъ тутъ дѣло упирается на совѣтѣ (sic) тѣхъ, которые должны исполнить и примѣнить къ дѣлу: какъ удобнѣй, какъ возможнѣй, какъ необременительнѣй ни для кого исключительно исполнить. Здѣсь необходимость вѣча, или совѣщанія всего того сословія, къ которому относится дѣло.

Правительство не имѣетъ дѣла (ни съ кѣмъ) порознь изъ сословій, но съ цѣлымъ сословіемъ вмѣстѣ. Все сословіе отвѣчаетъ. Сословіе имѣетъ (право) употребить и полицію, и насильственныя мѣры, къ приведенію въ послушаніе того ослушника, который бы воспротивился.

Вездѣ, гдѣ только примѣнены къ дѣлу постановленья, тамъ необходимо совѣщанье самихъ тѣхъ, на которыхъ должны примѣнять его. Сами они должны изъ себя избрать для того и чиновниковъ, блюстителей и ускорителей, не требовать отъ правительства никакого для этого жалованья и не обременять этимъ сложность государственнаго механизма.

Но гдѣ дѣло касается до опредѣленія постановленій, тамъ совѣщаются одни испытанные въ дѣлахъ государственные мужи, и опредѣленье уже непреложно, если скрѣплено рукой монарха. Сословія могутъ посылать своихъ депутатовъ, которые могутъ предъявлять справедливыя причины упущенія или необходимыя требованія; но они принимаются только къ соображенію и усмотрѣнію. Если они будутъ отвергнуты,

сословіе не имѣетъ права на апелляцію. Само собою разумѣется, что правда должна быть на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ... всѣ стороны государства,—особенно, если правда эта узаконена тѣмъ, кто стоитъ выше всѣхъ въ государствѣ и которому равно близки выгоды всѣхъ.

Дѣло въ томъ, чтобы организовались сословія, чтобы почувствовало всякое сословіе свои границы, предѣлы, обязанности, и знали, гдѣ ихъ дѣло и дѣятельность, а потому въ воспитанье человѣка, съ самаго начала, должны войти обязанности того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы онъ съ самаго начала почувствовалъ, что онъ гражданинъ и не безъ мѣста въ своемъ государствѣ.

Взглянемъ на наши сословія отъ высшихъ до низшихъ. Начнемъ съ дворянства.

Дворянство наше должно было непремѣнно (имѣть) другой характеръ, чѣмъ дворянства другихъ краевъ. Во всѣхъ другихъ земляхъ дворянство образовалось изъ пришельцевъ, изъ народовъ, захватившихъ земли туземцевъ и обратившихъ народъ силою въ своихъ вассаловъ. Оно установило насильственно отдѣльну(ю) касту аристократіи, въ которую уже не допускали никого. У насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же нас[еленія]. Большею частью заслуги передъ царемъ, народомъ и всей землей русской возводили у насъ въ знатный родъ людей изъ всѣхъ рѣшительно сословій. Право надъ другими, если разсмотрѣть глубже, въ основаніи, основано на разумѣ: они не что иное, какъ управители государя. Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему въ управленье крестьяне, даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими,—въ предположеніи, что такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія чувства и назначеніе, можетъ лучше править, чѣмъ какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники. Вольно было помѣщикамъ, позабывши эту высокую обязанность, глядѣть на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помѣщика.

Итакъ дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостояніи низшихъ... (Монархъ подѣлился съ ними своимъ попеченьемъ). Вотъ первое, что должно

чувствовать это сословіе съ самаго начала. Изъ-за этой самой.... они должны составить между собою одно цѣлое; совѣщанье они должны имѣть между собою объ управленіи крестьянами. Они не должны попустить между собой присутствіе такого помѣщика, который жестокъ или несправедливъ: онъ дѣлаетъ имъ всѣмъ пятно. Они должны заставить его перемѣнить образъ обращенья; они должны поступить такъ же, какъ въ полку общество благородныхъ офицеровъ поступаетъ съ тѣмъ, который обезчеститъ подлымъ поступкомъ ихъ общество: они приказываютъ ему выти изъ круга, и онъ не осмѣливается преступить этого, ничѣмъ уже не смягчаемаго опредѣленія. Дворянство должно быть сосудомъ и хранителемъ высокаго нравственнаго чувства всей націи, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою. Такъ должны быть они въ Россіи, гдѣ не хвастаютъ ни родомъ, ни происхожденіемъ, ни point d'honneur, но какимъ-то нравственнымъ благородствомъ, которое, къ сожалѣнію, обнаруживается только во дни высокихъ самопожертвованій. Это отъ самой юности должно быть внушаемо, какъ въ первую принадлежность (sic).

Послѣдній въ государствѣ и многочисленный классъ,— крестьяне составляютъ также сословіе и имѣютъ много, о чемъ совѣщаться между собою. Состоя подъ управленьемъ помѣщика, они имѣютъ тоже, о чемъ совѣщаться. Установленный сборъ,—повинность, положенную на каждаго человѣка, помѣщикъ долженъ предоставить [принесть] (совсѣмъ) міру, который самъ долженъ и собрать, и принести, потому что они лучше себя знаютъ относительно всякихъ состояній, и помѣщику никогда не... Онъ также долженъ лучше чувствовать свое сословіе, что имѣетъ право законно требовать помѣщикъ, за что долженъ заплатить ему и нанимать, какъ вольнаго человѣка, и переговариваться съ помѣщикомъ цѣлымъ міромъ.

Сословіе гражданъ, самое разнохарактерное, меньше всего получившее опредѣленное выраженіе, отъ неопредѣленности занятій и отъ нѣкотораго безвластія, должно непремѣнно возвыситься до понятія... Оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостоянія и должны сами изъ себя избирать чиновниковъ. Полиція тогда только не будетъ брать взятковъ (sic) и грабить, когда сами граждане будутъ

исполнять.... Лучшая полиція въ Англіи, по признанію всѣхъ, въ Англіи (sic), и то потому, что этимъ занимается городъ, выбирая для этого чиновника и платя ему жалованье отъ себя. Правитель города долженъ требовать отъ магистрата, чтобы сдѣлано было такъ же точно; а магистратъ уже самъ размыслитъ, какъ это сдѣлать такъ, чтобы тягость упала на все сословіе.

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значенье коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываются вовсе. Академія Наукъ, тремя изданьями своего Словаря, теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобоисполнимому и почти невозможному. Послѣднее изданье, полнѣйшее всѣхъ предыдущихъ (по значительному умноженью собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнью, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженье то, что это (?) было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленья такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ не-

обыкновенныхъ лингвическихъ (sic) способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья.

Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, (какъ) любовь, просто—одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставила меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженьемъ. Для меня было наслажденьемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою — и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принесть пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробные листки, я могу услышать мнѣнье и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возможность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ.

Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью.

Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ.

Почему нужно хозяйство? Потому что отъ этого зависитъ благосостояніе всего государства, потому что устроится лучше собств(енная) жизнь всякаго человѣка, потому что занятія и безпрестанное движеніе укрѣпляютъ тѣло и здоровье, потому что отъ того самыя умственныя способности въ свѣжести; потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначеніе, данное отъ Бога:—«въ потѣ лица снискивать хлѣбъ».

Что происходитъ отъ пренебреженія хозяйствомъ? Отъ пренебреженія хозяйствомъ происходятъ несчастія всей земли,

конечное обѣдненіе ея и разстройство. Засухи без ..... временъ разстройство.

Какимъ образомъ?

Тѣмъ, что бросили имѣнья, отдали земли въ руки упра(вителей) и наемниковъ, которые заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманья на будущее, все вывозя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ; отъ этого обмелѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги, земля стала суше и безплоднѣе, перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистыми мѣстами.

На что преимущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе?

На то, чтобы не упустить времени. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной?....

Помѣщики.

Помѣщики... они позабыли свою обязанность?! Зачѣмъ ты вмѣсто того, чтобы имъ напоминать весь долгъ и приводить въ знанье и себя самого въ....., сталъ ограничивать ихъ мелочными чиновник(ами) и ограниченьями, завелъ новую сложность дѣлъ, такъ что и у нихъ самихъ закружилось и все перепуталось, и они уже сами позабыли свои выг[оды]. Или нельзя было на нихъ подѣйствова(ть), или они не лучше другихъ воспитали (понятье о чести)? Или не воспріимчивѣе [была] ихъ душа, чѣмъ необразованнаго человѣка? Или на голосъ отчизны [не откликнутся дѣла] ихъ? Или не изъ среды ихъ [мелькнули] Сувор(овы), Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцовы и ряды героевъ самоотверженья, которыхъ не умѣститъ на страницахъ своихъ подробнѣйшая лѣтопись.

Нѣтъ власти: дѣйствуй прямо! Укажи намъ весь нашъ долгъ, но не связывай въ то же время и рукъ нашихъ и не безчесть насъ обиднымъ подозрѣньемъ. Говори съ нами благороднымъ голосомъ, и будетъ благороденъ отвѣтъ.

...«Зачѣмъ же ты не вспомнилъ обо мнѣ,—что я на тебя гляжу, что я твой?! Зачѣмъ же ты отъ людей, а не отъ меня ожидалъ награды и вниманья, и поощренья? Какое бы тогда было тебѣ дѣло обра(щать вниманіе), какъ издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!.. Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бы (ты) до конца дошелъ, не устрашившись?.. Ты бы удивилъ величіемъ характ(ера), ты бы наконецъ взялъ верхъ и заставилъ изумиться; ты бы оставилъ имя, какъ вѣчный памятникъ доблести, [дабы] и роняли бы ручьи слезъ [потоки]... и, какъ вихорь, ты бы развѣвалъ въ сердцахъ пламень добра.»

Потупилъ голову, устыдился управитель, и не зналъ, куда ему дѣться.

И много [вслѣдъ за нимъ] чиновниковъ и благородныхъ, прекрасныхъ людей, начавшихъ служить и потомъ бросившихъ..., печально понурили головы.

Трудъ.

Человѣкъ рожденъ на то, чтобы трудиться. «Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ свой», сказалъ Богъ по изгнаньи человѣка за непослушанье изъ рая, и съ тѣхъ поръ это стало заповѣдью человѣку, и кто уклоняется отъ труда, тотъ грѣшитъ и передъ Богомъ. Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Если бъ и не наградилъ тебя человѣкъ здѣсь—не ропчи (sic!); зато больше наградитъ тебя Богъ. Важнѣе всѣхъ работъ—работа землѣдѣльца. Кто обработываетъ землю, тотъ больше другихъ угоденъ Богу. Сѣй и для себя, сѣй и для другихъ, сѣй, хоть бы ты и не надѣялся, что [пожнешь] самъ: пожнутъ твои дѣти; скажетъ спасибо тотъ, кто воспользуется твоимъ трудомъ,—вспомянетъ имя твое и помолится о душѣ твоей. Во всяк(омъ) случа(ѣ) тебѣ выгода: всякая молитва у Бога значитъ. Только трудись съ той мыслью, что трудишься для Бога, а не (для) человѣка, и не смотри ни на какія неудачи: хоть бы все то, что ты нараб(отадъ), и пропало, побито было градомъ,—не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработалъ много денегъ на этомъ свѣтѣ; деньги останутся здѣсь. Ему нужно, чтобы (ты) не былъ въ праздности и работалъ. Потому, работая

здѣсь, вырабатываетъ себѣ Царствіе Небесное, особенно если работаетъ съ мыслью, что онъ работаетъ Богу. Работа—святое дѣло. Когда дѣлаешь работу, говори въ себѣ: «Господи, помоги!» и за всякимъ разомъ говори: «Господи, помилуй!» Заступомъ ли копнешь или ударишь топоромъ, говори: «Господи, удостой меня быть въ раю съ праведниками». Когда дѣлаешь работу, старайся быть такъ благочинну въ мысляхъ, какъ бы ты былъ въ церкви, чтобъ отъ тебя никто не услышалъ браннаго слова, чтобы и грубаго не усл(ышалъ) отъ тебя товарищъ; чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло: тогда работа—святое дѣло. Тогда такая работа спасетъ твою душу. Такою работою здѣсь—заработаешь ты себѣ Царствіе Небесное тамъ. Аминь.

Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины.

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СГАНАРЕЛЬ

или

МУЖЪ, ДУМАЮЩІЙ, ЧТО ОНЪ ОБМАНУТЪ ЖЕНОЮ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи,

Мольера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Горгибусъ, мѣщанинъ.
Целія, дочь его.
Лелій, влюбленный въ Целію.
Гро-Рене, слуга Лелія.
Сганарель, мѣщанинъ.
Жена его.
Виллебрекень, отецъ Валерія.
Горничная Целіи.
Родственникъ жены Сганареля.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія *(выходя въ слезахъ)*. Нѣтъ, нѣтъ! не думайте, чтобъ я согласилась!

Горгибусъ. Что ты тамъ бормочешь? Дерзкая дѣвчонка! Идти противъ моей воли! Да развѣ я не имѣю надъ тобой полной власти? Да кто изъ насъ двухъ знаетъ, что кому полезно, ты или я? Глупая, неужели ты лучше меня знаешь, что для тебя полезнѣе? Берегись, не раздражай меня, а то я, пожалуй, покажу, что рука моя еще не совсѣмъ обезсилѣла. Лучше всего, госпожа своевольница, безъ дальнихъ околичностей, идти за человѣка, котораго я назначаю. «Да какъ же, папенька», говоришь ты: «я не знаю-съ его характера, надобно подумать». Чортъ возьми, что тутъ обду-

мывать, и какъ не любить? Да какія еще прелести надобно, когда у него наслѣдство? Ручаюсь, что съ двадцатью тысячами дукатовъ онъ прекраснѣйшій человѣкъ.

Целія. Ахъ!

Горгибусъ. Ну, что̀ «ахъ!» Что̀ значитъ этотъ «ахъ»? Посмотрите, пожалуйста, какіе она отпускаетъ прекрасные ахи! Послушай, если ты меня взбѣсишь, то я тебя заставлю ахать другимъ порядкомъ. Вотъ плоды этихъ проклятыхъ романовъ, которыми изволишь забавляться и дни, и ночи! Голова твоя набита любовными фразами; ты больше думаешь о Клеліи, чѣмъ о Богѣ. Нѣтъ, сударыня, въ огонь, въ огонь всѣ эти вредныя книги, которыя съ каждымъ днемъ развращаютъ больше и больше умовъ! Читайте-ка лучше четверостишія Пибрака да ученыя «Таблицы» совѣтника Матьё; эти назидательныя сочиненія стоитъ выучить наизусть. Не худо бы заняться и «Путеводителемъ грѣшниковъ»: изъ него можно научиться, какъ должно жить. И если бъ ты занималась только такими твореніями, такъ не стала бы противорѣчить моимъ желаніямъ.

Целія. Какъ, папенька, вы думаете, что я могу забыть Лелія? Конечно, я не могла бы рѣшиться ни на что безъ вашего согласія, но вѣдь вы сами дали за меня слово.

Горгибусъ. Да если бъ я далъ двадцать словъ, такъ какое до того дѣло, когда явился человѣкъ, котораго деньги дороже всякаго слова? Правда, Лелій недуренъ собой, но, милая, состояніе важнѣе всего: золото̀ придаетъ даже и уроду какую-то прелесть, съ нимъ нельзя не понравиться; а безъ золота все остальное — нуль. Конечно, ты не любишь Валера; это ничего: полюбишь, когда будешь за нимъ замужемъ. Въ словѣ *мужъ* есть что-то увлекательное, и любовь часто бываетъ плодомъ женитьбы. Да впрочемъ, что̀ жъ я это за дуракъ, пустился въ разсужденія, когда могу приказывать? Прошу не безпокоить меня глупыми вздохами. Мой будущій зять явится сегодня вечеро̀мъ. Прошу принять его хорошенько, и Боже тебя избави дѣлать ему кислыя рожицы. Ни слова, ни слова болѣе! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Прежнія безъ Горгибуса.

Горничная. Какъ, сударыня, и вы еще колеблетесь, когда вамъ предлагаютъ мужа? И вы боитесь произнести это оча-

рѣшительное *да?* Ахъ, Боже мой, что это меня никто не постарается выдать замужъ? Вмѣсто того, чтобы плакать надъ однимъ *да*, сію же минуту наговорила бы ихъ дюжину. Учитель вашего братца говоритъ правду, что женщина—точно плющъ, который хорошъ только, когда вьется около дерева, и не значитъ рѣшительно ничего, отъ него когда отдѣлится. Ахъ, я, бѣдная грѣшница, очень чувствую, какъ это справедливо! Бѣдный мой Мартынъ, упокой Богъ его душу! При немъ я была такая полненькая, такая румяненькая, на душѣ было такъ весело! Теперь совсѣмъ не то. Когда онъ былъ живъ, я, бывало, зимой лягу въ нетопленной комнатѣ, а теперь дрожу въ іюлѣ. О, сударыня, вы себѣ и представить не можете, что такое имѣть возлѣ себя мужа, хоть бы только для того, чтобъ сказать: «здравствуй!» когда чихнетъ.

Целія. Какъ? и ты можешь мнѣ совѣтовать оставить, забыть Лелія? взять такой грѣхъ на душу?

Горничная. Да помилуйте, что жъ онъ за уродъ,—нашелъ время путешествовать! Право, мнѣ что-то сдается, что онъ забылъ васъ.

Целія (*показывая портретъ Лелія*). О, не убивай меня такимъ ужаснымъ предсказаніемъ! Вглядись хорошенько въ это лицо: ну, можетъ ли оно измѣнить? А этотъ портретъ такъ похожъ! Нѣтъ, онъ не можетъ обманывать.

Горничная. Да, онъ не дуренъ: конечно, нельзя не любить его.

Целія. А между тѣмъ надобно... Ахъ, поддержи меня! (*Роняетъ портретъ*).

Горничная. Боже мой! что съ вами? Какъ она побѣднѣла! Помогите! помогите!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Сганарель.

Сганарель. Что, что тутъ такое?

Горничная. Барышня умираетъ.

Сганарель. Только-то? Я думалъ, что и Богъ знаетъ, что случилось. Впрочемъ, посмотримъ. Сударыня! А? Вы умерли?.. Она не говоритъ ни слова.

Горничная. Постойте, я сбѣгаю за людьми, а вы покамѣстъ поддержите ее. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Целія, Сганарель и жена Сганареля.

Сганарель (*прикладывая руку къ груди Целіи*). Она холоднехонька. Что̀ тутъ дѣлать? (*Нагибается щекой къ губамъ ея*). Однакожъ, чортъ возьми, кажется, она дышитъ! Рѣшительно—дышитъ.

Жена Сганареля (*выглядываетъ въ окно*). Это что̀ такое? Мой мужъ въ объятіяхъ женщины! Вѣроломный! теперь-то я подстерегу тебя.

Сганарель. Надобно бы помочь ей. Право, я не знаю ничего глупѣе, какъ умирать, тогда какъ и здѣсь можно еще пристроиться какъ нельзя лучше. (*Уноситъ ее въ домъ Гаргибуса*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Жена Сганареля (*одна*).

Жена Сганареля. Куда же онъ пропалъ? Теперь все ясно: онъ измѣняетъ мнѣ. Теперь я не удивляюсь холодности, которой онъ отвѣчаетъ на мою цѣломудренную страсть. Злодѣй! онъ бережетъ свои ласки для другой. Вотъ таковы-то всѣ мужья! Позволенное надоѣдаетъ имъ какъ-разъ; они скоро относятъ въ другое мѣсто то, что̀ должно бы оставлять дома. Сначала покорные рабы, готовы для васъ на все, а тамъ вы имъ прискучили. О, какъ это досадно, что нельзя мѣнять мужей, какъ рубашки! Швырнула вонъ — и концы въ воду! Какъ бы это было покойно, особливо теперь для меня! (*Поднимаетъ портретъ, уроненный Целіей*). Это что̀ такое? Медальонъ! Какая прекрасная эмаль! Откроемъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Сганарель и жена его.

Сганарель (*не замѣчая жены*). Живехонька! Здоровехонька! Какъ ни въ чемъ не бывало. А, жена!

Жена Сганареля (*не видя его*). Ахъ, Боже мой, какой хорошенькій мужчина!

Сганарель (*въ сторону, глядя черезъ плечо жены*). Что̀ это она разсматриваетъ съ такимъ вниманіемъ? Портретъ мужчины, и молодого, и не дурного! Тутъ ничего я не вижу хорошаго для моей чести.

Жена Сганареля *(не видя мужа).* Я никогда не видала лица красивѣе. И какъ онъ славно пахнетъ!

Сганарель. Чортъ возьми, да она цѣлуетъ его! О, варварка, зарѣзала!

Жена Сганареля *(все еще не видя мужа).* Что ни говори, а надобно признаться, что пріятно быть любимой такимъ красавцемъ, что искушеніе такъ сладко, такъ непреодолимо. Ахъ! зачѣмъ я не имѣю такого прекраснаго мужа намѣсто моего плѣшиваго урода!

Сганарель *(вырывая портретъ изъ ея рукъ).* А, сударыня, попались! Попались въ злоумышленіи на мою личность! Попались въ злоумышленіи на мою честь! Такъ, по вашему разсчету, моя дорогая половина, супругъ вашъ не стоитъ васъ? Да, — тысячи чертей, которымъ бы не худо принять васъ въ свои объятія, — когда же бы вы могли составить лучшую партію? А что во мнѣ есть такого, что бы было, напримѣръ сказать, нехорошо? Этотъ, напримѣръ, станъ; эта походка, которой всѣ удивляются; это лицо, невольно внушающее любовь, отъ котораго вздыхала не одна особа и почище васъ. А весь я развѣ такой кусокъ, которымъ можно быть недовольной? И, чтобъ насытить вашъ волчій аппетитъ, вамъ мало мужа—подавай вамъ еще волокиту!

Жена Сганареля. Понимаю, понимаю! Ты думаешь этой хитростью...

Сганарель. Дурачь другихъ! Все ясно: въ рукахъ моихъ доказательство...

Жена Сганареля. Мое негодованіе и безъ того сильно; тутъ не къ чему еще его усиливать. Отдай мнѣ мой медальонъ и подумай лучше...

Сганарель. Думаю, сударыня, думаю сломить вамъ шею. О, если бъ вмѣсто портрета попался мнѣ въ руки самъ подлинникъ!

Жена Сганареля. Для чего?

Сганарель. Такъ, моя милая; ни для чего. Я виноватъ, что такъ раскричался, я долженъ благодарить тебя за пріятное украшеніе моего чела. *(Смотря на портретъ).* А, вотъ и онъ, прелестный сотрудникъ, съ которымъ...

Жена Сганареля. Съ которымъ?... Продолжай!

Сганарель. Съ которымъ... А я, между тѣмъ, чуть не тресну отъ гнѣва!

Жена Сганареля. Что хочетъ мнѣ этимъ сказать этотъ пьяница?

Сганарель. Не прикидывайся! Ты меня хорошо понимаешь. Отнынѣ Сганарель — это такое имя, которое ты не должна смѣть произносить, а называть меня просто «господинъ Корнеліусъ». Я постою за свою честь, а тебѣ я за нее попробую пересчитать ребра.

Жена Сганареля. И ты можешь говорить мнѣ такія дерзости?

Сганарель. А ты можешь шутить со мною такими шутками?

Жена Сганареля. Да что же я сдѣлала? Говори яснѣе!

Сганарель. Да бездѣлица! Вовсе не стоитъ жаловаться! Произвела въ олени! Вотъ, что называется: придите — поглядите!

Жена Сганареля. Безстыдный! ты наносишь мнѣ оскорбленіе, какое когда-либо могла вынести женщина, да еще прикидываешься разсерженнымъ, выдумываешь басни, чтобы предупредить мое негодованіе. Вотъ истинно прекрасный способъ: самъ же оскорбитель хочетъ сдѣлаться обвинителемъ!

Сганарель. Прошу покорно! Глядя на это гордое, обиженное лицо, подумаешь, что честная женщина!...

Жена Сганареля. Ступай, ухаживай за своими прелестницами, неси имъ свои нѣжности! А мнѣ портретъ отдай! *(Вырываетъ и убѣгаетъ).*

Сганарель. Э, нѣтъ, постой! Я могу и отнять его. *(Убѣгаетъ за ней).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Лелій и Гро-Рене.

Гро-Рене. Наконецъ, мы пріѣхали. Но скажите же, сударь: если вы позволите, я бы спросилъ васъ объ одномъ.

Лелій. Говори.

Гро-Рене. Что за дьяволъ сидитъ въ вашемъ тѣлѣ? Вы какъ будто ни въ чемъ не бывало. Цѣлыхъ восемь дней тряслись мы на проклятыхъ кляченкахъ—у меня всѣ члены одеревенѣли. Я уже не говорю ничего, что сталось съ чувствительнѣйшей частью моего тѣла отъ проклятой тряски. А съ васъ—какъ съ гуся вода: вы ни на минуту не прилегли отдохнуть, ни кусочка не съѣли.

Лелій. Меня встревожили слухи о бракѣ Целіи. Ты знаешь,

какъ я ее люблю. Какъ тутъ думать объ отдыхѣ, объ пищѣ? Прежде всего мнѣ надобно развѣдать. справедливы ли эти слухи.

Гро-Рене. Да, но все-таки покушать-то бы вамъ не мѣшало, прежде чѣмъ пуститесь вы развѣдывать. Ей-Богу! Когда въ желудкѣ у человѣка хорошо, такъ и смѣлость откуда берется, и крѣпость, и лучше какъ-то все дѣлается. Я сужу по себѣ: когда со мной приключится какое-нибудь несчастіе натощакъ, то оно такъ меня и растормошитъ; но когда я хорошенько поѣмъ, душа у меня становится такъ крѣпка, что бей по ней хоть молоткомъ — ничего! Право, послушайтесь меня. А чтобъ горю не дать продраться до сердца, сдѣлайте вокругъ себя ограду изъ двадцати стакановъ вина.

Лелій. Я теперь не въ состояніи ни пить, ни ѣсть...

Гро-Рене (*въ сторону*). Ну вотъ, прошу покорно, а я умираю съ голоду. (*Громко.*) А вашъ обѣдъ поспѣлъ бы въ нѣсколько минутъ.

Лелій. Молчи—я тебѣ приказываю.

Гро-Рене. О, Боже мой! Какое безчеловѣчное приказаніе!

Лелій. Меня мучитъ неизвѣстность, а не голодъ.

Гро-Рене. А меня голодъ и неизвѣстность—когда будемъ обѣдать.

Лелій. Не надоѣдай мнѣ своими глупостями и убирайся ѣсть, если хочешь.

Гро-Рене. Я не смѣю противиться вашимъ приказаніямъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Лелій (*одинъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ! Отецъ далъ мнѣ слово; а она, я не сомнѣваюсь, она меня любитъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лелій и Сганарель.

Сганарель (*не видя Лелія, съ портретомъ въ рукахъ*). Онъ въ моихъ рукахъ. Теперь я могу вдоволь насмотрѣться на рожу мерзавца, вздумавшаго срамить меня. Лицо рѣшительно незнакомое.

Лелій (*въ сторону*). Боже! что я вижу! Кажется, это мой портретъ! Что это значитъ?

Сганарель. Бѣдный, бѣдный Сганарель! Вотъ тебѣ твое честное имя, твоя репутація! Недостаетъ... (*Замѣтивъ, что Лелій смотритъ на него пристально, отворачивается въ другую сторону*).

Лелій. Какъ попалъ залогъ моей любви въ руки этого человѣка?

Сганарель. Недостаетъ только, чтобъ на тебя показывали пальцами, чтобъ тебя помѣстили въ какую-нибудь неблагопристойную пѣсню, чтобъ тебѣ подносили подъ носъ твое же безчестіе!

Лелій (*въ сторону*). Но не ошибаюсь ли я?

Сганарель (*въ сторону*). Гнусная женщина! Подарить меня рогами въ цвѣтѣ лѣтъ! Промѣнять меня, почти красавца, на этого поджараго молокососа!

Лелій (*не спуская глазъ съ портрета*). Нѣтъ, я не ошибаюсь: это мой портретъ.

Сганарель (*оборачиваясь къ нему спиной*). Что за странное любопытство!

Лелій. Я внѣ себя отъ удивленія!

Сганарель. Что ему надобно?

Лелій. Я подойду къ нему. Позвольте! (*Сганарель хочетъ уйти*). Ради Бога, одно слово!

Сганарель. Что вамъ угодно?

Лелій. Скажите, какимъ образомъ попался въ ваши руки этотъ портретъ?

Сганарель (*въ сторону*). Что ему за нужда до этого портрета? Э, э! Что это? (*Посматриваетъ то на портретъ, то на Лелія*). Вотъ тебѣ на! Ну, что жъ тутъ удивительнаго, что онъ смутился! Это онъ—мой почтеннѣйшій другъ, или, лучше, любезнѣйшій другъ моей жены.

Лелій. Бога ради, отвѣчайте мнѣ: откуда?..

Сганарель. Мы, слава Богу, знаемъ, что васъ такъ безпокоитъ. Это портретъ вашъ; онъ былъ въ знакомыхъ вамъ рукахъ. Любовь ваша для насъ не тайна. Не знаю, извѣстна ли вамъ моя особа, но осмѣливаюсь просить васъ избавить меня (отъ) чести, которую дѣлаете мнѣ своей любовью. Прошу васъ вспомнить, что священныя узы брака...

Лелій. Какъ? Та, отъ которой вы получили этотъ залогъ...

Сганарель. Моя жена, а я—мужъ ея.

Лелій. Ея мужъ?

Сганарель. Да, мужъ, мужъ, говорю, — и мужъ, который

духомъ не дюжъ. А почему, вы знаете: я сію же минуту объявлю объ этомъ ея родственникамъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Лелій *(одинъ)*.

Что я слышалъ? Все правда; меня не обманули. Измѣнить мнѣ, и для кого же? для урода! Неблагодарная! И какая причина?... Голова кружится. Дорога и этотъ уродъ потрясли все существо мое. Я едва держусь на ногахъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Лелій и жена Сганареля.

Жена Сганареля *(не видя Лелія)*. Несмотря ни на что, вѣроломный... *(Замѣтивши Лелія)*. Что съ вами? Вы едва держитесь на ногахъ.

Лелій. Такъ... дурнота...

Жена Сганареля. Вы можете упасть здѣсь. Взойдите (sic) въ нашъ домъ, побудьте у насъ, пока пройдетъ этотъ припадокъ.

Лелій. Я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ на двѣ, на три минуты. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Сганарель и родственникъ его жены.

Родственникъ. Я понимаю, что все это можетъ обезпокоить мужа; но, любезнѣйшій другъ, изъ вашего разсказа я еще не вижу, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ была виновата. Дѣла такого рода чрезвычайно деликатны: необходимы ясныя доказательства.

Сганарель. Ясныя доказательства — то-есть, надо быть очевидцемъ?

Родственникъ. Поспѣшность часто вводитъ въ заблужденіе. Вѣдь вы еще не знаете, какъ попался въ ея руки этотъ портретъ; можетъ быть, самый подлинникъ ей совсѣмъ неизвѣстенъ. Убѣдитесь прежде во всемъ, и тогда будьте увѣрены, что мы первые дадимъ ей почувствовать всю низость ея поступка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Сганарель *(одинъ)*.

Нельзя ничего лучше сказать! Въ самомъ дѣлѣ, нужно приняться за это, какъ можно тише. Можетъ быть, совер-

шенно безъ всякой причины, пришло мнѣ въ голову это рогатое привидѣніе, и меня слишкомъ рано бросило въ потъ?... Что жъ портретъ?—портретъ еще ничего не доказываетъ. Портретъ — и есть портретъ. Лучше жъ мы постараемся...

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Сганарель и жена его, въ дверяхъ, провожая Лелія.

Сганарель (*въ сторону*). Боже! что это такое? Умираю! Нѣтъ, чортъ возьми, тутъ ужъ не портретъ, а самый подлинникъ.

Жена Сганареля. Вы напрасно такъ спѣшите! Отдохните еще немного: вамъ опять можетъ сдѣлаться дурно.

Лелій. Благодарю, благодарю, сударыня! Все прошло. Я вамъ очень обязанъ за вашу помощь.

Сганарель. Какъ разсыпается въ вѣжливостяхъ! (*Его жена уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Сганарель и Лелій.

Сганарель (*въ сторону*). Онъ замѣтилъ меня; посмотримъ, что-то онъ мнѣ скажетъ.

Лелій (*въ сторону*). Душа кипитъ при взглядѣ на него... Но кто жъ виноватъ тутъ? Моя судьба! (*Проходя мимо Сганареля*). О, какъ счастливъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Сганарель и Целія (*смотрятъ въ окно вслѣдъ уходящему Лелію*).

Сганарель. Ну, ужъ это совсѣмъ недвусмысленно. Это восклицаніе, признаюсь, смутило меня такъ, какъ будто бы здѣсь въ самомъ дѣлѣ.... (*Потираетъ рукою лобъ и смотритъ въ слѣдъ Лелію*). Признаюсь, въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего, что бы пахло честью.

Целія (*въ сторону, выходя*). Что это значитъ? Здѣсь сейчасъ прошелъ Лелій, и отъ меня скрыли, что онъ пріѣхалъ.

Сганарель (*не видя Целіи*). «О, какъ счастливъ тотъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!» А счастіе-то въ чемъ? Вѣроломная! безстыдница! Проводить честнаго гражданина, какъ дурака — и это счастіе? И я позволяю ему покойно удаляться прочь и смотрю ему въ слѣдъ, сложа руки, какъ

болванъ? Я долженъ бы, по крайней мѣрѣ, сшибить съ него шляпу, бросить въ него камнемъ съ мостовой, разодрать его шинель, закричать: «разбой, грабежъ!»

Целія (*подходившая къ нему постепенно въ ожиданіи окончанія монолога*). Скажите, вы знаете молодого человѣка, который сейчасъ къ вамъ подходилъ?

Сганарель. Нѣтъ, сударыня, его знаетъ моя жена.

Целія. Что съ вами? Вы такъ разстроены.

Сганарель. Не обременяйте меня еще болѣе огорченіями и позвольте мнѣ испускать вздохи.

Целія. Отъ чего такая необыкновенная печаль?

Сганарель. Если я огорченъ, то ужъ, навѣрно, не изъ бездѣлицы; а на несчастіе ближняго я поглядѣлъ бы равнодушнѣе, чѣмъ на собственное мое. О! Вы видите передъ собой модель несчастнѣйшихъ мужей. У бѣднаго Сганареля крадутъ, грабятъ его честь,—да этого еще мало, что честь: репутацію, репутацію, доброе имя, репутацію крадутъ.

Целія. Какъ это?

Сганарель. Негодяй, говоря просто, сдѣлалъ меня мужемъ, надъ которымъ... вы понимаете, сударыня... въ народѣ смѣются, и сдѣлалъ съ неслыханною дерзостью!...

Целія. Тотъ, что сейчасъ ушелъ?

Сганарель. Да, да, безчеститъ, срамитъ меня! Онъ обожаетъ мою жену, моя жена обожаетъ его.

Целія. Такъ вотъ что значитъ этотъ секретный пріѣздъ? Недаромъ я затрепетала, увидѣвъ его: это было предчувствіе.

Сганарель. Благодарю, благодарю отъ души за ваше отрадное участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи! Ахъ! не всѣ такъ добры, какъ вы. Многіе вмѣсто того, чтобы принять должное участіе, еще подымутъ на смѣхъ.

Целія. Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе, чернѣе твоего поступка? Кто бы подумалъ, повѣрилъ?...

Сганарель. Это очень вѣрно.

Целія. Измѣнникъ, предатель! Двуличная, коварная душа!

Сганарель. О, добрая душа!

Целія. Всѣ наказанія, какія только есть въ аду, для тебя только еще маленькое наказаніе.

Сганарель. Вотъ что называется—хорошо говорить!

Целія. Обмануть такимъ образомъ самую чистѣйшую невинность!

Сганарель *(глубоко вздыхая)*. Охъ, правда!

Целія. Сердце, которое никогда не подало повода къ такому оскорбленію!

Сганарель. Охъ, правда!

Целія. Который вмѣсто... но это ужасно, и сердце не можетъ объ этомъ помыслить, не разорвавшись отъ горести.

Сганарель. Успокойтесь немного, сударыня; вы принимаете во мнѣ такое сильное участіе, что я готовъ плакать.

Целія. Не воображайте, однакожъ, чтобъ я стала плакать, рыдать — нѣтъ! Я знаю, какъ отомстить. О, я отомщу! Въ этомъ никто не можетъ мнѣ воспрепятствовать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Сганарель *(одинъ)*.

Да сохранитъ ее Богъ отъ всякой опасности! Посмотрите, какая доброта! За меня хочетъ мстить! Однакожъ, негодованіе, возбужденное въ ней моимъ несчастіемъ, научаетъ меня, что я долженъ дѣлать. Нѣтъ, такихъ оскорбленій нельзя и не должно выносить безропотно, если есть во лбу хоть крошка мозгу! Скорѣй отыщемъ негодяя и покажемъ нашу храбрость, какъ нужно отмщать безчестье; отучимъ тѣшиться на нашъ счетъ и безъ должнаго почтенія дѣлать насъ мужьями... мужьями... извѣстно, какими. Потише, однакожъ! Этотъ человѣкъ по виду, кажется, долженъ имѣть кровь нѣсколько горячую и нравъ, я полагаю, даже взбалмошный. Онъ можетъ, пожалуй, прибавлять оскорбленіе къ оскорбленію, похлопотать и около моей спины такъ же, какъ позаботился около моего лба. Отъ души ненавижу людей холерическаго сложенія и чувствую большую привязанность къ людямъ кроткимъ. Я вовсе не такой человѣкъ, чтобы бить другихъ, ибо это кончится тѣмъ, что побьютъ тебя же. Кроткій нравъ — это моя добродѣтель. Но честь мнѣ говоритъ, что подобныя оскорбленія требуютъ непремѣннаго отмщенія. Боже мой! Оставимъ говорить честь такъ, какъ она хочетъ! Впрочемъ, чортъ побери и того, кто не думаетъ о ней! Но скажите, милостивая государыня—честь: если я расхрабрюсь и за все удальство негодяй меня проколетъ, какъ крысу, и по городу пойдетъ шумъ о моихъ похоронахъ... вы развѣ растолстѣете отъ этого? Гробъ былъ всегда постелью меланхолическою и нездоровою для людей, которые боятся колики. Нѣтъ, взвѣсивъ все хорошенько, я, право,

нахожу, что быть рогатымъ все-таки сноснѣе, чѣмъ мертвымъ. Да если разсудить, въ чемъ тутъ несчастіе? Развѣ отъ этого будетъ у меня кривая нога, или не такъ хороша талія? Проклятье первому, кто выдумалъ возмущать разумъ этими химерами, прицѣпить честь умнѣйшаго изъ мужей къ тому, что̀ дѣлаетъ вѣтреная женщина! Ну, что̀ за безуміе отвѣчать за проступки другихъ? Что жена тамъ себѣ напакоститъ, все это взваливать на спину мужа! Онѣ будутъ дѣлать глупости, а мы оставаться въ дуракахъ! Это злоупотребленіе — и полицейскіе люди должны поправить его непремѣнно. Развѣ мы не имѣемъ и безъ того заботъ, непріятностей? То ссора, то процессъ, то голодъ, то жажда, то болѣзнь,—нѣтъ, вѣдь этого еще мало: поди, оскорбляйся еще чортъ знаетъ чѣмъ! Посмѣемся же надъ этимъ и попремъ ногами вздохи и слезы! Моя жена прогрѣшилась— ну, и плачь! Но зачѣмъ мнѣ плакать, когда я невиноватъ? Да и что̀ жъ я за выскочка? Мало ли людей, и получше меня, смотрятъ, какъ ухаживаютъ за ихъ женами—и помалчиваютъ! Не будемъ заводить ссоры изъ-(за) такой дряни. Меня назовутъ глупцомъ за то, что не отмстилъ, но вѣдь я буду больше дуракъ, когда умру. (*Кладетъ руку на грудь*). Однакожъ, я чувствую, что желчь моя шевелится, подстрекаетъ меня на этакое мужественное дѣяніе. Да, я начинаю приходить въ ярость! Это ужъ слишкомъ — быть трусомъ! Мщеніе! рѣшительно мщеніе! И чтобы еще болѣе укрѣпиться въ ярости, сейчасъ говорю встрѣчному и поперечному самъ, что онъ въ связи съ моей женой. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія. Да, батюшка, я покоряюсь вашей волѣ: располагайте мною, я готова подписать контрактъ хоть сію минуту.

Горгибусъ. Вотъ это прекрасно! Я такъ радъ, что готовъ танцовать и, право, протанцовалъ бы, если бъ мы были одни, а то осмѣютъ вѣдь старика. Ну, подойди же ко мнѣ, дай мнѣ поцѣловать тебя. Отецъ вѣдь всегда можетъ поцѣловать дочь свою: тутъ нѣтъ никакого соблазна. Удовольствіе, которое ты мнѣ доставила своимъ послушаніемъ, сбросило съ плечъ моихъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Целія и горничная.

Горничная. Скажите, что значитъ эта удивительная перемѣна?

Целія. О, если бъ ты знала, ты похвалила бы меня!

Горничная. Очень можетъ быть.

Целія. Лелій измѣнилъ мнѣ. Онъ былъ здѣсь...

Горничная. Да вотъ и онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же и Лелій.

Лелій. Прежде, чѣмъ я оставлю навсегда этотъ городъ, я хочу упрекнуть васъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Целія. Какъ? и вы еще такъ дерзки, что рѣшаетесь говорить со мной?

Лелій. О, конечно, я ужасно дерзокъ! Какъ смѣть упрекать васъ, когда вашъ выборъ такъ прекрасенъ! Нѣтъ ни одного упрека. Живите, живите счастливо, презирайте память обо мнѣ вмѣстѣ съ вашимъ достойнымъ супругомъ.

Целія. Да, вѣроломный, (я) буду счастлива,—буду счастлива тебѣ на зло. И моя величайшая радость, если это тебѣ доставитъ досаду.

Лелій. Но, скажите, кто возбудилъ вашъ гнѣвъ противъ меня?

Целія. Какъ? и ты можешь еще разыгрывать роль удивленнаго? спрашивать, что ты сдѣлалъ?

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Сганарель *(вооруженный съ ногъ до головы)*.

Сганарель. Война, смертельная война похитителю, который безжалостно ограбилъ нашу честь!

Целія *(показывая Лелію на Сганареля)*. Обернись лучше— вмѣсто отвѣта.

Лелій. А!

Целія. Этотъ предметъ достаточенъ, чтобъ тебя смутить.

Лелій. Но онъ еще болѣе достаточенъ заставить васъ краснѣть.

Сганарель *(въ сторону)*. Я теперь достаточно сердитъ: теперь я могу дѣйствовать. Моя храбрость доходитъ до бѣшенства. Только бы съ нимъ встрѣтиться — кровопролитіе, рѣ-

шительно кровопролитіе! Я поклялся убить его, и ничто меня не остановитъ. Смерть, смерть, гдѣ бы я ни отыскалъ его! (*Вытаскивая шпагу до половины, подходитъ къ Лелію*). Нужно, чтобъ я попалъ ему въ самую середину сердца.

Лелій (*оборачиваясь*). Кому это?

Сганарель. Никому.

Лелій. Къ чему же это вооруженіе?

Сганарель. Такъ—отъ дождя. (*Въ сторону*). Ужъ какое же я получу удовольствіе, его убивши! Бодрѣй, бодрѣй!

Лелій (*снова оборачиваясь*). А? что?

Сганарель. Ничего, ничего. (*Бьетъ себя по щекамъ, чтобы придать себѣ храбрости, и говоритъ про себя*). Да ну же, смѣлѣй! Пріободрись, трусъ, куриное сердце!

Целія (*Лелію*). И глядя на этого человѣка, вы не сознаетесь?

Лелій. О, нѣтъ, сознаю ясно, что вы измѣнили мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ.

Сганарель (*въ сторону*). Ну, если бы хоть крошечку храбрости!...

Целія. Неблагодарный! и ты еще можешь оскорблять меня такъ жестоко?

Сганарель (*въ сторону*). А! Сганарель, смотри, она за тебя заступается. Да соберись же съ духомъ, мой милый! Будь похрабрѣе — смѣлѣй, смѣлѣй! Коли его великодушно, когда онъ обернется къ тебѣ спиной.

Лелій (*нечаянно сдѣлавъ два или три шага, заставляетъ отступить Сганареля, который хотѣлъ его заколоть*). Если мои слова возбуждаютъ вашъ гнѣвъ, я очень радъ— и отъ души хвалю вашъ выборъ.

Целія. Да, да, мой выборъ такой, котораго никто не можетъ отмѣнить.

Лелій. Прекрасно, и какъ не защищать вамъ его?

Сганарель. Безъ сомнѣнія, прекрасно! Она хорошо дѣлаетъ, что защищаетъ мои права. Такой поступокъ, милостивый государь, совершенно не въ сообразность законамъ. Я имѣю право жаловаться, и если бъ я не былъ такъ благоразуменъ, то не обошлось бы безъ самаго сверхъестественнаго кровопролитія.

Лелій. Это что такое? Откуда это неумѣстное негодованіе?

Сганарель. Довольно! Вы знаете, въ какомъ мѣстѣ у меня болитъ. По совѣсти и для спасенія души вы должны со-

знаться, что моя жена — моя жена, и ваша претензія сдѣлать ее въ моихъ глазахъ вашимъ достояніемъ—вовсе не христіанская.

Лелій. Такое подозрѣніе и подло, и смѣшно. На этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны: я знаю, что она ваша, и вмѣсто того, чтобъ такъ сердиться...

Целія. А, измѣнникъ, какъ ты хорошо умѣешь притворяться!

Лелій. Такъ вы подозрѣваете, что я замышлялъ на честь этого господина? Я не думалъ, чтобы вы могли такъ дурно обо мнѣ думать.

Целія. Поговори, поговори съ нимъ самимъ: онъ объяснитъ тебѣ.

Сганарель (*Целіи*). Нѣтъ, для чего же? Вы защищаете меня лучше, чѣмъ я самъ; продолжайте, продолжайте; я вамъ очень благодаренъ.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и жена Сганареля.

Жена Сганареля. Я не хочу, сударыня, ревновать къ вамъ, однакожъ, и не такъ простодушна, чтобы не видѣть, что̀ здѣсь дѣлается. Замѣчу только, что вы могли бы заняться чѣмъ-нибудь получше, а не отнимать у меня сердца, которое мнѣ одной принадлежитъ.

Целія. Объясненіе довольно замысловатое.

Сганарель (*женѣ*). Ну, кто тебя здѣсь спрашиваетъ? Пришла съ ней браниться, тогда какъ она меня защищаетъ! Испугалась, чтобъ у тебя не отняли любовника.

Целія. Полноте, не воображайте, чтобъ кто-нибудь вамъ завидовалъ. (*Лелію.*) Ну, что̀ же, права я? Неужели и теперь вы станете притворяться? О, какъ я рада!

Лелій. Что̀ все это значитъ?

Горничная. Право, не знаю, когда кончится вся эта путаница. Слушаю, слушаю — и ничего не понимаю. Видно, придется мнѣ вмѣшаться. (*Ста овится между Леліемъ и Целіею.*) Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ; но только не перебивайте. (*Лелію.*) Въ чемъ упрекаете вы мою барышню?

Лелій. Въ томъ, что она измѣнила мнѣ. Услышавъ о ея несчастномъ сговорѣ, я лечу къ ней, полный любви, не думая, чтобы она меня забыла,—и нахожу ее замужемъ.

Горничная. Замужемъ? Да за кѣмъ же?

Лелій (*показывая на Сганареля*). За нимъ.

Горничная. Какъ—за нимъ?

Лелій. Да, за нимъ.

Горничная. Кто жъ вамъ это сказалъ?

Лелій. Онъ самъ сегодня.

Горничная (*Сганарелю*). Въ самомъ дѣлѣ?

Сганарель. Я? Я ему сказалъ, что я женатъ на моей женѣ.

Лелій. Да вы давеча въ ужасномъ волненіи смотрѣли на мой портретъ.

Сганарель. Правда; вотъ онъ.

Лелій (*Сганарелю*). Вы мнѣ сказали, что женаты на той, у которой взяли этотъ портретъ.

Сганарель (*показывая на свою жену*). Совершенная правда, и если бъ я не вырвалъ его у ней изъ рукъ, никогда не открылъ бы преступленія.

Жена Сганареля. Помилуй, что жъ тутъ за преступленіе? Я нашла его здѣсь, и даже не узнала по немъ этого господина (*показывая на Лелія*), когда впустила его больного къ намъ въ домъ, послѣ того, какъ ты взбѣсился на меня, Богъ знаетъ за что.

Целія. Да это я всему виною: я уронила его, когда упала въ обморокъ.

Горничная. Видите, безъ меня вы бы и теперь были въ обморокѣ; все моя чемерица!

Сганарель. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, такъ, стало-быть, все это вздоръ? Однакожъ, этотъ вздоръ заставилъ меня попотѣть порядкомъ.

Жена Сганареля. Все хорошо, однакожъ я все-таки не совсѣмъ тебѣ вѣрю.

Сганарель (*женѣ*). Ну, полно же, мой ангелъ, оставимъ всѣ эти вздоры. Вѣдь все-таки я рисковалъ больше, чѣмъ ты! Ну, лапку!

Жена Сганареля. Пожалуй; но смотри, если я что-нибудь узнаю!

Целія (*Лелію, поговоривъ съ нимъ потихоньку*). Боже мой! если такъ, что жъ это я надѣлала? Я думала, что вы мнѣ измѣнили, и чтобъ отомстить, обѣщалась отдать руку ненавистному Валерію. Что теперь дѣлать? Вотъ г папенька!

Лелій. Онъ сдержитъ данное мнѣ слово.

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же и Горгибусъ.

Лелій. Милостивый государь! я возвратился съ тою жъ пламенной любовью къ вашей прелестной дочери и надѣюсь, что вы не измѣните вашему слову и, наконецъ, согласитесь соединить насъ.

Горгибусъ. Милостивый государь, возвратившійся съ тою же пламенной любовью къ моей дочери и обольщающій себя напрасною надеждою къ соединенію съ ней! честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

Лелій. Что это значитъ, милостивый государь? Вы отказываетесь?

Горгибусъ. Точно такъ, милостивый государь: такъ исполняю я свой долгъ, и дочь моя повинуется...

Целія. Обязанности исполнить, батюшка, данное вами обѣщаніе.

Горгибусъ. Какъ? это что за новая перемѣна? Давно ли ты соглашалась выйти за Валера, а теперь... Но вотъ отецъ его! Онъ, вѣрно, спѣшитъ кончить дѣло.

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Прежніе и Виллебрекень.

Горгибусъ. Ну, что скажете, любезнѣйшій Виллебрекень?

Виллебрекень. Чрезвычайная оказія! Я долженъ нарушить наше условіе. Нынѣ я узналъ, что мой сынъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ женатъ, и я пришелъ...

Горгибусъ. Довольно! И я долженъ вамъ открыть, что я давно уже обѣщалъ руку моей дочери г. Лелію, котораго при семъ случаѣ честь имѣю представить.

Виллебрекень. Очень, очень радъ.

Лелій. О, какъ я счастливъ!

Горгибусъ. Ну, пойдемъ же и назначимъ день свадьбы. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Сганареля).*

Сганарель *(одинъ).* Ну, скажите пожалуйста, случалось ли кому-нибудь изъ васъ быть, подобно мнѣ, въ такой твердой увѣренности, что голова ваша увѣнчана украшеніемъ, ей-Богу, совсѣмъ нелестнымъ? Однакожъ, вы видѣли сами, что самыя ужасныя видимости часто обманываютъ. Припоминайте же иногда этотъ случай и, если увидите что — не вѣрьте! Право, не вѣрьте!

ДЯДЬКА
ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНИИ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ **Джіованни Жиро.**

Переведена съ итальянскаго подъ редакціею **Н. В. ГОГОЛЯ.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Маркизъ Джуліо Антиквати.
Маркизъ Энрико, его сынъ.
Госпожа Джильда Онорати, жена Энрико.
Бернардино, грудной ребенокъ, ихъ сынъ.
Маркизъ Пиппетто, второй сынъ Джуліо.
Донъ Грегоріо Кордебоно, дядька, гувернеръ въ домѣ маркиза.
Леонарда, старая служанка.
Симонъ, слуга маркиза.

Дѣйствіе въ Римѣ въ домѣ маркиза.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната со многими дверями.

Маркизъ Джуліо и Леонарда.

Маркизъ. Оставя всю эту болтовню въ сторону,—сказала ли ты донъ Грегоріо, что я хочу съ нимъ поговорить?

Леонарда. Да, сударь.

Маркизъ. Ну, и довольно; вотъ и все.

Леонарда. Но такъ какъ онъ до сихъ поръ нейдетъ, то я хотѣла... потому что вы думаете, что я...

Маркизъ. Придетъ, придетъ.

Леонарда. Мнѣ кажется, однакожъ, что это пренебреженіе со стороны дядьки—заставлять себя дожидаться тогда, какъ самъ господинъ дома зоветъ его.

Маркизъ. Пожалуйста, объ этомъ не заботься. Ты славная женщина; но не хочешь, вотъ во все время, что ни живешь въ моемъ домѣ, бросить прескверную привычку—болтать и мѣшаться не въ свои дѣла.

Леонарда. Что до меня, то я... Можетъ быть, вы воображаете... Напротивъ, я говорю такъ, какъ... а впрочемъ...

Маркизъ. Довольно! Ступай, тебѣ говорю.

Леонарда. Слушаю. *(Про себя.)* Это донъ Грегоріо поссорилъ его со мною, и такимъ образомъ, что я не замѣтила когда, и ничего не могла этого предвидѣть... Но я постарѣе его... то есть, я хотѣла сказать: я похитрѣе его. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Маркизъ. Дай только этой женщинѣ волю, не перестанетъ вѣчно болтать, ворча то на одного, то на другого.

Донъ Грегоріо. Извините, маркизъ, что замедлилъ: письмо, которое...

Маркизъ. Помилуйте, донъ Грегоріо, напротивъ, простите меня, что васъ побезпокоилъ. Я къ вамъ имѣю нужду, любезнѣйшій донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Приказывайте, маркизъ.

Маркизъ. Признаюсь, меня смущала всегда ипохондрія, овладѣвшая съ недавняго времени сыномъ моимъ Энрико; но сегодня, когда онъ вошелъ ко мнѣ сказать добраго утра, онъ показался мнѣ въ такомъ положеніи, какъ я никогда не видалъ... Я за него боюсь.

Донъ Грегоріо. И на это вы имѣете полную причину.

Маркизъ. Почему?

Донъ Грегоріо. Почему!

Маркизъ. Я не могу этого себѣ представить.

Донъ Грегоріо. И я также.

Маркизъ. Онъ говоритъ, что совершенно здоровъ; докторъ утверждаетъ тоже, что у него нѣтъ лихорадки.

Донъ Грегоріо. Это такъ.

Маркизъ. Если бы, положимъ, за мальчикомъ меньше было смотрѣнія, какъ бы въ домѣ моемъ меньше было строгости, я бы могъ подозрѣвать; но съ моей системой...

Донъ Грегоріо. Вы меня извините, маркизъ, но насчетъ этого я вамъ скажу то, что уже сто разъ повторялъ. Вы называете мальчиками вашихъ двухъ сыновей, а между тѣмъ маркизу Энрико уже двадцать пять лѣтъ, а вашему Пиппетто исполнилось девятнадцать.

Маркизъ. Хорошо, но какое же отсюда вліяніе можетъ быть на здоровье?

Донъ Грегоріо. Сказать вамъ откровенно, я думаю, что молодой человѣкъ впалъ въ ипохондрію, видя себя въ такія лѣта содержимаго съ такою строгостію. Не доставить ему ни разу случая быть на балѣ, въ театрѣ, ни разу не поговорить съ женщинами...

Маркизъ. Охъ, не говорите мнѣ о женщинахъ!

Донъ Грегоріо. Ни разу не позволили ему, такъ сказать, высунуть носа изъ дому.

Маркизъ. Это не отъ того. Къ тому жъ вы знаете мой образъ мыслей. Молодые люди, пока не достигнутъ по крайней мѣрѣ двадцати пяти лѣтъ, не должны знать ничего другого, кромѣ своего дома и учебныхъ занятій. *(Начиная горячиться.)* Боже сохрани, если бы я замѣтилъ въ нихъ какой-нибудь свѣтскій капризъ или свѣтскую потребность! Вы понимаете меня?

Донъ Грегоріо. Успокойтесь! Десять лѣтъ я живу въ вашемъ домѣ, не беру за это никакого жалованья и только изъ дружбы принялъ на себя эту должность. Если донынѣ сохраняю званіе дядьки вашихъ сыновей, то единственно изъ любви къ нимъ. Вы должны быть послѣ этого твердо увѣрены во мнѣ.

Маркизъ. Такъ, но ваши правила...

Донъ Грегоріо. Дѣлайте, что вамъ угодно. Хотите держать вашихъ сыновей въ тюрьмѣ, держите; но будьте увѣрены, что сыновья поступятъ такъ, какъ собака, которая, если на свободѣ и не привязана, ходитъ, обнюхиваетъ, узнаетъ, бѣгаетъ осторожно, словомъ — дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ; но будучи содержана вѣчно на цѣпи — посчастливься ей только когда-нибудь сорваться съ этой цѣпи: мечется, ворчитъ, кусается и, если попадетъ въ какую на-

возную кучу, то вымарается въ ней хуже всякой другой собаки.

Маркизъ. Вы человѣкъ, который хочетъ словамъ дать болѣе силы, чѣмъ разсудку, и придерживаетесь нынѣшнихъ правилъ. Я такъ воспитанъ и хочу, чтобъ такъ же воспитывались мои дѣти.

Донъ Грегоріо. Итакъ, не жалуйтесь, если одинъ изъ нихъ погибнетъ, а другой, одаренный и безъ того не щедро природою, останется дуракомъ, не будучи въ состояніи отличить солнца отъ луны.

Маркизъ. При всемъ томъ, вы меня никогда не увѣрите, чтобъ это была единственная причина болѣзни Энрико. Донъ Грегоріо, вы должны всячески узнать это дѣло. Это правда, что я его нѣсколько отталкиваю отъ себя своею строгостью, и онъ, натурально, не будетъ со мною такъ откровененъ, какъ съ вами. Я васъ прошу, займитесь серьезно этимъ. Съ недавняго времени Энрико больше, нежели когда-либо, разстроенъ.

Донъ Грегоріо. Будьте спокойны, маркизъ. Употреблю всѣ средства, чтобъ узнать, есть ли какая другая неизвѣстная причина. Но до сихъ поръ...

Маркизъ. Я поручаю себя вамъ, донъ Грегоріо. Теперь я ухожу изъ дому отдать визитъ министру. Статься можетъ, что я долженъ буду остаться тамъ обѣдать. И потому, если къ тремъ часамъ не возвращусь, можете садиться за столъ безъ меня.

Донъ Грегоріо. Очень хорошо.

Маркизъ. Вамъ поручаю это дѣло, какъ самое близкое моему сердцу. *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо *(одинъ).* Какое упрямое убѣжденіе имѣютъ эти старикашки съ своими деревянными головами! Держать молодыхъ людей взаперти половину жизни! И вѣдь для чего? Именно съ тѣмъ, чтобы послѣ, какъ выйдутъ въ свѣтъ безъ малѣйшаго познанія свѣта, ихъ одурачилъ первый, какой попадется, мошенникъ, или поддѣла первая плутовка. Положеніе, однакожъ, маркиза Энрико внушаетъ состраданіе. Но успѣю ли я открыть?.. По крайней мѣрѣ постараюсь... А между тѣмъ узнаемъ, что дѣлаетъ нашъ дурачокъ. *(Кличетъ).* Пиппетто! Маркизъ Пиппетто!

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ Грегоріо и маркизъ Пиппетто.

Пиппетто. Что вамъ угодно, донъ Грегоріо?

Донъ Грегоріо. Изъ какой комнаты вы теперь пришли?

Пиппетто. Я былъ у Леонарды.

Донъ Грегоріо. За какимъ дѣломъ?

Пиппетто. Она мнѣ показывала, какъ мѣтать петли и шить.

Донъ Грегоріо. Ну, къ чему вамъ можетъ послужить это?

Пиппетто. Всѣ науки полезны.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Наука шить! Бѣдныя попеченія, брошенныя на вѣтеръ! И отецъ воображаетъ, что голова этого сорта въ двадцать пять лѣтъ года занять роль въ обществѣ.

Пиппетто. Что вамъ угодно отъ меня?

Донъ Грегоріо. Скажите, хотите ли идти со мной прогуливаться?

Пиппетто. Извините, мнѣ теперь не хочется.

Донъ Грегоріо. Ну, оставайтесь. Только не будьте такъ часто съ служителями: говоря все съ Леонардой и съ лакеями, вы уже успѣли научиться такимъ словамъ и фразамъ—онѣ ужъ черезчуръ тривіальны.

Пиппетто. Но съ кѣмъ же вы хотите, чтобъ я говорилъ, если я никого другого не вижу?..

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ то самое, что я говорю всегда маркизу. *(Къ Пиппетто)*. Ну, довольно. По крайней мѣрѣ старайтесь подражать разговору вашего отца, учителей, а не слугъ.

Пиппетто. Постараюсь. Впрочемъ, Леонарда, мнѣ кажется, говоритъ недурно.

Донъ Грегоріо. Это правда, что въ эти годы пора бы ей уже выучиться.

Пиппетто *(про себя)*. А мнѣ она совсѣмъ не кажется стара.

Донъ Грегоріо. А между прочимъ потрудитесь сказать Энрико, не хочетъ ли идти изъ дому; я черезъ минуту буду здѣсь: зайду только къ себѣ запечатать кое-какія письма и сейчасъ возвращусь. *(Про себя)*. Тупоуміе этого молодца, положеніе Энрико, упрямство стараго маркиза заставятъ меня просто потерять голову! *(Уходитъ)*.

Пиппетто. Теперь я вижу, что Леонарда говоритъ правду,

что донъ Грегоріо сдѣлался ея врагомъ. Выходитъ тоже правда, что онъ покушался соблазнить ея невинность. Гадкій старичишка! Нужно позвать брата, чтобъ сказать, не хочетъ ли онъ идти. (*Кличетъ*). Энрико! Энрико!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Энрико и Пеппитто.

Энрико (*за сценой*). Что тебѣ нужно?

Пиппетто. Слушай!

Энрико (*за сценой*). Да что тебѣ нужно, говори!

Пиппетто. Ступай сюда и ты услышишь.

Энрико (*за сценой*). Какъ ты несносенъ! (*Входя*). Ну, что?

Пиппетто. О, какъ ты не въ духѣ сегодня!

Энрико. Оставь меня въ покоѣ!

Пиппетто. Донъ Грегоріо говоритъ, не хочешь ли идти изъ дома. Онъ сейчасъ придетъ, чтобъ идти съ тобой.

Энрико. Нѣтъ.

Пиппетто. Ну, такъ останься покамѣстъ здѣсь и, если донъ Грегоріо возвратится, скажи, что хочешь остаться дома.

Энрико (*съ поникшими глазами*). Хорошо.

Пиппетто. Но отчего ты всегда такъ печаленъ? Знаешь, что я тебѣ скажу? Если будешь ты такъ продолжать, то скоро умрешь.

Энрико (*хладнокровно*). Правда.

Пиппетто. Берегись: когда умрешь, это тебѣ будетъ очень непріятно. Дѣлай потомъ себѣ, что хочешь. (*Про себя*). Пойду къ Леонардѣ, которая теперь меня ожидаетъ, и скажу ей, что донъ Грегоріо сказалъ, что она старуха. Но съ которой стороны онъ ни заходи и какія ни пробуй дороги, а Леонардушка во всякомъ случаѣ любитъ только своего Пиппетто. (*Уходитъ*).

Энрико (*одинъ*). Я теперь въ рѣшительномъ отчаяніи. Нѣтъ никакихъ средствъ! Суровый характеръ моего отца... Тогда, какъ онъ воображаетъ, что я никогда не выходилъ изъ дому — и быть принуждену признаться, что я имѣю жену! При одной мысли объ этомъ, морозъ обхватываетъ меня. Правда, что званія почти равны, что качества душевныя достойны всякаго уваженія, что я не могъ бы желать больше... но характеръ, характеръ отца моего, его

неукротимый характеръ... его система... Я трепещу при одномъ взглядѣ на свое положеніе. Пока еще было можно хранить тайну, сердце мое успокоивалось разнообразными льстивыми мечтами; но теперь, когда все должно непремѣнно открыться,—теперь, когда Джильда не имѣетъ никого у себя, кромѣ меня, когда я... О, какая мука! какъ свирѣпо мое горе! (*Печаль сильными чертами выражается на лицѣ его*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Энрико и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо (*про себя*). Вотъ онъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ возбуждаетъ слишкомъ мое состраданіе. (*Къ нему*). Маркизъ!

Энрико. Господинъ донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Хотите сдѣлать небольшую прогулку?

Энрико. Ахъ, увольте меня отъ нея, я васъ прошу.

Донъ Грегоріо. Какъ хотите. Я вижу, что вы нѣсколько взволнованы.

Энрико. Ахъ!.. Не сомнѣвайтесь, донъ Грегоріо... (*Слезы льются изъ глазъ его*).

Донъ Грегоріо. Что вы говорите? Изъ глазъ вашихъ падаютъ слезы, какъ капли дождя. Сынъ мой милый! къ чему послужитъ скрываться? Въ душѣ вашей есть горе, убивающее ваше здоровье. Энрико мой милый, мой прекрасный Энрико! бросься въ объятія твоего Грегоріо! Не стыдись обнаружить тайную причину, ввергающую тебя въ это несчастное состояніе. Сердце мое открыто для тебя. Въ эту минуту я не дядька твой, я твой нѣжный другъ. Клянусь сохранить свято тайну и обѣщаю тебѣ всякую помощь, какъ отецъ самый нѣжнѣйшій, который прижимаетъ тебя къ груди своей. (*Обнимая его, про себя*). Если не подвигнется отъ этихъ словъ, то больше ничѣмъ не подвигнется.

Энрико. Донъ Грегоріо, вы клянетесь?..

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). А! вотъ наконецъ поддается! (*Къ нему*). Да, мой Энрико!

Энрико. Ахъ, вы видите, въ какое положеніе я приведенъ!

Донъ Грегоріо. Несчастный! Вы исхудали, вы сдѣлались блѣдны.

Энрико. Я не ѣмъ... я терплю... я мучусь... ночью сны мои... Ахъ! я слишкомъ заслуживаю состраданья; но вы, донъ Грегоріо, вы не можете пособить моему горю.

Донъ Грегоріо. Да, да, есть средства пособить всякому горю. Подойдите ко мнѣ, скажите, исповѣдайтесь, откройтесь — донъ Грегоріо запечатаетъ уста свои; слова ваши останутся окаменѣвшими въ ушахъ его. Скажите, скажите мнѣ: какого рода ваше горе? какая причина произвела болѣзнь вашу?

Энрико. Донъ Грегоріо, горе... Нѣтъ, у меня недостаетъ присутствія духа! Моя болѣзнь... Боже! гдѣ я? О, женщины! женщины!

Донъ Грегоріо. Женщины! какъ? *(Хвативши себя руками по лбу).* О, несчастный малый! И какъ это возможно?.. Не выходивши никогда изъ дому?.. Что, вы влюблены? а? Ну, что такое вамъ приключилось?

Энрико. Донъ Грегоріо, молчите, ради самого Неба!.. Я въ вашихъ рукахъ... Да, вы можете вообразить... Женщина привела меня въ то состояніе, въ какомъ меня видите.

Донъ Грегоріо. О, мошенница!.. Потъ проступилъ на лицѣ моемъ... я внѣ себя.. Сынъ мой, объяснитесь!

Энрико. О, Боже! я не нахожу словъ... Дайте мнѣ минуту времени... стыдъ... Отецъ мой гдѣ?

Донъ Грегоріо. Отецъ вашъ вышелъ. Не бойтесь, онъ, можетъ-быть, не возвратится и къ обѣду.

Энрико *(весь въ волненіи).* Точно ли такъ?

Донъ Грегоріо. Въ этомъ я могу васъ увѣрить.

Энрико. Итакъ... *(въ размышленіи, потомъ про себя).* Вотъ наконецъ минута! *(Вслухъ).* Вы клянетесь помочь мнѣ?

Донъ Грегоріо. Да, отъ всего моего сердца.

Энрико. Хорошо. Итакъ, теперь... *(Въ мучительной нетерпимости).* Небо, дай мнѣ силы!.. Рѣшусь... Я вамъ покажу все.

Донъ Грегоріо. Да, да, сынъ мой!

Энрико. Заприте эту дверь, чтобы Пиппетто и Леонарда не могли войти сюда... Слуга, который теперь въ столовой— ради Бога ушлите его куда-нибудь изъ дому...

Донъ Грегоріо. Да, Энрико; все сдѣлаю, что тебѣ хочется.

Здѣсь мы запремъ. (*Запираетъ дверь*). Отправлю за какимъ-нибудь дѣломъ слугу. Смѣлѣе, смѣлѣе, Энрико!

Энрико. Сейчасъ... Иду... Увидите все... Вы подвигнетесь участіемъ... Боже, не оставь меня въ эту сильную минуту! (*Уходитъ въ свою комнату*).

Донъ Грегоріо. Бѣдный мальчикъ!.. Никакъ не могу объяснить... Разбойница! (*Кличетъ*). Симонъ!.. Послѣ такого бдительнаго надзора... Но что я говорю! Все безполезно!.. Симонъ!.. Но какимъ образомъ?.. Кто-нибудь долженъ помогать ему... Симонъ! Симонъ! Симонъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Симонъ и донъ Грегоріо.

Симонъ. Что прикажете?

Донъ Грегоріо. Ступай на почту, узнай, нѣтъ ли мнѣ писемъ...

Симонъ. Я ужъ былъ тамъ; писемъ вамъ нѣтъ никакихъ.

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Чортъ возьми! (*Ему*). Сходилъ бы ты, между прочимъ, къ книгопродавцу: не переплелъ ли онъ мнѣ тѣ два тома, которые я ему говорилъ.

Симонъ. Да, сударь; онъ уже ихъ принесъ; я ихъ положилъ на столъ въ вашей комнатѣ.

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Прошу покорно! Смотрите, нарочно какъ этотъ бестія—діяволъ всюду тычетъ хвостъ свой! (*Ему*). Хорошо; такъ какъ ты теперь ничѣмъ не занятъ, то сходи къ цырюльнику и приведи его сюда: я хочу побриться.

Симонъ. Очень хорошо (*готовясь итти*).

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Недостаетъ только, чтобъ онъ сказалъ, что я уже брился.

Симонъ (*возвращаясь*). Вѣдь я и позабылъ, что сегодня всѣ лавки заперты: у цырюльниковъ праздникъ.

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Тьфу ты, сатана!.. (*Плюетъ*). Очень хорошо. (*Въ сторону*). Сегодня черный день! (*Къ Симону*). Ступай за мною въ мою комнату, я тебѣ дамъ отнести на почту кое-какія письма.

Симонъ. Какъ прикажете.

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Слава Богу! Я ужъ думалъ что почтовый ящикъ, куда бросаютъ письма, запертъ. Бѣд

ный мальчикъ! Какъ только подумаю объ этомъ, хочется плакать. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Энрико и потомъ Джильда.

Энрико. Правосудное Небо, помоги мнѣ въ этомъ смѣломъ предпріятіи! Ахъ, если бъ никто не увидалъ ее! Бѣдненькая! Едва только я подалъ изъ окна знакъ ей прійти сюда, мнѣ показалось, что она сама воодушевилась смѣлостью необыкновенною: вскочила со стула, отняла отъ груди бѣднаго ребенка... *(Слышенъ легкій шорохъ шаговъ).* Она уже тутъ, а между тѣмъ слуга еще... *(Дрожитъ).*

Джильда *(на цыпочкахъ).* Энрико, я здѣсь. Такъ ли? Ты этого хотѣлъ?

Энрико. Ты никого не встрѣтила?

Джильда. Нѣтъ.

Энрико. Отдыхаю.

Джильда. Что новаго? Что ты хочешь дѣлать? Безопасны ли мы здѣсь?

Энрико. Смѣлѣе, моя милая Джильда! Тебѣ предстоитъ важное дѣло.

Джильда. Энрико мой драгоцѣнный! все, что хочешь,— все сдѣлаетъ твоя Джильда.

Энрико. Слушай. За нѣсколько минутъ предъ симъ обняло меня отчаяніе, какъ вдругъ дядька, увидя меня въ слезахъ, съ помощію убѣжденій своихъ, заставилъ ему открыть причину несчастнаго моего положенія. Я отчасти кое-что уже сказалъ, но не имѣлъ еще духу открыть ему, что мы супруги. Ты знаешь, что, когда я долженъ наконецъ выговорить нѣкоторыя слова, уста мои запираются. И потому, чтобъ довершить это дѣло, мнѣ внушило Само Небо, теперь, когда отецъ мой ушелъ со двора, призвать тебя сюда,—тебя, которая обладаешь такою силою и разумомъ рѣчей, чтобы отвѣчать на все то, что будетъ говорить донъ Грегоріо, услыша подобныя вещи.

Джильда. Сдѣлаю все, что только могу. Ты знаешь, что я, какъ только чувствую, что недостаетъ у меня словъ, въ ту жъ минуту пускаю въ дѣло страницу изъ романа, который читала. Я тебя, однакожъ, предупреждаю, что этотъ

твой дядька имѣетъ наружность, которая не предвѣщаетъ хорошаго.

Энрико. Ты обманываешься; у донъ Грегоріо не дурное сердце.

Джильда. Джильда станетъ дѣлать все, что ты прикажешь.

Энрико. Какъ ты добра! Какъ я люблю тебя! Твой характеръ уже есть мое оправданье.

Джильда. Когда же я увижу его, этого донъ Грегоріо?

Энрико. Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(остолбенѣвши отъ изумленія при видѣ женщины, про себя).* Чортъ побери! Что я вижу!

Энрико. Донъ Грегоріо, вотъ она.

Донъ Грегоріо. Возможно ли? Вы?

Джильда. Ахъ, сударь!

Донъ Грегоріо. Или я обманываюсь, или вы та дѣвица, что живетъ противъ нашего дома, со стороны, обращенной въ переулокъ?

Джильда. Такъ точно.

Донъ Грегоріо. Дочь полковника...

Джильда. Таллемани.

Донъ Грегоріо. Который, сказывали, умеръ въ послѣднюю войну?

Джильда. Къ несчастію.

Донъ Грегоріо. И вы привели въ такое состояніе...

Джильда. Да, я не отрекаюсь: я привела въ такое состояніе моего Энрико.

Донъ Грегоріо. Тише, тише; что вы говорите?... Стыдитесь, стыдитесь!

Энрико. Донъ Грегоріо, не начинайте упреками!

Донъ Грегоріо. Но какъ это?... какъ это?... *(Въ сторону).* Теряю голову! *(Вслухъ).* Какъ вы дѣлали, чтобъ между собою видѣться?

Джильда. Скажи ему, какъ мы дѣлали.

Энрико. Нѣтъ, Джильда, скажи ты. Что? или ты потеряла свое присутствіе духа?

Донъ Грегоріо *(про себя, въ величайшемъ безпокойствіи и нерѣшительности).* Я дурѣю, вотъ просто чувствую, что

дурѣю... Кто бы могъ это подумать? (*Вслухъ*). Но объясни те, говорите!

Джильда. Итакъ, знайте же, что по отъѣздѣ бѣднаго отца моего, мать моя содержала меня подъ строжайшимъ надзоромъ. Энрико, какъ вы знаете, тоже...

Донъ Грегоріо. О! что до него, то ему невозможно было отлучиться изъ дому.

Джильда. Хорошо. Итакъ, мы стояли у оконъ, которыя, какъ нарочно, были одно противъ другого. Энрико смотрѣлъ на меня, я смотрѣла на него; онъ смѣялся, и я смѣялась; онъ мнѣ дѣлалъ знаки, я ему отвѣчала на это другими... Сегодня смѣялся, завтра дѣлалъ знаки, послѣ завтра вздыхалъ, такъ что наконецъ...

Донъ Грегоріо. Такъ что, наконецъ, вамъ удалось?..

Джильда. Да, наконецъ, удалось. Но знаете ли, сколько времени прошло, пока посчастливилось намъ въ первый разъ поговорить?

Энрико. Да, прошло очень много времени.

Донъ Грегоріо (*про себя*). Я ничего не понимаю. Я не въ своей тарелкѣ. Я чортъ знаетъ гдѣ!

Джильда. Наконецъ, въ одну ночь удалось Энрико ускользнуть изъ дома и взбѣжать на нашу лѣстницу. Я тремя вязальными спицами, связанными вмѣстѣ, поворотила пружинку въ замкѣ дверей нашего дома. Онъ вошелъ, трепеща, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, заперла его.

Донъ Грегоріо. Правосудный Боже! Что слышу! Я умираю.

Джильда. Едва только переступилъ Энрико порогъ моей комнаты (*показывая рукою*)—онъ стоялъ здѣсь, а я здѣсь,— какъ вдругъ показалась моя мать: вскрикнула, увидѣвши насъ, и бросилась на меня; но потомъ вдругъ остановилась и обратилась къ Энрико, не зная сама, на кого перваго излить гнѣвъ свой. Находясь такимъ образомъ между изумленіемъ и негодованіемъ, она подверглась вдругъ сильнымъ конвульсіямъ и упала безъ чувствъ...

Донъ Грегоріо. Ну, далѣе...

Джильда. Произнося со страху безсвязные звуки, я вцѣпилась за ея, пораженную отчаяніемъ, шею; рыдая, Энрико бросился къ ея ногамъ. На крикъ нашъ прибѣжала старая служанка, и мать пришла въ себя... Чтобы загладить безразсудный шагъ, чтобы спасти честь мою, было только одно

средство; Энрико предложилъ его, я его приняла, а мать благословила его.

Донъ Грегоріо (*со страхомъ*). Какъ!

Джильда. Мы дали другъ другу руки, какъ супруги, и, день послѣ, былъ освященъ и утвержденъ тайно союзъ нашъ.

Донъ Грегоріо (*крича*). Что вы говорите? Супруги! Супруги? Вправду? Безъ согласія отца! Такъ вотъ ваше несчастіе! Я думалъ просто какое-нибудь несчастіе въ любовныхъ дѣлишкахъ... (*Въ отчаяніи*). Идите прочь! Пусть дѣлаетъ отецъ вашъ, что хочетъ!.. Онъ васъ убьетъ! Я васъ оставляю...

Энрико. Донъ Грегоріо, дѣло уже сдѣлано.

Джильда. Даже слишкомъ—нѣтъ никакого средства исправить.

Донъ Грегоріо. Не говорите мнѣ, не говорите... я ничего не знаю... Безчестные! измѣнить мнѣ... (*Въ ярости*). Но какъ ты сдѣлалъ, какъ ты могъ выйти изъ дому?

Энрико. Бастіано, слуга, который мѣсяца два назадъ тому умеръ, помогалъ мнѣ и заказалъ мнѣ поддѣльный ключъ...

Донъ Грегоріо (*въ гнѣвѣ*). Недостойные, недостойные! (*обращаясь къ Джильдѣ*). А ты какъ сдѣлала, что онъ влюбился въ тебя?

Джильда. Какъ дѣлаютъ всѣ другія.

Донъ Грегоріо (*въ гнѣвѣ*). Предательница! предательница! (*Въ отчаяніи*). Но точно ли законно ваше соединеніе?

Энрико. Сдѣлано въ присутствіи нотаріуса.

Джильда. И свидѣтелей.

Энрико. Узаконено и скрѣплено.

Джильда. По всѣмъ формамъ.

Донъ Грегоріо. Я не знаю, гдѣ я нахожусь... Маркизъ умретъ отъ печали. Здѣсь ничего нельзя поправить. Я не могу помочь вамъ; ступайте, отправляйтесь! Сколько времени, какъ вы супруги?

Джильда. Одинъ годъ.

Донъ Грегоріо. И въ продолженіе одного года...

Джильда. Мы доставили себѣ одного сына.

Донъ Грегоріо (*вскрикиваетъ*). Сына!

Энрико. Одного только, душенька Донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ уда-

литься; оставайтесь, бѣгите, дѣлайте, что хотите — я васъ предаю гнѣву вашего отца и его ярости. *(Готовъ уйти).*

Джильда. Какъ!

Энрико *(удерживая его за платье).* Ради самого Неба!

Донъ Грегоріо *(вырываясь).* Нѣтъ! Нѣтъ! Здѣсь нѣтъ жалости.

Джильда. Когда такъ, оставь его, Энрико. Оставь этого человѣка съ сердцемъ тирана. Я тебѣ говорила, что мнѣ не предвѣщала ничего другого его наружность.

Донъ Грегоріо *(останавливаясь).* Какъ! Что вы говорите? Я тиранъ?

Джильда. Да, вы тиранъ и вѣчно останетесь имъ; и, какъ кажется, вы этимъ довольны. Сердца наши связаны между собою союзомъ священнымъ, союзомъ чести, союзомъ законовъ и тысячами тысячъ другихъ нѣжнѣйшихъ отношеній, союзами страсти и клятвъ переплетены и вмѣщены одно въ другомъ и сжаты тѣсно. Отрѣшить наши сердца одно отъ другого нельзя, какъ развѣ изрубивши на части одно изъ нихъ или раздробивши оба. Вы насытитесь, сколько желается душѣ вашей, кровью и слезами; объ одномъ только молю васъ: насыщайтесь, сколько хотите, стенаньями и муками моими, но спасите моего Энрико отъ ярости суроваго отца. Если я была причиною несчастія этой фамиліи, отмстите и обрушьте все на несчастную Джильду, но да будетъ прощенъ мой Энрико! За эту цѣну я согласна итти скитаться бѣглянкой, изгнанницей, оставленной всѣми, сохранивши только у груди своей несчастный плодъ любви нашей.

Донъ Грегоріо *(который къ концу рѣчи этой разжалобленъ совершенно, говоритъ, про себя, навзрыдъ).* Сердце мое разрывается на части.

Энрико *(вполголоса).* Браво, Джильда!

Джильда *(рыдая).* Прощай, мой Энрико!... Прости мнѣ, если...

Донъ Грегоріо. Остановитесь... Что я дѣлаю? *(Осушая слезы и про себя).* Бѣдные молодые люди! Оставить ихъ въ добычу отчаянія... Зло сдѣлано... Они уже мужъ и жена... О Боже!... Званія ихъ почти равныя... *(въ нерѣшительности).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и маркизъ Джуліо (*за сценой*).

Голосъ маркиза. Донъ Грегоріо возвратился?

Донъ Грегоріо. Святые всего свѣта! Это маркизъ!

Энрико (*въ испугѣ*). Донъ Грегоріо, я погибъ!

Джильда (*къ донъ Грегоріо*). О Боже! Спасите меня!

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Небо, подай совѣтъ!.. (*Толкая ее въ комнату Энрико*). Сюда, сюда войдите скорѣй!

Джильда (*входя*). Не предайте Энрико!

Донъ Грегоріо. Молчите, молчите! чш!...

Энрико. Ради Бога! Я долженъ итти?

Донъ Грегоріо. Останьтесь! (*Запираетъ дверь на ключъ*).

Маркизъ (*входя въ ту минуту, когда донъ Грегоріо отскакиваетъ поспѣшно отъ двери съ ключомъ въ рукахъ*). Вы дома?

Энрико. Счастливаго возвращенія, папа! (*Цѣлуетъ его руку*).

Маркизъ (*разсматривая со вниманіемъ и недовѣрчивостью донъ Грегоріо и ключъ, находящійся въ его рукахъ*). Извините, донъ Грегоріо, зачѣмъ вы съ такою поспѣшностію вынули ключъ отъ этой двери?

Донъ Грегоріо (*про себя*). Холодный потъ проступаетъ у меня на лбу. (*Вслухъ*) Ничего...

Энрико (*про себя*). О Боже!

Маркизъ. Я располагалъ было не обѣдать сегодня дома, но министръ обѣдаетъ у маршала... Извините меня, донъ Грегоріо, вы, кажется, въ большомъ замѣшательствѣ; что такое вы заперли въ этой комнатѣ?

Донъ Грегоріо (*про себя*). Опять! (*Вслухъ*). Говорю вамъ: вздоръ, ничего...

Маркизъ. Однакожъ?

Энрико (*тихо донъ Грегоріо*). Донъ Грегоріо, не измѣните!

Донъ Грегоріо (*про себя*). Тутъ нуженъ умъ. (*Вслухъ*). Я вамъ сейчасъ скажу... мнѣ подарена... одна... собачонка. И потому я, чтобы не запачкала комнатъ, заперъ ее туда. Послѣ я отнесу ее въ свою комнату.

Маркизъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ просить у васъ извиненія. Но вы говорите такимъ образомъ... Сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ ключъ!

Донъ Грегоріо. Какъ!

Энрико (*про себя*). Я пропалъ!

Маркизъ. Развѣ я не господинъ дома?

Донъ Грегоріо. Вы, точно, онъ; и поэтому...

Маркизъ. Я хочу видѣть, что̀ тамъ заперто.

Донъ Грегоріо. Я ужъ вамъ сказалъ... одна кудлашка.

Маркизъ. Извините, я этому не вѣрю. Къ тому жъ этотъ домъ мой. Донъ Грегоріо, отдайте мнѣ ключъ!

Энрико. Я умираю.

Донъ Грегоріо. Вы этому не вѣрите? (*Про себя*). Чортъ побери всѣхъ чертей! (*Вслухъ*). Господинъ маркизъ! (*съ чувствомъ негодованія*) развѣ этакимъ образомъ можно говорить мнѣ? Возьмите ключъ! Вотъ онъ! Отоприте, смотрите, и потомъ, покрытые стыдомъ за нанесенное мнѣ оскорбленіе, не имѣйте присутствія духа посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза! Подозрѣвать, подозрѣвать, что донъ Грегоріо можетъ обмануть! Нанести подобное оскорбленіе въ присутствіи этого молодого юноши!.. Отоприте, маркизъ, сію же минуту! отоприте въ моемъ присутствіи—пусть увидятъ ваше безчестное подозрѣніе и честность донъ Грегоріо, который съ этой минуты оставляетъ навсегда домъ вашъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Отоприте! Не слушаю никакихъ резоновъ!

Маркизъ. Донъ Грегоріо! Вотъ ключъ!

Донъ Грегоріо (*горячась*). Нѣтъ, маркизъ, отоприте! Мнѣ подобное оскорбленіе!

Маркизъ. Простите меня, говорю вамъ: на минуту я потерялъ разсудокъ; я виноватъ.

Донъ Грегоріо. Подозрѣвать! дайте ключъ; ступайте, смотрите! (*готовясь отпирать*).

Маркизъ. Остановитесь! Я не хочу.

Донъ Грегоріо. Пустите меня! Увидите, увидите! Пусть объяснится...

Маркизъ. Говорю вамъ, что не хочу. Прошу извиненія; простите меня, я виноватъ! (*Удерживаетъ его за полы*).

Донъ Грегоріо (*представляя, что насильно хочетъ отпереть*). Нѣтъ, теперь нѣтъ.

Маркизъ. Что же вы хотите, чтобъ я еще сдѣлалъ, чтобъ получить ваше прощеніе? Донъ Грегоріо, простите меня. Я былъ дуракъ. Ничего не хочу видѣть. Я въ васъ увѣренъ.

Ради Бога, простите меня. (*Про себя*). Что я надѣлалъ! Я горю отъ стыда. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо. Мнѣ! меня! со мною! (*Про себя*). Отвязался наконецъ, старая дубовая башка!..

Энрико. Ухъ! какъ было страшно! Я вамъ долженъ...

Донъ Грегоріо (*передразнивая*). Я долженъ вамъ... (*Въ отчаяніи*). Что вы заставили меня сдѣлать?

Энрико. Теперь...

Донъ Грегоріо. Теперь я ничего не знаю... поищу... того... Вы вотъ что... это обстоятельство... Впрочемъ того... (*Даетъ ключъ, въ смущеніи, не зная и не понимая самъ, что говоритъ*). Нужно... нужно... Удалите ее отсюда прочь.

Энрико. То-есть...

Донъ Грегоріо. То-есть, какъ то, что не стоитъ выѣденнаго яйца. Боже, какое затруднительное положеніе!.. Сдѣлайте такъ, чтобы никто не видалъ: я былъ бы компрометированъ... Ради Бога!.. Было бы хорошо такъ... Вы поняли все? Чортъ меня побери, если понимаю хоть одно слово изъ того, что говорю! (*Уходитъ*).

Энрико. Небо, помоги мнѣ! (*Уходитъ въ комнату, гдѣ жена*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Донъ Грегоріо. Какъ! Вы до сихъ поръ еще не вывели ее отсюда?

Энрико. Нельзя было никакимъ образомъ. Въ столовой вѣчно кто-нибудь толкался. Потомъ мы пошли обѣдать...

Донъ Грегоріо. Итакъ, она до сихъ поръ тамъ?

Энрико. Тамъ.

Донъ Грегоріо. Прахъ побери! Какъ же?.. И она ничего не ѣла?

Энрико. Сейчасъ я вамъ скажу. Мнѣ удалось утащить за столомъ полкурицы и пару котлетъ, спрятать ихъ въ карманъ и отнести ей тотчасъ послѣ обѣда, чтобъ не умерла съ голоду.

Донъ Грегоріо. Но что же она дѣлаетъ теперь?

Энрико. Плачетъ, опасаясь за ребенка, котораго теперь время кормить.

Донъ Грегоріо. Но какъ же помочь этому? какъ? Зачѣмъ отваживались вы приводить ее сюда? Развѣ вы не могли открыть мнѣ все, не подвергая...

Энрико. Я не имѣлъ столько присутствія духа, чтобы открыть вамъ, милый донъ Грегоріо! Покамѣстъ было возможно, я скрывалъ все; но теперь, когда Джильда осталась одна, отчаяніе заставило прибѣгнуть къ этому поступку.

Донъ Грегоріо. А мать ея?

Энрико. Мать ея, которая условилась въ продолженіе года держать дочь у себя въ домѣ, имѣя нужду въ деньгахъ, должна была отправиться въ Миланъ, чтобы собрать кое-какое оставшееся имущество послѣ своего мужа, и уѣхала три дня тому назадъ, оставивши дочь на руки Провидѣнія и меня, ея мужа.

Донъ Грегоріо. Итакъ, она никого больше не имѣетъ кромѣ васъ?

Энрико. По крайней мѣрѣ, сколько я знаю...

Донъ Грегоріо. Но какъ же вы думаете содержать ее до тѣхъ поръ, пока отецъ?..

Энрико. Здѣсь-то и есть мое затрудненіе.

Донъ Грегоріо. Отецъ вашъ даетъ ли вамъ деньги?

Энрико. Ничего кромѣ тридцати паоловъ *(15 рублей)* шестаго генваря, въ видѣ подарка на игрушки.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Да, посмотри-ка теперь, какихъ игрушекъ требуютъ эти дѣти! Какая лошадь этотъ маркизъ! (*Ударивши себя по лбу*). О Боже! И вотъ я замѣшался въ интригу... Но какъ, чортъ возьми, удалось вамъ все сдѣлать такъ, что никто не проникъ?..

Энрико. Бастіано...

Донъ Грегоріо. Проклятый Бастіано! И я этого не могъ предвидѣть!

Энрико. Онъ наблюдалъ очень осторожно, чтобъ изъ васъ кто-нибудь не проснулся, и поддѣльнымъ ключомъ отпиралъ и запиралъ дверь. Въ то время, когда мы говорили и проводили время съ Джильдой, у насъ была стража, чтобы никто не могъ ничего узнать; такимъ образомъ...

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Я говорилъ маркизу: «позвольте мнѣ, позвольте спать внизу!» — «а» говоритъ: «не

нужно; нѣтъ никакой опасности». Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Распорядился прекрасно! *(Вслухъ).* А потомъ, когда умеръ Бастіано?

Энрико. Тогда родился Бернардино...

Донъ Грегоріо. Кто—Бернардино?

Энрико. Сынъ нашъ.

Донъ Грегоріо. А! *(Въ сторону).* А между прочимъ, сколько есть такихъ, которые бы желали, чтобъ у нихъ родился сынъ, а нѣтъ, не родится.

Энрико. Послѣ рожденія его мы видѣлись очень рѣдко и съ большою предосторожностью.

Донъ Грегоріо. Я просто безумѣю. И никто не могъ открыть ни супружества, не беременности дѣвушки, ни разрѣшенія, ни сына?

Энрико. Никто, потому что синіора Бриджида, мать Джильды, заключила брачное наше условіе посредствомъ одного очень хорошаго человѣка, своего искренняго друга, съ которымъ она уѣхала въ Миланъ. Онъ же засвидѣтельствовалъ, какъ слѣдуетъ, рожденіе ребенка. Синіора Бриджида не выпускала дочь изъ дому во все время ея беременности. Синіора Бриджида присутствовала при ней и подавала помощь во всѣхъ припадкахъ, для того, чтобъ это дѣло было извѣстно только синіорѣ Бриджидѣ, ея другу, старушкѣ, служанкѣ дома, Джильдѣ и мнѣ.

Донъ Грегоріо. А когда маркизъ узнаетъ это дѣло, то разобьетъ голову синіорѣ Бриджидѣ, донъ Грегоріо, который не зналъ объ этомъ, Джильдѣ и старушкѣ-служанкѣ. Это не шутка! Это интрига, интрига серьезная, роковая...

Энрико. Итакъ, вы хотите бросить насъ въ руки отчаянія? въ положеніи—сдѣлать какой-нибудь шагъ, внушенный послѣднею безнадежностью? Если вы имѣете столько на это духа и сердце, то сдѣлайте это. По крайней мѣрѣ, дайте возможность уйти только этой несчастной, чтобы избавить ее отъ взоровъ и ярости моего отца, какой предастся онъ, ее увидѣвши... *(въ слезахъ).*

Донъ Грегоріо *(въ сторону).* Да, теперь бы я попросилъ васъ, грозные педанты, притти посмотрѣть, что дѣлать въ такомъ случаѣ! Они уже супруги; любятъ другъ друга, различія въ званіяхъ почти нѣтъ никакого, имѣютъ сына...

Энрико. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо (*горячась*). Донъ Грегоріо, донъ Грегоріо! Это обстоятельства отчаянныя... (*Въ сторону*). Но какъ же однакожъ? Теперь, когда выстрѣлъ уже сдѣланъ, когда пуля вылетѣла, развѣ можно теперь оставить ихъ такъ?

Энрико. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Надоѣлъ съ этимъ «донъ Грегоріо»... Слушай, прежде всего нужно ее вывести. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, какъ-нибудь можно будетъ уладить это дѣло. Между тѣмъ я постараюсь до того времени твоего отца... Но какъ, какъ это сдѣлать?.. А, довольно! Скажи ей, чтобы не плакала, что я подумаю обо всемъ.

Энрико. Я ввѣряюсь вамъ.

Донъ Грегоріо. Ступай, запрись и не отпирай никому, пока не услышишь моего голоса.

Энрико. Милый мой донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Да перестань разъ навсегда! Я теперь, чортъ его знаетъ, въ такомъ положеніи, что не могу слышать даже собственнаго имени.

Энрико. Повинуюсь и предаюсь весь вамъ. Пойду утѣшить мою Джильду и провѣдать, не имѣетъ ли она въ чемъ нужды. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо (*одинъ*). Здѣсь нѣтъ никакого средства поправить. Происходи то, что должно произойти—я не долженъ оставить этихъ молодыхъ людей! Впрочемъ вѣдь зло могло бы быть въ десять разъ хуже. Она не имѣетъ въ себѣ ничего дурного, хорошей фамиліи; а если состояніе ея не большихъ доходовъ, то это еще ничего: маркизъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ. Да, смѣлѣе! (*Рѣшительно*). Молодымъ людямъ помочь! Такъ! Теперь нужно вывести молодую женщину такъ, чтобы никто не видалъ, и съ сегодня я приступаю располагать понемногу маркиза.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Маркизъ. А! донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Синіоръ маркизъ! (*Въ сторону*). Кстати пришелъ!

Маркизъ. Прежде всего, повторяю, позабудьте объ оскорбленіи, которое сегодня поутру...

Донъ Грегоріо. Вы меня поразили, я уже вамъ говорилъ...

Маркизъ. Довольно! Обнимемся (*обнимаются*) и пусть это будетъ послѣднее напоминаніе о случившемся.

Донъ Грегоріо. Въ этомъ будьте увѣрены. (*Въ сторону*). Вотъ хорошая минута!

Маркизъ. Гдѣ Энрико?

Донъ Грегоріо (*про себя*). Вотъ оно! (*Вслухъ*) Не знаю... можетъ быть, у своего брата.

Маркизъ. Вы еще ничего не говорили съ нимъ?

Донъ Грегоріо. Говорилъ... (*Про себя*). Да если бъ ты зналъ, о чемъ мы говорили!

Маркизъ. Ну, что жъ онъ? по обыкновенію?..

Донъ Грегоріо. То-есть, если хотите, чтобъ я вамъ сказалъ правду, то чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе я утверждаюсь въ моемъ подозрѣніи.

Маркизъ. То-есть?..

Донъ Грегоріо. Что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ нужду... (*Въ сторону*). Тише, тише, чшъ, донъ Грегоріо! (*Вслухъ*) имѣетъ нужду дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ молодые люди—гулять, разговаривать...

Маркизъ. Вы вѣчно мѣтите въ одно.

Донъ Грегоріо. Что жъ дѣлать? такъ оно есть. Принимайте мои слова въ какомъ угодно смыслѣ, но нужно, чтобы я сказалъ вамъ то, что думаю. Маркизъ, положимъ руку на сердце: что были, напримѣръ, вы?

Маркизъ. Что хотите сказать вы этимъ?

Донъ Грегоріо. Что былъ я въ молодости?

Маркизъ. Не знаю.

Донъ Грегоріо. Что такое всѣ люди тогда, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ кипитъ кровь и когда весь—горящая Этна?

Маркизъ. Фуріи, которыхъ нужно держать на цѣпяхъ.

Донъ Грегоріо. Однакожъ цѣпями не излѣчить зла; лишеніе не уменьшаетъ желанія. Бѣшенство занимаетъ его мѣсто; яркая противоположность становится палачомъ, и юноша гибнетъ невозвратно.

Маркизъ. Посмотримъ однакожъ, какой результатъ всего этого? Что, показалось вамъ, прочитали вы въ душѣ Энрико? Можетъ-быть, вы думаете, что его сердце... Вы обманываетесь: съ методой, которая введена въ моемъ домѣ, со строгостью...

Донъ Грегоріо (*про себя*). Да, поди-ка, посмотри, отопри эту дверь—и ты увидишь, какая тамъ строгость сидитъ.

Маркизъ. Любезный другъ! вы, должно-быть, въ юности были цѣлый дьяволъ.

Донъ Грегоріо. Нѣтъ; я былъ въ юности молодъ, какъ и всѣ другіе, съ движеніями и побужденьями, свойственными этимъ лѣтамъ, и я вижу, что они были бы гораздо хуже, если бы вмѣсто разсудка и совѣтовъ родители мои употребили замки и строгость. Повѣрьте наконецъ, маркизъ, что свѣтъ и общество кажутся несравненно ослѣпительнѣе и прекраснѣе тому, кто слышитъ шумъ ихъ издалека, не видя ихъ, нежели тому, кто проникъ ихъ, имѣя ихъ предъ глазами, и видитъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Да, сынъ вашъ наконецъ долженъ начать показываться на солнце и вылѣзть изъ этого гроба, гдѣ онъ находится погребеннымъ съ той минуты, какъ родился...

Маркизъ. Да, да, именно изъ одной глупой и, можетъ-быть, даже притворной его меланхоліи я ему позволю выходить, видѣть женщинъ, говорить съ ними...

Донъ Грегоріо. Ну, такъ! Какъ только вы станете говорить о женщинахъ, кажется, какъ будто хотите назвать самого дьявола! Мнѣ женщины не представлялись никогда въ этомъ видѣ, и даже скажу вамъ, что я былъ (*въ сторону*),—отважился!—(*вслухъ*) очень часто ихъ партизаномъ и защитникомъ...

Маркизъ. Браво! прекрасныя правила... Оставимъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы, я вижу, хотите злоупотреблять мною.

Донъ Грегоріо (*про себя*). Это я предвидѣлъ. (*Вслухъ*). Постойте! такъ какъ вы имѣете такого рода опасенія, то зачѣмъ не жените его?..

Маркизъ (*вспыхнувъ*). Женить, женить ребенка! Синіоръ донъ Грегоріо, мы увидимся въ другое время. Извините, сегодня вы, мнѣ кажется, не похожи на самого себя.

Донъ Грегоріо (*про себя*). Этого еще недоставало!.. (*Вслухъ*). Я говорю, чтобъ...

Маркизъ. Женить Энрико! Мой отецъ согласился на мою свадьбу тогда только, когда ему было семьдесятъ два года, а мнѣ сорокъ семь...

Донъ Грегоріо. И однакожъ вы теперь видите...

Маркизъ. Довольно, довольно! Я не могу обратить ника

кого вниманія на предложеніе, сдѣланное мнѣ человѣкомъ, который, не сгорѣвъ отъ стыда, назвалъ себя протекторомъ и партизаномъ женщинъ. Вы никогда еще до сихъ поръ не дѣлали мнѣ подобнаго предложенія. Если бъ я это прежде зналъ, я бы, можетъ-быть, судилъ о васъ иначе.

Донъ Грегоріо. Не думайте, что я...

Маркизъ. Я извиняю васъ, предполагая, что голова ваша сегодня не въ полномъ разсудкѣ...

Донъ Грегоріо. Вы...

Маркизъ. Не говорите мнѣ теперь, я васъ прошу. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, если хотите, чтобъ мы остались друзьями. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, или я приду въ бѣшенство. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо (*одинъ*). Теперь прошу посмотрѣть, въ какихъ я нахожусь обстоятельствахъ! Если стану упорствовать въ своихъ рѣчахъ, потеряю его уваженіе — и они тогда погибли... Я нахожусь въ положеніи напакостить себѣ же собственными руками... (*Крякнувъ*). А! терять времени нечего. Постараемся удалить людей изъ столовой, и улучивши первую минуту, вывести отсюда эту несчастную заключенную.

ЯВЛЕНІЕ III.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Донъ Грегоріо, намъ нужно кой о чемъ имѣть съ вами довольно длинный разговоръ.

Донъ Грегоріо. Въ другое время, любезная.

Леонарда. Я не прошу, чтобъ вы меня называли любезною.

Донъ Грегоріо. Любезная или нелюбезная, какъ хотите, но теперь я занятъ.

Леонарда. Вы бѣжите?.. Стало-быть, уже знаете, что я должна вамъ сказать? Вы...

Донъ Грегоріо. Что касается до меня, то я не знаю, что вы говорите. Послѣ, немного позже, поговорю, когда вы хотите, но теперь не могу. (*Про себя*). Я и безъ того въ довольно хорошемъ расположеніи духа, недоставало еще этой съ длиннымъ разговоромъ. (*Вслухъ*). Увидимся послѣ! (*Уходитъ*).

Леонарда (*одна*). За кого меня принимаетъ донъ Грего-

ріо? Нѣтъ, онъ не знаетъ Леонарды! Наговорить мальчику, что я не умѣю говорить, наговорить ему, что я пожилая, въ лѣтахъ... Развѣ онъ думаетъ, я не найду минуты поселить въ голову маркиза подозрѣніе насчетъ его? Я не буду женщина, если не отомщу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Ты здѣсь еще?

Леонарда. Оставьте меня въ покоѣ.

Пиппетто. Что такое съ тобою, Леонардушенька?

Леонарда. Оставьте меня, вамъ говорю. Всѣ, всѣ противъ меня! Не можете видѣть меня спокойно. Я вамъ — какъ язва какая... Останетесь довольны: я уйду отсюда. Вы меня больше не увидите.

Пиппетто. Послушай: ты дура! Развѣ и я?..

Леонарда. И вы тоже, и вы тоже.

Пиппетто. Какъ?

Леонарда. Если бъ вы въ самомъ дѣлѣ любили меня, вы бы не могли потерпѣть, чтобы меня презирали и издѣвались надо мною.

Пиппетто. Но чего жъ ты хочешь?

Леонарда. Вы видите, что донъ Грегоріо ищетъ всѣ средства оскорблять меня: поноситъ меня, насмѣхается, говоритъ, что я старуха, и вы не въ состояніи...

Пиппетто. Но скажи мнѣ, дорогой свѣтъ очей моихъ, — это любовное выраженіе я узналъ отъ тебя, — скажи: что ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ?

Леонарда. Къ дѣлу! Если любовныя ощущенія ваши точно справедливы, если Леонарда вамъ дѣйствительно такъ дорога, какъ вы говорите, то нужно, чтобъ вы соединились со мною на тотъ конецъ, чтобъ выгнать его изъ этого дома...

Пиппетто. Я охотно, но какъ?..

Леонарда. Оставьте мнѣ все это сдѣлать. Вы только должны мнѣ помогать. Я уже съ нѣкотораго времени замѣчаю, что у него есть въ головѣ какой-то секретъ. Если только я его узнаю — прибавлю, выдумаю кой-что въ придатокъ. Мы его обвинимъ, уличимъ, сдѣлаемъ все. Ты это сдѣлаешь, Пиппетто?

Пиппетто. Довольно будетъ, если...

Леонарда. Сдѣлаешь ли ты это? Или ты больше меня никогда въ глаза не увидишь.

Пиппетто. Сдѣлаю, сдѣлаю все, что хочешь.

Леонарда. Клянись мнѣ въ томъ.

Пиппетто. Но клятва есть...

Леонарда. Не хочешь?

Пиппетто. Клянусь, клянусь!

Леонарда. Такъ теперь я тебя очень люблю. Теперь ты можешь владѣть моимъ сердцемъ.

Пиппетто. О моя Леонардушка!.. Леонардушечка моя!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо (*за сценой*). Оставайтесь и не двигайтесь.

Леонарда. Уйдемъ: это онъ!

Пиппетто. Я вѣчно съ тобою.

Леонарда. Помни клятву.

Пиппетто. Да, моя Леонардушка.

Леонарда (*въ сторону*). Я тебѣ отомщу.

Пиппетто (*про себя*). Для Леонарды все сдѣлаю. (*Уходятъ*).

Донъ Грегоріо (*входитъ*). Именно потому, что хочу, чтобъ никого не было, — сегодня всѣ слуги ходятъ за мною по пятамъ. Вывести ее изъ комнаты невозможно; оставить ее до ночи въ этой комнатѣ есть большой рискъ. И потому нѣтъ другого средства, какъ развѣ... (*Говоритъ вполголоса, стуча въ дверь*). Энрико, отоприте! это я. (*Про себя*). Это, мнѣ кажется, лучше всего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Энрико. Что, можно ей теперь идти?

Донъ Грегоріо. Нѣтъ! никакъ нельзя.

Энрико. О Боже!

Донъ Грегоріо. Я думаю перевести ее сюда, отсюда по лѣстничкѣ въ мою комнату, а изъ моей комнаты, какъ только смеркнется, она можетъ пробѣжать по большой лѣстницѣ.

Энрико. Но она хотѣла идти домой...

Донъ Грегоріо. Хотѣла! И я тоже хотѣлъ, но если нельзя? Лѣстница поминутно наполняется людьми. Сдѣлайте по-моему, ступайте. Я уже заперъ дверь въ залъ, чтобъ никто не взошелъ въ то время, какъ я съ Джильдою пробѣгу. Если вы не будете говорить, то это знакъ, что тамъ нѣтъ никого, и я заставлю Джильду пересѣсть въ мою комнату. Потомъ можете и вы также войти.

Энрико. Вы думаете, можно провести ее даже туда?

Донъ Грегоріо. Думаю. Не сомнѣвайтесь, ступайте.

Энрико (*про себя*). Я усталъ, перебирая всѣ слова и утѣшенья, чтобъ успокоить Джильду. Я слышу, холодный потъ проступаетъ по мнѣ. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо. Сохрани насъ Боже отъ маркиза! Теперь, кажется, нечего бояться. Эта дверь заперта... Въ залѣ на стражѣ Энрико. Вызовемъ теперь ее, бѣдненькую. Я не имѣю даже духа подумать о положеніи, въ которое она меня привела. Съ другой стороны, что бы могла сдѣлать строгость? Привела бы только въ совершенное отчаяніе эти двѣ бѣдныя жертвы. Они вѣдь уже мужъ и жена. Нѣтъ никакого средства поправить это дѣло — да, совершенно никакого!.. Не станемъ терять времени. (*Говоритъ вполголоса въ дверь*). Джильда, идите сюда!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Донъ Грегоріо и Джильда.

Джильда (*изнутри комнаты*). Вы?

Донъ Грегоріо. Скорѣе!

Джильда (*выходя*). Ради святого Неба, дайте мнѣ средство уйти, по крайней мѣрѣ, домой!

Донъ Грегоріо. Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ нельзя...

Джильда. Но когда же? скажите, когда?

Донъ Грегоріо. Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать; будьте покойны.

Джильда. Я готова все дѣлать, что вы только мнѣ прикажете.

Донъ Грегоріо. Дочь моя, здѣсь мы не безопасны... Скорѣе, скорѣе идите въ мою комнату!

Джильда. Но если маркизъ...

Донъ Грегоріо. Маркизъ тамъ не можетъ васъ увидать.

Джильда (*уходя на цыпочкахъ*). Я въ вашихъ рукахъ; дѣлаю все, что хотите.

Донъ Грегоріо. Вечеромъ потомъ, при удобномъ случаѣ, мнѣ будетъ легко вывести васъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Леонарда и Пиппетто.

Леонарда (*отпирая тихо дверь*). Слышалъ?

Пиппетто. Видѣла?

Леонарда. Богъ услышалъ мои молитвы!

Пиппетто. Кажется даже невѣроятно!

Леонарда. Могъ ли бы ты повѣрить этому?

Пиппетто. Никогда въ жизни!

Леонарда. Но мы не видали, откуда она вышла.

Пиппетто. Нѣтъ. Я стоялъ передъ замочной скважиной, когда донъ Грегоріо стоялъ тутъ и говорилъ: «Имѣйте крошку терпѣнія!» Но откуда она могла выйти? Изъ залы ей нельзя было.

Леонарда. Почему нельзя? Улучилъ минуту, когда тамъ никого не было изъ людей. Быть можетъ, онъ былъ принужденъ ввести ее въ эту комнату, потому что кто-нибудь проходилъ въ то время черезъ переднюю, а теперь ведетъ ее въ свою комнату.

Пиппетто. Да, вѣрно, что такъ.

Леонарда. Нужно, чтобъ вы сейчасъ же сказали вашему батюшкѣ.

Пиппетто. Я? Зачѣмъ не скажешь ему этого ты?

Леонарда. Нѣтъ, это принадлежитъ вамъ. Смотрите, если вы этого ему не скажете, больше не увидите Леонарды.

Пиппетто. Не сердись, не сердись, Леонардушка, скажу.

Леонарда. И скажите непремѣнно все.

Пиппетто. Я помню слово въ слово все, что было ими сказано.

Леонарда. Слышу точно шаги маркиза. Это онъ. Все скажите, не пропуская ничего.

Пиппетто. Но...

Леонарда. Смотрите, если не скажете ему этого, то Лео-

нарда умерла для васъ. (*Про себя*). Ты теперь попался, гадкій старичишка. (*Уходитъ*).

Пиппетто. Выбранитъ меня отецъ, когда я донесу ему на вашего дядьку. Но вѣдь я говорю правду, стало быть, это доставитъ ему удовольствіе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркизъ и Пиппетто.

Маркизъ. Зачѣмъ ты вѣчно въ праздности? Зачѣмъ не учишься? Зачѣмъ не услаждаешь себя чтеніемъ какой-нибудь книги или не отдыхаешь за произведеніемъ какого-нибудь ариѳметическаго счета? Донъ Грегоріо долженъ бы...

Пиппетто. Донъ Грегоріо... (*Въ сторону*). У меня дрожатъ колѣни.

Маркизъ. Что дѣлаетъ донъ Грегоріо?

Пиппетто. Занятъ.

Маркизъ. Съ кѣмъ? съ Энрико?

Пиппетто. Фи! совсѣмъ нѣтъ! (*Въ сторону*). У меня недостаетъ голоса, но для Леонардушечки на все рѣшусь.

Маркизъ. Съ кѣмъ же?

Пиппетто (*съ усиліемъ и вскрикнувъ*). Не браните меня, не браните!.. съ одною женщиною, которая приведена въ его комнату.

Маркизъ. Что ты смѣешь говорить, дерзкій? Это неправда!

Пиппетто. Убейте меня, если я говорю вамъ ложь.

Маркизъ (*весь въ волненіи*). Скажи: какъ ты ее видѣлъ?

Пиппетто. Въ замочную скважину, къ которой я приставилъ глазъ изъ любопытства, услышавши голосъ женщины, говорившей шопотомъ.

Маркизъ. Боже! возможно ли? Но откудова она вошла?

Пиппетто. Не знаю. Я только видѣлъ ее, когда она была въ этой комнатѣ.

Маркизъ (*въ сильной тревогѣ*). Донъ Грегоріо гдѣ былъ?

Пиппетто (*показывая*). Здѣсь.

Маркизъ. А женщина?

Пиппетто. Онъ держалъ ее подъ руку.

Маркизъ. Можетъ быть, какая-нибудь старуха?

Пиппетто. О нѣтъ, самая молоденькая!

Маркизъ (*въ сторону*). О, разбойникъ!.. Теперь понимаю: можетъ быть, даже сего утра... О, безъ сомнѣнія!.. Но ка-

кимъ образомъ? Я весь дрожу... И молодой мальчикъ былъ этому свидѣтель! (*Вслухъ*). Можетъ, это была какая-нибудь женщина, которая приходила за дѣломъ? Ты не слышалъ, что они говорили?

Пиппетто. Да. «Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ не могу»—такъ говорилъ донъ Грегоріо.

Маркизъ (*про себя*). Недостойный!

Пиппетто. А она отвѣчала: «Но когда же? скажите, когда?» А онъ сказалъ: «Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать».

Маркизъ (*про себя*). Я не знаю, что меня удерживаетъ. Но какъ же однакожъ?.. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, какъ онъ у меня живетъ, стало быть, онъ обманывалъ меня?.. притворялся?.. О, такъ издѣваться надо мною!.. (*Вслухъ*). А потомъ они ушли?

Пиппетто. Да, синьоръ, потому что донъ Грегоріо сказалъ: «Здѣсь мы не безопасны. Скорѣе, скорѣе въ мою комнату! тамъ маркизъ не можетъ насъ увидѣть».

Маркизъ (*про себя*). Чудовище, выскочившее изъ ада! Говорить въ моемъ домѣ подобныя вещи, гдѣ могли слышать эти дѣти... Охъ! (*хватается за сердце*) я боюсь, чтобы не разорвались мои жилы. (*Вслухъ*). И ушли?..

Пиппетто. Въ комнату донъ Грегоріо.

Маркизъ. Сколько будетъ времени тому назадъ?

Пиппетто. Только что, въ эту самую минуту.

Маркизъ (*про себя*). Я внѣ себя! Иду къ этому мерзавцу! (*Остановясь*). Но если произойдетъ какая-нибудь сцена, можетъ, даже очевидно скандалезная... Можетъ быть, теперь она ушла уже прочь... Я рискую умереть отъ тоски, однакожъ нужно немножко умѣрить себя, чтобъ не показать этимъ невиннымъ... (*Вслухъ*). Это ничего не значитъ: дѣвушка имѣла нужду о чемъ-нибудь поговорить... Ступай, ступай въ свою комнату; а объ этомъ и не думай. Тутъ нѣтъ ничего худого.

Пиппетто. Я вамъ сказалъ это, потому что вы любите, чтобъ вамъ говорили все, что дѣлается въ домѣ.

Маркизъ. Хорошо. (*Про себя*). Я чувствую, что задыхаюсь отъ бѣшенства. (*Ему*). Ступай!

Пиппетто (*про себя*). Я думалъ, что это больше его взволнуетъ! Нужно сказать, что онъ говоритъ противъ женщинъ затѣмъ только, чтобы насъ напугать, а въ душѣ,

какъ видно, онъ напротивъ... Это мнѣ даетъ со временемъ надежду, что ему можно будетъ изъяснить любовь мою къ Леонардѣ. (*Ему*). Когда вамъ нужно меня, я буду въ этой комнатѣ. (*Уходитъ*).

Маркизъ (*одинъ*). Возможно ли? Въ теченіе десяти лѣтъ... Но, впрочемъ, я ужъ начиналъ и безъ того имѣть подозрѣнія... Предложенія въ пользу женщинъ... кое-какія модныя правила, которыя онъ мнѣ безпрестанно началъ совѣтовать... Недостойный! Я внѣ себя! Счастье, что я самъ глядѣлъ въ оба за своими сыновьями. Но теперь что мнѣ дѣлать? Если я стану кричать, онъ будетъ отпираться, и невинныя дѣти... Попробовать съ помощью какой-нибудь хитрости узнать, есть ли женщина въ его комнатѣ... (*По нѣкоторомъ молчаніи, громко*). Эй, позвать ко мнѣ донъ Грегоріо!

ЯВЛЕНІЕ X.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Что прикажете?

Маркизъ (*про себя*). А, предатель, ты здѣсь!

Донъ Грегоріо (*про себя*). Теперь я покойнѣе, послѣ того, какъ удалось мнѣ провести ее ко мнѣ, такъ что никто не видѣлъ.

Маркизъ. Синьоръ донъ Грегоріо, я позабылъ попросить у васъ одного одолженія.

Донъ Грегоріо. Приказывайте.

Маркизъ. Я ожидаю на-дняхъ племянника моей сестры, котораго я бы хотѣлъ, желая доставить ему болѣе свободы, помѣстить въ вашихъ комнатахъ. Вы, я полагаю, уступите ему охотно на нѣсколько времени, а васъ я переведу на время въ комнату, что возлѣ меня.

Донъ Грегоріо. Почему нѣтъ? Если только это вамъ удобно, вы имѣете полное право

Маркизъ. Итакъ, я бы хотѣлъ, если вы позволите, на минуточку взойти и посмотрѣть, не нужно ли чего-нибудь поправить.

Донъ Грегоріо (*про себя*). Вотъ тебѣ на! (*Вслухъ*). Любезнѣйшій маркизъ, комната теперь въ безпорядкѣ; еще не убрано ничего.

Маркизъ. Не бѣда. Между нами не нужно комплиментовъ.

Донъ Грегоріо. Вы такъ думаете? Но постель еще не приведена въ порядокъ, платья разбросаны и скомканы, какъ попало, вездѣ на стульяхъ... (*Про себя*). Небо, помоги мнѣ!

Маркизъ (*начиная горячиться*). Это ничего... Я хочу посмотрѣть одинъ, не нужно ли что привести въ порядокъ въ комнатахъ—занавѣсы, мебель...

Донъ Грегоріо (*почти хватая его за руки*). Будьте увѣрены, что такъ, какъ будто новая.

Маркизъ. Нужно будетъ побѣлить каминъ.

Донъ Грегоріо. Я никогда не развожу въ немъ огня.

Маркизъ. Паркетъ?

Донъ Грегоріо. Превосходнѣйшій!

Маркизъ. Окна?

Донъ Грегоріо. Чисты чистѣйшимъ образомъ.

Маркизъ (*про себя*). Нѣтъ никакого сомнѣнія. Развратникъ, ты уличенъ! (*Вслухъ*). Вижу, что вы желаете имѣть особенное удовольствіе принять меня въ убранныхъ комнатахъ. Хорошо, я приду завтра утромъ.

Донъ Грегоріо. Съ охотою. Вы сдѣлаете мнѣ большую честь. (*Про себя*). О, благодареніе небу!

Маркизъ (*про себя*). Ободрись, адская душа! Чрезъ нѣсколько времени увидишь! Женщина не убѣжитъ. Я самъ буду караулить. (*Вслухъ*). Больше ничего не нужно.

Донъ Грегоріо. Итакъ, пусть будетъ такъ.

Маркизъ. Завтра... (*Про себя*). Я весь дрожу.

Донъ Грегоріо (*про себя*). Ухъ, какъ я испугался! (*Вслухъ*). Я вижу, маркизъ, что вы до сихъ поръ еще встревожены, потому что я вамъ говорилъ въ пользу...

Маркизъ. Фи! ничуть. (*Про себя*). Недостойный боится однакожъ!

Донъ Грегоріо. Что касается до синьора Энрико...

Маркизъ. Я васъ прошу, донъ Грегоріо, теперь вы ему ничего не говорите... для этого будетъ время... (*Про себя*). Я опасаюсь, что одно дыханіе его заразитъ эту невинную душу.

Донъ Грегоріо. Но повѣрьте, что...

Маркизъ. Нѣтъ, нѣтъ, донъ Грегоріо, отецъ отвѣчаетъ за дѣтей, но дядька... Невинность можетъ быть заражена одною тѣнью только... Слова... но примѣръ... Если бъ въ эти лѣта, да уже на то... Довольно, Небо, Небо!..

Донъ Грегоріо (*въ изумленіи*). Какъ?

Маркизъ (*удерживая себя*). Извините. Прощайте, донъ Грегоріо...

Донъ Грегоріо. Но...

Маркизъ. Ничего, ничего, прощайте, мой любезный! Вашъ слуга. (*Про себя*). Гнѣвъ измѣнилъ мнѣ. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо (*одинъ*). Есть ли гдѣ на свѣтѣ этакой взбалмошный старикъ?.. Изъ-за одного только слова, которое я сказалъ ему въ пользу женщинъ... Нѣтъ, я вижу, что нѣтъ никакой надежды въ этомъ дѣлѣ — нужно покамѣстъ объ этомъ и мысль отложить! И если бъ онъ захотѣлъ войти со мною въ мою комнату!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Донъ Грегоріо и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Что хотите вы?

Пиппетто. Ничего, ничего! (*Проходя сцену*). Хотѣлъ... но не нужно.

Донъ Грегоріо. Скажите, скажите однакожъ!

Пиппетто. Теперь у васъ есть дѣла... приду послѣ въ вашу комнату.

Донъ Грегоріо. Да говорите здѣсь... Послушайте!

Пиппетто. Безъ комплиментовъ... послѣ, когда вамъ будетъ свободнѣе...

Донъ Грегоріо. Но однакожъ...

Пиппетто. Послѣ, синьоръ донъ Грегоріо, послѣ... (*Въ сторону, спѣша удалиться*). Хорошо, хорошо: онъ смутился; Леонарда будетъ довольна. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо. Я просто съ досады убилъ бы себя. Никогда не привыкши притворяться, мнѣ кажется, что всѣ воображаютъ какой-то секретъ. Этотъ тоже хотѣлъ войти въ мою комнату!.. Нѣтъ, нечего терять времени; какъ только потемнѣетъ, сей же часъ ее вывесть. Нѣтъ никакой надежды устроить это дѣло.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Слуга ваша, донъ Грегоріо. Вы очень заняты?

Донъ Грегоріо. Нужно не дать подозрѣнія. (*Вслухъ*). Нѣтъ, напротивъ...

Леонарда. Къ чему, къ чему это! Безъ церемоніи!

Донъ Грегоріо. Я говорю вамъ...

Леонарда. Со мною вы не имѣете времени говорить.

Донъ Грегоріо. Вы ошибаетесь...

Леонарда. Я это знаю, я это знаю... я старуха.

Донъ Грегоріо. Я никогда...

Леонарда. Но кто напримѣръ молодъ...

Донъ Грегоріо. Что такое вы говорите?

Леонарда. Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

Донъ Грегоріо. Какъ такъ.

Леонарда. А кто дольше пождетъ, тотъ послѣ возьметъ.

Донъ Грегоріо. То есть, Леонарда?..

Леонарда. Ничего.

Донъ Грегоріо (*съ сердцемъ*). Провались ты! (*Про себя*). Даже странно, право: всѣ со всѣхъ сторонъ доѣзжаютъ меня. Дьяволъ! кончится ли это? (*Уходитъ*).

Леонарда. А, попался! Ты наконецъ уничтоженъ! ты уничтоженъ! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо, Энрико и Джильда.

Донъ Грегоріо (*весь въ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ*). Если бъ вы знали, какъ я весь дрожу!.. Провались самъ Вакхъ!

Джильда. Ради Бога, пустите меня, я уйду!

Донъ Грегоріо. Но какъ хотите вы это сдѣлать? Теперь это не возможно?

Джильда. Клянусь, я умру съ тоски. (*Приставляя ухо*). Вонъ онъ! Я слышу, это его голосъ... Бернардинъ мой!

Донъ Грегоріо. Это невозможно, это дѣло воображенія: окна мои обращены совершенно въ противоположную сторону.

Джильда. Да, я слышу плачъ его...

Энрико. Исполните ея просьбу!

Донъ Грегоріо (*съ сердцемъ*). Когда и вы еще съ своей стороны принимаетесь говорить то же, то достойны, чтобъ я вамъ на это отвѣчалъ ріемою. Какъ это сдѣлать, когда дверь залы отперта для всѣхъ, и когда слуги уходятъ и приходятъ безпрестанно! Я уже вамъ сказалъ, что у маркиза этотъ вечеръ, кажется, огонь въ ногахъ: два раза встрѣтилъ я его, какъ онъ всходилъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ, то въ гардеробъ, то въ библіотеку. Кажется, что этотъ вечеръ дьяволъ нашептываетъ ему на уши. Что бы могло произойти, если бъ онъ увидѣлъ выходящую изъ моей комнаты женщину въ этотъ часъ! За кого онъ приметъ ее? Боже, сохрани!

Джильда (*плача*). Итакъ, бѣдное, невинное дитя должно умереть съ голоду? Сынъ мой, Бернардинъ мой, милый Бернардинъ мой, тебѣ отказываютъ въ пищѣ, которую звѣрямъ, даже самымъ презрѣннѣйшимъ твореніямъ природа даетъ въ груди матери.

Энрико. Мое сердце разрывается.

Донъ Грегоріо. Не бойтесь, отъ этого онъ не умретъ. Здѣсь вы безопасны; но, рискуя открыть себя, вы погубите себя, своего мужа...

Джильда (*въ тоскѣ*). Бернардинъ мой, сынъ мой!... Нѣтъ, это не мать твоя, нѣтъ, это не я отказываю тебѣ въ пищѣ! мать твоя терзается больше, чѣмъ ты. О, Боже!... тоска, бѣшенство!... Нѣтъ, я не могу. (*Вырывается*). Пустите! пустите! Происходи, что хочетъ, — я слышу, онъ плачетъ... Пустите меня, или я закричу, я стану кричать.

Донъ Грегоріо. Вы сумасшедшая!

Джильда. И потому пустите меня!

Донъ Грегоріо. Теперь возись съ этой!...

Энрико. Милый донъ Грегоріо!

Джильда. Если только есть у васъ сердце въ груди...

Донъ Грегоріо. Но если...

Джильда. Если бъ вы знали когда-нибудь, что такое любить свое дитя.

Энрико. Милый донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Что долженъ я...

Джильда. Ради этихъ слезъ матери...

Донъ Грегоріо. Но какъ, какъ хотите вы, чтобъ я сдѣлалъ? Будетъ просто гибель.

Энрико (*приближаясь къ Джильдѣ*). Бѣдная Джильда!

Джильда (*въ тоскѣ*). Несчастное невинное твореніе!

Донъ Грегоріо. Я чувствую, разрывается мое сердце... (*Думая*). Здѣсь нѣтъ другого средства... пусть говоритъ, что хочетъ, свѣтъ. Дѣло идетъ о любви матери... о помощи двумъ несчастнымъ...

Джильда. Итакъ...

Энрико. Милый донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Вы ничего не умѣете говорить, какъ только: донъ Грегоріо, донъ Грегоріо!... (*Въ отчаяніи*). Что вы мнѣ надѣлали! Постойте... нужно будетъ... Но вы хотите имѣть своего сына?

Джильда. Да, отъ самаго утра онъ не имѣлъ никакой пищи. Я слышу плачъ его, въ домѣ никого нѣтъ кромѣ Маделены, бѣдной старухи, которая больна. Изъ состраданія, изъ человѣколюбія я прошу у васъ сына...

Донъ Грегоріо (*ударивши себя по лбу*). О Боже, что я принужденъ дѣлать! (*Про себя*). Но какъ же сдѣлать это иначе? какъ? (*Вслухъ*). Первый этажъ?

Джильда. Да.

Донъ Грегоріо. Большая дверь?

Джильда. Да, по лѣвую руку.

Донъ Грегоріо. Дайте мнѣ какой-нибудь знакъ.

Джильда (*снимая поспѣшно съ руки браслетъ*). Возьмите!

Энрико. Вы идете сами развѣ?

Донъ Грегоріо. Имя ребенку Бернардино?

Джильда. Да: милый Бернардинъ мой!

Донъ Грегоріо (*мѣшаясь*). Плащъ и шляпа тамъ внизу. Свѣчи не нужно. Въ случаѣ... Нѣтъ, не зачѣмъ... Да, здѣсь нужно присутствіе духа.

Энрико. Браво! Браво!

Джильда. Вы идете сами?.. О, какъ вы добры! Богъ да благословитъ васъ!

Донъ Грегоріо. О, какой безразсудный поступокъ вы заставляете меня сдѣлать! (*Про себя*). Эта имѣетъ однакожъ что-то такое въ себѣ, что, признаюсь, подвинуло бы меня еще на худшее, чѣмъ сдѣлалъ Энрико. (*Вслухъ*). Теперь иду... Заприте. Не отпирайте, если не назову васъ по имени. Вы останетесь съ ней... Я сію минуту возвращусь... Я не знаю, что говорю... Если маркизъ меня встрѣтитъ, я умру... (*Про себя*). Вотъ тебѣ—дядька сдѣлался нянькою!... Критикуйте, критикуйте вы, важные, любящіе нахмуривать брови!

Я бы желалъ посмотрѣть на васъ въ этакомъ положеніи! (*Вслухъ*). Заприте, заприте! (*Уходитъ*).

Джильда. Энрико мой! Происходи, что хочетъ, но когда я буду имѣть въ рукахъ своихъ сына, снесу съ большею твердостію всякое несчастіе.

Энрико. Теперь, когда донъ Грегоріо, благодаря тебѣ, принялъ въ насъ участіе, я надѣюсь, что все устроится.

Джильда. Ахъ, если когда-нибудь мы достигнемъ того, что будемъ, наконецъ, свободны и покойны, какъ всѣ жены съ своими мужьями, я бы хотѣла, чтобы утро, вечеръ и всегда и еще всегда мы были бы вѣчно одинъ возлѣ другого, разговаривая и бесѣдуя между собою вѣчно.

Энрико. Наконецъ тебѣ бы это надоѣло.

Джильда. Я тебѣ клянусь, что чѣмъ больше тебѣ говорю, тѣмъ болѣе растетъ во мнѣ желаніе говорить тебѣ. И потомъ, когда, кажется, я тебѣ пересказала и переговорила все, какъ только ты удалишься отъ меня, нахожу вѣчно, что позабыла тебѣ сказать еще много кое-какихъ вещей.

Энрико. И сердцамъ, которыя такъ созданы одно для другого, не даютъ жить вмѣстѣ!

Джильда. Но теперь будь покоенъ, скоро все уладится. Мое сердце говоритъ мнѣ это, а сердце мое не обманываетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и маркизъ.

Маркизъ (*стуча въ дверь*). Отвори!

Джильда (*вскрикивая*). Ахъ!

Энрико. Не отворяй: это отецъ мой! Я погибъ.

Маркизъ. Женщина, отвори! не производи шума!

Джильда (*рѣшительно*). Не бойся, Энрико; спрячься и оставь все мнѣ! Или уже твой отецъ знаетъ объ этомъ, или здѣсь есть какая-нибудь двусмысленность; во всякомъ случаѣ, позволь, обработаю это я.

Энрико (*въ отчаяніи*). Я погибъ!

Маркизъ. Чортъ побери, отопри, или я разломаю дверь.

Джильда (*возвышая голосъ*). Синьоръ, кто вы?

Маркизъ. Господинъ дома.

Джильда (*принуждая Энрико спрятаться*). Не бойся, здѣсь я. Ступай, ступай, повинуйся твоей Джильдѣ!

Энрико. Я тебѣ повинуюсь... Смотри, подумай... Я внѣ себя. (*Уходитъ въ дверь*).

Маркизъ (*кричитъ вполголоса*). Отвори, или я сейчасъ же выломаю дверь.

Джильда. Терпѣнья, синьоръ! Размыслите только о томъ, что я не знаю васъ вовсе; однакожъ, при всемъ томъ я хочу показать, что уважаю васъ... Я отопру вамъ дверь, но прошу васъ не употребить во зло моей довѣренности и не нарушить правъ гостепріимства (*отпираетъ*).

Маркизъ (*въ гнѣвѣ*). Безстыдная женщина!

Джильда. Тише, синьоръ! Вы знаете меня?

Маркизъ. Молодая женщина, въ этотъ часъ въ комнатѣ донъ Грегоріо, даетъ очень хорошо знать, кто она: не нужно болѣе никакихъ изъясненій.

Джильда. Это меня изумляетъ, синьоръ! Вы почитаете меня за презрѣнную...

Маркизъ. Увольте меня отъ этихъ словъ! Всѣ женщины вашего разбора обыкновенно говорятъ такимъ образомъ.

Джильда. Какъ? (*Про себя*). Онъ въ заблужденій; тутъ нужна осторожность.

Маркизъ. Прошу васъ знать, что я имѣю двухъ мальчиковъ, двухъ, можно сказать, голубей невинности. Вы видите по глазамъ моимъ и по лицу, какое усиліе я дѣлаю надъ самимъ собою, чтобы не произвести сцены, въ которую бы бросило меня мое негодованіе,—единственно только, чтобы не доставить соблазна дѣтямъ моимъ... Ступайте со мною.

Джильда. Но что вы хотите дѣлать?

Маркизъ. Когда этотъ чудовище донъ Грегоріо возвратится, то онъ не долженъ васъ найти здѣсь. Но я васъ покажу ему потомъ, чтобъ онъ не могъ отпереться.

Джильда. Синьоръ, успокойтесь на минуту, всмотритесь въ лицо мнѣ и разувѣрьтесь: я дочь полковника.

Маркизъ. Кто бы вы ни были, стыдитесь говорить свое имя, ибо, такъ какъ вы уже впали въ безславіе, будучи обольщены...

Джильда. Но...

Маркизъ. Молчите, я не въ силахъ...

Джильда. Но выслушайте!

Маркизъ. Что вы хотите еще говорить? Я очень хорошо знаю свѣтъ... Я знаю все до послѣдняго слова, что вы говорили съ этимъ безнравственнымъ человѣкомъ.

Джильда. Синьоръ...

Маркизъ. Что? извиненья? предлоги? Знаю, извѣстенъ обо всемъ этомъ. Все ложь!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо (*стуча въ дверь*). Джильда, это я! это донъ Грегоріо!

Джильда. Любезный мой...

Маркизъ (*вполголоса*). Молчите, если не хотите, чтобъ я взбѣсился.

Донъ Грегоріо. Отоприте, это я несу все съ собою.

Маркизъ. Удалитесь, говорю вамъ, или я сдѣлаюсь звѣремъ.

Джильда (*про себя*). Не нужно сердить его... (*Вслухъ*). Синьоръ, не отъ страха, но чтобъ показать вамъ мое повиновеніе, я удаляюсь. (*Про себя*). Боже! какая минута должна наконецъ произойти! (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо. Скорѣе, скорѣе!

Маркизъ. Потише, не такъ горячись! (*Отпираетъ проворно дверь и становится такимъ образомъ, чтобъ донъ Грегоріо, вошедши, его не видѣлъ*).

Донъ Грегоріо (*входитъ съ ребенкомъ въ рукахъ подъ плащомъ*). Чортъ возьми! можно ли такъ долго не отворять! Боялся всякую минуту этого стараго сатира маркиза.

Маркизъ (*голосомъ прерывающимся и дрожащимъ отъ гнѣва*). Вотъ онъ—старый сатиръ, здѣсь.

Донъ Грегоріо вскрикиваетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ищетъ, куда бы спрятать ребенка.

Маркизъ. Развратный старичишка! Смотри, въ какое положеніе ты меня привелъ! Смотри: я въ параличѣ отъ гнѣва.

Донъ Грегоріо (*про себя*). А я, если не пораженъ до сихъ поръ апоплексическимъ ударомъ, такъ это просто чудо. (*Не въ состояніи будучи произнести слова*) Синьоръ... мар...кизъ...

Маркизъ. Безстыдный! (*Приближаясь къ нему потихоньку, задыхающимся голосомъ, едва въ состояніи произнести слово*). Въ этотъ часъ молодая женщина... въ моемъ домѣ... гдѣ невинныя... ничего еще не знающія мои дѣти... А, истинный волкъ, приставленный стеречь ягнятъ!...

Донъ Грегоріо (*не въ состояніи произнести одного слова*). Синьоръ... мар...кизъ...

Маркизъ (*приближаясь къ нему все поближе, почти наступая на него и наконецъ замѣтивъ, что тотъ хочетъ что-то скрыть подъ плащомъ*). Что тамъ такое? Что подъ плащомъ?

Донъ Грегоріо. Синьоръ мар...кизъ... совершенно ничего. Это ни сё, ни то... это вздоръ.

Маркизъ (*гнѣвно*). Какъ, ни сё ни то?

Донъ Грегоріо. Это пустякъ. (*Про себя*). Ухъ, я падаю въ обморокъ!

Маркизъ. Покажите, или я потеряю къ вамъ послѣднее уваженіе.

Донъ Грегоріо. Это дѣло мое приватное...

Маркизъ. Нѣтъ, вы отъ меня не закроете... (*Схватываетъ за одинъ конецъ плащъ, открываетъ ребенка*).

Донъ Грегоріо. Ахъ, любезный маркизъ!

Маркизъ (*дрожа*). Что вижу!

Донъ Грегоріо (*минуты двѣ остается неподвижнымъ въ совершенной нерѣшительности, совершенно потерянный, съ открытымъ ребенкомъ, и смотря пристально въ глаза маркизу*). Это, маркизъ, ничего.

Маркизъ. И кто послѣ этого удержитъ меня, чтобъ я не потерялъ разсудка и чтобъ этими моими руками... (*Бросается на донъ Грегоріо*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Джильда.

Джильда (*выхватывая сына изъ рукъ донъ Грегоріо*). Маркизъ, что вы дѣлаете? Это мой сынъ! это ваша кровь!

Маркизъ. Это моя кровь! Ахъ, ты безстыдная!

Джильда. Да, и никто не въ силахъ исторгнуть его изъ рукъ моихъ. (*Про себя, прижимая и цѣлуя ребенка*). Тутъ нужно будетъ дѣйствіе занять изъ романа.

Маркизъ. Безстыдная! моя кровь!

Донъ Грегоріо (*про себя, крякнувъ*). А, будь то, что должно быть! (*Вслухъ*). Да, маркизъ, все открыто. Это ваша кровь!

(*Джильда уходитъ*).

Маркизъ. Какъ, безстыдный!

Донъ Грегоріо. Къ чему послужитъ отрекаться? Маркизъ, бросьтесь въ мои объятья!

Маркизъ (*отталкивая его*). Къ чорту ступай въ объятья!

Донъ Грегоріо (*про себя*). Тутъ нужна каменная грудь... (*Вслухъ*). Выдьте изъ заблужденія и не отнимайте изъ-за одной обманчивой наружности отъ меня того уваженія, которое я заслужилъ отъ васъ въ продолженіе десяти лѣтъ.

Маркизъ. Какъ!

Донъ Грегоріо. Знайте...

Маркизъ. Что?

Донъ Грегоріо (*крякнувъ, про себя*). А, все за однимъ разомъ!... (*Вслухъ*). Эта молодая женщина—жена, а этотъ ребенокъ—сынъ...

Маркизъ. Чей?

Донъ Грегоріо. Энрико, вашего сына.

Маркизъ (*въ бѣшенствѣ*). Ахъ! Измѣна! Точно ли? Правда ли это? Я умерщвленъ... Предатели!.. Недостойные!.. Вы хотите гробъ мнѣ приготовить? Да, вы этого достигли. Да, вы успѣли въ этомъ. (*Въ совершенномъ отчаяніи*).

Донъ Грегоріо (*въ сторону*). Нужно теперь дать ему испариться.

Маркизъ. Сынъ неблагодарный! Но нѣтъ, если ты, точно, въ этомъ преступникъ, ты болѣе не сынъ мой. Но справедливо ли это?

Донъ Грегоріо (*со страхомъ*). Справедливо. (*Про себя.*) Послѣ того, какъ ударъ уже данъ, прилично дать время, чтобы стекла кровь.

Маркизъ. Говорите мнѣ, говорите скорѣе, что лжете, а не то бѣшенство мое перейдетъ всѣ границы! Столько отеческой любви, столько стараній, столько заботъ!.. Варвары, трепещите! Я покажу вамъ, кто я.

Донъ Грегоріо. Испарьтесь немного, маркизъ, испарьтесь, утишитесь, успокойтесь.

Маркизъ. Какъ! еще оскорблять меня, еще оскорбленіе!

Донъ Грегоріо. Нѣтъ, Боже сохрани отъ того! Право, нѣтъ!

Маркизъ. Да, прежде всего я долженъ испарить свой гнѣвъ на тебѣ, который былъ гнуснымъ, безчестнымъ посредникомъ...

Донъ Грегоріо. О! тише, маркизъ!

Маркизъ (*сраженный останавливается*). Я внѣ себя.

Донъ Грегоріо. Донъ Грегоріо не позволитъ наносить себѣ оскорбленій. Вы достойны извиненія, когда ослѣпляетъ васъ гнѣвъ; но не оскорбляйте чести человѣка честнаго,

каковъ я. Только сего утра Энрико, удрученный слезами и горемъ, открылъ мнѣ тайну. Молодая женщина, которую видите, пришла плакать тоже въ то время, какъ вы пришли сюда. Чтобъ избавить и пощадить васъ отъ подобной неожиданности, я скрылъ ее, не имѣя возможности дать ей уйти отсюда, въ моей комнатѣ. Необходимость кормить ребенка заставила меня идти взять его въ то время, когда вы, не знаю изъ какого подозрѣнія, пришли поймать меня. Клянусь всею святостью чести, что до самаго сего утра я ничего не зналъ объ этомъ. И Энрико удалось скрыть свое супружество въ теченіе цѣлаго года, какъ отъ вашихъ глазъ, такъ равномѣрно и отъ моихъ.

Маркизъ. Измѣнникъ! предатель!

Донъ Грегоріо. Все, что вамъ говорю—правда, и я тысячами клятвъ готовъ подтвердить ее. Зло сдѣлано; средства противъ него нѣтъ никакого. Дайте мѣсто разсудку и успокойте себя тѣмъ, что могло бы сдѣлаться хуже. Молодая женщина есть дочь полковника Таллемани, котораго вы знали очень хорошо и котораго званіе не ниже вашего. Если она не богата, то это замѣняютъ ея прекрасныя качества души, дѣлающія ее достойною любви вашего сына и вашего прощенія.

Маркизъ *(въ бѣшенствѣ).* Прощенія! Слушайте, донъ Грегоріо! Я внѣ себя. Я не увижу никогда сына моего!.. Безъ моего согласія... на позоръ мнѣ... Будь она дочь владѣтельнаго принца, короля... Имѣть жену!.. мой сынъ!.. пусть сію же минуту идутъ вонъ изъ моего дома! Пусть скитаются бродягами, умирая отъ голода! И на нихъ, и на дѣтей ихъ моя отческая рука наноситъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Джильда *(съ сыномъ на рукахъ, сопровождаемая Энрикомъ).*

Джильда *(почти въ смѣломъ движеніи неистовства).* Окаменѣй при видѣ пораженной отчаяніемъ, которая, прежде чѣмъ поразятъ слова твои это невинное твореніе, хочетъ разодрать его на части сію же минуту! Смотри!.. *(Дѣлая движеніе убить его.)*

Маркизъ *(въ страхѣ, останавливая ее).* Чшъ! Чшъ!.. Что ты дѣлаешь? Извергъ! развѣ ты не мать?

Джильда *(твердымъ голосомъ)*. А ты что дѣлаешь? развѣ ты не отецъ?

Маркизъ *(остановившись, про себя)*. О, Небо! какой отвѣтъ!

Джильда *(продолжая)*. Вы гоните, грозите, проклинаете— и послѣ всего этого вы отецъ? И развѣ эти молніи проклятій не хуже въ нѣсколько разъ неистовства матери противъ сына въ то время, когда она видитъ, какъ поражаетъ его проклятіе?

Энрико *(тихо)*. Браво, Джильда!

Донъ Грегоріо. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ!

Маркизъ *(про себя)*. О, какое потрясеніе произвела во мнѣ эта неожиданность!

Энрико. Я преступникъ, я заслужилъ всю силу гнѣва вашего, но я требую отъ васъ милосердія.

Джильда. Простите Энрика и поразите наказаніемъ меня: я виновна.

Маркизъ *(про себя)*. Ахъ, я чувствую, что заслуживаю упреки и что я отецъ.

Джильда. Это случилось не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ.

Энрико. Меня принудила честь.

Джильда. Если вы отецъ...

Энрико. Я также отецъ.

Джильда. Любовь насъ побѣдила.

Энрико. Изъ любви я преступникъ.

Маркизъ *(про себя)*. И любовь, и долгъ берутъ верхъ. *(Обращаясь къ донъ Грегоріо.)* Точно ли она дочь Тампіани?

Донъ Грегоріо. Она сама лично.

Маркизъ. Вы точно законные супруги?

Энрико. Точно; въ этомъ вамъ клянусь.

Маркизъ. И васъ благословило небо?

Джильда. Въ этомъ будьте увѣрены.

Маркизъ *(послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности и противоборства съ самимъ собою)*. Хорошо, я васъ прощаю, обнимаю васъ и благословляю васъ, также вмѣстѣ съ тѣмъ и плодъ вашъ.

Донъ Грегоріо. О! браво, маркизъ!

Энрико. Мой дражайшій родитель!

Джильда *(цѣлуя сына)*. Я умираю отъ радости.

Донъ Грегоріо. Дайте сюда это невинное твореніе. Такъ

какъ оно теперь заснуло, то, чтобы какъ-нибудь мы нашею радостію не потревожили, дайте его сюда мнѣ!

Джильда. Ахъ, да, я вамъ ввѣряю его, донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Не сомнѣвайтесь. Я въ этомъ дѣлѣ опытенъ... Положимъ его въ люльку. (*Въ сторону.*) Какъ похожъ на отца! Точно двѣ капли воды. (*Уходитъ и возвращается*).

Маркизъ. Я принесъ моимъ негодованьемъ жертву небу. Голосъ свыше говоритъ мнѣ и упрекаетъ меня въ излишней строгости, онъ же пророчитъ мнѣ счастливую будущность. Не обманите сладкихъ надеждъ моихъ!

Энрико. Нѣтъ, отецъ мой!

Джильда. Не бойтесь! Не думайте также, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ хотѣла убить Бернардино моего. Нѣтъ, я это сдѣлала только для того, чтобъ потрясти и испугать васъ.

Маркизъ. Понимаю. Послѣ вы мнѣ должны разсказать, какъ вы могли...

Джильда. Да, послѣ, когда вы успокоитесь совершенно.

Энрико. Все это знаетъ донъ Грегоріо.

ЯВЛЕНІЕ VI и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же, Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ отецъ, мы слышали все. И такъ какъ уже вы начали, то и продолжайте. Сдѣлайте также счастливыми навсегда эти двѣ любящія другъ друга души.

Маркизъ. Что ты несешь за чертовщину? Я ничего не понимаю.

Донъ Грегоріо. Вотъ тебѣ разъ! Провалъ возьми!

Пиппетто. Любовь глубоко просверлила мое сердце.

Маркизъ. Дуракъ! Что ты такое вообразилъ себѣ? Что ты задумалъ? (*Приходитъ въ гнѣвъ*).

Пиппетто. Соедините наши руки такъ же, какъ нѣжно соединены наши сердца.

Маркизъ (*про себя*). Во снѣ ли я, или просто въ бреду? (*Вслухъ.*) Ты говоришь серьезно?

Джильда. Могъ ли ты это думать, Энрико?

Энрико (*Джильдѣ*). Конечно, потому что Леонарда всегда водила его за носъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Синьоръ маркизъ, я просто превратился въ камень.

Пиппетто. Итакъ... (*Тихо Леонардѣ.*) Скажи теперь ты что-нибудь такое, какъ говорила эта. (*Указываетъ на Джильду*).

Маркизъ. Ты смѣешься что ли надо мною? (*Обращаясь къ Леонардѣ.*) А ты, въ твои лѣта, глупая женщина! ты хочешь развѣ испытать мое терпѣніе?

Леонарда (*про себя*). Дѣло пошло плохо. По необходимости нужно теперь сыграть роль добродѣтельной. (*Вслухъ.*) Синьоръ, и вы могли думать, что я все это говорила серьезно? Я обманывала нарочно этого мальчика, представляя, будто сохраняю къ нему любовныя ощущенія, единственно на тотъ конецъ, чтобы онъ не искалъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ совратиться съ пути добродѣтели, а по правдѣ я даже и во снѣ не думала о немъ.

Пиппетто. Невѣрная! измѣнница! Итакъ, ты меня обманула? Итакъ, были ложны твои клятвы, притворны твои слезы? Любовники, любовники! Если эти прекрасныя уста лгали, какія же послѣ этого могутъ говорить правду?

Маркизъ (*вскрикивая на него*). Перестань! Замолчи, дуракъ!

Пиппетто. Да, отецъ мой! Небо наказываетъ меня за то, что я не слушалъ вашихъ наставленій. Повѣрьте мнѣ, что разлученіе съ этимъ сердцемъ стоитъ мнѣ горькихъ слезъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо! и этого вы также не могли предвидѣть?

Донъ Грегоріо. Но кто бы могъ предполагать, маркизъ, чтобы женщина въ эти лѣта...

Леонарда (*съ сердцемъ*). Прошу не оскорблять меня, донъ Грегоріо.

Маркизъ. Ты ступай прочь и приготовься-ка отдать отчетъ въ твоемъ поведеніи; если только въ самомъ дѣлѣ въ немъ есть какой-нибудь соблазнъ, и ты, пользуясь слабоуміемъ этого мальчишки...

Леонарда. Что касается до меня, то вы убѣдитесь, что я чиста, какъ кристаллъ. Я повинуюсь вамъ, но не могу удержаться, чтобъ не сказать, что донъ Грегоріо есть настоящая причина моей гибели и что ревность его виною, что со мною поступаютъ такимъ образомъ. (*Уходитъ.*)

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. И вы еще слушаете ее, маркизъ?

Маркизъ. Вы правы. Она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Изъ всего этого, что случилось, я вижу, что излишняя строгость и смотрѣніе не суть еще средства къ хорошему воспитанію дѣтей.

Донъ Грегоріо. И вы потомъ согласитесь со мною, что воспитаніе молодыхъ людей должно образоваться силою кротости, совѣтовъ, примѣра, и показывая имъ свѣтъ осторожно, съ благоразуміемъ, въ его настоящемъ видѣ, чуждомъ фанатизма его жаркихъ защитниковъ, такъ же, какъ и ложнаго о немъ понятія людей предубѣжденныхъ...

Маркизъ. Правда. Пиппетто, между тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней отправится путешествовать и узнать немного людей.

Пиппетто. И скрыться изъ вида этой неблагодарной! (*Про себя.*) Кажется, даже невозможно: подъ этакою наружностію и такая лживая душа.

Маркизъ. Вы, донъ Грегоріо, будете сопровождать его, и пусть случившееся сдѣлаетъ васъ болѣе проницательнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Донъ Грегоріо. Я этимъ воспользуюсь. Никогда не позволю молодымъ неопытнымъ людямъ находиться возлѣ пожилыхъ женщинъ, хотя бы даже онѣ были старѣе дьявола.

Маркизъ. Вы, дѣти мои, останетесь со мною. Любите меня и любите другъ друга.

Энрико. Это мы сдѣлаемъ отъ всѣхъ сердецъ нашихъ.

Джильда. Отъ всей души.

Маркизъ. Я этого надѣюсь. И вотъ вдругъ и разомъ избавился я отъ долговременнаго заблужденія.

Энрико. А сынъ вашъ отъ страха.

Джильда. А жена его отъ горестей.

Донъ Грегоріо. А бѣдный дядька отъ своего затруднительнаго положенія.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

I.

Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.

Учебная книга словесности. Составлена, вѣроятно, въ промежутокъ между 1844 и 1846 гг.; впервые напечатана въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Первоначальная редакція второго тома «Мертвыхъ Душъ». См. примѣчанія редактора къ первому тому.

Страницы, передѣланныя по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» — относятся ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ и напечатаны впервые въ седьмомъ томѣ десятаго изданія.

Вновь найденныя страницы второго тома «Мертвыхъ Душъ». Этотъ отрывокъ представляетъ собою одинъ изъ варіантовъ къ самому окончанію второго тома—главѣ, гдѣ является генералъ-губернаторъ, и долженъ быть отнесенъ ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ; первоначально напечатанъ въ седьмомъ томѣ десятаго изданія.

Размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ «Мертвыхъ Душъ». Относится къ тому же времени, какъ и предыдущій отрывокъ, и напечатанъ впервые тамъ же.

1846 годъ. Написано наканунѣ 1846 года.

О сословіяхъ въ государствѣ. Эта статья относится, вѣроятно, ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ; впервые напечатана въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря — написано не ранѣе 1847 года и впервые напечатано въ «Сборникѣ Любителей Россійской Словесности» за 1891 годъ.

Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ. Время написанія неизвѣстно; впервые напечатаны въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Помѣщики. Этотъ отрывокъ относится ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ; впервые напечатанъ въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Трудъ. См. предыдущее примѣчаніе.

Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины — впервые были напечатаны въ журналѣ «Царь-Колоколъ», 1892, III.

II.

Приложенія.

Сганарель. Эта комедія Мольера переведена подъ редакціей Гоголя въ 1839 году, на сцену поставлена въ началѣ 1840 года; впервые напечатана въ журналѣ «Царь-Колоколъ» (1892, III).

Дядька въ затруднительномъ положеніи. Пьеса эта, принадлежащая Джіованни Жиро, переведена съ итальянскаго подъ редакціей Гоголя въ началѣ августа 1840 г.; впервые напечатана въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института» (томъ VII).

Оглавленіе

ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.

стр.

Учебная книга словесности 5
Первоначальная редакція второго тома «Мертвыхъ Душъ» . . 27
Страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» 164
Вновь найденныя страницы изъ второй части «Мертвыхъ Душъ». 174
Отрывокъ, касающійся второй части «Мертвыхъ Душъ» . . . 179
Размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» 180
1846-ой годъ 181
О сословіяхъ въ государствѣ 182
Объявленіе объ изданіи русскаго словаря 187
Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ 188
Помѣщики 189
Трудъ 190
Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины 191

II. Приложенія.

Сганарель 195
Дядька въ затруднительномъ положеніи 213
Примѣчанія редактора 258

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

7 Jan'54 EL

17Jun'54BMQ

JUN 16 1954 LU

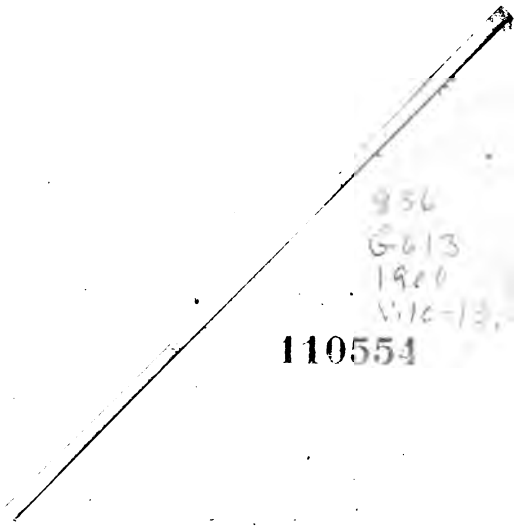
Due end of FALL Quarter
subject to recall after — OCT 27 '72

REC'D LD JAN 8 '73-5 PM 8 0

LD 21-100m-7,'52(A2528s16)476

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C043044827



936
G613
1900
v.1c-13

110554

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

7 Jan'54EL

17Jun'54BMQ

JUN 16 1954 LU

Due end of FALL Quarter
subject to recall after — OCT 27 '72

REC'D LD JAN 8 '73-5 PM 8 0

LD 21-100m-7,'52(A2528s16)476

YC 71859

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C043044827

936
G613
1900
v.10-12

110554